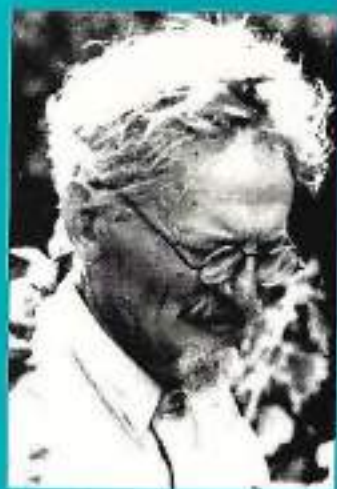

Пролетарии всех
стран, соединяйтесь!

Бюллетень Четвертого Интернационала

Опубликован Международным
Комитетом Четвертого
Интернационала

№ 7, декабрь 1993

Цена \$ 15.00

© 1993 by Labor Publications, Inc.
All rights reserved

Published by Labor Publications, Inc.
P.O. Box 706
Southfield, Michigan 48037

Printed in the United States of America

ISSN 1055-2650

Содержание:

От редакции	3
70-летие основания Левой оппозиции	3
Все во имя «демократии»	9
Ельцин устанавливает полицейскую власть в России	9
12-й пленум Международного Комитета	
После кончины СССР. — Борьба за марксизм и задачи Четвертого Интернационала	17
Сталинизм и история	
Выставка архивов КГБ в Вашингтоне	32
Сталинисты убили марксизм	35
Франкфуртская конференция против расизма и опасности войны	
Вступительное слово: Петер Шварц	37
Приветственное слово: Дэвид Норт	48
Дискуссия	52
Улли Рипперт: Нет силы могущее исторической правды	52
Сергей К., студент с Украины	54
Резолюция конференции	55
О работе Четвертого Интернационала	
Социалистический кандидат обьезжает Шри Ланку	59
Четвертый Интернационал помогает жертвам Чернобыля	68
Спартакисты клеветают на кампанию помощи советским рабочим	75
Международный Комитет Рабочей Защиты	
Федеральный суд ложно осуждает Котру	78
«Рабочие у распутья» — Конференция Рабочей Лиги в Детройте	
Вводный доклад: Капитал, рабочие и национальное государство	83
Документы и заявления	
Сомали: Возвращение к колониализму	92
Трагедия Югославии и кризис пролетарского руководства	97

От редакции

70-летие основания Лево́й оппозиции

В октябре 1993 года исполнилась 70-я годовщина организации Лево́й оппозиции. Неотложное современное значение борьбы, начатой Львом Троцким в 1923 году против растущей бюрократизации внутри РКП(б) и национального оппортунизма Сталина подтверждаются опытом недавних потрясающих политических событий в бывшем СССР.

В течение всего нескольких лет мы проследили появление Горбачева и перестройки, поражение Горбачева и приход Ельцина к власти, ликвидацию Советского Союза и консолидацию полицейского государства, занятого проведением реставрации капиталистического строя в бывшем СССР.

Накануне этой исторической годовщины произошли события «кровавого понедельника» — 4 октября 1993 года. Штурмом Белого Дома и волюнтаристический режим Ельцина и его империалистические покровители раз и навсегда разрушили старый миф, будто реставрация капитализма в бывшем Советском Союзе связана с крестовым походом за политическую демократию.

Наоборот, программа капиталистической реставрации и открытый грабеж российского хозяйства мультинациональными банками и корпорациями требуют жесткой диктатуры, подчиненной империализму.

Режим Ельцина готовится применить свою диктатуру для резкого усиления нападков на трудящихся России и всего бывшего Союза ССР. Ясно видимые по всей стране социальные страдания являются лишь началом.

Государственный Комитет по Управлению Имуществом заявил, что одна треть промышленности уже приватизирована. Госкомимущества опубликовал планы быстрого ускорения распродажи бывшего советского хозяйства сразу после выборов 12 декабря.

Ускоренная продажа с молотка промышленной базы, построенной Советским Союзом неминуемо приведет к массовому расширению безработицы и соответствующему падению жизненного уровня трудящихся бывшего СССР.

Режим Ельцина пытается продать иностранным капиталистам как можно больше потенциально прибыльных предприятий. На встрече американских инвесторов 1 декабря, первый заместитель премьер-министра Олег Сосковец пообещал, что среди первых актов правительства после выборов будет создание зон свободного предпринимательства, приглашая иностранный капитал взять под свой контроль ключевые области российского хозяйства и получать сверхприбыли за счет эксплуатации квалифицированных рабочих, которым можно платить лишь 70 или 80 долларов в месяц. Он также заявил, что правительство отменит все «необоснованные ограничения на деятельность иностранных компаний в России».

Эти мероприятия вызовут неминуемое сопротивление. Одно из указаний на такое сопротивление, — это лихорадочная поездка Егора Гайдара по горнодобывающим районам Воркуты и Кузбасса с попыткой разубедить шахтеров от проведения массовых стачек накануне выборов, обещая им давно не выплаченные зарплаты.

Диктатура Ельцина покоится на тончайшем узком слое мафиозных бизнесменов и на остатках военно-полицейского аппарата бывшего сталинистского режима. Этой диктатуре еще предстоит открыто победить советских рабочих. Его режим слаб и политически изолирован; он удерживается у власти посредством помощи империалистов и из-за

Переписка с Челябинским бюро Четвертого Интернационала

Письмо Волкова к Норту — 15. VI. 92.....	102
Политическая декларация.....	102
Письмо Норты к Волкову — 02. VII. 92.....	107
Письмо Норты к Волкову — 25. X. 1992 г.....	109
Письмо Волкова к Норту — 20. XI. 92.....	112
Письмо Норты к Волкову — 17. XII. 1992 г.....	118
Письмо Норты к Волкову — 24. V. 93.....	125

Открытое письмо приверженца Четвертого Интернационала к Саймону Пирани — 16. III. 1993.....128

Провокация Клиффа Слотера

Лидер WRP Клифф Слотер нападает на британских троцкистов.....	134
Письмо Петера Шварца Центральному Комитету Рабочей Революционной партии.....	137

Из архива Льва Троцкого: статьи о фашизме в Германии

Трагедия немецкого пролетариата.....	141
Германия и СССР.....	147
Гитлер и Красная армия.....	149

Перманентная революция и национальный вопрос сегодня.

Лекция в память Кирти Баласурия.....	153
--------------------------------------	-----

История

500-летняя годовщина открытия Америки.....	173
--	-----

Некролог

Грейс Карлсон: ведущая американская троцкистка 30-х и 40-х годов.....	179
---	-----

Книжное обозрение

Волкогоновский Троцкий.....	189
-----------------------------	-----

Отдел писем

Переписка с членом «Лево́й платформы» в Киеве.....	211
Переписка с харьковским сторонником.....	216
Переписка со студентом из Киева.....	229
Письмо украинскому журналисту.....	231
Письмо московскому архивисту.....	233

политической дезориентированности советского пролетариата в результате жестокой истории сталинизма.

Пока широкие слои рабочих равняют сталинизм с марксизмом и видят крушение СССР как провал всей социалистической перспективы, российский пролетариат не может вмешаться в развертывающийся кризис как сознательный революционный борющийся.

Утверждение, что жалкая кончина московской бюрократии означает смерть социализма опровержена глубоким кризисом в который ввергнута вся мировая система капитализма. Все экономические и социальные противоречия, которые привели к Октябрьской революции, существуют в еще более резкой форме и сегодня, в том числе и в самой стране Октября.

Но развитие этого объективного кризиса не может само по себе разрешить задачу восстановления социалистического сознания в рабочем классе. Эта задача требует вмешательства марксистской партии, которая борется за усвоение великих исторических уроков, полученных в течение прошедшего столетия.

История свидетельствует о существовании альтернативы сталинизму, его преступлениям и тому конечному поражению, к которому эти преступления привели. Эту альтернативу на основе марксизма выдвигал Лев Троцкий — человек, который вместе с самим Лениным сыграл величайшую роль в руководстве Октябрьской революции и защите советской республики во время Гражданской войны. Эта альтернатива нашла свое выражение в программе, получившей страстную поддержку большинства героев революции, людей, которые в конечном итоге пожертвовали своей жизнью в борьбе против сталинистской бюрократии.

8 октября 1923 года Троцкий начал эту борьбу письмом, адресованным членам ЦК и ЦКК РКП(б). С прямотой, поразившей адресатов письма, Троцкий заявил, что партия уничтожается в процессе бюрократизации, концентрирующей огромную власть в руках аппарата, систематически подавляющего внутреннюю демократию. Он предупреждал, что партия, ослабленная плохим политическим режимом, теряет способность справиться с нарастающим хозяйственным кризисом, угрожающим сохранению советского государства. Словами, предвидение которых стало полностью ясным лишь теперь, после крушения Советского Союза, Троцкий заявил: «Партия входит в самую может быть ответственную эпоху своей истории с тяжелым грузом ошибок своих руководящих органов».

Это письмо имело эффект разорвавшейся бомбы. Те руководители, методы которых оказались подвергнутыми резкой критике, — овладевший Политбюро беспринципный «триумвират» Зиновьева, Каменева и Сталина, — расценили это письмо как объявление войны. Но многие другие, и среди них — выдающиеся марксистские лидеры периода революции и Гражданской войны, увидели в письме вдохновение. Критика Троцкого по адресу бюрократизации партии и государства, его глубокий анализ ошибок руководства в хозяйственной политике, сконцентрировали недовольство, широко распространившееся внутри партии.

Неделю спустя 15 октября в Политбюро был передан документ, ставший известным как «Платформа 46-ти». Опираясь на письмо Троцкого, «Платформа» призывала к возрождению партийной демократии, к восстановлению политических условий, необходимых для преодоления тяжелых проблем, угрожающих Советскому Союзу. Публикация «Платформы», подписанной такими известными лицами как Е. Преображенский, Ю. Пятаков, Л. Серебряков, Н. Мурахов, В. Смирнов, И. Богуславский, Л. Сосновский и А. Воронский означала начало политической деятельности Левой оппозиции.

Появление Левой оппозиции явилось кульминационным пунктом года крайнего напряжения внутри Российской Коммунистической Партии большевиков. Общее настроение дурных предчувствий и неуверенности было усилено болезнью Ленина, политическая жизнь которого 9 марта 1923 года была резко оборвана инсультом. Но РКП(б) находилась в состоянии кризиса даже и до того как болезнь прервала политическую деятельность Ленина. Наоборот, Ленин получал удар, когда он уже пришел к выводу, что выживание РКП(б) зависит от непримиримой борьбы против бюрократии в государственном и партийном аппаратах.

Кризис коренился в фундаментальной проблеме Российской революции. Под руководством большевиков российский пролетариат пришел к власти в одном из самых отсталых европейских капиталистических государств. Создание современной советской промышленности, не говоря даже о ее развитии в социалистическом направлении, зависело от судьбы пролетарской революции в Западной Европе. Большевики надеялись, что их победа в России вскоре вызовет другие социалистические революции. Но отсутствие в Европе партий подобных партии большевиков предоставило буржуазии передышку, необходимую для восстановления капиталистической системы после Первой Мировой войны.

Жестокость Гражданской войны, последовавшей за революцией — войны удлинённой в результате прямой интервенции империалистов на стороне контрреволюции — растерзала хозяйство молодой советской республики. Попытки восстановить промышленность посредством продразверстки и милитаризации рабочей силы (военный коммунизм) привели к отчаянному сопротивлению крестьянства. Опасаясь шаткости большевистского режима в условиях возможной полной потери поддержки рабочего правительства со стороны крестьянских масс, Ленин предложил временное отступление. Новая Экономическая Политика, принятая в марте 1921 года позволила крестьянам продавать свои продукты на рынке. Уменьшение ограничений на капиталистическое предпринимательство привело к немедленному хозяйственному возрождению. Была восстановлена связь между городами и деревней. Но несмотря на явные изменения к лучшему, марксисты заметили новые опасности.

Во-первых, в области хозяйства возрождение больше всего помогло сельскому хозяйству и крестьянству. Рост промышленности, от которой в конечном итоге зависела судьба Советского Союза, оставался весьма замедленным. Троцкий блестяще продемонстрировал, что неспособность подтолкнуть развитие промышленности в рамках НЭПа неминуемо приведет к резкому кризису. Хотя цены на сельскохозяйственные товары продолжали падать, промышленные товары быстро дорожали. В своем докладе на XII съезде партии в апреле 1923 года он графически продемонстрировал это расходящееся движение таблицей, на которой линии цен на промтовары и на продукты питания напоминали открытые ножницы. По мере того как товары двух основных областей советского хозяйства двигались в противоположных направлениях, «ножницы» раздвигались; это «раздвижение ножниц» обнажало угрозу, содержащуюся в НЭПе: если условия торговли между сельским хозяйством и промышленностью продолжат ухудшаться, опасность экономического раскола между деревней и городом, и политического раскола между пролетариатом и крестьянством будут расти.

Чтобы понизить цены промтоваров Троцкий предложил политику хозяйственного планирования, чтобы советское государство организовало производство и эффективное распределение ресурсов. Это также означало, что нужно возложить на сельскохозяйственный сектор большую тяжесть

налогов, чтобы направить побольше ресурсов в сторону промышленных инвестиций.

Хотя на XII съезде не нашлось противников блестящего анализа, предложенного Троцким, он все же раздражал те элементы в руководстве, которые приспособились к условиям НЭПа.

Это приспособление было связано с изменениями в составе партии, происшедшими из-за огромного урона, понесенного партией и советским рабочим классом во время Гражданской войны. Многие из выживших партийцев были привлечены в административный аппарат, где работа, с одной стороны отрезала их от пролетариата, а с другой, предоставляла им новые привилегии. И хотя эти привилегии были довольно скромными, они все же имели огромное значение в обедневшей стране, где даже кусок колбасы казался богатством.

Добавочным фактором, подрывающим революционный элан большевизма являлся приток в партию элементов из старых дореволюционных средних классов. Иронически прозванные «красными директорами», они становились все более активными не только в управлении хозяйством, но и внутри партии. Одним из таких был Андрей Вышинский, до 1917 года бывший дельцом в нефтепромышленности, а во время Гражданской войны занимавшийся делопроизводством в одной из канцелярий администрации адмирала Колчака. Войдя во время НЭПа в партию, он в будущем стал главным сталинским прокурором во время трех известных Московских Процессов 1936—38 гг.

С первых дней НЭПа Ленин остро чувствовал отрицательные последствия отступления, которое было навязано большевикам неблагоприятными условиями. Но в конце 1922 года, немного оправившись после первого удара, Ленин начал волноваться по поводу признаков политического извращения в ключевых областях партии и государства.

Он узнал, что во время его болезни в октябре 1922 г., по предложению Бухарина и с поддержкой Сталина Политбюро согласилось разрешить ослабление государственной монополии на внешнюю торговлю. Ленин сознавал опасность этого решения по отношению к слабой советской экономике и обвинил авторов решения в приспособлении к влиянию изманных, то есть играющих все более видную роль мелкобуржуазных торговцев.

С поддержкой Троцкого Ленин смог восстановить монополию. Но спустя несколько недель возник более серьезный кризис: грубые методы Сталина и его приспешника Орджоникидзе, пытавшихся насильно заставить руководителей Грузии войти в новый Союз Советских Социалистических Республик. В попытке Сталина запугать представителей нерусской национальности Ленин увидел жестокое и ненавистное лицо великорусского шовинистического держиморды.

Хотя здоровье Ленина резко ухудшилось, грузинский инцидент вынудил его начать далеко идущую переоценку государства и партии. Последние недели политической жизни Ленина были посвящены диктовке серии поразительных заметок, содержащих откровенную оценку ведущих руководителей партии и предложений противодействовать бюрократическому альянсу. Наиболее поразительный аспект ленинских заметок заключался в характеристике Сталина как прямого представителя бюрократического извращения, угрожающего партии. Вдобавок к политическому завещанию, которое Ленин написал 4 января 1923 г. он заявлял, что «Сталин слишком груб» и порекомендовал сместить его с поста генерального секретаря.

Готовясь к борьбе со Сталиным на предстоящем съезде партии, Ленин, как и во время борьбы вокруг вопроса о монополии внешней торговли,

обратился за помощью к Троцкому. 5 марта 1923 г. он написал Троцкому: «Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела». В тот же самый день, узнав что его жена Крупская подверглась грубому оскорблению со стороны Сталина, Ленин написал последнему злое письмо, порывая между ними все личные отношения. Но это оказалось последним политическим актом Ленина. Его здоровье пошло резко вниз, а 9 марта он получил удар, отнявший у него способность говорить и писать.

С устраниением Ленина с политической арены, Зиновьев, Каменев и Сталин занялись подрывом огромного влияния и престижа Троцкого. Сталин использовал для этой цели свой могущественный контроль над партийным аппаратом. Возможность назначать людей на ответственные посты в партийном и государственном аппарате стала его наиболее действенным оружием. Это назначение свело на нет внутрипартийную демократию; ведь назначенные сверху секретари были совершенно независимы от низовых членов организации. В конечном итоге, их сила зависела не от их морально-политического отношения к передовым слоям рабочего класса, а от согласия Сталина.

В надежде что Ленин возвратится к политической деятельности, Троцкий в течение нескольких месяцев воздерживался от прямой атаки на этот триумф. Но два фактора убедили его к осени 1923 года, что пришло время высказаться. Во-первых, хозяйственное положение, как он и предсказал на XII съезде, продолжало ухудшаться. Во-вторых, углубляющийся кризис в Германии, где революция встала на порядок дня, угрожал возможностью резкого изменения международной конъюнктуры. Троцкий начал борьбу за Левую оппозицию именно в контексте этих развитий.

Кризис в Германии открывал огромные революционные возможности, но он развивался на фоне углубляющегося кризиса внутри руководства Российской Коммунистической Партии. В условиях, что руководство РКП(б) находилось под влиянием фракционных махинаций Сталина, Зиновьева и Каменева против Троцкого, оно не могло дать эффективную поддержку германской компартии.

Вышедшее из этого поражение германской революции внесло еще более широкую деморализацию в ряды РКП(б) и российского пролетариата; казалось, что в течение долгого времени советское государство останется изолированным.

В этих объективных условиях Бухарин выдвинул теорию «социализма в одной стране», утверждавшую, что социализм можно построить в изолированной России.

Сталин, в апреле 1924 года писавший, что построение социализма зависит от мировой революции, к октябрю того же года отверг эту интернационалистическую перспективу и поддержал антимарксистскую доктрину «социализма в одной стране».

Эта «теория» получила поддержку внутри РКП(б) именно потому что она пыталась примирить Октябрьскую революцию с национальными интересами бюрократии. Для растущей социальной прослойки бюрократов она означала: «Не все для революции, что-то и для меня тоже».

Это привело к драматической ревизии задач Коммунистического Интернационала: из партии социалистической революции он превратился во вспомогательное орудие защиты СССР посредством политического давления. Теория социализма в одной стране быстро привела к подчинению Коминтерна интересам советской внешней политики. Катастрофические последствия этой политики стали ясно видны на поражении борьбы рабочего класса в Великобритании в 1926 и в Китае в 1927 году. А каждое

новое поражение пролетариата в свою очередь усилило влияние бюрократии.

И хотя Советский Союз смог просуществовать в изоляции гораздо дольше, чем ожидали Ленин и Троцкий, он перенес ужасное перерождение. К 1930-м годам он больше не был похож на революционное государство, созданное большевиками в 1917 году.

Бесчисленные тысячи руководителей революции были убиты. В конечном итоге СССР был превращен в оплот мировой реакции; а это, в свою очередь, привело мировой пролетариат к ужасным бедствиям.

Предательство, начатое сталинистской бюрократией в 20-е годы в ее разгром Левой оппозиции в конце концов привели к крушению Советского Союза и к хозяйственной и социальной катастрофе, стоящей сейчас перед рабочим классом России и всего бывшего СССР. Полицейский режим Бориса Ельцина является конечным продуктом политики, согласно которой бюрократия следовала в своей борьбе против Троцкого, начиная с 1923 года.

Чтобы смотреть этому кризису в лицо, рабочий класс должен быть вооружен пониманием борьбы Левой оппозиции против предательства марксизма со стороны сталинистской бюрократии. Это означает не пустые рассуждения о том, что могло бы быть, а объяснение, что Троцкий и большинство большевистских руководителей Октябрьской революции боролись за марксистскую альтернативу.

Крушение Советского Союза демонстрирует поражение не марксизма, а его противоположности — сталинизма. Мы все еще живем в эпоху развития человечества, открытую Октябрем 1917 года.

В предстоящих взрывчатых социальных сражениях Четвертый Интернационал должен сыграть решающую роль перевооружения советского и международного рабочего класса программой социалистического интернационализма. Он — единственная партия, которая может встать перед рабочим классом и открыто показать всю свою историю. Лишь Четвертый Интернационал может сказать пролетариату: «Вот 70 лет нашей борьбы». Эта история послужит надежным основанием для предстоящей борьбы и перспективы победы.

Все во имя «демократии»

Ельцин устанавливает полицейскую власть в России.

Редколлегия «Биолетения»

Четвертого октября в Москве огонь уничтожил не только Белый Дом. Артиллерийские снаряды, среди белых дымов сокрушившие парламентское здание в центре города, еще гораздо более основательно и бесповоротно уничтожили реакционный политический миф, который американская и международная буржуазия культивировала в течение десятилетий: миф, что реставрация капитализма в Советском Союзе в то же самое время представляет собой триумф либеральной политической демократии.

В течение большей части XX-го века всемирный капитализм оправдывал свою непрестанную борьбу с Советским Союзом тем, что она якобы является сниженной борьбой за демократию. Но, имея за спиной недвусмысленную поддержку Соединенных Штатов Борис Ельцин на глазах телевизионной публики всего мира начал с кровавого нападения на здание парламента, и закончил сотнями трупов и восстановлением полицейского государства в России.

Сама манера, с которой капиталистическая пресса освещала события 4 октября характерна элементами сюрреализма. Телевизионные сцены напоминали путч Пиночета в Чили в 1973 году; мир видел жестокое и явное уничтожение демократических свобод. Но в то время, как компания CNN передавала сцену танков, в упор стреляющих в Белый Дом, дикторы описывали эти залпы как победу «демократии». Не было даже сделано попытки как-то согласовать эти комментарии с видом танков, стреляющих по зданию, защитники которого были совершенно неготовы к такому артиллерийскому обстрелу.

Детальные описания этого нападения несомненно показывают, что кровавая схватка в этот понедельник была гротескно неравной. Согласно лондонской газете *"Financial Times"*, «Было ясно, что начиная с полудня со стороны Белого Дома почти не было оказано сопротивления». А когда после часов систематического обстрела люди, находившиеся в здании, наконец сдались, репортер этой же газеты описал сцену «бойни, убожества и ужасного уничтожения. Пули и снаряды побили стены, обрушили потолки и превратили двери в щепки... Едкий дым висел в низких коридорах, которые местами были черными от гари. Люди шатались в состоянии шока, бродя в лужах воды и крови».

Но большинство сообщений не обращает внимания на эти жуткие факты. В прессе воцарилась Большая Ложь: факты поставлены с ног на голову. День превращен в ночь, ночь — в день.

Средства массовой информации не пропускают ни одного несогласного голоса. Буржуазная демократия дошла до такой степени гниль, что в эфире не находится места для свежего голоса, который разоблачил бы шимпанзе ложь Ельцина и его вашигтонских покровителей.

В чем же состоит основное значение событий «Кровавого Понедельника»? Крутые меры в Москве отмечают конец периода, когда реставрация капитализма в России могла проходить под ширмой демократии.

Сотни людей были убиты и более тысячи остались ранены в ходе борьбы за Белый Дом, местопребывание упраздненного парламента страны. Политические противники Ельцина сидят в тюрьме. Согласно первоначальным сообщениям более полутора тысяч человек были арестованы и посажены в дома заключения, включая даже стадион. Многие из арестованных вовсе не обвинены в какой-либо роли в уличных беспорядках. Их арестовали лишь за то, что они являются противниками хозяйственных и социальных мер ельцинского режима.

Один из этих последних — Борис Кагарлицкий, член Моссовета и в прошлом левый демократический противник сталинистской бюрократии. Он описал меры, которые применяются к арестованным: «Нас посадили в две разные камеры и продержали там 25 часов. Всего я не помню, потому что там был полный бардак, но нас жестоко избивали. Меня особо сильно не били, но водитель нашей машины был серьезно избит, чтобы вынудить его признаться... было ужасно; сначала его били, чтобы он подписал одно признание, потом его били, чтобы он подписал совершенно другое.

«На нас надели наручники и избивали нас автоматами, чтобы мы подписали признание вины. Глаза нам не завязали, но повернули лицом к стене, а если мы оборачивались, нас снова били».

Кагарлицкий сообщил, что как минимум еще двое членов Моссовета остались в этом доме заключения, вместе с многими демонстрантами и просто прохожими, которые попались в облаву. «Я был диссидентом при Брежнев и просидел 13 месяцев тогда. Но меня никогда так не избивали» — сказал он.

Ельцин запретил оппозиционные партии, закрыл газеты, прикрыл телевизионные программы, критикующие его режим, и упразднил муниципальные и местные самоуправления, включая городскую и районные советы города Москвы. Все средства массовой информации были вновь поставлены в условия цензуры.

После падения парламента добавочные войска были направлены в город для поддержания комендантского часа. Режим объявил о своем намерении выселить всех тех, кто не имеет городской прописки, объявляя этим фактом возрождение ненавистной системы внутренних паспортов. Жителей города убеждают доносить о своих непрописанных соседях. В городе сейчас живет примерно два миллиона людей без прописки.

Буржуазия и демократия

Классово сознательные рабочие всего мира должны понять политический урок московских событий. Буржуазия заинтересована не в демократии, а в собственности, в прибыли, в контроле над рынками. В этих целях она готова применять любые меры насилия и диктатуры. Один орган печати этого, по крайней мере, не скрывает. В редакционной статье, названной «Последний аргумент», авторитетный голос английского правящего класса, газета *"Financial Times"*, заявила 5 октября:

«Это плохо выглядело. Здание парламента было окружено танками, которые посылали один снаряд за другим по его окнам. Внутри здания ютились избранные народом. Снаружи — президент, порвавший конституцию, вызвавший армию, чтоб навязать свою волю, закрывший оппозиционную прессу, поддержанный лидерами «свободного мира». Это плохо; но это вовсе не значит, что мистер Ельцин или его покровители на Западе неправы».

Статья затем утверждает, что демократические принципы, «как они на величавы, сами по себе недостаточны для разрешения всех противоречий. Многое зависит от того, кто голосует, когда и за кого».

"Financial Times" заключила: «Сила всегда была и всегда будет *ultima ratio regum* (последним аргументом королей)».

Яснее сказать нельзя: демократические принципы, конечно, важны, — но не тогда, когда затронуты фундаментальные классовые интересы буржуазии. Рабочие, внимание!

Но то, что описано здесь, не относится лишь к России. Хотя политическая конъюнктура в России может отличаться от английской, американской или другой национальной атмосферы, когда дело доходит до защиты их классовых интересов, капиталистические правители готовы столь же жестоко действовать и у себя дома.

Президент Клинтон сам это выразил. Говоря о крутых мерах, примененных Ельциным, он заявил: «Какой у него был выбор? Если бы подобное случилось в Соединенных Штатах, вы бы ожидали строгих мер и с моей стороны». Исчезает иллюзия, что «тут этого случиться не может».

Кровавая расправа в Белом Доме и продолжающиеся репрессии были приказаны Ельциным под влиянием подстрекательства со стороны Вашингтона. Они нужны для того, чтобы ускорить капиталистическую экономическую «шоковую терапию», которую уже давно ждет и требует Международный Валютный Фонд. Нам снова приходится сослаться на *"Financial Times"* — подобная информация обычно не попадает в массовую американскую прессу, — которая отметила, что во время недели, предшествующей финальному нападению на Парламент, МВФ провел заседание с министром финансов России, Борисом Федоровым, и получил от последнего заверения, что уничтожение парламентской оппозиции позволит Ельцину осуществить диктуемые МВФ хозяйственные меры.

На рабочий класс России и всего бывшего Советского Союза ляжет вся тяжесть этой политики: закрытие фабрик и заводов, безработица для миллионов, уничтожение значительных социальных завоеваний рабочего класса. Статья в *"Financial Times"* за 7 октября сослалась на заявление начальника федеративной биржи труда, Федора Прокопова, что уровень безработицы достигнет 20% во многих промышленных районах страны.

Подготовка ельцинского путча

События, закончившиеся обстрелом Белого Дома, описываются в прессе, как закономерная реакция легитимного правительства на восстание преступных бунтовщиков. Противники Ельцина Руслан Хасбулатов и Александр Ручкой рисуются как вожди провалившегося «коммунистического путча» против правительства. Дело обстоит совсем не так. Чтобы понять, что именно случилось 3 октября нужно вспомнить, что привело к демонстрациям в это воскресенье.

Подготовка к путчу велась уже давно, но не со стороны Ручкого и Хасбулатова. Настоящими заговорщиками и подстрекателями насилия оказались Ельцин и его американские «советники». Единственный совершившийся путч был тот, начатый Ельциным 21 сентября, когда он упразднил российский парламент. Цель этого путча состояла в очищении государства от всех институтов и личностей, которые в той или другой форме сопротивлялись хозяйственной политике, требуемой международными банками.

Уже в марте Ельцин сделал первую попытку избавиться от парламента, провозгласив чрезвычайное положение и пробуя упразднить Съезд Народных Депутатов. Парламент реагировал на это угрозой импичмента. После долгого колебания Ельцин пошел на попятную и согласился провести референдум, результаты которого ничего не разрешили.

В то время США и другие ведущие державы раскритиковали Ельцина за его не успех в расправе с парламентом. Выражая империалистическое недовольство и желая усилить на него давление, МВФ и другие финансовые

институты начали задерживать обещанные кредиты. Именно тогда и началась настоящая подготовка ко второму путчу. Она и не оставалась секретом. 12 августа Ельцин объявил, что «решающая политическая схватка будет иметь место в сентябре».

Как сказано, так и сделано, — в начале сентября Ельцин объявил об отставке его бывшего союзника, а ныне — соперника, Александра Руцкого. Вскоре он восстановил наиболее лояльного ставленника МВФ, Егора Гайдара, в роли министра экономики. В конце прошлого года, чтобы задобрить растущую оппозицию против «шоковой терапии» по-польски, Гайдар, бывший ее главным сторонником, был отставлен от дел.

Между тем Ельцин начал открыто ходатайствовать о поддержке военными: он посетил базы ключевых десантных, танковых и внутренних войск, плацдармы тех самых подразделений, которые были в октябре посланы действовать на улицах Москвы. Попутно с этим он назначил своего старого свердловского коллегу, Николая Голушко на пост министра внутренних дел. Голушко хорошо известен по своей карьере в директорате КГБ, который занимался подавлением диссидентов.

За несколько недель до начала путча министр обороны генерал Павел Грачев вылетел в Вашингтон, чтобы провести длительные обсуждения с министром обороны США Лесом Аспином и американским генералитетом. В Вашингтоне он обсуждал не только вопрос о более тесной связи с Пентагоном, но также и проблемы, связанные с прямой американской военной помощью российской армии. Цель этих разговоров — обеспечить лояльность Грачева Ельцину и подготовить тесные связи между ним и Пентагоном во время наступающей конфронтации.

21 сентября Ельцин наконец совершил свой удар: роспуск парламента и упразднение конституции. Сторонники Хасбулатова и Руцкого встали против этого преступного государственного переворота и попытки навязать личную власть.

Блокада парламента

В течение двух недель между путчем Ельцина и кровавой расправой над Белым Домом, режим Ельцина постепенно и неуклонно взвинчивал уровень насилия и запугивания по отношению к политической оппозиции. Белый Дом был окружен провололочной оградой и оцеплен до зубов вооруженными солдатами, поддержанными бронемашинами. На антиельцинских демонстрантов нападали. Окруженные парламентарии и их сторонники были лишены телефонной связи, электричества, тепла, воды и продовольствия.

Ельцин и его военные помощники предъявили парламенту ультиматум, угрожая начать нападение на само здание, если его защитники не сдадутся до понедельника, 4 октября. Во время выходных дней, в то время как кризис продолжал сгущаться, Ельцин внезапно уехал на свою дачу. Представители Ельцина до сих пор не объяснили это странное отсутствие президента, но его значение ясно.

Закономерно предположить, что Ельцин выехал из Москвы, чтобы провести тайные переговоры с командованием вооруженных сил. Это собрание было нужно, чтобы закончить подготовку к предстоящему нападению на здание парламента, чтобы осторожно выбрать подразделения, на которые режим мог бы положиться. Как показали события, президент не мог надеяться на поддержку обычных городских войск. Наоборот, часть милиционеров перешла на сторону его противников.

2 и 3 октября в столице началась демонстрация против Ельцина. Демонстранты прорвали вооруженный кордон вокруг здания парламента. Не ожидавшие столь широкой поддержки, Руцкой и Хасбулатов призвали

демонстрантов захватить останкинский телецентр. Есть все основания полагать, что это действие явилось лишь запоздалой и необдуманной попыткой преодолеть последствия цензурной блокады, которая воцарилась вокруг парламентариев 21 сентября. Руководители парламента и все их сторонники и единомышленники были отстранены от доступа к эфиру. Их марш на телевизионную станцию выражал всего лишь отчаянную попытку обратиться к российскому народу. В других условиях, подобные действия были бы описаны не как бунт толпы, а как героическое сопротивление диктатуре и получили бы громкую поддержку Вашингтона.

Во время неудавшегося путча старой фракции сталинистской бюрократии в августе 1991 года этот самый Белый Дом был описан в буржуазной прессе как цитадель демократии. Парламент, являвшийся тогда главной базой опоры Ельцина, был провозглашен как единственная демократически избранная власть в Москве.

Ельцина объявляли героем за то, что он взобрался на броне танка и призвал демонстрантов сопротивляться военному нападению, которое никогда не осуществлялось. Рядом с ним стояли...?! — Руцкой и Хасбулатов. А всего два года спустя Ельцин направил танки, чтобы расстреливать это здание и превратить его в пылающую развалину. Хасбулатов и Руцкой сидят в тюрьме а многие из их сторонников убиты.

Между путчем, организованным ГКЧП 19 августа 1991 года и переворотом, начатым Борисом Ельциным 21 сентября 1993 года есть много параллелей. Но главное различие в следующем: хотя руководство сталинистского аппарата не решилось применить войска для подавления своих противников, Ельцин и его режим не проявили таких угрызений совести.

Эти кровавые события несут на себе следы американского вмешательства. Вашингтон оказывал на своего агента Ельцина огромное давление распустить парламент. Министр иностранных дел Андрей Козырев был принят в Вашингтоне накануне московской битвы. Посредник Клинтон в бывшем Советском Союзе Строуб Талбот и сам американский посол Томас Пикеринг не только проверили все приготовления к путчу, но и детально наблюдали за проведением военных действий 4 октября. Даже арест Хасбулатова и Руцкого был объявлен сначала в Вашингтоне и лишь потом в Москве.

Оппозиция лишённая программы

Попытка представить этот конфликт как противостояние «демократов» Ельцина и «твердокаменных коммунистов» в парламенте является ложью в обеих ее частях. И Ельцин, и его основные политические противники являются бывшими сталинистскими бюрократами. Что же касается Хасбулатова и Руцкого, то они вовсе и не сопротивлялись реставрации капитализма. Они снова и снова заявляли о своей поддержке рыночной экономики. Их разногласия с Ельциным заключаются в методе проведения этого процесса.

Парламентская оппозиция против Ельцина представляла собой собрание политических сил, лишенных единой программы, выражавшей бы альтернативу президентской стратегии. В той степени, в которой парламентская оппозиция была кое как объединена, она разделяла бредовую мысль, что если хозяйственные реформы будут правильно проведены, то они могут привести к установлению могучего русского капитализма, способного конкурировать на мировом рынке против международных соперников. С этой, в сущности националистической точки зрения, политика Ельцина представлялась, как согласие с полукOLONIALНЫМ статусом

России. Хасбулатов многократно предупреждал, что политика МВФ приведет к полному уничтожению промышленного наследия бывшего Советского Союза и уничтожит все возможности развития настоящего российского капитализма.

Именно поэтому Хасбулатов восставал против политики навязанной Международным Валютным Фондом, против требований прекратить государственные субсидии «освободить» цены и покончить с государственной помощью промышленности. Хотя его программа не имела ничего общего с защитой социализма или коммунизма, она все же казалась несносной преградой против мер, которые требовали Вашингтон и МВФ.

Правящие классы США, Западной Европы и Японии совершенно не заинтересованы в восстановлении буржуазной России, как нового соперника на уже переволнованном мировом рынке. Их политика состоит, наоборот, в разрушении всего, что еще осталось от промышленной базы бывшего Советского Союза, и в превращении России в объект неограниченного грабежа в интересах транснациональных корпораций и банков.

В течение некоторого времени Хасбулатов мог возглавлять правдоподобную политическую оппозицию пользуясь своими связями с Союзом Промышленников под руководством Аркадия Вольского, организацией, выражающей интересы элитарной дирекции внутри государственных промышленных комбинатов. Но по мере того как эти элементы начали понимать что российский капитализм в конечном итоге зависит от международного покровительства, — а все подобные сделки с МВФ должны были проходить через руки Ельцина, — они начали отворачиваться от шаткой коалиции вокруг Хасбулатова. Сам Вольский, например, публично порвал с Хасбулатовым и начал заигрывать с Гайдаром. Эта политическая перестановка сил еще больше ускорила в связи с открытой куплей парламентских депутатов Ельциным и его представителями. Ельцин даже объявил об открытии особого отдела, который занялся изысканием хорошо оплачиваемых постов для депутатов, которые сдавали свои парламентские мандаты. К лету оппозиция Хасбулатова была лишена какой-либо внутренней логики; она состояла к тому времени из раздробленных и противоречивых элементов, объединенных лишь своей бессвязной оппозицией Ельцину. Демонстрации 3 октября выражали, хотя и в искаженном виде, расстройство и ненависть масс народа по поводу социальных страданий, вызванных капиталистической реставрацией. Но гораздо больше они обнажили фатальные политические недостатки ельцинской оппозиции, равно как и последствия политической дезориентации рабочего класса.

Потому что они соглашались с направлением к «рыночным реформам», парламентские вожди не имели последовательной альтернативной антиельцинской политики и были неспособны представить себя защитниками российского рабочего класса. А в той степени, что эти элементы были связаны со старой дискредитированной сталинистской бюрократией и даже включали в своих рядах фашистов, их группировка не могла побудить рабочие массы к активной поддержке. Эта оппозиция никогда и не пыталась обратиться к недовольству масс на основе какой-либо недвусмысленной антикапиталистической программы. Итак, что касается преобладающего большинства населения, конфликт между Ельциным и оппозицией казался просто, применяя избитую фразу, «борьбой двух мафий между собой».

Следует добавить, что институт парламента никогда не сумел установить глубокую связь с народами бывшего СССР. Этот парламент не являлся продуктом исторической массовой борьбы; он, скорее, был создан под закат горбачевского периода как политический механизм, конкретная

цель которого заключалась в создании «нового государства», способствующего процессу реставрации капитализма. Массы видели в депутатах не народных трибунов, а эгоистичных карьеристов.

То, что обещало победу Ельцина — это слабость самого парламента, а вовсе не интуизм по отношению к нему. Вся пресса, напрягаясь пыталась нарисовать народную поддержку Ельцина, но не смогла указать ни на одну массовую протестную демонстрацию. За все это время, единственное выступление Ельцина перед «народом» произошло на концерте американского симфонического ансамбля, который прилетел из Вашингтона именно для этой цели.

Хотя Ельцин победил в этом поединке с парламентской оппозицией, его долговременный вид на победу остается под вопросом. Было бы политической глупостью преуменьшать опасности и трудности, стоящие перед рабочим классом; но было бы грубой ошибкой преувеличивать силу элементов, которыми Ельцин командует в этот момент. Его бонапартистская диктатура покончит на микроскопической узкой социальной базе. Кроме тончайшей прослойки предпринимателей-бандитов, его поддержка состоит из нескольких подразделений КГБ и армии, которые были задобрены и куплены с помощью подачек Пентагона. Его диктаторские меры и замашки выражают не силу, а чрезвычайное бессилие. Русское капиталистическое государство, рождающееся на развалинах СССР остается шатким и хрупким.

Задача рабочего класса

Оставаясь отчужденным от обеих фракций государства, рабочий класс в целом продолжал стоять в стороне. Причины этого понятны; инстинктивная враждебность пролетариата полностью оправдана. Но факт остается фактом: как и в августе 1991 года, рабочий класс не вмешался независимо от враждующих сторон. Рабочий класс вновь не сумел использовать этот кризис в своих собственных интересах. Это положение является результатом трагичного исторического опыта российского пролетариата при сталинизме. В той степени что массы российских рабочих продолжают идентифицировать сталинизм с марксизмом, они рассматривают крах СССР как поражение социалистической перспективы и остаются бессильными вмешаться в борьбу как независимая политическая сила. Ельцин смог использовать это замешательство.

В порядке дня — великие социальные конфликты. Диктатуре Ельцина предстоит открыто напасть на российский пролетариат. Международный Валютный Фонд и ведущие капиталистические державы требуют от Ельцина, чтобы он применил свои неограниченные права для проведения конкретных мер. Эти меры уже начали воплощаться в серии декретов, повышающих цены на хлеб, снимающие ограничения на рост квартирной платы и гарантирующих собственность и прибыли иностранных инвесторов. Одной из наиболее важных мер является лишение профсоюзов прав контролировать систему социального обеспечения. Среди других мер, которые ожидаются от Ельцина — снятие ограничений на рост цен на энергоносители и резкое снижение социальных бюджетов и субсидий по адресу государственных предприятий.

Эта политика, направленная на неограниченную эксплуатацию российской рабочей силы и ресурсов иностранным капиталом, означает огромные страдания для массы трудящихся и приведет к растущему сопротивлению против режима Ельцина.

События в Москве являются добавочным подтверждением исторической перспективы Четвертого Интернационала. Предупреждение,

что сталинизм, если рабочий класс не сумеет его победить, приведет к уничтожению Советского Союза, было подтверждено в 1991 году. А предупреждение, что капиталистическая реставрация может быть осуществлена лишь методом силовой диктатуры была подтверждена событиями прошлой недели.

Но решающие битвы лежат в будущем. В ближайшие месяцы рабочий класс испытает на себе серию резких социальных потрясений. В России начинается новая политическая глава; Четвертый Интернационал будет в ней играть все более растущую и решающую роль.

12-й пленум Международного Комитета

После кончины СССР. — Борьба за марксизм и задачи Четвертого Интернационала¹

Доклад Дэвида Нортона на 12 пленуме Международного Комитета Четвертого Интернационала 11 марта 1992 года.

Государства, установившиеся на территории бывшего Советского Союза, не могут быть названы рабочими государствами. Эти государства не защищают, даже и в искаженной форме, отношения собственности, установленные Октябрьской революцией. Все эти государства открыто основаны на ликвидации национализированной собственности. Называть их рабочими государствами значило бы лишить эту терминологию всего марксистского содержания. В 1930-е годы Троцкий спорил с теми, кто отрицал определение СССР как рабочего государства, не для того, чтобы на словах отомстить сталинцам за их преступления, а чтобы защитить те завоевания Октябрьской революции, которые все еще сохранялись — самым важным из которых являлась, конечно, национализированная собственность и основы государственного планирования. Троцкий настаивал, что в той степени, в какой советское государство все еще защищало, хотя бы и в интересах самой бюрократии, имущественные отношения, установленные Октябрьской революцией, определение государства, как рабочего, хотя и перенесшего глубокое искажение, оставалось верным.

Во время дискуссии в 1939 году Троцкий объяснял, что военное поражение Советского Союза со стороны фашистского, или даже «демократического» империализма не привело бы лишь к ликвидации тоталитарного сталинского режима.² Оно бы также привело к контрреволюции в области социальных отношений и форм собственности. Спор был не только о формулировке. Как сказал Троцкий, обращаясь к Бернаму (я пересказываю, не цитирую точно): «Хорошо. Вы утверждаете, что Советский Союз не является рабочим государством. Если бы я с этим согласился, то к каким практическим политическим выводам привело бы это мнение? Мы давно согласились, что советскую бюрократию нужно свергнуть. Какие изменения в программе вы предлагаете? К чему идет предложенное вами изменение формулировки?»

Стало ясно — и эволюция Бернама и Шахтмана это подтвердила, — что отказ от признания того факта, что Советский Союз остался рабочим государством, вел к установке, согласно которой рабочий класс не должен защищать СССР в случае войны против империализма. Наоборот, пролетариат должен приветствовать победу империализма над СССР. Бернам пришел к этому выводу очень быстро; Шахтман скатился к нему ко времени Корейской войны.

Определение СССР как рабочего государства было всегда связано с защитой имущественных форм, установленных после Октябрьской

¹ Этот доклад был прочитан Дэвидом Нортоном на Двенадцатом пленуме Интернационального Комитета Четвертого Интернационала 11 марта 1992 г.

² В 1939 году внутри Социалистической Рабочей Партии в США возникло течение под руководством Джеймса Бернама и Макса Шахтмана. Оно отвергло определение СССР, как извращенного рабочего государства. Борьба внутри партии закончилась расколом в апреле 1940 года.

революции. Невозможно все еще утверждать, что новые государства, возникшие в России, Украине, Узбекистане, Казахстане, Грузии и во всем вообще Содружестве Независимых Государств, в какой-либо мере защищают государственную собственность. Документы, подписанные Ельциным, Кравчуком и Шухевичем в декабре 1991 года, открыто утверждают, что СНГ стоит за восстановление частной собственности. Это фундаментальное различие является не только результатом политики Горбачева, начатой в 1985 году — это кульминация контрреволюционной сущности сталинизма.

Государства, составляющие СНГ, были сформированы с той целью, чтобы установить новые формы собственности; это требует от нашей партии дано новое определение этих государств. Подобное решение может кого-то обеспокоить, — мы рассмотрим возражения наших критиков несколько позже, — но эта необходимая ревизия коренится в истории и программе нашего движения. Мы обязаны оценить традиционную формулировку в свете конкретного развития классовой борьбы, чтобы эта формулировка соответствовала объективной действительности.

Нынешняя задача состоит не только в том, чтобы дать новым государствам адекватное определение, но также понять последствия этой трансформации в широком историческом контексте. Дело не только в изменении слов и терминологии. Недостаточно сказать, что Советский Союз больше не является рабочим государством. Мы должны понять, что это превращение означает в контексте объективного исторического опыта рабочего класса. Следует избегать шаблонных фраз, потерявших вес из-за злоупотребления; но, в этом случае, правильно будет сказать, что мы подошли к концу целой исторической эпохи, начавшейся в 1917 году. Октябрьская революция явилась поворотным моментом новейшей истории и истории пролетариата. Захват власти рабочим классом означал новый этап исторического развития и превратил историческую перспективу мирового социализма, первоначально сформулированную Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте», в действительность. Социалистическая революция стала практической задачей.

Октябрьская революция не упала с неба. Она явилась кульминацией классовой борьбы как объективного исторического процесса и политическим развитием международного рабочего движения. Несмотря на все перипетии классовой борьбы, семьдесят лет предшествующие 1917-му году свидетельствуют о поразительном и исторически беспрецедентном развитии политического сознания масс. История XIX века может быть понята лишь в этом контексте. Можно сказать, что развитие марксизма и развитие масс в сознательную политическую силу придали концу XIX-го века и первым десятилетиям XX-го их неповторимый характер.

Подумайте только: парижский рабочий, родившийся в год Февральской революции и в кровавые июньские дни 1848 года, в своей молодости участвовал в борьбе Парижской Коммуны в 1871 году, во время учреждения Второго Интернационала ему минуло лишь 41 год, и еще до своего семидесятилетия он был свидетелем завоевания российским пролетариатом государственной власти³. Период политического развития и

течение одной жизни этого рабочего тянулось от написания «Коммунистического манифеста» до Октябрьской революции. Сознание пролетарского авангарда было сформировано объективным подъемом рабочего класса к роли революционной силы, занятой в кровавых боях против капитализма, и созданием массовых организаций, основанных на программе социализма.

Думая об отношении между тем периодом истории и нашим, важно держать эту историческую подоплеку в уме. В 1914 году крах Второго Интернационала оценивался миллионами классово сознательных рабочих, как предательство принципам, направлявшим всю их жизнь и политику их организаций⁴. Будучи ошеломленными событиями августа 1914 года, эти рабочие оценили их не как провал социализма, а как предательство по отношению к социализму. Через три года, захват власти большевистской партией был понят лучшими представителями классово сознательного пролетариата как контратака марксизма против его предателей.

Русская революция воодушевила волну революционных схваток во всей Европе, но они были подавлены с помощью предательства социал-демократии. Эти поражения продали изоляцию предательства социализма и привели к его изгнанию. Бюрократия узурпировала власть и стала злоупотреблять огромным престижем Октябрьской революции, начав систематическое предательство ее принципов. Это собрание не нуждается в обзоре всех последствий для рабочего класса программы «социализма в отдельной стране». Наше движение всегда настаивало, что вне победы революции по меньшей мере в нескольких ведущих капиталистических странах, СССР в конечном итоге будет уничтожен.

Начиная с середины двадцатых годов, конфликт в фундаментальном вопросе о социалистическом интернационализме неминуемо приводил к разногласиям во всех остальных вопросах, включая и проблемы социалистического хозяйственного развития. Лева Оппозиция утверждала, что националистическая программа бюрократии и тоталитарное подавление всех ростков рабочей демократии являлось величайшей преградой на пути развития советского хозяйства в сторону социализма. Нынешние события подтверждают поразительное предвидение предупреждений Троцкого. Позвольте мне процитировать отрывок из статьи, написанной Троцким в 1931 году:

«В последнем счете все противоречия развития СССР приводят, таким образом, к противоречию между изолированным рабочим государством и его капиталистическим окружением. Невозможность построения самодовлеющего социалистического хозяйства в отдельной стране возрождает основные противоречия социалистического строительства на каждой новой стадии все в большем масштабе и с большей глубиной. В этом смысле диктатура пролетариата в СССР должна была бы неизбежно потерпеть крушение, если бы капиталистический режим во всем остальном мире оказался способен продержаться еще в течение большой исторической эпохи»⁵. В конце статьи, он пишет: «Полный и окончательный выход из

³ Французская революция 1848 года принудила короля Луи Филиппа отречься от престола и привела к провозглашению республики. Пролетарское восстание в июне было кроваво подавлено, и к власти пришла диктатура реакционного генерала Луи Юджин Кавеньяка.

Парижская Коммуна являлась революционным пролетарским правительством, созданным рабочей революцией в Париже 18 марта 1871 года.

Коммуна просуществовала 73 дня, до 28 мая 1871 года, когда она была жестоко подавлена буржуазией под руководством Тьера.

⁴ В начале Первой Мировой войны в августе 1914 года руководители большинства национальных партий Второго Интернационала предали интересы рабочего класса, голосуя за военные кредиты, таким образом поддерживая империалистическую буржуазную свою собственную страну.

⁵ «Бюллетень Оппозиции», № 20, апрель 1931 г., стр. 4.

внутренних и внешних противоречий СССР найдет на арене победоносной революции мирового пролетариата, и только на ней.⁶

Люди, знакомые с историей Советского Союза и троцкистского движения, хорошо знают, что предательства советской бюрократии предотвратили победу пролетариата в Европе и разрушили международное марксистское движение. Сталинизм продлил политическую и хозяйственную изоляцию СССР, которая, наконец, привела к нынешнему краху. То, что существовало в Советском Союзе — это вовсе не социалистическое хозяйство. В рамках национальной автаркии, поддержанной, а вовсе не устраненной в результате послевоенных соглашений в Восточной Европе, Советский Союз не мог догнать, а тем более, перегнать хозяйственные показатели передовых капиталистических стран. Отрывая их от международных ресурсов, программа национальной автаркии искусственно изолировала советское и восточноевропейские хозяйства от какого-либо объективного мерила производительности и давала бюрократии возможность продлевать и скрывать ее преступное злоупотребление центральным планированием. Как и во всем другом, бюрократия являлась величайшим препятствием на пути к научному планированию и рациональному использованию производительных сил. Даже неспособность Советского Союза вложить необходимые ресурсы в развитие компьютерной и информационной технологий, ставшими таким ключевым компонентом современного хозяйства каждой капиталистической страны, имеет политическую подоплеку. Вычислительная технология, с ее широкими последствиями в области связи и распространения информации, рассматривалась бюрократией как угроза ее тоталитарному правлению над обществом. Хозяйственное продвижение СССР было во все большей мере направлено на старые отрасли индустрии, подталкившие к концу своего исторического цикла. К 1970-м годам советское хозяйство все больше и больше отставало от передовых капиталистических стран, хотя последние сами погружались в трясину длительного хозяйственного кризиса.

Следует добавить, что общий спад и многочисленные потрясения капиталистической системы, начиная с 1973 года, заострили кризис советского хозяйства. Это выразилось по-разному: резкое снижение цен на нефть, а, в политической сфере, огромное давление империализма на Советский Союз, выраженное в военных расходах. Но, в конечном итоге, хозяйственное и военное давление империализма на Советский Союз лишь подчеркивает то основное правило, согласно которому национальной дороги к социализму не существует. Вовсе не спасаясь от давления мирового хозяйства, Советский Союз все больше и больше попадал под его влияние; провал национальной автаркии псевдосоветской системы становился все более ясным.

Недавние события в СССР и Восточной Европе служат историческим осуждением всей сталинистской системы. Но потерпел удар не только лишь сталинизм. В той мере, в какой рабочий класс, внутри и за границами СССР, был связан с политикой этой бюрократии, он пострадал от последствий преступной политики бюрократии. Миллионы рабочих чувствуют шок капиталистической реставрации. Не исключена опасность, что общественная и культурная жизнь в Советском Союзе очень быстро упадет до уровня, невиданного за полвека. Паразитические культурные достижения могут быть быстро потеряны. Миллионы представителей советской молодежи стоят лицом к лицу с разваливающейся системой образования. У них не будет даже и тех школ и институтов, которые были доступны прежним

поколениям. Все ужасы, знакомые рабочим отсталых стран, появляются внутри СССР. Репортер написал на этой неделе в газете *Financial Times*, что в больших советских городах он наблюдал сцены нищеты и отчаяния, несравнимые с любым другим местом земного шара, включая Азию и Латинскую Америку. И это пишется, когда последствия реставрации еще не стали вполне ощутимы. Они лишь постепенно пробивают себе путь сквозь различные области производственных процессов. Нужно поставить вопрос: что, например, случится, когда системы транспорта остановятся? Что произойдет, когда канализационные и очистительные системы перестанут работать? Что будет, когда электрические сети начнут ломаться, и никому будет их чинить? Последствия ужасают; и они, конечно, оправдывают наши предположения, что реставрация капитализма в Советском Союзе приведет к ужасному упадку в хозяйственном и социальном уровне масс.

Мы настаивали, что политическая революция необходима для защиты социальных завоеваний революции от реставрационных попыток бюрократии. Но мы должны констатировать, что коллапс сталинистского режима был осуществлен не через независимую политическую мобилизацию рабочего класса вокруг программ социалистической революции, а путем махинаций самой бюрократии. Мы должны сказать, что рабочий класс потерпел поражение; и это поражение нужно проанализировать. События в Минске 8 декабря 1991 года — как и все то, что произошло в международном рабочем движении, — есть кульминация длительной гнили и дегенерации всех организаций рабочего класса.

Это поражение является результатом предательства и многолетнего саботажа революционного рабочего движения. В Советском Союзе и во всем мире пролетариат вынужден встать перед последствиями длительного развала и дегенерации своих собственных организаций. Послевоенный период характеризовался бюрократическими манипуляциями и подавлением классовой борьбы. И то, что придало всему этому периоду его общий реакционный политический характер — это замена независимой революционной инициативы пролетариата всемогущими бюрократическими аппаратами, — все равно, сталинистскими или социал-демократическими.

Тут я возвращаюсь назад к моменту, о котором я сказал раньше, о жизни рабочих, живших между 1847 и 1917 годами. Мы не должны превозносить ту эру или скрывать ее множество противоречий. Но, в сущности, она характеризовалась огромным ростом революционного самосознания масс, которое, наконец, наиболее ярко выразилось в Российской революции. С другой стороны, политика послевоенного периода была основана на преобладании бюрократий над рабочим классом.

В течение долгого времени казалось, что эти бюрократии играли законную и, в некоторой степени, прогрессивную роль в рабочем движении. Паблюисты пытались именно так утверждать⁷. Профсоюзы становились сильнее, организации и политические партии, претендующие на роль представителей пролетариата, сталинисты и социал-демократы, становились частью истеблишмента (политической надстройки). Жизненный уровень рос, реформы проводились. Но, с точки зрения развития независимой политической деятельности рабочего класса и его революционного сознания, это был период стагнации, извращения и гнили. Ни масштабы, ни исторические последствия этого загнивания не были ясны в годы экономического подъема, когда повышение жизненного уровня не требовало большой борьбы. Однако развитие всемирного кризиса вывело наружу и

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ Паблюизм — это оппортунистическая и про сталинистская тенденция, развивавшаяся внутри Четвертого Интернационала в конце 1940-х и в начале 1950-х годов под руководством Мишеля Паблю.

этот кризис. Всеми миру стал ясен реакционный характер бюрократических организаций, не говоря даже об их совершенном бессилии.

Никого не должно удивлять, что те, кто нападает на анализ Международного Комитета, не пытаются даже обрисовать современные события в их широком историческом и глобальном контексте. Эрнест Мандель⁸ недавно написал статью под названием «Неминуемое крушение Михаила Горбачева». Этот человек всего пару лет тому назад убеждал нас, что Михаил Горбачев является наиболее блестящим политиком XX-го века. По существу, эта статья занята сокрытием последствий поражения советского и российского рабочего класса. До сего дня Мандель отрицает, что политика Горбачева была контрреволюционной. Теперь он говорит, что «надежды на успех Горбачева были обманчивы». Но политика мастера Манделя основывалась на этих иллюзиях.

Затем он пишет: «Было бы неверно закрывать глаза на глубокие прогрессивные изменения, прошедшие в СССР при Горбачеве. Эти изменения можно подытожить как гласность, или, если вы предпочитаете, как обширное распространение демократических свобод, которыми фактически наслаждаются советские массы». Когда Мандель распространяется о «прогрессивных изменениях, прошедших в СССР при Горбачеве», невольно вспоминаешь старую поговорку: «Операция прошла отлично, но, к сожалению, пациент умер». Да, с точки зрения реакционной политики паллоизма, гласность является потрясающим успехом. Те демократические процессы, которые приветствует Мандель, являются лишь проветриванием разногласий внутри правящих кругов, которые продолжают примирять общество с завершением сталинистской контрреволюции. Мандель является частью этого процесса; и он сыграл в нем свою роль — в некоторых странах больше, чем в других. В той степени, в какой он использовал свое влияние для поддержки правого крыла своим политическим прикрытием, как в Чехословакии, в Германии или в Польше, он, несомненно, помог создать политические условия, которые в конечном итоге привели к крушению СССР. Мандель поддерживал Горбачева, а политический протекже Манделя, Тарик Али, всего три года тому назад написал книгу, посвященную Борису Ельцину.

Позвольте мне теперь обратить наше внимание на статью Мартина Бута, которая была напечатана в газете *Newsline*, редактируемой Шилой Торранс⁹. Эта статья имеет особое значение. Бут поражен нашим утверждением, что Советский Союз прекратил свое существование; как будто события последних четырех месяцев были просто выдуманы Международным Комитетом. Позиция газеты *Newsline* столь нелепа, что поражаешься, как серьезные люди могут с ней согласиться. С точки зрения Торранс и Бута, ничего, собственно, не произошло. В той степени, в какой они вообще замечают юридическую ликвидацию СССР, они восхваливают ее, как последнее проявление непрерывного, пролетарского, революционного марша вперед, который, согласно Торранс, длится уже 47 лет. Хили был первым, кто изобрел фантастическую абстракцию «непобедимого рабочего класса», которая избавляет своих сторонников от обязанности конкретно анализировать политический опыт рабочего класса. Что бы ни происходило — кровавое избиение в Индонезии, подавление масс в Чили, погром в Шри

Ланке, реставрация капитализма в СССР, — все эти события изображаются проявлениями того же универсального и сверхисторического феномена — революционного, непобедимого, пролетарского марша вперед.

Бут и Торранс сравнивают нашу позицию с теорией Бруно Риззи¹⁰. Они никак не могут понять контекст, в котором Троцкий оспаривал тех, кто пытался утверждать, что капитализм был реставрирован в СССР, и что Советский Союз не являлся более рабочим государством. Если вы прочтете их статью, они игнорируют ключевой вопрос, заданный Троцким: какие формы собственности защищает советское государство? Они говорят, что мы основываемся на «намерениях» и «поводах» сталинистской бюрократии. Но наша терминология основана на работах Троцкого. Когда мы говорили раньше, что бюрократия была «вынуждена» защищать государственное имущество, мы говорили об объективном соотношении между материальными привилегиями бюрократии и формами собственности, созданными на основе Октября.

Газета *Newsline* цинично и безмозгло ограничивается подсчетом количественного процента собственности, который все еще находится в руках государства и увиливает от фундаментального вопроса о политическом отношении государства к национализированной и частной собственности. Основываясь на аргументе Торранс, можно сказать, что и Англия в течение большинства послевоенного периода являлась рабочим государством, ведь и в ней ведущие отрасли промышленности находились в государственном владении.

Но для нас сравнительное соотношение доли государственного и частного имущества никогда не являлось решающим. Решающим для нас являлся вопрос об исторических корнях государства и о его отношении к формам собственности, созданным на базе Октябрьской революции. Содружество Независимых Государств было сформировано для уничтожения имущественных форм, созданных Октябрем. В прошедший исторический период сталинистский режим защищал государственное имущество, — не потому, что он был морально предан социализму, а потому, что привилегии правящего слоя были связаны с имущественными формами, созданными на основе пролетарской революции. Но СНГ есть государство, созданное социальным слоем, интересы которого связаны с реставрацией капитализма.

Как мы уже сказали в январском докладе, согласно этим людям, пока 51% собственности еще не приватизирован, СНГ продолжает оставаться рабочим государством. Можно подумать, что мы преувеличиваем и упрощаем их позицию. Но между тем они ответили: «В этом весь вопрос. Все дело в том, что требуется для достижения доли приватизации хозяйства до 51%». Итак, весь вопрос о классовом характере СНГ упрощен до чисто формальной, количественной проблемы: какой процент имущества находится в частных, а какой — в государственных руках.

Самый важный аргумент у них таков. Прогитированную программную резолюцию Рабочей Лиги, которая утверждает, что «распадение сталинистских режимов произошло гораздо быстрее, чем развитие революционного сознания пролетариата», Торранс и Бут заявляют: «Какая идеалистическая чепуха! Как может революционное сознание развиться вне действительной борьбы рабочего класса за свержение своих угнетателей — в настоящем случае, сталинистских агентур империализма, — и сознательного вмешательства революционной партии?»

⁸ Бельгийский профессор Эрнест Мандель (Ernest Mandel) (род. в 1923 г.) является мелко-буржуазным оппортунистом и наиболее известным представителем паллоизма.

⁹ Шила Торранс (Sheila Torrance) (род. 1943) является руководителем фракции антипролетарской Рабочей Революционной партии в Великобритании. *Newsline* — это газета РРП.

¹⁰ Бруно Риззи (Bruno Rizzi) был автором теории бюрократического коллективизма. Его книга «Бюрократизация мира» была напечатана в 1939 году.

Ссылка на революционную партию добавлена в догонку. Их основная мысль заключается в том, что революционное сознание является по-просту эманацией отжившего движения пролетариата. Революционное политическое сознание рабочего класса способно развиваться лишь в ходе «действительной борьбы».

Но мы считаем именно этот момент решающим. Уровень политического сознания, сделавший возможной Октябрьскую революцию, не был достигнут по-просту между февралем и октябрём 1917 года. Он явился результатом длительной исторической борьбы за марксизм в европейском и российском рабочем классе в течении предшествующих 70 лет. Чтобы понять, почему советские рабочие не поднялись на защиту всего, что еще оставалось от завоеваний 1917 года, нужно сравнить развитие политического сознания за последние 70 лет с тем, которое имело место в течение 70 лет до 1917 года. Ориентация рабочего класса в период Российской революции зависела в основном от борьбы марксизма против оппортунизма и других буржуазных и мелкобуржуазных идеологических течений. Эта длительная борьба за политическую независимость пролетариата, занявшая десятилетия, создала глубокую революционную и социалистическую культуру внутри российского и европейского пролетариата.

Но последние 70 лет, начиная с первых признаков политического кризиса внутри большевистской партии и быстрого роста бюрократии, были отмечены непрерывными нападениями на политическое сознание масс. Сталинизм уничтожал величайшее завоевание марксизма: развитие революционного политического сознания пролетариата, превращение угнетенных и эксплуатируемых масс в сознательную политическую силу. Но Торранс и Бут даже не видят, а тем менее, понимают все значение этого достижения; и в этом коренится их законченно мелкобуржуазный и оппортунистический подход к политике.

Глубоко антимарксистский характер теории «непобедимой сущности рабочего класса» может быть оценен лишь вследствие анализа результатов того влияния, которое сталинизм оказал на международное рабочее движение. Дело в том, что величайшее поражение заключалось именно в поголовном истреблении революционных кадров пролетариата и в ужасающем понижении его политического сознания.

Лишь поняв последствия преступлений сталинизма и социал-демократии можно их преодолеть. Признать, что рабочий класс потерпел серьезное поражение, вовсе не означает, что социалистическая революция невозможна. Как мы подчеркивали в январе, есть большая разница между юридической ликвидацией Советского Союза и подавлением способности советских рабочих собрать свои силы и ответить ударом на удар. Поражение, которое несомненно потерпели советские рабочие, не означает, что успешная реставрация капитализма неизбежна. Не только внутри СССР, но, в первую голову, на международной арене ситуация слишком уж неспокойна, чтобы прийти к такому необоснованному и пессимистичному выводу. Развал Советского Союза угрожает рабочему классу. Но это не означает, что капитализм сумел каким-то образом преодолеть собственные противоречия и создать новое внутреннее равновесие. Верно, что успешная консолидация капиталистической власти в бывшем СССР несомненно усилит мировой капитализм и даст ему новые значительные ресурсы. Но в ближайшем будущем эта консолидация невероятна. Скорее всего, раскол СССР и продолжающиеся кризисы и социальные всплески прибавят еще больше нестабильности всеобщему неравноновесию мирового капитализма, и это, в свою очередь, будет глубоко влиять на ход развития событий во всей Восточной Европе. Борьба за гегемонию в бывшем СССР и в Восточной

Европе усилит конфликты между империалистическими державами. Мы продолжаем стоять на точке зрения, которую мы развили в перспективной программе Международного Комитета и в манифесте, созванном Берлинскую конференцию, в которых мы подчеркнули политическую неустойчивость мирового капитализма и общие последствия конфликта между глобальным развитием производительных сил и системой национальных государств. Ничто не указывает, что эта перспектива была неверна, или что она должна быть заменена в свете событий в СССР. Наоборот, мы видим в этих событиях подтверждение нашей программы.

Развитие событий в мировом масштабе несомненно указывает, что кризис империализма качественно изменился с апреля 1991 г., когда был написан манифест Берлинской конференции. Нынешняя мировая политика все больше напоминает жизнь сумасшедшего дома. Мы часто писали и говорили о развале системы национальных государств и, заодно с ней, всех рамок послевоенной буржуазной политики. Два года тому назад мы отметили хрупкость даже таких давно обустроенных буржуазных концернов, как Кавада. В прошлогоднем манифесте мы говорили о предстоящем развале Балкан. На этом собрании мы могли бы записать в повестку дня политическое обсуждение возможности конечного развала Великобритании. Из-за развала всех старых экономических отношений на порядок дня встает вопрос о независимой Шотландии, и даже о независимом Уэльсе.

Глупо полагать, что на этой стадии экономического развития и глобальной интеграции производства эти умножающиеся карликовые государства будут жизнеспособны. Они, скорее, выражают собой развал старой системы национальных государств под давлением глобальных хозяйственных сил.

Именно глобальная интеграция производительных сил привела к взрыву националистических страстей. Мелкобуржуазные политики всего мира делают свои карьеры посредством утверждений, что они защитят свои обетованные нации от всякой международной конкуренции. Что это, как не наиболее слабоумная реакция самой буржуазии на проблемы, произведенные всемирным развитием производительных сил? В отличие от девятнадцатого века, когда национальные движения являлись прогрессивной политической манифестацией всемирного расширения производительных сил капитализма, нынешнее умножение национальных движений и национальных государств выражает реакцию политического слабоумия на неспособность капитализма гармонично организовать силы мирового хозяйства.

Этот кризис выражается как в отношениях между капиталистическими державами, так и внутри их. Политическое неравновесие Соединенных Штатов имеет далеко идущие последствия для общего здоровья мировой капиталистической системы. Самым взрывоопасным фактором мировой политики являются нынешние попытки Соединенных Штатов сохранить свою позицию глобального первенства, несмотря на несомненное ослабление своих экономических ресурсов. На нашем прошлом пленуме в марте 1991 года мы объясняли, что, несмотря на эйфорию внутри Соединенных Штатов по поводу победы в войне в Персидском Заливе, администрация Буша находится в положении отчаянного кризиса. Сама война на деле являлась попыткой предотвратить кризис и военными мерами поддержать американский империализм. А теперь, год спустя, администрация Буша шатается под давлением хозяйственного кризиса в США. Отношения с вчерашними союзниками становятся все более враждебными. Позавчерашний номер газеты *"Herald Tribune"* отметил, что стратеги Пентагона разрабатывают планы, которые позволили бы противостоять попыткам какой-либо другой державы оспорить глобальную позицию

Соединенных Штатов. Эти стратеги нагло утверждают, что «новый мировой порядок» предусматривает место лишь для одной единственной «сверхдержавы». Таким путем уже очерчиваются окопные линии будущей войны.

Политическое неравенство в Соединенных Штатах повторяется в одной капиталистической стране за другой. В Великобритании уже назначены выборы в парламент; кто бы ни выиграл, социальные условия в стране не смягчатся, и ее глубокие хозяйственные и глобальные проблемы не будут разрешены. Во Франции режим Миттерана дискредитирован. Япония и Германия вошли в период спада. Все более вероятно, что большинство буржуазных лидеров, сидевших в седле во время учреждения СНГ, скоро окажутся без работы.

Крах СССР ни в коем случае не дает автоматическую передышку мировому капитализму. Но способность Четвертого Интернационала использовать возможности, предоставленные всемирным кризисом, зависит в большой степени от нашего умения понять и ассимилировать уроки всего исторического периода, через который мы недавно прошли и, на этой основе, конкретно определить стоящие перед нами задачи. Ответственность за восстановление в рабочем классе великой политической культуры марксизма лежит на плечах Четвертого Интернационала под руководством Международного Комитета. Это — единственная база для построения настоящего революционного рабочего движения.

Никто не может точно предвидеть темпы развития событий. Но наше движение должно быть готово к длительной политической борьбе. Хили культивировал почтение к спонтанной борьбе рабочего класса. Он не понимал настоящего соотношения между стихийным развитием классовой борьбы и развитием революционной партии. Верно, что без стихийного развития классовой борьбы не может развиваться массовая революционная партия. Но было бы неверно видеть в развитии революционной партии лишь простой результат стихийной экономической борьбы рабочего класса, или даже непосредственный и немедленный результат необходимого вмешательства партии в эти экономические схватки. Партия должна участвовать в экономической рабочей борьбе, но это не может само по себе породить массовое революционное движение.

Интенсификация классовой борьбы создает общие предпосылки для революционного движения. Но она сама по себе не создает автоматически ту политическую, интеллектуальную и, так сказать, культурную среду, в которой нуждается такое развитие и которая подготавливает исторические условия для революционной ситуации. Лишь когда мы поймем эту разницу между общей объективной основой революционного движения и сложным политическим, социальным и культурным процессом, через посредство которого оно превращается в преобладающую историческую силу, мы можем понять значение нашей исторической борьбы против сталинизма и задачи, стоящие перед нами сегодня. Мы не пришли к новому этапу капиталистического ренессанса; наоборот, можно сказать, что объективные хозяйственные предпосылки социализма являются сегодня гораздо более созрелыми, чем в 1917 году. Кроме того, объективная действительность пролетариата более готова к социализму, чем 75 лет тому назад. Влияние и удельный вес рабочего класса в хозяйственной жизни мира выросли за 75 лет. Многие части земного шара, бывшие аграрными 75 лет назад, сейчас основаны на извлечении прибавочной стоимости из промышленного пролетариата и тех рабочих, которые заняты в связанных с промышленностью областях хозяйства.

Но в то время, как объективное развитие экономики и самого рабочего класса сегодня гораздо более зрело, чем в 1917 году, субъективное

политическое сознание пролетариата более ослеплено. Этот факт имеет важнейшее значение для понимания нашего движения и проблем, которые стоят перед ним. Этот исторический парадокс не должен рассматриваться как непреодолимое препятствие для социалистической революции, но как конкретная разрешимая проблема. Мы не начинаем, как говорится, с нуля. На дворе 1992-й год, не 1917-й. Конец Советского Союза не является концом истории. Весь исторический процесс объективно вмещается в этой ситуации. Независимо от того, создает это общество или нет, новейшее общество и нынешняя политическая ситуация являются результатами этого прошлого. Мы должны извлечь это прошлое из его сложной и запутанной оболочки-маски. Регрессивисты 1942 года отрицали прошлое и, таким образом, пришли к совершенно поверхностной оценке положения, стоявшего перед ними. Они видели лишь победу фашизма и отсекали события того периода от всего исторического процесса, из которого они выросли. Они поэтому пришли к выводу о безуспешности социализма и стали вульгарными демократами. Они решили, что не стоит говорить о социализме. Они решили, что нужно вернуться к 1845 году и вторично пройти весь прошлый путь, за исключением ошибки, сделанной Марксом — за исключением необходимости построения независимой рабочей партии. Они видели свою задачу в воссоздании нового героического периода буржуазной демократии. Но эта перспектива была реакционной в 1942 году; сегодня она не стала лучше. Наоборот, условия для возрождения буржуазной демократии сегодня гораздо менее благоприятны, чем 70 лет тому назад.

Мы пытаемся разработать политическое сознание пролетариата на основе ассимиляции всей истории Российской революции. В рабочем классе сейчас много путаницы. Его мировоззрение не основано на правильном историческом сознании. Это фальшивое сознание коренится в предыдущем историческом опыте, через которое прошли массы; они могут ассимилировать этот опыт лишь через вмешательство партии.

Миллионы людей путаются в огромном обмане, что сталинизм равняется марксизму и что крах СССР доказывает провал социализма. Необходимо опровергнуть эту ложь и доказать, что сталинизм является антилгой марксизма, результатом величайшей контрреволюции в истории человечества. Я не выдвигаю это, как альтернативу или заменитель той необходимой и повседневной борьбы в рабочем классе вокруг каждого основного вопроса о защите жизненных уроч и пр. Мы согласны, что эти вмешательства являются необходимыми и ключевыми элементами нашей работы. Но мы должны рассматривать эти вмешательства в широких исторических рамках, как часть общей защиты революционной перспективы со стороны нашего движения.

Если мы задумаемся о последствиях преступлений сталинизма на политическое развитие рабочего класса, мы приходим к выводу, что никакая другая политическая сила не имела такого уничтожительного эффекта на прогрессивное развитие человечества. Гитлер знал, кто он такой. Он был фашистом, империалистическим политиком. Но Сталин, вся советская бюрократия и все другие массовые сталинистские партии по всему миру заявляли, что они говорят от имени Октябрьской революции.

В Советском Союзе начинают открывать архивы КГБ. Информация, которая выйдет наружу, продемонстрирует, что преступления сталинизма приняла огромный, с трудом понимаемый масштаб. Я не думаю, что работа Троцкого будет в малейшей степени умалена, но и он не мог знать, во время своей работы над опровержением Московских процессов, как широко разлился в СССР кровавый океан. К 1937 году в Москве расстреливали тысячу коммунистов ежедневно. Их «суд» длился 10—15 минут; люди,

революционное прошлое которых насчитывало 30 или даже 40 лет, сотрудники Ленина, великие марксистские ученые и теоретики. Их прогоняли через 10-и или 15-и минутное судилище, объявляли виновными, вели в подвал или в глухой закрытый дворик и убивали пулей в затылок. Их тела затем были зарыты в массовых, не помеченных могилах. Письменные работы и публикации этих весьма образованных мужчин и женщин затем сжигались. Интеллектуальное наследие революционеров, сыгравших такую великую роль в построении той массовой марксистской культуры, из которой выросла Российская революция, — и без которой эта революция не могла бы произойти, — было уничтожено. Мы знаем имена Троцкого и других великих исторических фигур Московских процессов. Но между 1936 и 1940 годами были уничтожены не только плоды марксизма, но его ствол и корни.

Что пытался сделать Сталин? Единственное объяснение массовых убийств может состоять в том, что это была попытка уничтожить все следы марксистской культуры внутри рабочего класса и внутри всего общества. Один автор написал книгу, которая называется, кажется, *«Геноцид троцкистов»*. Это весьма подходящее название. Сталинское массовое убийство имело конкретную политическую направленность. Он не убивал людей прежде всего из-за их религии или национальности; эти два момента играли, конечно, свою роль в его выборе жертв. Но главным образом Сталина интересовало политическое и интеллектуальное воззрение его жертв. Все, кто имел в голове независимую мысль и выделялся в политической истории марксистского и коммунистического движения, находились под угрозой уничтожения. Сотни тысяч людей, которые выступили с политическим тезисом, написали обдуманный политический документ, создали значительное произведение искусства, музыкальную композицию, интересные стихи или прогрессивный художественный фильм, были арестованы и убиты. Цель этих массовых убийств заключалась в искоренении индивидуумов, воплощавших собой революционную политическую, социальную и культурную среду, в которой вырос Октябрь 1917 года.

События прошлого года невозможно понять, не объяв мысленно масштаб этих преступлений. Поэтому, когда Торранс утверждает в своей комфортабельной квартире в Лондоне, что реставрация капитализма не произошло, потому что еще не было насильственной контрреволюции, мы нетерпеливо возражаем, что в Советском Союзе вовсе не было дефицита в контрреволюционном насилии. Политическая реакция пыталась уничтожить голову Октябрьской революции. В Советском Союзе головы насчитывались миллионами. Среди погибших есть множество незнакомых товарищам имен. Но есть и лица, сделавшие огромный вклад в образование российского и международного пролетариата. Троцкий стоял на вершине интеллектуальной жизни, связанной с международным социалистическим движением; но влияние этого движения распространялось вдаль и вширь по всей российской и европейской культуре. Именно это пытался уничтожить сталинизм.

Важно понять исторические основы отношения марксизма к российскому пролетариату. Плеханов¹¹ был родоначальником российского марксизма. Но его работа основывалась на предварительных достижениях Чернышевского. А этот великий мыслитель был одним из представителей того поколения, политические воззрения которого оформились в 1840-е годы и которое включало таких людей, как Александр Герцен и

Белинский¹². Начиная с 1883 года, Плеханов работал в относительно одиночестве Женевы. Но в середине 1890-х годов по России пронеслась волна стачек, которая глубоко изменила классовые отношения. Российские марксисты, предвидевшие революционное движение пролетариата, занялись образованием пролетариата. И пролетариат, обученный этими великими марксистами, совершил Российскую революцию.

Как завоевали массовое влияние в 1917 году Ленин и Троцкий? Когда они перулись в Россию после Февральской революции, Петроград был охвачен волной мелкобуржуазного радикализма. Партийное руководство приспособилось к преобладающим оппортунистическим настроениям и поддержало Временное правительство и продолжение войны. Против этого Ленин выдвинул свои *«Апрельские Тезисы»*. Несмотря на сопротивление в Центральном Комитете, Ленин собрал лучшие кадровые элементы вокруг себя. Среди них были тысячи партийцев и рабочих сторонников партии, которые с недоверием и подозрением читали статьи Сталина в *«Правде»*. Они думали: «В чем тут дело? Это вовсе не то, чему я учился у Ленина в партийной школе на острове Капри. Я всегда мыслил иначе».

Во время своей борьбы внутри большевистской партии, Ленин знал, что он полагается на интеллигентную прослойку в российском пролетариате. Те, кто противился Ленину в вопросе о Временном правительстве и планах о восстании, знали, что десятки тысяч политически образованных рабочих изучали эти разногласия, что полемика, публикуемая в *«Правде»*, была под наблюдением тысяч рабочих большевиков, которые, в свою очередь, объясняли эти вопросы перед массами. Поэтому, когда Ленин заявил в Центральном Комитете: «Если вы не примете мою программу, я подам в отставку и буду агитировать среди партийной массы», — они не могли отмахнуться от этой угрозы. Ленин знал, что он может созвать собрания тысяч большевиков-рабочих, что эти рабочие затем потребуют созыва экстренного съезда, на котором они выкинут все старое руководство большевистской партии и выберут новый Центральный Комитет. Противники Ленина тоже знали это, и этот факт помог ему победить.

Но после Октября 1917 года пришла гражданская война с ее катастрофическими последствиями для рабочего класса. К 1921 году значительная часть классово сознательного пролетариата была уничтожена. Многие из уцелевших были вовлечены в работу в государственном и партийном аппарате. Троцкий часто писал об истощении российского пролетариата. Многие заподы, бывшие в 1917 году бастионами большевизма, потеряли своих политически образованных рабочих. Они погибли или перешли на работу в гос- и партаппарат. Это и составляло подоплеку изменений, которые стали столь явными к 1923—24 годам. Ухудшение партийного режима вызвало широкую оппозицию внутри ВКП(б). Оппозиция выражалась в документах, как, например, в *«Письме 46-и»*. Но после публикации Троцким *«Нового курса»* марксисты внутри партии начали понимать, что они не могут больше полагаться на поддержку широкой базы образованных рабочих. Этот слой был более или менее уничтожен. Пресловутый «Ленинский призыв», организованный бюрократией после смерти Ленина, уничтожил большевистскую партию. Сотни тысяч крестьян и необразованных рабочих наводнили партию. Этот прилив политически наивных рабочих и крестьян оглушил остатки марксистских кадров в партии; последние были изолированы массами, которые оказались послушным орудием в руках сталинской фракции.

¹¹ Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) был основоположником марксистского движения в России.

¹² Виссарион Белинский (1811—1848), Николай Чернышевский (1828—1889) и Александр Герцен (1812—1870) были российскими революционными демократами и писателями.

Внутри фабрик и заводов еще оставались, конечно, марксистские рабочие. Но они были в меньшинстве. Несмотря на это, Сталин их боялся, и одна из основных целей чисток состояла в физическом уничтожении сознательных рабочих, чтобы марксизм никогда не поднялся среди пролетариата. Документы показывают, как сталинцы расправлялись с проявлениями троцкизма на заводах. Когда находили троцкистского сторонника, КГБ расстреливало не только его, но и всех его товарищей в цехе.

Этот процесс был сравним по своей жестокости с любой контрреволюцией. Нет, он не изменил классовую сущность государства. Советский Союз оставался перерожденным рабочим государством. Собственность оставалась в руках государства. Среди широких масс продолжало жить определенное революционное сознание, но мало чего осталось от старой марксистской политической культуры. Чистки ее уничтожили. Последствия этого распространились далеко за пределами Советского Союза.

Чтоб ответить на ложь, что сталинизм равен марксизму, мы должны обнажить деяния сталинизма. Чтоб знать, что такое сталинизм, надо показать, кого он убивал. Мы должны ответить на вопрос: против кого сталинизм направлял свои жесточайшие удары? Величайшая политическая задача, стоящая перед нашим движением — это восстановление исторической правды через публикацию далеко идущего значения преступлений сталинизма. В центре этого должно стоять обнародование документов о Московских процессах, о чистках и об убийстве Троцкого.

Эти архивы якобы должны быть открыты в России, но ситуация остается неясной. Никто не знает, кто контролирует эти архивы и кто ими завладеет. Некоторые статьи в прессе говорят, что архивы продаются за деньги, что некоторые архивы даже уничтожаются. Существует опасность, что сталинисты и их приспешники, — большинство из них продолжают вести государственный аппарат и являются пионерами капиталистической реставрации, — используют преобладающую путаницу, чтобы уничтожить документы, необходимые для восстановления исторической правды. Международный Комитет должен организовать кампанию за открытие архивов сталинизма и ГПУ—НКВД—КГБ, чтобы обнажить все преступные действия, связанные с уничтожением марксистских противников сталинистского режима. Все жертвы должны быть названы; надо объяснить их политику. Все те, кто организовал и выполнил эти преступления, должны быть названы. Открытие этих архивов должно восстановить настоящее историческое, социальное и политическое значение сталинистского режима. Ясно, что документация о политическом геноциде, организованном сталинистским режимом в целях уничтожения его социалистических противников, совершенно подорвет фальшивое и шипучее отождествление сталинизма с марксизмом.

Мы должны собирать поддержку среди широких слоев интеллигенции, работников искусства и ученых, в то же время объясняя это рабочему классу. Без такой кампании невозможно воссоздать интернациональное марксистское движение.

Когда мы говорим о кампании за обнародование исторической правды, мы видим перед собой задачу, которая пойдет на пользу не только рабочему классу в узком понятии этого слова, а всему прогрессивному человечеству. То, что происходило на Лубянке, затрагивает все трудящееся человечество. Обнародование преступлений сталинизма является ключевой частью преодоления тех ран, которые были нанесены развитию социальной и политической мысли.

Мы не должны обращаться только к тем, кто соглашается с точкой зрения Международного Комитета в вопросах политики, или, если угодно, к тем, кто стоит за социалистическую революцию. Я полагаю, что нам следует последовать примеру Троцкого в его борьбе за опровержение фальшивых обвинений во время Московских процессов. Мы должны обратиться к писателям, людям искусства и интеллигенции; мы должны просить их помочь в этом требовании открыть все архивы и учредить комиссию, состоящую из безупречно честных людей, чтоб организовать серьезную научную работу по раскрытию всех доселю о Московских процессах и о событиях, окружающих покушение на Троцкого. Надо так начать. Лишь раскрыв политическую сущность этих жестоких процессов, мы сумеем раскрыть природу сталинизма.

Только Четвертый Интернационал может вести такую борьбу. Лишь он обладает необходимым политическим кругозором и моральным авторитетом. Защитив принципы и традиции марксизма в течение долгих десятилетий, когда сталинизм казался непобедимым, троцкистское движение не может остановиться ни на минуту, пока историческая правда не установлена; на этой основе оно заложит фундамент для ренессанса марксизма в международном рабочем классе.

Сталинизм и история

Выставка архивов КГБ в Вашингтоне

Статья Дэвида Норта

Выставка «Тайны советских архивов», проведенная в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне 17-18 июня 1992 года, сыграла роль не освещения, а, скорее, маскировки природы сталинизма.

Дэвид Норт говорит на симпозиуме, организованном Библиотекой Конгресса в Вашингтоне.

«Тайны советских архивов» — название новой выставки, открывшейся на прошлой неделе в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Выставка состоит из приблизительно трехсот документов — писем, телеграмм, стенограмм, резолюций, отчетов и фотографий, которые были недавно опубликованы российским правительством.

Необходимо заметить с самого начала, как мало, в действительности, эта выставка освещает историю Советского Союза или природу сталинистского режима, образовавшегося после смерти Ленина в 1924 году.

В той мере, в какой Библиотека Конгресса собрала выставку, которая лишь пытается подтвердить поверхностную и избитую до смерти тему, являвшуюся лейтмотивом для большей части американской историографии на весь период Холодной Войны, — что сталинистский режим являлся естественным и неминуемым результатом Октябрьской революции, — то выставленные экспонаты не открывают никаких Америк.

Для американской аудитории, в большей части незнакомой со сложной и мученической историей Советского Союза, выставка, показывающая и эффективно демонстрирующая, что сталинистский режим укрепился у власти на основе массового убийства коммунистов в СССР, конечно, являлась бы ошеломляюще поучительным примером.

Но такой подход был бы совершенно несовместим с политическими задачами организаторов, которым эта выставка видится не как разоблачение сталинизма, а как осуждение социалистической революции вообще. Поэтому экспонаты, выбранные для экспозиции, поверхностно и недостаточно описывают сталинистское уничтожение основоположников и ведущих лиц Октябрьской революции. Почти нет свидетельств о Московских Процессах и следующего волеизъявления за ними Большого Террора. Волеизъявления преследования и уничтожения троцкистской оппозиции в Советском Союзе, закончившиеся убийством Льва Троцкого в августе 1940 года.

Выставка также избегает использования материалов о преступлениях сталинистского режима против других антисталинистских социалистов за границами СССР: убийство вождя испанской партии POUM, Андреса Нина в 1937 г.; похищение в Нью-Йорке, тоже в 1937 г., диссидентского члена Американской Компартии Джулиет Стюарт Пойнц; убийство в 1941 г. перебежчика из ГПУ Вальтера Кривичского в номере одной из гостиниц в городе Вашингтон; и убийство в Нью-Йорке в 1943 г. лидера анархистов Карло Треска.

Задача обнаружить документы, обнажающие политическую организацию этих преступлений и их исполнение, выпадает на долю более пронацпартейных и принципиальных исследователей. Выставка в Библиотеке Конгресса старается доказать, с помощью нескольких вырванных из их исторического контекста документов, что действительным архитектором и вдохновителем террора и массовых репрессий в Советском Союзе являлся Ленин. Сталин, якобы, лишь продолжал идти по той же дороге.

Выставка пытается это доказать с помощью экспонатов, демонстрирующих жестокость Ленина — например, в случае, когда Ленин отдал детальное указание казнить виновных в антисоветской деятельности. Один из документов, освещенный в массовой прессе, свидетельствует о требовании Ленина публично повесить группу кулаков, чтобы запугать врагов советской власти.

И вот такой документ якобы доказывает «тождественность» ленинского и сталинского режимов! Но это суждение оставляет в стороне весьма важный вопрос о политическом контексте. Приказы Ленина были написаны в то время, когда революционное правительство, осажденное со всех сторон, вело отчаянную борьбу за существование. Если Ленина надо судить за непримиримые приказы, отданные им в защиту стоящей под угрозой революции, то на скамью подсудимых следует посадить рядом с ним и многих других великих исторических личностей.

Допустим, что в ближайшем будущем кто-то найдет документ, написанный рукой Линкольна, который детально указывает Шерману, как тому нужно действовать, когда он осаждал и поджег город Атланту.

Изменит ли это нашу историческую оценку Линкольна? Линкольн, конечно, имеет следующее преимущество по сравнению с вождями большевиков: он был вождем буржуазной революции, с которой большинство американских историков успело примириться. А Ленин, вождь первой и последней успешной пролетарской революции, не заслужил у этих мелкобуржуазных профессоров того же морального прощения.

Как бы то ни было, нужна большая доза лицемерия, чтобы морально отождествить действия Ленина и большевиков посреди ужасной гражданской войны с хладнокровными массовыми убийствами и террором, направленными Сталиным двадцать лет спустя против целого поколения, действия и мысли которого были связаны с Октябрьской революцией и с теми идеалами и надеждами, которые это великое событие вдохновляло.

На следующий день после открытия выставки был проведен симпозиум, на котором выступили двое известных американских советологов: Роберт Такер из Принстонского университета, и Адам Улам из Гарварда, а также двое членов режима Бориса Ельцина: министр, заведующий архивами, Рудольф Нихоя и генерал Дмитрий Волкогонов, который здобавок к должности военного советника при Ельцине сейчас заведует архивом КГБ. Он также написал биографии Сталина и Троцкого и заканчивает биографию Ленина.

Джеймс Буллингтон, библиотечарь Конгресса, задал том этому симпозиуму, подчеркнув центральное «разоблачение» выставки: роль, которую сыграл Ленин, и которую лишь продолжал играть Сталин в проведении тоталитарного террора.

Нихоя и Волкогонов с энтузиазмом подтверждали вступительные замечания Буллинтона. Оба говорили как ярые антикоммунисты, которые в настоящее время оценивают Октябрьскую революцию как наиболее отвратительное событие истории. Нихоя поздравил крушение «идеи прогресса», на которой марксисты обосновывали закономерность революции; Волкогонов начал свою речь замечкой, что он, к сожалению, не в силах «отменить революцию».

Эти люди в течение многих лет делали свои карьеры в Советском Союзе в рядах защитников режима; в своих книгах и статьях они осторожно писали лишь то, что было приемлемо правящей бюрократии. Всего несколько лет тому назад, во время расцвета «гласности», когда возможность крушения Советского Союза казалась весьма далекой, Волкогонов радил себя в «социалистического» критика сталинизма. Во введении к своей биографии Сталина он писал следующее: «Поэтому ошибочно, видимо, с политической и гносеологической точки зрения, нечестно в моральном отношении, осуждая Сталина за преступления, отрицать реальные достижения социализма, его принципиальные возможности. Все это удалось реализовать на практике не благодаря, а вопреки сталинской методологии мышления и действия»¹³.

Но времена изменились: Волкогонов кормится у нового корыта; поэтому он перенял те самые мнения, которые он так недавно осуждал как «гносеологически ошибочные» и «морально нечестные».

Во время краткого периода вопросов из зала к концу симпозиума я имел возможность сделать краткое замечание:

«Открытие советских архивов и неограниченное обнажение их содержимого приведет, если это действительно случится, к полному опровержению одного из величайших обманов XX-го века: что сталинизм имеет что-нибудь общего с марксизмом или с социализмом. На деле,

укрепление сталинского режима у власти было достигнуто на основе действий, которые можно адекватно описать, как политический геноцид, направленный против социалистической интеллигенции и социалистического рабочего движения в Советском Союзе.

«Держа в уме это историческое прошлое, следует оспорить направление этой выставки и сегодняшней дискуссии. Выставка не упоминает о судьбе троцкистской оппозиции против сталинского режима. Но серьезная оценка преступлений ГПУ—НКВД, не упоминая судьбу троцкистов, так же невозможна, как анализ преступлений СС и Гестапо, не ссылаясь на судьбу евреев».

В этот момент Буллингтон остановил меня и спросил, есть ли у меня вопрос. Я задал следующий вопрос Волкогонову. Поскольку он отвечает за архивы КГБ, может ли он гарантировать неограниченный доступ ко всем документам, связанным с преступлениями против троцкистского движения, включая и документы, которые обвиняют провокаторов, заставших в Четвертый Интернационал со времени Сталина и до развала Советского Союза.

Волкогонов отказался прямо ответить на этот вопрос. Вместо этого, он заявил что его биография о Троцком, которая еще не была опубликована в Соединенных Штатах, содержит ошеломительные сведения о секретных связях между Троцким и Кремлем в годы его ссылки за границу. Волкогонов сослался на три письма, написанные Троцким в 30-е годы, в которых он предлагает свою лояльную помощь в преодолении катастрофических последствий политики Сталина. Эти сведения вовсе не так ошеломительны, как это кажется Волкогонову. Одно такое письмо, написанное Троцким в 1932 году, было опубликовано 20 лет тому назад в собрании его сочинений. Эти письма попросту демонстрируют, что действия Троцкого побуждались не жадностью власти или субъективной ненавистью к Сталину, а глубокой верностью к настоящим интересам Советского Союза как рабочего государства. Как заметил и сам Волкогонов, Сталин гневно написал поверх писем Троцкого, что он требует физического уничтожения вождя Четвертого Интернационала.

Было бы верхом политической глупости полагать, что новый буржуазный режим Ельцина, сверху донизу заполненный бывшими сталинистскими чиновниками, добровольно откроет эти критически важные архивы, которые обнажают преступления, совершенные сталинистским режимом против советского рабочего класса и международного социалистического движения.

Нет, это потребует всемирной политической кампании, требующей полного и неограниченного доступа к архивам сталинского режима.

Сталинисты убили марксизм.

Следующее письмо, написанное Дэвидом Нормом в редакцию газеты *"Wall Street Journal"* в ответ на статью историка Роберта Конквеста, было напечатано в номере газеты за 22 сентября 1992 года в разделе *«Письма к редактору»*.

Название статьи Роберта Конквеста на редакционной странице номера газеты за 15 сентября, *«Не разобратесь в коммунизме»*, является удачным описанием его собственного понимания марксизма. Хотя его книги сделали вклад в разоблачение преступлений кремлевской бюрократии, он всегда некритически соглашался с основным и удобным для них политическим самонаименованием сталинистов, т. е. что их политика основывалась на марксизме

¹³ «Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина», Москва 1989 г., т. 1, кн. 1, стр. 13.

и являлась неминуемым результатом программы и идеалов, вдохновивших Октябрьскую революцию.

Со времени путча в Советском Союзе в 1991 году, заявляет мистер Конквест, «люди там избавились от марксизма—ленинизма». На самом деле, в СССР не было и духу марксизма или ленинизма в течение более полувека.

Как демонстрирует книга мистера Конквеста «Большой террор», между 1936 и 39 гг. сталинский режим жестоко ликвидировал фактически всех тех, кто играл какую-либо значительную роль в Октябрьской революции. Кроме того, убийства не ограничивались политическими кадрами старой большевистской партии. К концу 30-х годов сталинцы убили или загнали за решетку почти всех значительных представителей всего того поразительного поколения социалистических рабочих и интеллигентов, которые сделали возможными Октябрьскую революцию и начальные социальные, хозяйственные, научные и культурные достижения большевистского режима. В «Большом терроре» мистер Конквест сам описал многие детали этих ужасающих преступлений.

Но мистер Конквест, как и многие другие антикоммунистические историки, никогда не объясняет, почему же подъем сталинистской бюрократии к власти потребовал повального уничтожения социалистов внутри Советского Союза.

Мистер Конквест пишет не как враг сталинизма, а как враг самой революции; он ее отрицает, как слишком «нестерпимое» средство реализации социальных перемен. Он заканчивает свою статью бранной речью против социализма. Он имеет право на свое мнение. Но в роли историка мистер Конквест должен как минимум признать, что бесчисленные тысячи мужчин и женщин внутри СССР во имя марксизма и социализма вели смертельную борьбу против советской бюрократии, что за несколько десятков лет до появления работ мистера Конквеста преступления и фальсификации кремлевского режима были разоблачены и осуждены величайшим из всех марксистских противников сталинизма — Львом Троцким.

Дэвид Норт

Национальный Секретарь Рабочей Лиги, г. Детройт

Франкфуртская конференция против расизма и опасности войны

5 и 6 декабря 1992 Лига Социалистических Рабочих (Bund Sozialistischer Arbeiter), германская секция Международного Комитета Четвертого Интернационала, провела в г. Франкфурте конференцию против воли фашистского и расистского насилия, направленного против рабочих-иммигрантов. Цель конференции — осудить капитуляцию официальных капиталистических и социал-демократических партий перед неонаци и встать против приготовления германского и международного капитализма к новым империалистическим войнам.

Вступительное слово: Петер Шварц

«Только социалистическая революция может победить фашизм»

Задача этой конференции — не просто прибавить еще один голос к недавнему хору протестов против расизма. Наша задача гораздо значительней. В ходе следующих двух дней мы хотим объяснить как, спустя 47 лет после поражения гитлеровской диктатуры, фашистские течения вновь всплывают в Германии наверх.

Отвечая на этот вопрос, мы разработаем политическую стратегию, которая поможет не только осудить расизм и опасность войны, но и в корне уничтожить эти феномены.

Расизм против приезжих и политика правительства

События последних месяцев показывают, что мы имеем дело не с проходящими вспышками консервативных движений. Взрыв расистского насилия — не периферийные социальные происшествия. Факты убеждают сами собой. За последние два года было официально зарегистрировано свыше трех тысяч расистских нападений, т.е. четыре или пять в день! Лишь в этом году были убиты 17 человек. Еще сотни были тяжело ранены.

Вначале нападения направлялись против людей с темным цветом кожи и на убежища для иммигрантов. Но в последнее время мишенью стали бездомные, евреи, иностранные рабочие, годами проживающие в Германии, и левые. Даже беззащитные инвалиды были избиты прямо на улице.

Винновниками этих атак очень часто являются социально лишенные молодые люди. По этой причине эти события очень часто пытаются объяснить психологическими причинами: ростом безработицы, беспокойством о будущем, отсутствием перспективы и пр. Но эти психологические побуждения обходят главное. Они не объясняют, почему расистские поджигатели и убийцы, не обладающие, как правило, выдающимся интеллектом или отвагой, способны так часто и самоуверенно красоваться перед толпой. Этот последний факт указывает на тяжелую болезнь не только этих дегенератов, но и всего общества.

Слепота полиции и судов по отношению к насилию справа стала настолько известной, что даже буржуазная пресса вынуждена о ней писать. Было бы легко провести все наше время, рассказывая о случаях, когда полиция и система правосудия прикрывают, помогают и поощряют расистские атаки.

Убийство негра, — как в случае с вилгольфом Антоиньо Амадеу в Эберсвальде, — было наказано менее сурово, чем битье витрины в ювелирном магазине. В Росток, как стало теперь ясным, высшие чины полиции и министерства внутренних дел приняли решение предоставить сто десять вьетнамцев, которым угрожал быть заживо сожженными, их собственной судьбе. Официальное объяснение: полиция была в еще большей опасности, чем вьетнамцы. Менее дипломатичное объяснение звучало бы так: жизнь ста десяти вьетнамцев не заслуживает внимания полиции.

Кроме того, если внимательно изучить в течение некоторого времени тесную связь между федеральной разведкой, местной полицией и нацистами, то приходишь к выводу, что государственные шпиксы проникли во многие фашистские группы и что многие из атак связаны с государственными провокаторами.

Что же касается партий, представленных в Бундестаге (германском парламенте) — от CSU (Христианско-Социальный Союз), CDU (Христианско-Демократический Союз) и FDP (Свободно-Демократическая партия), до SPD (Социал-Демократическая партия), Зеленых и PDS (Партия Демократического Социализма, бывшие «коммунисты») — то они все реагировали на расистские погромы тем, что перенимали программу расистов. Как мы писали в манифесте этой конференции, лозунг «Германия для немцев!» не является призывом одних лишь правых банд; он стал политикой правительства.

В течение месяца правительство лихорадочно готовится выдворить вон сотни тысяч иностранных рабочих, проживающих здесь и закрыть границы против дальнейших приливов людей. Согласно точечным зрениям

правительства, за расистское насилие виновны не фашисты, а их жертвы, рабочие иммигранты и беженцы. Нет ли малейшего сомнения, что фашистские убийцы чувствуют себя оправданными и находят поощрение в этой политике правительства.

Социал-Демократическая партия усиливает фашистов

Социал-демократы несут особую ответственность. Если мы все еще нуждаемся в доказательстве совершенно правой и антирабочей сущности этой партии, то ее реакция на расистские погромы это полностью проясняет.

СДП не нашла ничего более важного, чем провести особую партийную конференцию в защиту упразднения права на убежище. Следуя совету руководителя СДП Энгхольма, что лучше поджечь свой дом «по всем правилам» чем позволить кому-то сделать это «в беспорядке», социал-демократы стали сторонниками атак на иммигрантов.

Решение о законе об убежище, проведенное на особой партконференции, рассуждает, что широко распространенная ненависть к иностранцам выражает всенародные чувства и является результатом чрезмерных ожиданий от общества. Вот цитата из этой резолюции: «Народ нашей страны, города и местные общины считают, что на них налагают слишком высокие и быстро растущие требования ввиду роста безработицы, недостаточного обеспечения жильем, особенно в то время, когда установление равных жизненных условий между западом и востоком (бывшей ГДР) должно встать в первую очередь».

Этими словами нужно заклеить каждого члена СДП. Эта резолюция открыто и бесстыдно превращает иммигрантов в козлов отпущения за катастрофу, в которой виновны правительство и сама Социал-Демократическая партия.

Эта совершенная капитуляция партии, ведущей свои корни из интернационалистических традиций рабочего движения, больше всего повинна в ободрении и усилении фашистов. Последовательность событий говорит сама собой: на следующий же день после конференции СДП в Петербурге, где руководство согласилось на это решение, имели место убийства в г. Мелле.

Защита экономических интересов посредством военных мер

Мы созвали эту конференцию не только для борьбы против фашизма, но и против угрозы войны.

В последнее время расизм занимает львиную долю общественного внимания. Но это не должно замаскировать милитаризм, систематическую политическую и военную подготовку к всемирному вмешательству германской армии. Правительство просто предпочитает делать это потише; они ведь ожидают, что это вызовет общественные протесты и сопротивление.

После воссоединения Коль и министр иностранных дел Геншер говорят о «растущей международной ответственности Германии»; не проходит и недели без какого-то практического шага на пути к упразднению запрета на военную интервенцию, навязанного германской буржуазии в результате ее поражения во время Второй Мировой войны.

Война в Персидском Заливе два года тому назад послужила важным толчком. Под улыбчивой маской германская буржуазия внутренне не может смириться с американским вторжением в регион, где она сама имеет значительные хозяйственные интересы. Она пришла к выводу, что в будущем она также должна иметь возможность участвовать в таких

действиях, особенно в свете развития новой реколонизации Азии и Африки в результате этой войны.

Лишь на этой неделе американское правительство решило послать 28.000 солдат в Сомали. Предлог совершенно жалок: эти войска будут якобы обеспечивать помощь голодающему населению. Ерунда! До сих пор американское правительство проигнорировало мало заботы о благоденствии африканских народов. В течение десятилетий они помогали насмешкам, виновным за хаос, массовые убийства и голод в Анголе, Мозамбике и многих других странах. Они даже сейчас проводят бойкот Ирака, в результате которого умирают мужчины, женщины и дети. Настоящая цель этого вторжения — превратить стратегически важный район мира в протекторат.

Становится ясно, что эта последняя военная авантюра подтолкнет германское правительство, чтобы, когда подвернется следующий благоприятный предлог, оно также смогло принять в ней участие.

Если кто-то сомневается в систематической подготовке германского военного возрождения, я опишу лишь его важнейшие этапы. С начала 1991 г. германские войска начали посылать за пределы действия НАТО.

- В марте 1991 г., во время войны в Заливе, пять минных тральщиков и вспомогательные судна были посланы в Персидский Залив для очищения его от мин.

- В мае 1991 г. вертолеты и солдаты были посланы в Иран под предлогом помощи курдам.

- Вскоре после этого в Курдистан была послана эскадрилья самолетов Люфтваффе для участия в очистительных операциях после окончания войны.

- В сентябре 1991 г. министр иностранных дел Геншер объявил на заседании Ассамблеи ООН о намерении Федеральной Республики изменить свою конституцию, чтобы дать германской армии право принимать участие во всемирных вмешательствах.

- В октябре 1991 г. Франция и Германия согласились совместно создать 50-тысячный армейский корпус вне структуры НАТО.

- В декабре 1991 г. заседание на верхах Европейского Сообщества в г. Мaaстрехте подтвердило роль Западноευропейского Союза как военного орудия ЕС.

- В феврале 1992 г. была опубликована так называемая «Декларация Науманна», определившая дальнейшие военные задачи германской армии. Декларация заявляла, что целью всемирного вмешательства германской армии должно быть «предотвращение, ограничение и прекращение любого конфликта, который можно рассматривать как затрагивающий целостность и стабильность Германии». Вдобавок заявление сказало, что германская армия должна делать вклад в «охранение свободной мировой торговли и доступа к стратегическим сырьевым материалам».

- В апреле 1992 г. германские военнослужащие в голубых касках войск ООН приняли в первый раз участие в операциях ООН, присоединяясь к миротворческим подразделениям в Камбодже.

- В июне 1992 г. министры иностранных дел девяти членов WEU (Западноευропейского Союза) опубликовали «Петербургскую декларацию». В ней они пообещали выставить до 50.000 солдат под командованием WEU в целях «военных действий и условий кризиса».

- В сентябре 1992 г. министр иностранных дел Кинкель потребовал для Германии постоянное место в Совете Безопасности ООН. Он объяснил: «В своем составе Совет Безопасности отражает мировое положение конца Второй Мировой войны, а не нынешнюю мировую ситуацию».

- В октябре 1992 г. НАТО организовала силы быстрого реагирования, численностью в 100.000 человек и включающие 40.000 немцев. Генеральный Секретарь НАТО Манфред Вернер заявил: «Я предлагаю, что часть этой армии будет употреблена для военных действий ЕС и НАТО, например, в Югославии».

- В ноябре 1992 г. министр обороны Рухе опубликовал факт, что к концу 1993 г. первый контингент германских войск (три или четыре батальона) будет готов к участию в миссиях ООН по всему миру.

- Тогда же особый партсъезд СДП выразил свою готовность поддержать изменение конституции, чтобы разрешить такого рода употребление вооруженных сил. Как в связи с расизмом, так и в связи с милитаризмом, именно СДП играет ключевую роль.

В настоящее время подобные вооруженные вмешательства изображаются как миролюбивые миссии. Но я показал, что за этим скрывается в случае Сомали. На деле, вопрос стоит о защите германских экономических интересов с помощью вооруженных средств. Это становится ясно при расследовании роли Германии в Югославии.

Эта война применяется — во-первых, всеми мелкобуржуазными радикалами и частью Зеленых, — для оправдания международного вмешательства германской армии. Если проследить ход этого конфликта, то станет ясным, что германское правительство несет основную вину за нынешние события в Боснии. И в этом случае, я ограничусь лишь наиболее важными этапами.

- Летом 1991 г. германское правительство изменило свое предыдущее отношение к Югославии и, противореча Великобритании, США и другим странам, призвало к признанию независимости Хорватии и Словении. Германия преднамеренно привела в действие процесс раскола, который закончился сегодня кровавой войной.

- В августе 1991 г. именно Геншер впервые призвал WEU и CSCE (Совет Безопасности и Кооперации в Европе) послать европейских военных наблюдателей в Югославию.

- Зимой 1991 г., снова противореча другим государствам ЕС, Геншер протолкнул германское признание Хорватии и Словении, таким образом, фактически неизбежно ведя к конфликту в Боснии.

- В феврале 1992 г. инициатива Геншера привела к посылке 14.000 солдат ООН в Югославию.

- В июле 1992 г. германские военные самолеты впервые приняли участие в организации воздушного моста в Сараево. С тех пор германский военный корабль был послан участвовать в санкциях против Сербии.

Взяты отдельно, эти действия, возможно, привлекли бы мало внимания. Но, в совокупности, они обнажают направление, по которому движется правительство с помощью СДП. Они вновь пытаются превратить Германию в ведущую вооруженную державу.

Противоречия, приведшие к двум мировым войнам, вновь накапливаются

Прошло всего два года и два месяца с момента воссоединения Германии. Большинство из нас помнит, что тогда все заявляли, что мы входим в новую эпоху демократии, мира и процветания. Вместо этого, мы переживаем ужасы, в которых все кошмары германского прошлого — милитаризм и фашизм — возрождаются вновь.

Какие у этого причины?

Во-первых, всемирный кризис капиталистической системы. Экономика проходит через наиболее серьезный кризис со времени 1930-х годов. Все

механизмы стабилизации мирового хозяйства, развитые после Второй Мировой войны, более не работают. Международные отношения, особенно между США, Японией и Европой, находятся под все большим давлением экономических конфликтов и торговых войн.

Европа превращается в такой же националистический сумасшедший дом, каким она была в начале века. Всего год тому назад европейские государственные лидеры объявили о своем политическом объединении. С тех пор, даже уже достигнутое экономическое согласие ошеломительно быстро разваливается.

Балканы грозят разорваться в клочья в кровавой войне, которая, как и в начале XX-го века, угрожает расширяться поперек окружающих госграниц.

Кризис затронул все ведущие капиталистические государства без исключения. Массовая безработица стоит в порядке дня во всех этих странах. Неопытные условия нищеты объяли неразвитые страны. А в Восточной Европе, где буржуазные писакки раньше рисовали чудесное будущее рыночного хозяйства, распространяется беспрецедентный социальный и хозяйственный коллапс.

Международный Комитет Четвертого Интернационала уже давно предвидел такой кризис. В 1989—90 г.г., в то время, когда сталинские режимы Восточной Европы, ГДР и Советского Союза рушились и пресса публиковала статьи о «крахе социализма», мы заявляли, что происходит развал капиталистической цепи и ее наиболее слабом звене. Мы указывали, что кризис этих стран является результатом неразрешенного противоречия между мировым хозяйством и национальным государством; что это же самое противоречие толкает капиталистические страны во все более глубокий кризис и выводит наружу те же самые конфликты, которые уже дважды разразились мировыми войнами. С тех пор это предсказание полностью подтвердилось.

Из-за ее сильной, ориентированной на экспорт промышленности и подъема потребления, последовавшего за воссоединением, германская рецессия началась сравнительно поздно. Но по этим же причинам спад более чувствителен.

Спад начался в бывшей ГДР, где более пяти из десяти миллионов рабочих мест было уничтожено. Долгое время вина за потерю рабочих мест возлагалась на «наследие бывшей ГДР». Но это объяснение потеряло свою силу по мере того, как не реализовались инвестиции, обещанные многими компаниями, напр., Volkswagen, Daimler-Benz и др.

Теперь ясно, что в результате международного кризиса уничтожение рабочих мест и промышленности вообще идет полным ходом. К первому января следующего года ожидается еще четверть миллиона увольнений. Волна сокращений персонала хлынула и на запад. Нет ни одной ветви промышленности: металлургическая, автомобильная, машиностроительная, железнодорожная, почтовая и пр., в которой не было бы объявлено о планах увольнения десятков тысяч рабочих.

Все противоречия, которые германская буржуазия пыталась подавить путем двух мировых войн, вновь взрываются. В январе 1932 г., — почти ровно за год до взятия власти Гитлером, — Троцкий опубликовал брошюру «Что дальше?»,¹⁴ в которой он суммировал противоречия германского развития в то время. Параллели с сегодняшним днем настолько разительны, что я с нашего разрешения прочту важный отрывок из этой работы:

¹⁴ Большинство статей Троцкого, посвященных Германии, были напечатаны в «Бюллетене левой оппозиции» и в отдельной книжке «Немецкая революция и сталинская бюрократия».

«Русский капитализм оказался самым слабым звеном империалистской цепи вследствие своей крайней отсталости. Германский капитализм обнаруживает себя в нынешнем кризисе, как самое слабое звено, по противоположной причине: это самый передовой капитализм в условиях европейской безвыходности. Чем большая динамичная сила заложена в производительные силы Германии, тем более они должны задохнуться в государственной системе Европы, похожей на «систему» клеток задухлого провинциального зверинца. Каждый поворот конъюнктуры ставит германский капитализм перед теми задачами, которые он пытался разрешить посредством войны... Европе, и прежде всего Германии, нет движения вперед на капиталистическом пути»¹⁵. Вновь именно динамический потенциал, именно зависимость от экспорта — эта ахиллесова пята германской промышленности — бросают сильнее всего хозяйство Европы в объятия кризиса.

В тридцатые годы германская буржуазия выбрала фашизм как ответ на эту дилемму. Она приняла программу хозяйственной автаркии и порвала все экономические связи с окружающим миром. Логика этой программы неминуемо толкала ее на поиски нового *Lebensraum* (жизненного пространства) единственным путем: путем войны.

В то же самое время она нуждалась в фашизме для подавления рабочего класса, который искал собственное, революционное разрешение кризиса капитализма. «Чтобы попытаться найти выход, — пишет далее Троцкий, — буржуазии надо начисто освободиться от давления рабочих организаций, надо убрать, разбить, распылить их. Здесь начинается историческая миссия фашизма. Он поднимает на ноги те классы, которые непосредственно возвышаются над пролетариатом и боятся быть свергнутыми в его ряды, организует и милитаризирует их на средства финансового капитала, под прикрытием официального государства, и направляет их на разгром пролетарских организаций, от самых революционных до самых умеренных» (там же, стр. 7—8).

Недавние события показывают, что долго затянувшийся бум послевоенного периода не оказался способен преодолеть противоречия, которые привели к Первой и Второй мировым войнам. Эти противоречия оказались, скорее, воспроизведены на более высокой стадии; они вновь толкают германскую буржуазию к направлению милитаризма и фашизма.

Рушится демократический фасад Федеральной Республики

Хозяйственные факторы сами по себе неспособны объяснить причину взрыва расистского насилия. Общество, которое при первом симптоме кризиса реагирует расистскими погромами, должно быть совершенно больным.

В течение последних сорока лет в каждого школьника в ФРГ вдалбливали, что Федеральная Республика является первым демократическим государством на территории Германии. Но при первых признаках кризиса демократический фасад треснул и рухнул будто старая штукатурка. Дело в том, что в Германии нет и не было демократической традиции. Это является последствием всего исторического развития Германии.

Во время классических буржуазных революций XVIII-го века — Французская революция, Американская Война за Независимость, — буржуазия сплотила вместе широкое народные массы в борьбе против

¹⁵ «Немецкая революция и сталинская бюрократия», Берлин, 1932, стр. 5.

феодалного государства и этим путем установила сильные демократические традиции.

Но к середине XIX-го века, когда подошла очередь германской буржуазии штурмовать бастионы феодализма, уже существовал могучий пролетариат. Буржуазия быстро пришла к выводу, что ей выгоднее приспособиться к прусскому государству, чем возбуждать революцию и рисковать тем, что рабочий класс возьмет события в свои руки и поведет революцию дальше, чем хотела бы буржуазия. В этом лежала причина поражения германской революции 1848 г. Германская буржуазия переметнулась в противоположный лагерь, а мелкобуржуазные демократы, собравшиеся в церкви Св. Павла, всего двести метров отсюда, погубили революцию своей трусостью и пассивностью.

С тех пор ни германская крупная, ни мелкая буржуазия ни разу не пробовали заниматься революцией. Их героем был Бисмарк, объединивший Германию в ходе нескольких войн и правивший ею при помощи железных рукавиц. Борьба за демократию была оставлена на долю рабочего класса и на Социал-Демократическую партию, в течение десятилетий бывшую вне закона. Борьба за демократические права под руководством СДП была неразрывной частью ее борьбы за социалистическую программу. Было ясно, что установление настоящей демократии в Германии требовало свержения буржуазной власти и ее замены рабочим государством.

Когда в 1914 г. СДП предала свою интернационалистическую программу и поддержала Первую Мировую войну, она заодно порвала со своими демократическими традициями. В 1918 г. СДП организовала Freikorps, который жестоко потопил в крови ноябрьскую революцию, подавил Спартаковцев и Компартию и убил Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Революция 1918 г., породившая Веймарскую республику, являлась, как резко заметил Троцкий, «не демократическим дополнением к буржуазной революции, а пролетарской революцией, обезглавленной социал-демократами; вернее, она являлась буржуазной контрреволюцией, которая была вынуждена сохранить псевдодемократические формы после ее победы над пролетариатом». Эти псевдодемократические формы Веймарской республики рухнули при появлении первого серьезного кризиса. Институты этого так называемого демократического государства посадили Гитлера на канцлерское кресло.

Какая ситуация наблюдается сегодня в Федеральной Республике?

Она также не явилась результатом успешной революции. После окончания войны союзники применили все подручные средства для того, чтобы предотвратить расправу рабочего класса над фашизмом и его корнями в капиталистической системе. Конституция Федеральной Республики, — которую, как символ демократии, сегодня приветствуют такие политические силы, как лидер Зеленых Эрика Фишер, — прежде всего служила спасению жизни, собственности и социального положения всех тех, кто как Крупп, Тиссен и Deutsche Bank финансировал Гитлера и богател от Второй Мировой войны и концлагерей. Она позволила целой армии судейских, полицейских и государственных чиновников безболезненно перейти от Третьего Рейха к Федеральной республике. С помощью СДП и профсоюзной бюрократии, после серии энергичных схваток, стало возможным подчинить рабочий класс новому государственному аппарату.

В Восточной Германии положение ничем значительно не отличалось. Оно приняло иную форму, но содержание было подобным. Государство бывшего ГДР, как мы детально объясняем в нашей книге «Конец ГДР», было не результатом завершения буржуазной революции или какой-либо социалистической революции в Германии. ГДР была не социалистическим государством, а диктатурой сталинистской бюрократии. Основной заботой

государства являлось подавление любого независимого движения пролетариата. События осени 1989 г. явились не крахом социализма, а крушением псевдосоциалистического фасада ГДР.

Но сейчас, всего два года спустя, псевдодемократический фасад ФРГ также рухнул. Расистские погромы содрали фальшивую маску и обнажили ее настоящее лицо. Оно не столь отличается от обличья Веймарской республики, которая «легально» дала власть Гитлеру.

Демократические права и пролетариат

Когда призадуматься об этой истории, становится ясно, что призывы к государству наказать фашистов ведут в тупик. Но именно такие призывы были основными лозунгами массовых демонстраций в Берлине и Бонне. История показывает, что лишь рабочий класс в независимой от государства борьбе может осуществить эту задачу.

В конечном итоге каждый шаг правительства против фашистов усиливает позицию государства против рабочего класса. В последние недели это стало ясно.

После убийств в г. Мелн правительство изменило свою тактику. Верховный Судья сам занялся расследованием. Несколько фашистов были арестованы, и одна из семидесяти фашистских организаций была запрещена. Вдобавок было проведено множество домашних обысков.

Комментарии в прессе объяснили, что именно вынудило правительство принять эти шаги: не изменение в его отношении к фашистам, а опасение, что «государственная монополия на насилие» может оказаться в опасности. Обсуждения на заводах и фабриках — в основном среди турецких рабочих, но не только среди них — о необходимости принять меры самозащиты, угроза еврейского писателя Джордано пойти на путь «вооруженной самозащиты» побудили государство принять меры.

Согласно истеричному комментарию Джозефа Еффе в газете *Süddeutsche Zeitung*, защита государственной монополии на насилие является «альфой и омегой безопасности и свободы», основой «священных ценностей демократии».

Даже для не посвященного в историю Германии человека эти слова раскрывают совершенно лживую сущность германской демократии. Мы с трудом пытались перевести фразу «государственная монополия на насилие» для наших международных товарищей; это понятие просто не существует на английском языке. Второй параграф американского конституционного Билля о Правах дает каждому гражданину право носить для самообороны оружие.

Мысль, что насилие есть монополия государства — это типичный продукт германской истории. То, что называют демократией, — это не власть народа, а власть государства. И это государство имеет право, в случае чрезвычайного положения, защищать демократию с помощью диктатуры. В 1960-е годы для этого были проведены законы о чрезвычайном положении.

Я должен здесь подчеркнуть следующее. Мы безоговорочно защищаем все демократические права немецких и иностранных рабочих, включая и неограниченное право на убежище. Но прошения к государству и к конституции неуместны. Вся история Германии доказывает, что эти демократические права устанавливаются и гарантируются не словами конституции, а лишь независимой борьбой рабочего класса.

Опасная роль СДП и DGB

Я хочу устранить любую возможность путаницы. Было бы совершенно неверным уравнивать нынешнее положение в Германии с 1933 годом. Мы не живем при «Четвертом Рейхе», как утверждают некоторые политические группы. Фашистское государство не валится вдруг с неба. До этого должны произойти многие социальные перевороты и конфликты, которые неминуемо приведут к резким столкновениям с пролетариатом.

Я не сомневаюсь, что после всего того, что произошло в Аушвице, Сталинграде и Дрездене, в Германии сегодня миллионы людей готовы, взявшись за оружие в ходе гражданской войны, предотвратить вторую победу фашизма. Нельзя забывать, что нацисты никогда не смогли получить поддержку широких слоев рабочего класса. Ясно, что у фашистов нет сейчас массовой поддержки, которая позволила бы им протянуть свои руки к государственной власти. Нельзя сравнить банды безмозглых, бритоголовых молодчиков с закаленными в боях и дисциплинированными ротами SS и SA, основанными Гитлером.

Я не говорю это, чтобы как-то умалить угрозу фашизма, а чтобы предотвратить панику, которую поощряют широкие слои так называемых левых, которые признают поражение еще до начала поединка. Мы основываем нашу перспективу на уверенности, что рабочий класс можно мобилизовать, но не вокруг иллюзий о демократическом характере государства или в надежде изменить политику СДП и DGB (германский профсоюзный центр).

Настоящая опасность того, что нарыв фашизма может перерасти в непоправимую раковую опухоль, лежит в следующем: СДП и руководство профсоюзов успешно парализуют рабочий класс и останавливают его от независимых шагов.

Мы снова должны посмотреть на уроки 1933 года.

Сегодня часто говорят, что гитлеровская победа в 1933 году являлась результатом массовой безработицы, бывшей последствием хозяйственного кризиса 1929 года. Но это — грубое упрощение. Сама по себе безработица не ведет к фашизму. Во-первых, неспособность рабочего класса перейти в политическое наступление создает условия, которые толкают социально лишенные слои в руки коричневых демагогов, и они становятся орудием фашистского движения.

Неуспех рабочего класса в 30-е года явился коварным результатом его руководства: СДП, профсоюзного руководства ADGB и KPD. Политика СДП трусливо подчиняла рабочий класс Веймарскому государству и конституции. Они поддерживали чрезвычайные законы при Брюннинге, а затем голосовали за рейхспрезидента Гинденбурга, который позже назначил Гитлера на место рейхсканцлера. Под влиянием сталинизма, KPD расколола рабочий класс, отказываясь войти в единый фронт против фашизма, и тем показала себя неспособной завоевать социал-демократических рабочих на сторону коммунизма.

Мы видели уже, что сегодня СДП систематически раздувает искры расизма. Но ее величайшее преступление состоит в том, что, вместе с DGB, она парализует рабочий класс и играет роль его жандарма. Именно в этом значение «Пакта Солидарности», в который СДП вошла вместе с Колем. Не проходит ни одной недели без встреч между боннским правительством, СДП и профсоюзными лидерами вроде Энгельса, Мейера (руководителя DGB), Штайнхюллера из профсоюза металлистов, Вульф-Маттес из OTV (профсоюза муниципальных рабочих), или Раппе из профсоюза химиков. Большинство этих собраний проводятся в тиши. Новости о них распространяются лишь потому, что в самом правительстве существуют

глубокие разногласия, и министр экономики Меллеманн слишком широко раскрывает свой рот.

Было бы глупым ожидать, что СДП изменит свою политику. Рабочий класс должен отвернуться от нее и повернуть в сторону новой, революционной программы. В этом — ключ борьбы против расизма и угрозы войны.

У рабочего класса нет национальных интересов

Раскол с СДП и с DGB — не только организационная, но, во-первых, политическая задача. Она возможна лишь на базе интернационалистической, социалистической программы.

Что мы имеем в виду?

Роль, которую сегодня играют СДП и DGB, коренится в их социальном положении. Эти бюрократы представляют привилегированный слой, доходы которого во много раз превышают зарплату обычного рабочего, и который не имеет ничего общего с рабочим классом. Это социальное положение находит свое наиболее сознательное выражение в политической программе. А эта программа — если прямо выразиться — есть национализм. Они выставляют «национальные интересы», или то, что они под этим понимают, выше классовых интересов пролетариата. Они говорят рабочему, пытающемуся защитить свое рабочее место или зарплату, что он должен защищать интересы германского большого бизнеса на мировом рынке.

Эта программа не нова. СДП закрепила ее, начиная с 1945 года, вернее, с 1914 г. В эпоху послевоенного хозяйственного подъема еще существовало место для маневров. Быстрый экономический рост позволял давать рабочему классу существенные послабления и уступки. Но сегодня, в условиях торговой войны, такие уступки стали невозможны. Поэтому СДП и профсоюзы превращаются в государственные орудия для дисциплинирования рабочего класса.

Это было позавчера подтверждено: Штайнхюллер из IG Metall (профсоюза металлистов) согласился на трехпроцентное повышение зарплаты на следующие 18 месяцев. Газета *Frankfurter Rundschau* описала «выдающееся послушание» IG Metall и заметила, что «правительство не заслужило иметь такие профсоюзы».

В своей борьбе против расизма и милитаризма пролетариат должен решительно порвать с этой националистической программой и обосноваться на интернационализме. У него нет «национальных интересов», нет общих интересов с Volkswagen, Daimler, Krupp, Thyssen, Deutsche Bank или с другими концернами, воюющими на мировом рынке за наибольшую долю в эксплуатации мирового рабочего класса.

Интересы немецких рабочих идентичны с интересами рабочих в Америке, Великобритании, Индии и бывшем Советском Союзе, с рабочими из Турции, Испании и Италии, живущими тут, в Германии, с массами беженцев, которые из-за капиталистической политики вынуждены оставлять собственные страны.

Мы выставляем наши практические предложения на основе этих принципов. В течение следующих недель мы будем проводить кампанию в рабочих жилищных районах, на заводах и в школах, чтобы убедить как иммигрантов, так и немецких рабочих в верности этой перспективе и побудить их организовывать рабочие комитеты самозащиты для защиты беженцев, иностранцев рабочих и других жертв расизма. Для объединения рабочих поверх национальных границ мы вмешаемся в борьбу на защиту рабочих мест, заработных плат и гражданских прав.

Эти инициативы неотрывны от борьбы за социалистическую программу. Утверждение Социал-Демократической партии, что Федеральная Республика «слишком обременена» иммигрантами, является низменной ложью. Дело не в том, что Германия слишком мала для беженцев; дело в том, что капиталистический мир стал слишком мал для человечества. Эта система неспособна предоставить огромному большинству человечества самый минимум жизненных средств. Поэтому она должна быть упразднена.

Мы боремся за рабочее правительство, которое экспроприрует большие банки и компании, получающие сегодня свои самые большие барыши. Посредством этой меры мы сделаем возможным не только цивилизованный уход и обеспечение продовольствием всех беженцев; станет возможным также преодолеть нищету, охватывающую рабочий класс.

Мы должны подчеркнуть, что, в случае нынешнего правительства, проблема вовсе не в нехватке денег. Вчера пресса объявила, что министр Сайтерс купил новый компьютер, способный в течение секунды опознать отпечатки пальцев всех беженцев. Он стоил сто миллионов DM. Я не знаю, сколько людей могут быть прокормлены за эту сумму, наверное очень много.

Мы боремся за Социалистические Соединенные Штаты Европы, как часть Социалистической Всемирной Республики, в которой все хозяйство будет планомерно организовано для удовлетворения нужд рабочего класса и угнетенных масс.

Я заканчиваю мой доклад призывом к каждому здесь принять участие в этой борьбе. Во-первых, это значит стать членом единственной партии — Четвертого Интернационала — которая, как мировая партия, объединяет рабочий класс каждой страны, континента, цвета кожи и языка и является единственной организацией, способной осуществить эту программу.

Приветственное слово: Дэвид Норт

Дорогие товарищи! Я приношу вашей конференции горячий революционный привет от имени Центрального Комитета Рабочей Лиги. Мы считаем, что ваша конференция имеет всемирное значение.

В январе 1993 года исполнится ровно 60 лет со времени жесточайшего поражения германского и мирового пролетариата. Захват власти Гитлером означал крушение самого крепкого рабочего движения в Европе и возбудил события, которые к концу 1930-х годов привели к развязке Второй Мировой войны и к уничтожению десятков миллионов людей в Европе и Азии.

Это поражение тем более ужасно, что оно было достигнуто в отсутствие кровавой борьбы.

То самое рабочее движение, выросшее в среде марксизма, революционные традиции которого восходят к написанию «Коммунистического манифеста» и история теоретической и политической борьбы которого воодушевляла весь международный пролетариат, было в течение нескольких недель превращено в руины.

Это поражение явилось последствием ужаснейшего политического предательства в истории международного рабочего движения.

Социал-демократическая и коммунистическая партии, возглавлявшие пролетариат — самую могучую социальную силу в Германии, — и которые в ноябре 1932 г. собрали вместе примерно 12 миллионов голосов, остались тихо стоять в стороне, в то время как сборища человеческой пыли под руководством Гитлера по приглашению правительства Гинденбурга и Фон Паппа 31 января 1933 г. взяли в свои руки государственную власть.

В течение нескольких недель катастрофические последствия их поражения стали ясны. Началось немедленное преследование коммунистов, социалистов, рабочих активистов и лучших представителей германской интеллигенции.

Поджог Рейхстага в конце февраля явился предлогом для объявления Коммунистической партии вне закона. В марте коммунистические противники гитлеровского режима уже входили в ворота нового концлагеря, построенного в Дахау. Но даже перед лицом этих варварских действий социал-демократы отчаянно пытались приспособиться к диктатуре Гитлера.

Социал-демократические вожди объявляли о своей верности Третьему Рейху и на Первое Мая 1933 г. маршировали под знаменами со свастиками на полотнищах. Но это их не спасло; на следующий день и их объявляли вне закона и арестовали.

Предсказания Троцкого

Шестьдесят лет спустя эти события все еще омрачают человечество. Собрав эту конференцию, BSA действует согласно великим традициям троцкистского движения. Факт, — только троцкистское движение предупредило рабочий класс задолго до победы Гитлера о сокрушительных последствиях политики сталинцев и социал-демократов.

Из своей ссылки на Принцевых островах в Турции, Лев Троцкий бил тревогу и вел непримиримую борьбу на оба фланга: как против трусости социал-демократов, так и против невежественной и обанкротившейся ультра-левиной КПГ.

Документы, написанные Троцким в 1930—33 г. г., например, его осуждение «Красного референдума», его резкая критика по адресу так называемого национального коммунизма и фальшивого лозунга «народной революции», его неотложные призывы к созданию единого фронта коммунистов и социал-демократов являются примером величайшей и наиболее бесстрашной марксистской полемики.

Если бы компартия прислушалась к его предупреждениям, если бы сталинцы и социал-демократы осуществляли его лозунг единого фронта, то Третий Рейх не пришел бы к власти, и в Германии открылась бы дорога к победе социалистической революции и установлению рабочего государства. Исторические последствия этой победы распространялись бы так широко, что не будет преувеличением сказать, что весь курс развития человечества в XX-м веке оказался бы совершенно иным.

Победа германского пролетариата не только изменила бы самым коренным образом соотношение классовых сил в Западной Европе, она бы прошла электрическим током через сознание советского рабочего класса, подняла бы его самочувствие, наполнила бы его готовностью покончить с политической узурпацией сталинской бюрократии.

Революционное и добровольное присоединение Германии к Союзу Советских Социалистических Республик привело бы к его превращению в непобедимую и неотразимую политическую и хозяйственную силу.

В общем, следует сказать, что, в случае такой победы, двадцатый век вошел бы в историю человечества как эпоха осуществления мировой социалистической революции. Но, надо смотреть фактам в лицо.

Предательство, совершенное в 1930-е годы, обернулось тем, что человечество в 1990-е годы стоит перед лицом нового варварства. Спустя шестьдесят лет после зарождения Третьего Рейха и свыше 47 лет после его кровавого крушения, троцкистское движение снова собирается в Германии, чтобы ударить тревогу и поднять рабочий класс на ноги.

Но, выполняя это, мы отказываемся и от паники и от пессимизма. Мы не видим нужды в сенсационном освещении событий или в траурном раздирании одежд. Мелко-буржуазные истерики делают этого предостаточно.

1992 и 1932 годы

Начальный доклад тов. Петера Шварца дал точную и трезвую оценку нынешней политической ситуации. Не следует преувеличивать нынешнюю силу нацистских групп или утверждать, что они стоят на пороге взятия власти. Наша цель — не поразить, а обучить. В смысле их политической силы, между бритоголовыми 1992 года и штурмовиками 1932 года разница огромна.

Правительство Коля является в историческом смысле политическим и духовным наследником режима Фон Папена. Но нынешнее правительство не находится пока что в том же положении, в каком нашло себя буржуазное правительство в 1932 году. Но, делая необходимые разграничения между степенью нынешнего политического и экономического кризиса и кризисом шестидесятилетней давности, мы не намерены умалить опасность, обнажившую недавним взрывом фашистского насилия. Последние события должны послужить германскому и международному рабочему классу серьезным предупреждением.

Погромы и мятежи, прокатившиеся по Германии, не являются исключением; они — признак нашего времени. Те, кто утверждает, будто духовные протесты или правительственные запреты расистских банд правительством Коля являются ответом на события в Мелле и в других немецких городах, попросту не понимают сущности фашизма.

В зависимости от традиций страны, в которой он вырастает, от наследия предыдущих классовых боев, степени хозяйственного развития, международной конъюнктуры и соотношения классовых сил внутри страны фашизм может принять множество форм. Но в любых условиях фашизм является объективным феноменом. Он не является просто общей суммой дикой ненависти и кровавого насилия. В конечном счете, фашизм является политическим выражением социально-экономической необходимости, вызванной глубоким кризисом капиталистической системы производства.

На определенной стадии развития капиталистического кризиса буржуазия оказывается вынужденной резко интенсифицировать и ускорить процесс извлечения прибавочной стоимости из рабочего класса. Интенсификация механизма эксплуатации плюс систематическое занижение той части прибавочной стоимости, которая выражается в социальных расходах, не могут быть достигнуты в рамках традиционного буржуазного демократического государства. Фашизм выходит на сцену именно в этот момент.

Как бороться против фашизма?

Цель фашизма — неограниченное подчинение рабочего класса открытой погоне за прибылью. Он пытается умалить рабочий класс, превратить его в аморфную, распыленную и деморализованную массу, в беспомощное сырье, из которого извлекается прибавочная стоимость. Серьезная борьба против фашизма невозможна без запаса глубоких чувств, гнева и упорства. С этой борьбой связаны фундаментальные духовные ценности.

Но возмущение и даже упорство сами по себе не указывают метод борьбы. Необходимо научное понимание сущности капиталистической системы, из которой вырастает фашизм.

Рабочий класс и все те, кто считает себя непримиримым врагом фашизма, не имеют большого выбора в антифашистских средствах; ни один человек не может выбрать более удобный метод борьбы, который с психологической точки зрения более подходит ему лично. Есть лишь один путь победить фашизм — социалистическая революция. Желая остановить фашизм, но, в то же время, — сохранить капитализм и буржуазную демократию, хотят невозможного. Те, кто думает, будто фашизм может быть предотвращен посредством усиления полицейских сил капиталистического государства или путем обновления демократической маски капитализма, — лицемеры или безнадёжные дураки.

Понторжо, фашизм является не субъективным выбором злой воли буржуазии, а объективным последствием настоящих противоречий в хозяйственной структуре капиталистического общества. Хрюканье и волчий лай фашистов — не просто выражение их личной ненависти, а более фундаментальное социальное отражение реакции широких слоев буржуазии и деморализованных обывателей на давление мирового рынка и глобального производства на национальное хозяйство.

Политический факт, что национализм находит свое наиболее злокачественное выражение именно в тот момент, когда он становится величайшей преградой прогрессивному развитию производительных сил человечества.

«Германия для немцев!» — кричат германские фашисты. «Америка для американцев!» — кричат их американские близнецы. Но Германия, Соединенные Штаты, Япония — все, фактически, страны неразрывно связаны неслыханными нитями взаимозависимости.

Фашизм — это политическое выражение обанкротившегося хозяйственного национализма, является средством, с помощью которого ведущие империалистические державы пытаются подчинить мировое хозяйство своим национальным интересам. Именно поэтому хозяйственный национализм неминуемо ведет к войне.

На самом глубинном уровне, мировая социалистическая революция является единственным настоящим ответом на опасность фашизма. Ответ на фундаментальное противоречие нашей эпохи, — противоречие между международным характером производства и устаревшей системой национальных государств, из которой исторически вырос капитализм, — может быть найден лишь в объединенной борьбе международного пролетариата.

Наконец, мы должны помнить реакцию Троцкого в ответ на поражение германского рабочего класса. До 1933 г. Левая Оппозиция под руководством Троцкого вела борьбу за реформу Коммунистического Интернационала. Но когда сталинистское руководство отказалось взять ответственность за победу Гитлера, Троцкий объявил, что Третий Интернационал погиб. Он призвал к построению Четвертого Интернационала.

Опыт последних 60 лет оправдал решение Троцкого. Сталинизм сегодня беспорочно дискредитирован во всем мире. Сталинисты привели Советский Союз к катастрофе. Единственная организация, революционная верность которой осталась незапятнанной — это Четвертый Интернационал под руководством Международного Комитета.

Четвертый Интернационал воплощает беспримерный исторический и политический опыт. Не будет преувеличением сказать, что эта конференция ЛСР, германской секции Четвертого Интернационала, открыла новый этап в историческом развитии германского пролетариата.

В Германии не будет Четвертого Рейха. Концлагеря не откроются заново. Их сохраняют лишь в роли музеев как суровое напоминание варварства, которым капитализм наказал человечество.

ЛСР играет решающую роль в построении мировой партии, обеспечивающей победу социализма.

Да здравствует Bund Sozialistischer Arbeiter!

Да здравствует Международный Комитет Четвертого Интернационала!

Дискуссия

Улли Рипперт: Нет силы могучее исторической правды

Как нужно вести борьбу против расизма и опасности войны? В манифесте, создавшем эту конференцию, мы сказали, что борьба против расизма и войны является классовым вопросом. В своих дискуссиях и обсуждениях товарищи и сторонники объяснили, что мы имеем в виду. Часто встают вопросы: что случилось с пролетариатом? Куда исчезли призывы профсоюзов к борьбе против расизма и войны? Почему даже председатель германского профцентра всего пару недель тому назад призвал к немедленному военному вмешательству?

И вот мы уже в самой толще дискуссии. Организации, которые рабочий класс построил для защиты от нападков капиталистов и правительства, превратились в организации государства, с помощью которых правительство нападает на рабочий класс. Социал-демократия довела нынешние профсоюзы до полной контрреволюции.

Несколько недель тому назад один из читателей написал письмо, оспаривая это. Этот читатель сказал: Вы не можете так говорить. Вы должны делать различие между организованными членами профсоюзов и социал-демократическими руководителями, которые командуют в них. Мы ответили: но в этом именно и суть дела! Мы должны со всей ясностью сказать, что под руководством бюрократии эти профсоюзы играют совершенно реакционную роль.

Мы показали причины этого: в те десятилетия, когда социал-демократия и бюрократия могли преобладать, профсоюзы качественно изменились. Они сегодня не стоят за то же самое, за что они выступали во время их построения.

Почему бюрократия продолжает оставаться у руля, хотя в профсоюзах среди членов ширятся недовольство и сопротивление? Причина в том, что извращение профсоюзов — результат не просто бесспорной коррупции нынешних лидеров, но совершенного банкротства всего политического и программного базиса этих организаций.

Политические основы профсоюзов состоят в разделении валового национального продукта так, чтобы возможно большая часть шла рабочим; в сегодняшних условиях капиталистического упадка это невозможно. Фундаментальная защита капиталистической экономической системы профсоюзами не оставляет никакого места реформам, а, наоборот, поощряет худшие формы национализма и шовинизма.

Грубо говоря: профсоюзная перспектива «защиты Германии как плацдарма для промышленности» не отличается принципиально от расовского лозунга «германской гордости».

Нужно понять историческую подоплеку этого вопроса. Какова была роль профсоюзов и их социал-демократических лидеров в тридцатые годы? Весной 1933 г., вслед за взятием власти нацистами, ADGB, бывший

германский профцентр, призвал своих членов маршировать под знаменами свастики на Первое Мая. За неделю до этого, Исполком профцентра послал письмо руководству NSDAP (Национал-Социалистическая Германская Рабочая партия, нацисты), заявляя, что профсоюзы всегда и во всех обществах нейтральны и сотрудничают с государством, что они лишь пытаются честно сотрудничать с фашистским государством.

Тейбелс записал об этом письме в своем недавно опубликованном дневнике. 2 мая он приказал своим штурмовикам захватить здание профсоюзов. От их руководства не ожидалось никакого сопротивления.

Важно понять, что сегодня подходит к концу историческая эпоха. В прошлом построение рабочих организаций было тесно связано с подъемом национального государства. Сегодня ни одна фундаментальная проблема, стоящая перед рабочим классом, не может быть разрешена в рамках национального государства или на национальной основе.

Политическое возрождение пролетариата не может быть достигнуто простым повышением профсоюзного активизма; оно требует не новой профсоюзной инициативы, тактики или реформы, а фундаментально иной программы: революционной социалистической программы, в центре которой стоит международное единение рабочего класса.

Сможем ли мы завоевать этой программой политическое влияние в рабочем классе? Сумеет ли мы политически возродить рабочий класс, прежде чем ид расизма уничтожит общество и приведет к третьей мировой войне этого нека, еще ужаснее, чем две предыдущие? Наш ответ на все эти вопросы, поставленные в ходе кампании последних недель — несомненно, да! Да, рабочий класс можно мобилизовать на основе такой революционной программы.

Мы основываемся не на надеждах, а на обширном научном понимании всех объективных противоречий общества. Самое важное основание для международного объединения пролетариата — это тот факт, что сами производительные силы приняли международный характер. Никогда в истории производство не было столь тесно связано вместе на мировой основе; никогда раньше каждый товар в каждой стране не являлся результатом международного разделения труда и интернационально согласованного производства и связи. Эта интернационализация производства связывает не только страны и континенты, она также ведет к уменьшению различия между жизненными уровнями рабочих всех стран.

Чем больше капиталисты нападают на рабочий класс как на международный класс, тем важнее становится для пролетариата объединение на основе международной стратегии. В связи с этим я хотел бы процитировать краткий отрывок из стратегической программы Международного Комитета, опубликованной почти пять лет тому назад. Эта программа приобретает поразительную актуальность сегодня, и я хотел бы посоветовать всем товарищам и друзьям вновь ее изучить:

«Объективное единство интернационального рабочего класса усиливается глубокими экономическими процессами. Широкое развитие международных компаний, ведущее к глобальной интеграции капиталистического производства, ведет к беспрецедентному единообразию в условиях рабочих всего мира»¹⁶. Далее программа говорит: «Это старый и элементарный постулат марксизма, что классовая борьба национальна только в форме, а в сущности она интернациональна. Но, имея в виду новые свойства капиталистического развития, даже форма классовой борьбы приобретает интернациональный характер» (там же, стр. 15).

¹⁶ «Бюллетень Четвертого Интернационала», начальный выпуск 1989 г., стр. 14.

Второй фактор, на котором мы основываемся, это противоречие между интернационализацией производства и системой национальных государств. Это ведет к кризису, который буржуазия неспособна разрешить. Именно этот политический и идеологический кризис буржуазии открывает перед рабочим классом беспрецедентную возможность завоевать влияние на основе международной программы. Лишь пролетариат способен разрешить этот кризис и освободить производительные силы от цепей национального государства. В этом вся сущность революционной роли пролетариата; ее отрицают всевозможные мелкобуржуазные организации, но мы ее ставим в центр нашей политической работы.

Мы живем в период, когда рушатся величайшие социальные обманы: фикция, что сталинистские диктатуры были социализмом; обман, будто в конце Второй Мировой войны перед рабочим классом стояло демократическое будущее. Как широко ни были распространены эти фикции, как часто их не учили в школах, сегодня они полностью разоблачены.

Сегодня общество обнажает свои исторические корни. Мы должны из этого извлечь урок: нет силы могуче, чем историческая правда. Вы должны вступить в партию, которая основана на этой исторической правде и история которой вытекает из защиты и борьбы в рабочем классе в самых трудных условиях за эту историческую правду. Я призываю вас изучать историю нашей партии, вступить в Четвертый Интернационал и в его германскую секцию — Bund Sozialistischer Arbeiter.

Сергей К., студент с Украины

«Возрождение расизма и национализма — это логичное последствие самой капиталистической системы».

Я полагаю, что эта конференция имеет огромное значение для современной политической ситуации. События последних недель и месяцев в Германии и в других европейских странах и в Америке весьма поразительны. Я приехал сюда издалека, но между процессами и происшествиями на моей родине — Украине, и в Германии есть очень важные сходства.

Возрождение расизма и национализма в Германии и во многих других европейских странах — вовсе не изолированный факт. Я мог бы привести множество подобных примеров в России, Украине и во многих других странах СНГ.

Если правительство официально отнекивается от расистских погромов там, то я в ответ говорю, что вся украинская политика основана на национализме. Сталинистские аппаратчики проявили себя предателями и стали оголтелыми националистами.

Многие из участников этой конференции просили меня объяснить как граждане бывшего СССР реагируют на расистские погромы и националистические интриги в Германии. Я должен сказать, что они не занимают какой-то позиции по этому поводу. Большинство прессы на Украине и в СНГ делает все возможное, чтобы представить Германию и другие капиталистические страны как рай для рабочего класса.

Такое игнорирование фактов не означает, что осуждение расистских погромов и национализма не устроило бы некоторых старых сталинистов. В некоторых репортажах прессы вы можете прочесть об этих событиях, и они возбуждают большое беспокойство; ведь подобные расистские и националистические организации уже существуют на Украине.

Они так же как германские националисты кричат: «Украина для украинцев!» Хотя мы говорим на разных языках и прошли разные пути развития, наша страна имеет много сходств с развитием в Германии.

Например, наше правительство не имеет абсолютно никакого намерения пресечь действия националистических организаций.

После раскола Советского Союза и краха сталинистских режимов бывшие сталинисты, во-первых, Кранчук, дают понять украинскому народу, что восстановление капитализма является единственной стоящей целью. К сожалению, большинство людей не видит никакой другой перспективы; многие из них все еще отождествляют сталинизм с социализмом.

Многие ораторы тут подчеркнули, что возрождение расизма и национализма — это логичные результаты самой капиталистической системы, потому что вся политика правительства направлена на убеждение рабочих, что у них есть внутренние и внешние враги. Лозунги, которые вы слышите в Германии — «Долой турков!» — слышны и на Украине. Но там они орут: «Геть россиян з України!»

Нет сомнения, что только через объединенные попытки пролетариата всех стран мира мы сможем убрать эту преграду с пути.

На прошлой неделе в Руре состоялась демонстрация против расизма. Я думаю, что эта демонстрация была организована на правительственном уровне, потому что она выглядела очень странно: двум или широким протесты на тему, что большинство немцев против фашизма; почему горели дома иностранцев. Это будет продолжаться до тех пор, пока народ не поймет, что банды преступников получают сильную поддержку от правительства.

Меры правительства в Бонне по ограничению числа беженцев напоминают историю о докторе, который лечил больных голодом. Это знак их крайнего опасения за капиталистическую систему. Такие поиски внутренних и внешних врагов — это типичный признак глубокого кризиса капиталистической системы.

Весь народ Германии должен встать против фашизма, но повторные утверждения на Украине, будто только германский народ виновен за фашизм — оказались неверны. Рабочие всего мира должны бороться против этого предубеждения, которое культивируется капиталистической системой, и протянуть руку дружбы друг другу. В этом — единственный залог победы. Иначе последствия для всего мира будут катастрофичны.

В заключение я хочу подчеркнуть, что мы, граждане Советского Союза, счастливы, что мы можем привести идеи Льва Троцкого обратно на их родину. Этот процесс будет продолжаться, и мы должны принять огромные усилия, чтобы привести его к успеху. Я хочу особо поблагодарить Петра Шварца и Дэвида Нортона за то, что они сделали начальные попытки снова распространить программу Льва Троцкого в бывшем Советском Союзе.

Резолюция конференции

1. Волны расистского насилия, которые наводняют Германию после капиталистического воссоединения 1990 года и уже привели к 17 убитым и сотням раненых, смертельно угрожают рабочему классу не только Германии, но и всего мира. Почти 50 лет после победы над Гитлером, в третий раз за этот век, поднимается новая угроза фашизма и войны, угроза вновь ввергнуть человечество в катастрофу. Наша конференция поэтому обращается ко всему рабочему классу: учитесь на уроках истории! Действуйте немедленно! Лишь независимая мобилизация пролетариата для свержения капиталистической системы может остановить коричневый террор и расистское насилие.

2. Бессмысленны надежды на государство и конституцию. Мы безоговорочно защищаем все демократические права немецких и

иностранных рабочих, включая и неограниченное право на убежище. Но вся история Германии демонстрирует, что эти права были основаны и гарантированы вовсе не буквой закона, а независимой политической борьбой рабочего класса.

3. Конституция Федеральной Республики является лишь юридическим выражением тех самых социальных отношений, которые открыли путь приходу Гитлера к власти. Она была создана как псевдодемократический фасад для спасения жизни, собственности и власти тех, кто, — как Крупп, Тиссен, Сименс, Deutsche Bank и пр., — финансировал Гитлера и получал прибыль с концлагерей и Второй Мировой войны в целом. Она вымостила дорогу для плавного перехода целой армии судей, полицейских и государственных чиновников Третьего Рейха на службу в новой Федеральной Республике. Нынешняя полицейская и юридическая система на каждом шагу показывает свои правые предрассудки. Полиция стоит мирно в стороне, когда нападают и убивают иностранных рабочих. Расистские убийцы осуждаются на либерально-короткие сроки заключения. А в тех случаях, когда капиталистическое государство применяет свои огромные силы, оно направляет их против социалистических противников и против пролетариата. Ограничения демократических свобод, объявленные сегодня во имя борьбы против фашизма, будут направлены завтра для запрещения рабочих демонстраций; запрет фашистских партий будет применен как предлог для подавления левых организаций.

4. Псевдосоциалистическая конституция ГДР являлась не альтернативой, а дополнением к псевдодемократической конституции ФРГ. ГДР была не социалистическим государством, а диктатурой сталинистской бюрократии над рабочим классом. Бюрократия сохраняла свою власть с помощью социальных концессий. ГДР, как и ФРГ, претоварищала пролетариат от революционных методов расправы над фашизмом.

5. Международный кризис капиталистической системы сорвал социалистический фасад с ГДР и демократическую маску с ФРГ. Этот кризис, распространившийся по всем уголкам мира и поставивший человечество лицом к лицу перед растущей нищетой, социальными столкновениями и кровавыми раздорами, является результатом несовместимости новейших глобальных производительных сил с системой национальных государств, с которой исторически связан капитализм.

6. Германский капитализм страдает от тех же проблем, которые он пробовал разрешить посредством Первой и Второй Мировых войн в 1914 и в 1939 годах. Его динамичные производительные силы не могут вписаться в тесную систему национальных государств, разделяющих Европу и остальной мир. Он снова вынужден военными методами продвигать свои международные экономические интересы. В этом — основная причина роста милитаризма и кампании за глобальную интервенцию германской армии. Их цель — не «обеспечить мир», а, наоборот, защитить интересы германского империализма.

7. После крушения ГДР капиталистический кризис сорвал идеологическое покрывало, которое раньше маскировало природу классовых отношений в Германии. Два года спустя после воссоединения все обещания изобилия и свободы испарились. Безработица превышает уровень тридцатых годов; все социальные завоевания последних сорока лет находятся под угрозой. Правящие партии поощряют коричневый сброд, чтобы отвернуть в сторону социальную революцию. Они переняли у фашистов лозунг «Германия для немцев» и, высылая сотни тысяч рабочих иммигрантов, сделали этот лозунг своим собственным. Их ответ на фашистские погромы — обвинять иностранных рабочих за взрыв расовой ненависти, превращая таким образом жертвы в виноватых.

8. Основная ответственность за рост фашистских банд лежит на СДП и на DGB (германский профцентр). Их так называемый «пакт солидарности», заключенный с правительством и предпринимателями, играет парализующую роль в рабочем классе. Вот настоящие корни фашистской угрозы. Фашизм, как показала Веймарская республика, завоевывает поддержку деклассированных элементов, когда рабочий класс оказывается неспособен указать дорогу вперед из социального кризиса. Политический откол от бюрократии СДП и DGB является необходимой предпосылкой для мобилизации рабочего класса против фашизма и опасности войны.

9. Во-первых, рабочий класс должен отбросить националистическую программу, которую выдвигают СДП и DGB, а также сталинистские партии PDS и DKP. Они начинают с предпосылки, что германский пролетариат разделяет общие «национальные» интересы с германской буржуазией и поэтому должен делать все возможное для усиления германского капитализма на мировом рынке. На этой основе они поддерживают увольнения и урезания зарплаты, чтобы помочь конкурентоспособности «промышленной базы Германии». Чем больше усиливается кризис, тем теснее они сотрудничают с правительством «в интересах нации». По тем же причинам они поддерживают всемирное вмешательство германской армии.

10. Эта конференция призывает рабочий класс отвергнуть реакционную политику социал-демократии и вооружиться международной стратегией для свержения капиталистической системы. У пролетариата нет отечества. По всей планете те же самые транснациональные корпорации и банки эксплуатируют рабочий класс. Независимо от цвета кожи, языка и национальности, рабочие должны объединиться в общей борьбе поверх национальных границ.

11. В частности, мы требуем: возьмите на себя ответственность за защиту рабочих-иммигрантов и беженцев! Не они, а правительство в Бонне повинно за жилищный кризис, за безработицу и нищету. Дело не в том, что Германия слишком мала для беженцев; дело в том, что капиталистический мир слишком тесен для всего человечества. Погоня международных корпораций и банков за прибылью несовместима с удовлетворением основных потребностей человечества. Вместо этого капитализм несет нищету, гнет и войну. Организуйте дружины самозащиты на заводах, в школах и в рабочих районах, чтобы защитить беженцев и иммигрантов!

12. Вдобавок мы требуем: поверх национальных границ, вместе с рабочими Восточной Европы, бывшего Советского Союза, Западной Европы, Северной и Южной Америки, Африки и Азии, встаньте на единую борьбу для защиты рабочих мест, заработной платы и гражданских прав! Боритесь за создание рабочих правительств, которые проводят социалистическую программу! Ведите борьбу за Соединенные Социалистические Штаты Европы как составную часть социалистической всемирной республики, которая организует все хозяйство на основах планирования под рабочим контролем, чтобы удовлетворить требования рабочего класса и угнетенных масс!

13. Чтобы объединить пролетариат в борьбе за новый социалистический мировой строй, нужно построить новое политическое руководство: партию мировой социалистической революции — Четвертый Интернационал и его германскую секцию — Bund Sozialistischer Arbeiter.

Заместитель Национального Секретаря Рабочей Лиги Хелен Хэльярд беседует с рабочими Шри Ланки во время митинга, организованного Революционной Коммунистической Лигой в Коломбо.

О работе Четвертого Интернационала

Социалистический кандидат объезжает Шри Ланку¹⁷

Кандидат Рабочей Лиги (США) в президенты, Хелен Хэльярд, выступила перед тысячами рабочих и трудовой молодежи Шри Ланки, где она провела восемь дней во время одной из остановок в ходе своего кругосветного тура. Хэльярд читала доклады на публичных собраниях, организованных Революционной Коммунистической Лигой (РКЛ), Шри Ланкийской секцией Международного Комитета Четвертого Интернационала в южном городе Амбалигода, в древней столице Канди, в сельском центре Бандаравела и в нынешней столице Шри Ланки, Коломбо. По приглашению студенческих союзов она также выступала перед несколькими сотнями студентов в университетах Перадения и Коломбо. Митинг в Коломбо явился кульминацией тура. Он произошел в конференц-зале Профсоюза Правительственных Рабочих в воскресенье, 18 октября. На этот митинг пришло более четырехсот рабочих и молодых людей. Эти собрания так же услышали обращения Генерального Секретаря РКЛ, Вики Диаса.

Турне Хэльярд началось с пресс-конференции в Коломбо 12 октября, на которой присутствовали десять журналистов. Она объяснила, что Рабочая Лига и МКЧИ организовали эту поездку как составную часть избирательной кампании в США. Она сказала, что кандидат партии в вице-президенты, пять кандидатов в Конгресс, члены и сторонники Рабочей Лиги, — все заняты энергичной кампанией в Соединенных Штатах, распространением тысяч программных брошюр среди рабочих и молодежи.

Хэльярд добавила, что стратегический упор кампании Рабочей Лиги лежит в установлении единства американского рабочего класса с его братьями и сестрами в других частях земного шара в борьбе против империалистических махинаций, которые ведутся в преддверии Третьей Мировой войны и колониализма. Многие журналисты не могли понять, зачем Хэльярд объезжает весь мир и разговаривает с рабочими и молодежью в то время как выборы в президенты должны состояться всего через несколько недель. Но несколько сочувственных статей появились в массовых газетах в течение нескольких дней после этой пресс-конференции.

Каждое открытое собрание среди рабочих и студентов заканчивалось живой дискуссией; многие слушатели хотели больше узнать о растущем всемирном спаде и его эффекте на американский и международный пролетариат. Были заданы вопросы о качественном превращении бюрократий в открытых коллабораторов с империализмом. На этих собраниях было продано литературы на сумму свыше десяти тысяч рупий. В одном лишь университетском городке в Коломбо было продано литературы на сумму свыше 400 рупий.

На собраниях в университете Перадения маленькая группа сторонников Дж.В.П. (фашистская организация, организовавшая убийства и избиения сотен рабочих в 1987—89 гг.) попыталась устроить провокацию в форме протеста против транспаранта РКЛ «Рабочие всех стран, соединяйтесь!».

¹⁷ Этот цикл статей и путевых заметок был напечатан в газете "Bulletin" Рабочей Лиги США в номере за 30 октября 1992 г.

Открывая собрание, Вилге Диас обратился к аудитории с призывом изгнать фашистские элементы вон и сказал, что все, кто соглашается с их расистской и антирабочей политикой, должны выйти из зала. Из более 350-ти человек в зале вышли лишь четыре буддистских монаха.

Хэльярд также побывала в зоне свободного предпринимательства в Катуньяке, бросив этим действием вызов властям под контролем Объединенной Национальной партии (ОНП), которые отказались официально санкционировать этот визит. Сотни рабочих скопились вокруг нее на обочинах дороги внутри этой зоны, чтобы ее выслушать. РКЛ напечатала листовку, объясняя рабочим об этом визите, и рабочие, в большинстве — женщины, с нетерпением выступали вперед, чтобы описать свои условия работы. Один рабочий сказал, что если дела и дальше так пойдут, он не удивится, если к 2000-му году управляющие будут погонять рабочих кнутами как это происходило в Америке до освобождения рабов Авраамом Линкольном.

Коломбо

Митинг в Коломбо 18 октября произошел под председательством К. Ратнайка, редактора газеты РКЛ «Камкару Мавата». На митинг пришли тамильские рабочие, участники стачек, длившихся свыше трех месяцев, молодые рабочие, нанятые мультинациональными корпорациями, студенты и безработная молодежь, правительственные служащие и другие рабочие из частного сектора.

Представляя Хелен Хэльярд, Вилге Диас объяснил историческое значение того факта, что американский кандидат в президенты навестил Шри Ланку, чтобы разговаривать с рабочими и угнетенными массами. Он подчеркнул, что вовсе не случайно этим кандидатом была член мирового троцкистского движения — МКЧИ, единственной организации, борющейся за объединение всемирного рабочего класса вокруг революционной программы. Деятельность МКЧИ посвящена восстановлению мирового рабочего движения и борьбе против предательских бюрократий, открыто сотрудничающих с правящим классом. МКЧИ борется за мобилизацию рабочего класса и угнетенных масс в деле свержения империализма в целом. РКЛ стоит против не только сингалской расистской бюрократии, но также и против мелкобуржуазных тамильских организаций вроде ЛТТЕ, чтобы объединить сингалских и тамильских рабочих и все угнетенные массы вокруг интернационалистической революционной программы. «Мы должны бороться за свержение проимпериалистического режима ОНП и за установление рабоче-крестьянского правительства в форме Союза Советских Социалистических Республик Шри Ланки и Элама и пойти дальше к мировому социализму», сказал В. Диас. Ниже мы печатаем доклад Хэльярд на этом собрании:

Я привожу вам горячий революционный привет от Рабочей Лиги — троцкистской партии в США, находящейся в политическом одиночестве с Четвертым Интернационалом под руководством Международного Комитета.

Рабочая Лига и Четвертый Интернационал ставят лозунг объединения рабочих всего мира в самый центр своей политической работы. Моя поездка вокруг земного шара была организована как составная часть избирательной кампании Рабочей Лиги именно с этой интернационалистической точки зрения.

Наша партия ведет очень активное участие в президентской избирательной кампании. Помимо президентских выборов мы также

выставили пять кандидатов в Конгресс. Четверо из них выступают в рабочих районах штата Мичиган; пятый — в г. Питтсбурге штата Пенсильвания.

Цель нашей кампании вовсе не состоит в поощрении иллюзий в парламентарную демократию. Цель — в подготовке рабочего класса путем подталкивания политического движения пролетариата в борьбе против капиталистической системы прибылей. Через распространение сотен тысяч экземпляров избирательных листов и других печатных средств мы пытаемся политически просветить рабочих и молодежь.

Ни одна из насущных потребностей рабочего класса — безработица, бюджетные сокращения, опасность войны, — не будет разрешена на выборах третьего ноября. Несмотря на массу пустых разговоров о чудесах рынка, капиталистическая система потерпела огромный крах.

Лишь избирательная кампания Рабочей Лиги говорит правду рабочим. Сразу после выборов 3 ноября готовится жестокое нападение на жизненный уровень.

Те же самые методы «шоковой терапии», которые были использованы бывшими сталинистскими гангстерами, будут употреблены для того, чтобы заставить рабочих платить за кризис американского капитализма.

Выборы 1992 года насквозь лживы. Дебаты, исключавшие Рабочую Лигу, являются обманчивой ширмой. Все три буржуазных кандидата едины в своей ненависти к рабочему классу и в защите американского капитализма.

И Клинтон, и Перо поддерживали американскую войну против Ирака. Эта война зарегистрировала новое извержение империалистического варварства. Сотни тысяч жителей Ирака погибли в результате империалистического нападения и еще десятки тысяч людей, в основном — дети, умирают вследствие недоедания и болезней, которые последовали за уничтожением социальной и хозяйственной инфраструктуры Ирака в ходе бомбардировки и санкций ООН.

Их поддержка войны ясно показывает, что все три кандидата согласны в одном основном вопросе: в защите системы прибылей и глобальных интересов американского империализма.

Лишь кампания Рабочей Лиги стоит на стороне угнетенных масс рабочих и молодежи во всем мире. Наша кампания объясняет рабочим о том общем, что объединяет их борьбу с рабочими всего мира.

Те же самые мультинациональные корпорации, которые эксплуатируют молодых женщин Шри Ланки внутри зон свободного предпринимательства, эксплуатируют и молодых людей в США, работающих в опасных условиях. Эти ужасные условия наложены для того, чтобы обеспечить наиболее высокую норму прибыли.

Билла Клинтона восхваляют как «народного кандидата», но он является губернатором штата Арканзас, одного из беднейших и наиболее упадочных штатов страны. Он согласен с учреждением городских зон предпринимательства, которые в общих чертах похожи на зоны свободного предпринимательства в Шри Ланке.

Американским рабочим и молодежи предстоит большое решение. Потеря Соединенными Штатами Америки экономического превосходства означает, что пралиций класс не может и в дальнейшем сохранять сравнительно высокий уровень жизни, достигнутый во время подъема, последовавшего за Второй Мировой войной.

Распад американского и мирового капитализма, подчеркнутый взрывом валютного кризиса, означает, что следующее правительство будет вынуждено убрать с дороги все препятствия, мешающие капиталистической погоне за прибылью.

В течение последних десяти лет США, являющиеся сегодня нашей должником, вели классовую войну против жизненного уровня миллионов рабочих. Позвольте мне описать настоящее положение нашей страны.

Безработица достигает двухзначных цифр (более десяти процентов). Официальные нормы не учитывают те миллионы рабочих, которые вообще безнадежно бросили искать работу. Зарплата американских рабочих упала на тринадцатое место в мире.

Когда-то процветающие промышленные районы металлообрабатывающей и автомобильной промышленности сейчас захлмлены закрытыми предприятиями. Сталелитейная промышленность потеряла полмиллиона рабочих мест; автомобильная — триста тысяч.

Атака на образование тесно связана с возвращением детского наемного труда. Два миллиона детей работают нелегально. Тысячи из них уже были искалечены и ранены.

В Соединенных Штатах, прославленных как страна демократии и свободы, основные демократические и гражданские права умаляются и исчезают. Настоящее положение классовых отношений было показано жестоким полицейским избиением Родни Кинга и судебным оправданием четырех полицейских.

С 1981 года, когда был разгромлен Профсоюз Авиадиспетчеров, происходят непрерывные нападки на профессиональные союзы. Предательства профсоюзной бюрократии, которая подчиняет интересы американских рабочих выгодам американского капитализма, открыли дорогу волне государственного насилия, напоминающего темные дни до построения профсоюзов.

Были убиты профсоюзные пикеты во время автобусных стачек против компании Грейхаунд в 1983 и в 1989 году, и во время стачки телефонистов в 1989 году. В 1990 году шахтер Джон МакКой был убит во время пикетирования на не имеющей профсоюза шахте в штате Западная Виргиния. До сего дня за эти преступления никто еще не был арестован.

Четверо шахтеров были безвинно осуждены на долгие тюремные сроки во время забастовки против компании А. Т. Масси в штате Кентукки.

Автомобильный шофер Роджер Котри был осужден во время стачки в 1990 году за то, что он якобы стрелял в автобус. Во время судебного процесса судья Фрид отказался рассмотреть показание, что Роджер поспешал в это время своего доктора за несколько миль от этого происшествия.

Проводя эти меры государственного террора и судебных подлогов против активистов рабочего движения, правящий класс ободрен открытым предательством со стороны нынешних профсоюзных бюрократических руководителей рабочего класса и их коллапсом. Во всем мире организации, основанные на националистических и реформистских программах, распадаются. Они не могут защитить даже минимальные завоевания и перенимают политику правящего класса.

По причине того, что весьма богатый профсоюз Роджера Котри отказался заплатить его пятнадцатитысячный залог, он провел 83 дня в тюрьме, пока его обжалование шло через инстанции. Лишь независимая инициатива и агитация Рабочей Лиги объединяла рабочий класс вокруг него и вынудили Профсоюз Больничных Рабочих помочь с деньгами. Успешная кампания мобилизовала рабочий класс внутри Соединенных Штатов и во всем мире и вынудила штат Коннектикут начать повторный судебный процесс.

Хотя это не является конечной победой — суд апелляций штата Коннектикут еще должен разрешить вопрос об этом деле, — это ясно доказывает правоту международной перспективы как единственно способной защитить интересы рабочего класса.

Профсоюзная бюрократия было явно обнаружена пособницей правящего класса в судебных нападках и подлогах против рабочих. Переломство профсоюзного руководства в Соединенных Штатах является частью глобального кризиса международного рабочего движения. Все организации рабочего класса, от сталинистских бюрократий до социал-демократии в Европе, оставили рабочих и встали за политику войны, колониального порабощения и массовой нищеты.

Их националистическая программа, защищающая разделение мира на конкурирующие национальные государства, продвигает интересы нации, а не интересы пролетариата как международного класса.

Рабочие всех стран должны сделать вывод и понять стратегический опыт рабочего класса за последние полвека.

Послевоенные соглашения, разработанные в договорах между империализмом и контрреволюционным сталинизмом, полностью уничтожены. Крах сталинистских режимов в Советском Союзе и Восточной Европе вовсе не начал новую эру глобального мира. Наоборот, разрыв наиболее слабого звена империалистической цепи обнаружил фундаментальное противоречие между мировым хозяйством и устаревшими барьерами национальных государств.

Валютный кризис, потрясший денежные рынки, означает поворотную точку в расколе мирового капитализма. Правящий класс, сам ведущий свои исторические корни из национального государства, не способен согласовывать и гармонично управлять глобальным производством.

Все механизмы, установленные по окончании Второй Мировой войны и основанные на гегемонии американского доллара, рвутся на куски. Конфликты, развивающиеся вокруг европейского договора Маастрихт, ясно показывают, насколько утопичны попытки объединения Европы на капиталистических основах.

Международный Комитет Четвертого Интернационала объяснил в своем программном документе, написанном в 1988 г., что растущая интернационализация производства обострит хозяйственные и политические конфликты между ведущими империалистическими державами.

Непримиримые антагонизмы между общественным производством, с одной стороны, и частной собственностью — с другой, между всемирным характером производства и национально-государственной системой, вновь угрожают человечеству призраком новой империалистической мировой войны.

Единственный класс, способный найти выход из исторического кризиса, стоящего перед человечеством — это пролетариат. В капиталистическом обществе лишь он является последовательно революционным классом. Пролетариат является международной силой, не привязанной к национальному государству.

Рост глобального хозяйства усиливает пролетариат, создавая объективные условия для объединения рабочих поверх всех национальных границ. Четвертый Интернационал строит всемирную партию в борьбе за мировой социализм.

Кругосветная поездка кандидата Рабочей Лиги является составной частью кампании Четвертого Интернационала за объединение рабочего класса.

Я благодарю товарищей из РКЛ, организовавших эти собрания. Я отнюдь не дань ключевой борьбе РКЛ против оппортунизма ЛССП и защиту наследия мирового троцкизма.

Я бы хотела также упомянуть товарища Кирти Баласурия, умершего пять лет тому назад. Его принципиальная борьба за троцкизм сыграла решающую роль в образовании кадров Четвертого Интернационала.

Наконец, я чествую память товарищей из Революционной Коммунистической Лиги, жестоко убитых за их борьбу и защиту программы революционного интернационализма.

Для меня было большой честью участвовать в этом всемирной поездке, бороться за единство рабочего класса в борьбе за мировой социализм. Пойдемте вперед к построению Четвертого Интернационала — Всемирной Партии Социалистической Революции!

Бандаравела: Хэльярд тепло встречена сельскохозяйственными рабочими

Члены РКЛ в районе Бандаравела организовали могучий митинг в зале муниципалитета г. Бандаравела в самый разгар борьбы студентов, родителей и учителей против перевода учителей — членов РКЛ. На митинг пришло приблизительно 175 людей, включая значительное число студентов, молодежи, учителей и домашних хозяйств.

Эта местность состоит в основном из чайных плантаций, где сконцентрированы организованные рабочие, и из угнетенных крестьянских районов. Тут находятся также несколько школ и институтов.

Широкая агитационная кампания, включающая распространение плакатов и визиты от одного дома к другому, была проведена еще до митинга в нескольких городках и окружающих город плантациях. Было собрано более семи тысяч рупий (большая сумма для Шри Ланки), чтобы покрыть расходы на собрание. Утром, в день митинга, по городу были сделаны объявления с помощью громкоговорителей, установленных на машинах, и детальное объяснение этого митинга было услышано по всему округу.

Митинг превратился в важную политическую точку объединения для возрождения традиций интернационализма среди рабочих и молодежи этой местности. Во время Второй Мировой войны здесь имели место важные массовые схватки под руководством троцкистской Большевицской-Ленинской партии Индии.

Виктор Диас, во время своей речи открывающей митинг, почтил память товарища Р. А. Питарела, ведущего члена РКЛ в этом районе, который был убит фашистской бандой Джаната Вимукти Перамуна (Дж.В.П) за его бесстрашную и неуклончивую борьбу во имя принципов троцкизма.

Во время собрания два морально уставших сторонника ЛССП, тесно связанных с реформистской политикой народного фронта, попытались расстроить собрание. Они, с одной стороны, горячо благодарили Хэльярд за ее визит и доклад, с другой стороны, они оспарили начальный доклад Виктора Диаса, который описал предательство старых бюрократических партий как ЛССП, КП, НССП, КВС и других.

Сторонники ЛССП настолько погрязли в национализме, что они не могут даже осмыслить идею всемирной организации рабочего класса, которая обладает стройной перспективой и программой мирового социализма. Они заявили, что замечания секретаря РКЛ о предательствах классовых коллабораторов «оскверняют репутацию страны». А когда один из сторонников ЛССП признался, что его организация «немного подкачала», его осмеяли.

В ответ Виктор Диас сказал, что для того, чтобы возродить традиции марксистского пролетарского интернационализма под знаменем МКЧИ, каждый классово сознательный борец должен понять совершенно изменившуюся сущность этих бюрократий соответственно с изменившейся компрадорской сущностью сталинизма в Восточной Европе и в бывшем СССР.

Хэльярд привела пример из истории Рабочей Лиги для того, чтобы ясно объяснить, что разоблачение предательских актов ЛССП является составной частью борьбы за пролетарский интернационализм.

Она объяснила, что Рабочая Лига была сформирована всего девятью членами Социалистической Рабочей партии (США), которые потребовали проведения внутрипартийной дискуссии о великом предательстве 1964 года, когда ЛССП (Шри Ланка) вступила в буржуазное коалиционное правительство под руководством Партии Свободы Шри Ланки и мадам Бандаранайке.

Руководители СРП, выступавшие под именем троцкизма, подготовили и поддержали это предательство, отказались провести дискуссии и исключили тех, кто ее требовал. Рабочая Лига была сформирована в этой борьбе за революционный интернационализм.

Хэльярд детально описала превращение профсоюзной бюрократии в прямое орудие буржуазного государства и современную борьбу Рабочей Лиги, которая защищает рабочий класс от этого преступного предательства.

Затем Виктор Диас объяснил исключительную важность детального анализа предательства ЛССП для разъяснения революционной перспективы и предотвращения подобных поражений в будущем. Он досконально опроверг фальшивое заявление, будто борьба против предательства ЛССП ведет к отрицанию традиций интернационализма.

Во время дискуссии Хэльярд также разоблачила иллюзию капиталистической демократии, насаждаемую империализмом. После доклада слушатели тесно окружили ее, с интересом продолжая дискуссию.

Амбалаганда: Школьники не поддаются запугиваниям и собираются на митинг

Более двухсот людей из многих районов собрались на митинг, несмотря на проливной дождь. В аудитории были служащие офисов, плотники, мастера народного искусства, художники и большое число домохозяек и женщины. Собрание привлекло рабочих, активных в борьбе, и социалистически настроенных селян, которые защищают членов РКЛ в их борьбе против нападения государства и банд партии УНП.

Группы учеников из мужских и женских школ этой области пришли на собрание, не поддавшись запугиваниям и репрессиям со стороны государственных чиновников. Эти запугивания были особо направлены на девочек — школьниц. Стол с книгами, брошюрами и газетами был постоянно окружен заинтересованными слушателями. Брошюра с переводом избирательной программы Рабочей Лиги пользовалась огромным успехом.

На собрание, в частности, пришли учителя, а также активисты из Профсоюза Кооперативных Рабочих, которые поддерживают принципиальную борьбу РКЛ против государственного насилия и продажной политики промайдельской НССП внутри этого профсоюза. Несколько молодых художников помогли украсить трибуну и подготовить зал; большое число молодых людей участвовали в местной кампании политической агитации во время подготовки этого собрания.

Товарищ Ратнасири Малалагама, давний организатор РКЛ в этом районе и активный член Профсоюза Кооперативных Рабочих, вел собрание. Генеральный Секретарь РКЛ Виктор Диас выступил первым и представил Хэльярд.

Доклад Хэльярд способствовал прочному восстановлению международной солидарности между пролетариатом США и рабочими и угнетенными массами Шри Ланки. Она объяснила, что американский рабочий класс, в условиях наиболее тяжелого кризиса всемирной капиталистической

системы, не обладает каким-то национальным ответом на кризис, стоящий перед ним.

Особенно за последние двадцать лет, в условиях капиталистической системы, беспрецедентная глобализация производства позволяет мультинациональным корпорациям, контролирующим мировую промышленность, совершать быстрые и обширные передвижения капитала в их поисках найти районы наиболее жестокой эксплуатации рабочего класса. По мере того как капитал и производство перебрасываются в так называемые зоны свободного предпринимательства в колониальных странах, американские рабочие, которые прежде пользовались сравнительными благами полной трудовой занятости, теперь оказываются осужденными на небывшие вынуждения на международной бирже труда.

Ссылаясь на детальные факты и цифры, она описала всю пропасть кризиса в Америке, где массовые увольнения, безработица, голод, бездомность и эпидемии болезней начинают превышать даже те высокие уровни, имевшие место во время Великой Депрессии. Ссылаясь на опыт последовательной борьбы Рабочей Лиги в защиту демократических свобод, она детально проанализировала нападки американского правящего класса и его государственных организаций на демократические права рабочих.

Хэльярд описала пролетарскую интернационалистическую борьбу, которую Рабочая Лига провела в прошлом году против американского правящего класса. Она объяснила, что во время войны против Ирака лишь Рабочая Лига боролась за независимую мобилизацию пролетариата против американского правящего класса, за немедленный вывод американских войск из Ирака и за окончание войны.

Таким образом она извлекла решающие уроки для рабочих и угнетенных масс в колониальных странах, живущих под угрозой империалистической агрессии: империалистическая война может быть закончена лишь через независимую мобилизацию рабочего класса в империалистических странах против их собственных правящих классов; настоящее антиимпериалистическое объединение между рабочими в империалистических странах и трудящимися — жертвами этой агрессии в отсталых странах, возможно лишь на этой основе.

Огромный отклик, полученный Хэлярд во время ее посещения Шри Ланки, показывает новое пробуждение социалистического сознания под знаменем Четвертого Интернационала в международном рабочем классе.

Доклад Хэльярд был выслушан с огромным вниманием; затем последовала активная дискуссия. Многие слушатели остались в зале, задавали вопросы об избирательной кампании Рабочей Лиги и описывали собственный опыт борьбы.

Канди: Доклад кандидата вызывает живую дискуссию

Почти сто рабочих и молодых людей собрались на публичное собрание в зале Сингала Веланда Перамуна в г. Канди. Рабочие в кооперативах, на транспорте, учителя, почтальоны, медицинские сестры, студенты и лекторы из институтов и школ в этой местности, а также другие молодые люди заполнили аудиторию. Собрание было проведено под председательством тов. Аянда Даулагала.

Доклад Хэльярд вызвал множество живых вопросов и дискуссии. Один человек спросил: «Какая сила у Рабочей Лиги? Может ли она установить социализм и мобилизовать рабочий класс вокруг своей программы?» Хэльярд ответила, что партия очень сильна, так как лишь ее программа защищает интересы рабочего класса. Она объяснила боязнь американского

правительства по поводу потенциальной возможности Рабочей Лиги привлечь рабочих и молодежь, сославшись на цензуру, которой массовая пресса в США окружила избирательную кампанию Рабочей Лиги.

Один лектор из университета спросил, почему Хэльярд выбрала именно Шри Ланку во время своей поездки по Азии. Хэльярд ответила, что она приехала по приглашению РКЛ, организовавшей ее тур по Шри Ланке. «РКЛ состоит в том же международном движении, как и мы», — сказала она.

На вопрос, является ли Рабочая Лига политическим крылом какого-то профсоюза в США, Хэльярд ответила: «Нет, мы — не политическое крыло профсоюза. Рабочая Лига — троцкистская партия в США. Но из-за закона, принятого американским правящим классом в 1940 году, нам запрещено состоять членами Четвертого Интернационала. Рабочая Лига состоит в политической солидарности с Четвертым Интернационалом».

Другой слушатель спросил, сможет ли Рабочая Лига получить большое влияние своим участием в выборах в условиях, когда в США развернулся огромный кризис. Хэльярд ответила: «Мы не можем сказать, сколько голосов мы получим. Партия использует эти выборы как способ обратиться к возможно большему числу рабочих и молодежи».

Она также объяснила, что Рабочая Лига распространила десятки тысяч брошюр на английском и испанском языках и опубликовала заявления с осуждением расизма, объясняя отношение партии к американскому национализму, к образованию, и т. д. Объясняя снижение социалистического классового сознания в рабочем классе последствиями огромных предательств со стороны сталинистских и социал-демократических бюрократий, она сказала: «Четвертый Интернационал борется за возрождение международных и социалистических традиций рабочего класса во всем мире».

Другой человек спросил, что именно Четвертый Интернационал уже сделал для мирового социализма. Вижэ Диас ответил описанием исторической борьбы троцкистского движения во имя построения Четвертого Интернационала в мировую партию социалистической революции против огромных предательств сталинистской бюрократии. Он также объяснил как программа и перспективы Троцкого, несмотря на скептицизм ревизионистов, начиная с Дойчера во время учредительного съезда в 1938 году, сегодня оправданы. Диас указал на продажную роль паблизма, особенно в отношении вхождения ЛССП в коалиционное правительство в Шри Ланке в 1964 году и по отношению к включению правой партии НССП в Объединенный Секретариат Мандела. Под конец Диас объяснил, что РКЛ борется в защиту и для развития марксистского и социалистического сознания в рабочем классе путем борьбы за Социалистический Союз Республик Элам — Шри Ланка.

Один рабочий спросил: «Мы видели других трех кандидатов по телевизору. Разве вы не получили возможность появиться на телевидении?»

Хэльярд ответила: «Нет, мне не дали возможности появиться на ТВ. Наоборот. Для того, чтобы участвовать в выборах в президенты, мы обязаны собрать подписи на петициях в каждом штате. В штате Мичиган мы собрали 38.000 подписей». Она снова разъяснила факты о цензуре печати по отношению к избирательной кампании Рабочей Лиги. Она также указала на свой собственный опыт в отношении полицейского преследования Рабочей Лиги во время партийной агитации против войны в Персидском Заливе.

После собрания несколько молодых людей остались в зале, чтобы продолжить дискуссию с Хэлярд. Два молодых учителя согласились приехать на конференцию учителей, студентов и родителей, организуемую

Революционной Коммунистической Лигой в г. Коломбо 8-го ноября. Цель этой конференции — возглавить борьбу в защиту бесплатного образования.

Четвертый Интернационал помогает жертвам Чернобыля¹⁸

Репортаж Петра Шварца

В сентябре 1992 года делегация Международного Комитета Четвертого Интернационала посетила украинский город Шостку и приехала туда более семи тонн медикаментов и инструментов, собранных в ходе международной кампании.

Секретарь МКЧИ Петр Шварц во время телевизионного интервью в г. Шостка

Хотя Шостка находится на расстоянии всего 270-ти плоских, равнинных километров от столицы Украины, Киева, дорога туда оказалась весьма затруднительной. Трясая, часто останавливающаяся электричка из Киева

до Воронежа отнимает шесть часов. Оттуда нужно брать дизельный поезд до Шостки.

Мы с трудом находим нужный поезд. На станции конечный пункт обозначен как село Михайловское на границе с Россией, которое не отмечено на нашей карте. Шостка вообще не указана в расписании. Хотя там живут сто тысяч людей, она считается лишь небольшим городком.

Раньше из Киева в Шостку ходил автобус. Но с тех пор, как цены на нефтепродукты поднялись до мировых, стоимость проезда поднялась в стратосферу, и этот маршрут был закрыт. Но электричка все же дешева: 32 купона (временные украинские деньги, заменившие рубль) за билет. Это меньше, чем двадцать пять центов по официальному курсу обмена.

Как мы узнали позже, даже эта низкая цена представляет собою значительное затруднение для среднего рабочего, направляющегося в столицу.

Большие вагоны поезда не разгорожены. Слева и справа от центрального прохода на жестких скамейках сидят по шесть пассажиров. Хотя поезд очень длинный, почти все места заняты. Большинство пассажиров выглядят усталыми и безучастными. Несмотря на неудобные сиденья, многие засыпают. Сразу замечаешь множество мешков и рюкзаков, в которых люди перевозят овощи и картофель со своего огорода обратно домой в город.

Местность, которую мы проезжаем, скучна. Как только мы проезжаем последний пригород Киева, картина перестает меняться: рядом с рельсами — небольшая лесная полоса; за ней необъятные и, как нам кажется, неухоженные поля. Время от времени между полотном и лесом замечаешь небольшой ухоженный огород с картофельной ботвой.

Поезд останавливается время от времени в различных селах. Поневолье вспоминаешь старые фильмы времени Русской революции. Облик этих сел мало изменился с тех пор: одноэтажные избы окруженные деревянными заборами.

Большинство дорог не вымощены и покрыты огромными колдобинами. После дождя они превращаются в болота. Жирные белые гуси переваливаются посреди улиц и их окружают кудахтающие куры.

Лишь когда в селе есть какая-то фабрика, то виднеются те монотонные, собранные из полуфабрикатов жилые коробки, которые сотнями видны в городах и которые тут и там громадятся над маленькими домишками. Наша дорога показывает, что, несмотря на ее большие города, Украина все еще несет на себе отпечаток деревни.

Делегация от Ассоциации «Чернобыль»

На станции в Воронеже нас встречает делегация от Ассоциации «Чернобыль» и дарит нам огромный букет цветов. Чтобы спасти нас от еще одного переезда на поезде, они одолжили в больнице машину. В то время как водитель умело маневрирует вокруг ям и колдобин на дороге, Юрий Корсун описывает эти места.

Поля за городом были поделены на небольшие клочки земли и розданы населению для превращения в частные огороды. Их сейчас примерно пятнадцать тысяч, то есть один огород на семь человек населения. На этих клочках растут картофель, овощи, фрукты и другие продукты.

Во время нашего визита мы встретим множество людей — от обычного рабочего и до директора ФЗУ включительно, — которые проводят все свободное время на своем огороде, пытаясь обеспечить свою семью продуктами. У них нет выбора. Скачущая инфляция обесценивает зарплаты, так что их не хватает даже на продовольствие, не говоря даже об одежде и

¹⁸ Эта статья впервые была напечатана в *Neue Arbeiter Presse* 20 ноября 1992 г.

других необходимых вещах. Для правительства это удобное средство направить социальные давления в конфликты в аполитическое направление.

Шостка, куда мы приехали уже ввечера, выглядит приветливым и ухоженным городком. За исключением небольшого, довоенной постройки центра, город является типичным результатом промышленного подъема 1950-х и 1960-х годов. Блоки квартир от пяти- до двенадцатиквартирных являются копиями таких же микрорайонов как и в Киэне, Москве или Восточном Берлине. Но тут они не построены так близко друг к другу, есть больше кустарников и деревьев, и картина получается значительно красивее.

Недавние изменения не оставили за собой много следов. Статуя Ленина все еще стоит перед огромным зданием Горсовета на широкой центральной улице. В зале ожидания на станции под гербом с Серпом и Молотом все еще висят поблекшие портреты героев Великой Отечественной войны. Никто здесь не заинтересован в уничтожении всех этих атрибутов бывшего СССР.

Несмотря на то, что и Компартия, и Комсомол вне закона, их функционеры продолжают работать в своих старых заведениях.

Хозяйственный костяк города состоит из трех больших химических и оборонных заводов, на каждом из которых занято от восьми до пятнадцати тысяч рабочих. Фабрика «Свема», изготавливающая фотопленку и другие фототовары, известна в стране.

Чем ближе узнаешь жизнь города, тем яснее видны противоречия, скрывающиеся за безмятежным фасадом, — эти противоречия должны неминуемо всплывать по мере расширения капиталистической реставрации. Наши хозяева организовали обширную программу визитов, и мы встретимся с широкими социальными прослойками. Таким образом, мы сможем получить более конкретную картину местных условий.

Наш первый визит — в центральный госпиталь Шостки. Приемная и врачебные кабинеты находятся в маленьком старом здании. Палаты для больных находятся в многоэтажном корпусе сзади. Медикаменты, привезенные от Международного Комитета, находятся здесь на складе. Молодая медсестра открывает нам склад и показывает переполненные коробки ярусы с лекарствами и оборудованием. В настоящее время это все сортируют, чтобы затем соответственно применить.

Наконец, мы встречаемся с молодым врачом Любовью Шляпиной, которая ответственно за лечение от лучевой болезни. Она детально описывает проблемы, стоящие перед ней.

Главный врач госпиталя, доктор Александр Аленко, уехал на конференцию, и мы с ним увиделись на следующий день. От имени всей больницы он горячо нас благодарит за подаренные медикаменты. Он говорит, что этот подарок важен не только с материальной точки зрения, но это также огромная моральная поддержка.

«Чернобыльская катастрофа имеет последствия, которые невозможно быстро преодолеть», — говорит врач. — И подходящих лекарств нигде в мире не существует. Через несколько лет эти последствия могут стать еще более серьезными, чем сегодня».

Доктор Аленко является членом горисполкома, выбранным туда от ныне запрещенной Компартии. Он ясно обнаруживает свое беспокойство недавними политическими переменами. Он с интересом слушает наше заявление о работе и программе Четвертого Интернационала. Мы объясняем, что проблема в том, что преступления сталинистов подавили и дискредитировали социализм в глазах рабочего класса. С этим он полностью соглашается.

Он рассказывает нам об ужасных последствиях распада Советского Союза на его больницу. Стало невозможным получить до разреза нужную медицинскую аппаратуру: «Одни медикаменты можно заменить другими, но

диагностическая аппаратура становится все более дорогой. Ее почти невозможно купить. Зарубежная аппаратура продается только за валюту, а у больницы ее нет, и этот вопрос для нас неразрешим. Если вы можете нам помочь с этой проблемой, мы были бы очень благодарны».

После обеда запланировано интервью с местной телевизионной станцией. Оно проводится в кафетерии центрального кинотеатра. Директор кинотеатра успела прочесть «Бюллетень Четвертого Интернационала» до нашего приезда и встречает нас с энтузиазмом и с готовностью помочь целям нашего визита.

Телерепортеры сообщили по ТВ о прибытии медицинских припасов еще до нашего приезда. Первым делом они дают нам возможность объяснить, что такое Четвертый Интернационал и какие у него цели.

Я начинаю мое объяснение с рассказа о борьбе Левой Оппозиции под руководством Льва Троцкого против подъема сталинизма, затем говорю об учреждении Четвертого Интернационала и о его историческом значении. Я подчеркиваю, что Международный Комитет решительно отвергает курс на реставрацию капитализма, который преследуют Кравчук на Украине и Ельцин в России, но ответ не лежит в возврате к сталинизму, который рухнул по вполне законным причинам.

«Рабочий класс нуждается в международной стратегии, — говорю я. — Единственная дорога из этого тупика лежит в интернациональном объединении пролетариата вокруг социалистической программы».

Репортер задает мне вопросы о кампании, которая привела Международный Комитет в Шостку.

«Цель нашего приезда, — отвечаю я, — показать рабочим Украины и всего бывшего Советского Союза, что международный рабочий класс является их первейшим союзником. Вторжение западных банков и деловых концернов несет рабочим здесь лишь массовую безработицу и нищету. Это — неминуемые последствия экономической программы, диктуемой Международным Валютным Фондом».

«Мы были приятно удивлены, какой большой отклик вызвал наш призыв. Рабочие всего мира с готовностью сделали свои пожертвования. Многие из них сами без работы или живут под угрозой увольнения, и не могут сами свести концы с концами на свою мизерную зарплату. Это особенно характерно для Соединенных Штатов, где рабочие, вопреки постоянной здешней пропаганде, вовсе не жиреют».

«Согласно официальным данным, сорок миллионов американцев живут за чертой бедности».

«Позвольте мне перечислить несколько мест, где мы собрали пожертвования: от автомобильных рабочих в Детройте и Понтиаке, и от шахтеров в Пенсильвании в Соединенных Штатах. В Австралии от души пожертвовали рабочие в госпиталях в Сиднее и Мельбурне. В Великобритании шахтеры в графстве Йоркшир, год бастовавшие в защиту своих рабочих мест в 1984—5 г. г., дали почти три тысячи фунтов стерлингов».

«В Германии рабочие Рура, автомобильные рабочие Штутгарта и химики Франкфурта поддержали эту кампанию. Вдобавок мы получили пожертвования от рабочих Восточного Берлина, столицы бывшей Германской Демократической Республики, несмотря на то, что многие из них живут под угрозой увольнения. Даже рабочие Шри-Ланка, одной из наиболее бедных стран мира, поддержали нашу кампанию».

В заключение Юрий Корсун объяснил, почему Ассоциация «Чернобыль» обратилась к Международному Комитету Четвертого Интернационала.

Это пятнадцатиминутное интервью было транслировано областной телевизионной станцией этим же вечером в девять часов; сотни тысяч зрителей увидели его.

После интервью мы поехали в трудовое училище. Большое четырехэтажное здание помещает 18 классных комнат, 9 мастерских и большую столовую. Шестьсот сорок учеников изучают профессии столяров и плотников, автомехаников, маляров, сварщиков, монтеров, продавцов, строителей, поваров и булочников.

Количество преподавателей высоко по сравнению с Западом. В этом училище работают свыше ста преподавателей и инструкторов.

Многие из студентов не только учатся, но и живут в общежитии рядом. Училище имеет общежитие и спортзал. Образование бесплатное. Нуждающиеся студенты получают бесплатную одежду и обувь. Все обучение проходит в техникуме. Молодежь уходит на фабрики и заводы лишь после получения полной квалификации.

В этом училище также существуют культурные клубы, открытые для местных жителей. Например, в этой школе мы заметили клуб Эсперанто. В одном только городе Шостка есть три таких училища. Во всей области их 42.

Мы спрашиваем директора Николая Кондратенко о видах молодежи на будущее в свете нелинейных политических изменений.

«До сих пор у нас не было проблемы найти работу по окончании училища, — отвечает он. — С тех пор, как Украина отделилась от Союза, мы впервые встали лицом к лицу с определенными затруднениями, и проблемы все растут и увеличиваются. В городе уже есть биржа труда. Если наши выпускники не находят никакой работы, их направляют на биржу труда. В этом году это коснулось лишь десяти выпускников; остальные нашли работу.»

Мы рассказываем, что в бывшей ГДР после воссоединения десятки тысяч преподавателей потеряли работу из-за урезания бюджетов, и целое поколение молодежи не имеет сейчас никаких пидов на будущее. Он слушает нас с испугом, но не может себе представить, что то же самое может случиться на Украине. Все же он сознается: «С переходом к рыночному хозяйству наши проблемы усложняются. Мы должны выпускать рабочих, готовых к конкуренции. В прошлом мы никогда не заботились о проблеме выживания, но сейчас мы вынуждены вести серьезные беседы с нашими учениками об их будущем.»

Под конец Николай Кондратенко гордо ведет нас к двум комнатам, которые были превращены в музей. Он замечает: «Мы должны идти в ногу с временем. Мы создали здесь что-то вроде музея местного фольклора. Мы хотим возродить наши духовные ценности.»

Но трудно разобраться, из чего именно состоят эти духовные ценности. В этом музее собраны агрикультурные и разные ремесленные инструменты, культурные и бытовые предметы, технический уровень которых вряд ли превышает уровень Римской Империи во время ее расцвета.

Украинская культура, ставшая столь модной в интеллектуальных кругах, характеризуется полным отсутствием городских буржуазных традиций, с которыми связан подъем новейшей европейской культуры со времени Ренессанса. Восхиление местной культуры, сопровождаемое превозношением казацких традиций, является идеологической приправой повального уничтожения промышленности, которое началось с реставрацией капитализма и которое неминуемо ведет Украину на столетия назад.

Директор училища Николай Кондратенко мало думает о социальных отношениях и не понимает этой связи. Я прихожу к выводу, что если бы мы

приехали сюда три года назад, он расхваливал бы Советский Союз с таким же энтузиазмом как он сейчас воспекает Украину.

На следующий день мы посещаем молокозавод; это, без сомнения, образцовое предприятие. Каждый день 320 работников (на заводе работают преимущественно женщины) перерабатывают 250.000 литров молока в 30 различных продуктов, которые кормят Киев, Донецк и другие большие города.

Завод исключительно чист и оборудован новейшим оборудованием из Венгрии и ГДР. Заметно, что директор, Лариса Рудакова, ведущая нас по фабрике, весьма предана своему предприятию. Она удовлетворена нынешними изменениями: «Наша фабрика сейчас полностью независима. Мы руководим собственными финансами; раньше этого не было. В прошлом наше финансирование велось министерством. Теперь мы можем решать, что делать с прибылью.»

В то же самое время она принимает как должное, что прибыль употребляется для рабочих. Фабрика таким путем оплачивает лечение рабочих, пострадавших в черновильской катастрофе, субсидирует продовольствие, одежду, детские сады и прочее. Фабрика организует здравницы на берегу моря и строит квартиры. Как объясняет Лариса Рудакова, все это сейчас возможно потому, что завод прибылен и имеет достаточно средств.

Другие заводы, особенно крупные, не в состоянии предоставить такие услуги. Съемка уволила тысячу работников. Первыми были уволены те, кто работал в заводских культурных заведениях.

Но будущее неблагоприятно даже и для молокозавода: «У нас появились огромные затруднения с запчастями и заменой оборудования, — объясняет нам Рудакова. — Наше оборудование в основном закуплено в бывших соцстранах, в Венгрии и ГДР. Но контракты не возобновляются потому, что у нас нет твердой валюты. Мы пробуем заключать контракты с соответствующими заводами в бывшем Советском Союзе и найти такой выход. Но мы все-же нуждаемся в валюте, чтобы купить различное оборудование. Мы сейчас договариваемся с Венгрией и Австрией. Мы надеемся доставлять туда молочный порошок, но есть некоторые затруднения.»

Часто рабочие нас приглашают к себе домой на ужин. Таким образом мы узнаем об их домашней жизни.

Снаружи огромные квартирные блоки выглядят незаконченными; они не оштукатурены и плохо почищены. Но внутри квартиры поражают своей величиной и разумным устройством. Сразу видно, что люди затратили много воображения и энергии для создания комфортабельной домашней среды.

Но не все так счастливы, чтобы иметь свою квартиру. Как и в других больших городах, в Шостке царит огромная нехватка жилья. Бюрократические препятствия на пути к получению квартиры унизили и почти непреодолимы.

После нескольких просьб, член Ассоциации Чернобыль, не имеющий отдельной квартиры, наконец, приглашает нас домой. Он со своей женой, семилетним сыном и двенадцатилетней дочкой живут в двенадцатиметровой комнате. Еще две семьи живут в этой трехкомнатной квартире, делая одну кухню и уборную и моют белье в ванне, потому что стиральной машины не имеется. Можно сразу понять как тяжелы эти условия для домохозяйки, которая к тому же работает.

Они так прожили уже шесть лет. Все семьи стоят на очереди за квартирами, но строительство замедлилось и сейчас вообще остановилось. Скачущая инфляция привела к тому, что цены на стройматериалы взлетели

вверх и вся строительная промышленность остановилась. Пройдут месяцы или даже годы, прежде чем это изменится, а их дети тем временем растут.

Сталинистский режим на каждом шагу оставил за собой массу жертв. Вечером мы встретились с двумя «Афганцами»; когда им было восемнадцать лет их послали на войну в Афганистан, и они ее чудом пережили. С тех пор как они вернулись, с ними обращаются как с пораженными проказой. Они рассказали, что часто вернувшиеся не могут даже получить обратно свою прописку, когда они хотят вернуться домой.

Эти «афганцы» организовали свои ассоциации по всему Содружеству Независимых Государств. Не имея другой социальной программы, они пытаются заработать на жизнь через основание частных предприятий. Мы провели интервью с несколькими ветеранами, и их рассказы проясняют, какие уничтожительные последствия эта война имела на целое поколение советской молодежи.

На третий вечер нашего визита, Ассоциация «Чернобыль» приглашает представителей Четвертого Интернационала выступить на общественной встрече. Это собрание проводится в центральном кинотеатре. Примерно двадцать человек собираются на собрание: жертвы чернобыльской катастрофы, радиореporter из областного города Сумы и группа рабочих, весьма заинтересованных в программе Четвертого Интернационала.

Еще до этого собрания нас ошеломили прошения тех, кто услышал о приезде благотворительных товаров; они в сердцах объясняют о своих проблемах и о безразличии бюрократии.

Десятилетия сталинистской власти разнесли вдребезги социальную жизнь; это многих должно прямо поразить. Новое правительство лишь ухудшило положение. Последствия хозяйственного спада и растущей инфляции делают жизнь все трудней.

Одна мать сквозь слезы рассказала нам о попытке ее четырнадцатилетнего сына покончить с собой. После бесполезных посещений нескольких больниц он потерял всю надежду излечиться от своей эпилепсии. Она умоляет нас найти для него возможность поехать лечиться в Германию.

Родители просят нас найти их детям, пострадавшим от последствий Чернобыля, летние лагеря. Один рабочий спрашивает как будут распределены медикаменты, которые мы привезли, и объясняет, что посылки благотворительной помощи, остающиеся под контролем правительства, в конце концов обогащают только бюрократов.

Приходят три женщины из Припяти, находящейся вблизи Чернобыля. Их переселили в Шостку после катастрофы. Они рассказывают нам об эффектах этой катастрофы на их детей.

Во время собрания начинается живая дискуссия о программе Четвертого Интернационала. Двое рабочих, увидевших трансляцию нашего интервью по телевидению, спрашивают нас о нашей оценке августовского (1991 г.) путча. Они рады услышать, что мы осудили путч, но ничуть не поддержали Ельцина и апологетов капиталистической реставрации. Они оба оставляют свои адреса и получают новый номер «Бюллетеня».

Спартакисты клеветают на кампанию помощи советским рабочим

Статья написана Мартином Маклофлином

Описание попыток Международного Комитета предоставить помощь рабочим бывшего Советского Союза осталось бы незаконченным без упоминания об оскорбительной попытке антитроцкистской организации, известной под именем Спартаковской Лиги, оклеветать МКЧИ и Рабочую Лигу.

Номер газеты «Workers Vanguard», двухнедельного органа группы Робертсона, поместил статью под названием «„Воркутинский“ фонд Рабочей Лиги». Эта статья была наполнена множеством трусливых инсинуаций, лишенных какого-либо доказательства и основанных единственно на фракционном безенстве спартакистов против троцкистского движения.

Вместо первоначального плана послать медицинские припасы в Воркуту, на севере России, МКЧИ решил послать их в госпиталь в украинском городе Шостка, находящемся поблизости от чернобыльской адовой катастрофы. Причины и подробности этого решения вполне ясны и были публично освещены в прессе всего Международного Комитета.

МКЧИ собрал медицинские припасы на сумму свыше четверти миллиона долларов для их посылки в бывший Советский Союз, где прокапиталистический саботаж сталинской бюрократии нарушил функционирование планового хозяйства и лишил многие районы даже минимального медицинского обеспечения.

Когда эта кампания была объявлена на мировом Конгрессе против войны и колониализма в Берлине в ноябре 1991 года, МКЧИ предложил собрать припасы с помощью рабочих многих стран и отправить их в Воркуту, в горнодобывающий центр на севере Урала.

Представители МКЧИ во время своей поездки в СССР получили несколько обращений о помощи. Обращение официальных представителей профсоюза шахтеров Воркуты было выбрано, отчасти, потому что троцкистское движение исторически связано с Воркутой, куда были сосланы и затем, во время кровавых чисток 30-х годов, убиты тысячи членов Левой Опозиции.

Решение МК основывалось не на согласии с политическими позициями вождей горняков, а на необходимости восстановить братские связи между советским и международным пролетариатом, — связи, которые так давно порвала контрреволюционная сталинистская бюрократия.

МКЧИ провел активную политическую кампанию в рабочем классе США, Канады, Великобритании, Австралии, Шри Ланки и Индии, объясняя условия в бывшем Советском Союзе наиболее передовым рабочим, борясь против шовинизма и антикоммунизма профсоюзной бюрократии и завоевывая значительную поддержку в ходе этой кампании.

Решение изменить конечное назначение припасов из Воркуты в Шостку было сделано потому что все углубляющийся социальный, хозяйственный и политический кризис сделал доставку припасов в отдаленную область Дальнего Севера России попросту невозможной. Согласно объявлению, напечатанному на первой странице «Бюллетеня» Рабочей Лиги 4 сентября, после того как эти припасы были благополучно доставлены на Украину, «Из-за теперешних условий в бывшем СССР — транспортные застой, повсеместная официальная коррупция, отсутствие какого-либо надзора, —

Международный Комитет не смог получить никаких надежных гарантий, что эти припасы будут доставлены в Воркуту, в местность лежащую вдали от Москвы, к северу от Полярного Круга.

В Шостке эти гарантии были получены. Представитель Союза Чернобыльцев из Шостки запросил МКЧИ о помощи летом 1991 года, во время визита троцкистской делегации в Киев. Начальство больницы в г. Шостка согласилось, что все подаренные припасы будут употреблены бесплатно для лечения пострадавших в катастрофе в Чернобыле и рабочих, заболевших из-за своего участия в ликвидации аварии на этой ядерной электростанции.

Спартакистская Лига не может даже представить себе кампанию, основанную на политических принципах, такую кампанию, которую организовал МКЧИ для помощи советским рабочим. Именно поэтому газета *"Workers Vanguard"* отвергает объяснение Международного Комитета по поводу перемены из Воркуты в Шостку и помещает в своей статье слова «транспорт», «коррупция» и «безопасность» в кавычки как бы намекая, что эти соображения не имеют веса в планировке привоза семи тонн припасов за тысячи километров, в страну, где грабеж общественного добра стал главным занятием правящих кругов.

Спартакистам совершенно безразлично, что происходит с рабочим классом; это отвратительное отношение было показано их призывами к советской бюрократии убить столько польских рабочих в 1980—81 гг., сколько нужно для успешного подавления движения Солидарности. Спартакистам не понять, что Рабочая Лига и Международный Комитет заинтересованы в кампании материальной помощи рабочим бывшего Советского Союза, цель которой заключается в обеспечении действительной доставки припасов для того, чтобы спасти жизни рабочих и их семей.

Поэтому эта статья полна ядовитыми инсинуациями и диким приписыванием задних мыслей по адресу воркутинской кампании. Статья в *"Workers Vanguard"* обвиняет Рабочую Лигу в «финансовом жульничаньи и обмане», намекает, что секции Международного Комитета злоупотребили накопленными пожертвованиями в собственных целях, и заявляет, что МК и Рабочая Лига поддались давлению АФТ-КПП в своем решении послать эти припасы в Шостку. Спартакисты даже намекают, — заключив имя доктора Александра Алехо в кавычки, — что директор этой больницы вовсе не существует!

Как свое первое доказательство, печатая его под крикливым заголовком «Следите, куда денались деньги», Спартакисты перепечатали объявление из газеты Социалистической Рабочей Лиги, *"Workers News"*, что австралийская секция МКЧИ «отправила медицинские припасы на сумму свыше сорока тысяч долларов» для помощи шахтерам Воркуты. Спартакистская газета *"Workers Vanguard"* утверждает, что это противоречит объявлению, сделанному четыре месяца спустя, о том что МК послал медицинские припасы в Шостку.

Международный Комитет является мировой партией и провел воркутинскую кампанию помощи в форме единой всемирной акции. Припасы из Австралии были отправлены в Германию, откуда их можно по железной дороге переправлять в бывший СССР. В Германию посылка из Австралии была добавлена к припасам, пришедшим из США, Канады и других стран под бдительным надзором германской секции МКЧИ, Bund Sozialistischer Arbeiter. Именно во время этого промежутка времени было принято решение послать эти припасы в Шостку, а не в Воркуту.

Товарищ Петер Шварц, ведущий член BSA и секретарь Международного Комитета, и другие представители партии сопровождали эту отправку на

Украину и поехали в Шостку, чтобы обеспечить благополучную доставку медицинских припасов и оборудования в руки докторов. Это являлось единственно надежным действием, возможным для МКЧИ.

Спартакисты — это организация, члены которой собраны из деклассированных и люмпенизированных слоев среднего класса, организация, которую связывают личные отношения и всеобщее поклонение перед их вождем—гуру, Джеймсом Робертсоном. Все их действия основаны на субъективном фракционализме, и, в большой мере, на ненависти по отношению к Рабочей Лиге и к Международному Комитету.

В течение десятилетий спартакисты вели политическую работу в роли подпевал по адресу наиболее жестоких контрреволюционных действий сталинистской бюрократии в СССР; они приветствовали учреждение мер военного положения в Польше и советское вторжение в Афганистан. После краха сталинизма спартакисты лишены последней причины существования, кроме одной: совершать политические провокации против троцкистского движения.

Спартакистская Лига распространяет клевету, чтобы создать основания для политической охоты на ведьм и для государственных атак на Рабочую Лигу. Для этой цели она готова напечатать любой неосновательный, глупый или фальшивый материал, лишь бы он был направлен против Рабочей Лиги.

Международный Комитет Рабочей Защиты

Федеральный суд ложно осуждает Котру¹⁹

• Присяжные в Бруклине вернулись с двумя решениями «виноват» в процессе оклеветанного водителя автобуса компании Greyhound Роджера Котра по обвинению в нелегальной продаже оружия.

Ложно преследуемый водитель автобуса Роджер Котра (в центре) с другими рабочими во время стачки.

Роджер Котра, преследуемый забастовщик против компании Greyhound, был осужден в понедельник по вымышленному обвинению в нарушении законов о торговле оружием, после процесса, продлившегося неделю в федеральном суде района Бруклин в г. Нью-Йорк.

Процесс против Котра явился частью согласованной кампании, ставившей своей целью уличить водителя автобусов в тюрьму, даже после его успешной кассации фальшивого осуждения в штате Коннектикут, связанного с забастовкой. В Коннектикуте его обвинили, судили и нашли виновным в надуманном обвинении, будто он выстрелил в автобус во время

забастовки против Greyhound в 1990 году. Этот подлог, организованный судебной системой штата Коннектикут, сыграл ключевую роль в попытках компании Грейхаунд уничтожить профсоюз.

Федеральное дело было передано в руки присяжных заседателей в пятницу, 30 апреля. Заседатели продолжили свое обсуждение в понедельник и затем объявили о своем решении. Гласный коллегия присяжных заседателей объявил Котру виновным по обоим обвинениям: перевозка оружия из одного штата в другой и вмешательство и помощь лицу, занятому в продаже оружия без лицензии на это.

Приняв это решения, заседатели игнорировали значащие пробелы в прокурорском обвинении и некритически приняли версию событий, вымышленную федеральными агентами и прокуратурой. Хотя судья формально указал на юридическую обязанность правительства доказать, что Котра виновен "beyond a reasonable doubt" (американское юридическое требование, чтобы вина подсудимого была доказана до той степени, где кончаются какие-либо обоснованные сомнения), на деле заседатели отказались применить этот принцип.

События, которые привели к обвинению, начались в начале 1991 г., когда Котра имел федеральную лицензию продавать оружие. Участвуя в стачке в течение года, он в подполье семье подрабатывал на продаже оружия друзьям и коллегам по работе.

В феврале 1991 года товарищ Котры, другой бастующий против Грейхаунда рабочий, познакомил Котру с полицейским из города Нью-Йорк, Фредом Фростом. Последний заказал несколько партий оружия у Котры.

Через три месяца отец полицейского, Герберт Фрост, был арестован за продажу револьверов на улице в Бруклине.

Ни один из членов этой семейки не провел за свои преступления ни одного дня в тюрьме. Фред Фрост, использовавший свое полицейское удостоверение для купли оружия не был даже привлечен к этому обвинению. Его тихо и мирно уволили с работы в департаменте полиции после внутреннего расследования. Его отец, Герберт, был осужден на четырехмесячный домашний арест, заплатив штраф в пятьдесят долларов.

Правительственное обвинение

Досье правительственного прокурора составляло в огромном большинстве доказательства не против Котры, а против Фростов. Обвинители, во-первых, предъявляли свидетельства от фирм, торгующих оружием, показавшие, что Котра вполне легально покупал огнестрельное оружие. Затем, прокурор опросил полицейских г. Нью-Йорка, засвидетельствовавших, что во время тайной облавы в Бруклине они арестовали Герберта Фроста за нелегальную продажу оружия.

Главным свидетелем обвинения являлся агент федерального Bureau of Alcohol, Tobacco and Firearms (BATF, Бюро Алкоголя, Табака и Огнестрельного Оружия), Чарльз Малхэм. Вернувшийся недавно с правительственного массового убийства в Вэко, штат Техас, Малхэм является типичным бандитом, которых капиталистическое правительство нанимает для подобных целей.

Правительство привлекло Малхэма к роли свидетеля, чтобы предъявить запись телефонного разговора между Котрой и Гербертом Фростом, в ходе которого Фрост пытался заманить Котру в ловушку, чтобы последний нелегально продал ему оружие. Но агент BATF был вынужден признать, что эта телефонная сделка не состоялась и что тайные агенты даже не попытались поймать Котру в ловушку, подобную той, в которую попался Герберт Фрост.

¹⁹ Статья из газеты "International Workers Bulletin" за 10 мая 1993 г.; автор: Билл Ваши

Перекрестный допрос агента BATF

Процесс принял неожиданный поворот в результате умелого перекрестного допроса, сделанного защитником Даниелом Корнстейном. Его вопросы начали сразу же разоблачать клевету правительства.

Агент BATF рассказал, что он и другие члены «спецкоманды» знали еще до организации этой «лоллы» Герберта Фроста, что его сын работает полицейским. Он сознался, что никакого расследования роли Фреда Фроста не произошло, и что его не думали арестовывать даже после того как во время обыска дома Фростов в его собственной спальне были найдены четыре контрабандных револьвера.

Малхэм рассказал далее, что после ареста Герберта Фроста и доставки его в участок, Фреду Фросту разрешили присутствовать во время допроса его отца и затем сделать общее с ним заявление по этому поводу. Малхэм сознался, что такой метод расследования является «уникальным».

Затем агент BATF показал, что после появления полицейского Фреда Фроста в Бюро, Малхэм сразу же позвонил в федеральную прокуратуру. Хотя Малхэм не объяснил о чем шел разговор между ним и прокурором, но из происшедшего ясно, что именно произошло. По приказу правительства, полицейский и его отец были выгорожены от обвинения, а вся вина свалена на Роджера Котру.

Корнстейн далее показал как правительство организовало этот судебный подлог. Он заставил Малхэма прочесть на суде свои показания на внутреннем дисциплинарном расследовании Фреда Фроста. Агент BATF рассказал, что Фрост согласился позвонить Котре, чтобы «заманить его» и «помочь самому себе».

Последним свидетелем обвинения был Герберт Фрост. В начале процесса заместитель прокурора дал понять, что ни один из Фростов не будет приглашен давать показания. Правительство было вынуждено прибегнуть к их показаниям лишь после того как начальные перекрестные допросы агента BATF угрожали разрушить всю эту амальгаму. Прибегнуть к этим свидетелям, означало для обвинения — бросить все на-банк, чтобы спасти свою игру.

Хотя Герберта Фроста признали давать показания, что Котра якобы нелегально продал ему оружие, его свидетельство ясно показало, что именно его сын, полицейский, являлся главным организатором сделок по купле оружия. Он показал, что его сын, — который в качестве полицейского имел полное право покупать огнестрельное оружие, — завел знакомство с Котрой. Он признался, что именно Фред договорился закупить несколько партий оружия. Он показал, далее, что Фред отвез его на свидание с Роджером Котрой на придорожной остановке в Бронксе, чтобы купить у него оружие. А вслед за тем он заявил, что, как ни странно, во время этой двухчасовой поездки за оружием, ни он, ни его сын ни словом о предстоящей покупке не обмолвились.

Что еще важнее, Герберт Фрост сознался, что Котра ничего не знал о том, что будет сделано с оружием, что они не предложили поделить с ним барышом от нелегальной продажи.

Обвинение против Котры конкретно обвиняло его, что «он сознательно и добровольно» принимал участие в преступлении, осуществленном Фростами. Но согласно свидетельству самого Герберта Фроста, Котра ничего не знал о том, что они будут делать с оружием и не получил никакой выгоды от их преступного бизнеса. Добавочное доказательство отсутствия какого-либо преступного намерения со стороны Котры — номерные знаки, которые очень легко ведут обратно к Котре, были все оставлены на оружии.

В своем обращении к коллегам присяжных заседателей судья разъяснил значение термина «сознательно и добровольно» и объяснил разницу между ошибкой и преступлением. Кроме того, он призвал заседателей относиться с большим опасением к свидетельству Герберта Фроста, потому что тот был уже ранее осужден и явно был заинтересован в предстоящем решении.

Адвокат подводит итоги

В сильной заключительной речи перед заседателями Корнстейн подчеркнул фундаментальные вопросы демократических свобод и государственного преследования, которые связаны с судебным подлогом против Роджера Котры.

«Вы должны возмущаться, — сказал он присяжным заседателям. — Это процесс о злоупотреблении властью».

Он напомнил заседателям, что агент BATF сам признался, что он «заманил» подсудимого. Он выдвинул обвинение, что этот процесс был вымышлен, чтобы выгородить полицейского Фреда Фроста.

«В общем, это дело о скрытии преступника — полицейского, — сказал он. — Это обвинение понадобилось им как предлог, чтобы обвинить Роджера Котру».

Он попросил заседателей задуматься, что случилось бы, если бы Фред Фрост был бы обвинен за его роль в организации этих покупок оружия. «Мы увидели бы все детали этого дела вечером на ТВ и во всех массовых газетах, — сказал он. — Журналисты описали бы эту историю как преступление полицейского, замешанного в нелегальной торговле оружием».

Что же касается облавы с «приманкой» в Бруклине, Корнстейн спросил: «Что случилось с этой операцией? Власть забросила сеть, чтоб ловить преступников, но в роли акулы, они словили полицейскую шавку, вместе с ее номерной блахой».

«Они не хотели скандала, — добавил он, — и поэтому они быстро позабыли о преступнике», и использовали Котру как козла отпущения.

Резюмируя ход этого судебного процесса и разоблачения, всплывшие наверх, Корнстейн сказал присяжным заседателям: «Мы обнажили скрытые факты здесь, в этом зале суда».

Он закончил обращением к заседателям оправдать подсудимого и, тем самым, подать сигнал: «Скажите им, что они должны действовать честно. Если власть в наших руках, если вы носите револьвер и полицейскую блаху, работайте справедливо. Обращайтесь с нами всеми одинаково».

Но заседатели не были готовы подать этот сигнал. После довольно краткого обсуждения они осудили обвиняемого как того и хотело правительство.

Что стоит за осуждением?

С самого начала подложный процесс над Роджером Котрой явился одним из наиболее острых символов кризиса, охватывающего рабочее движение. Арестованный за «преступную» защиту своего рабочего места и своего профсоюза от корпоративно-правительственного разгрома, он был забыт своим собственным профсоюзом транспортных рабочих и всем официальным рабочим движением. Напротив, профсоюзная бюрократия приветствовала охоту за этим рабочим активистом, рассматривая в ней удобное средство запугивания простых рабочих, которые протипились ее предательству забастовки против Грейхаунда.

Предательство профсоюзной бюрократии имело конкретные политические последствия, подрывая способность рабочего класса бороться против нападков большого бизнеса и государства и еще больше принижая общий уровень классового сознания. Один яркий признак этого низкого социального сознания проявился в конце процесса, когда заседатели собрались вокруг агента ВАРП как будто он был бог весть какой знаменитостью.

Роджер Котра остается на свободе под залогом и ждет решения о своем наказании по этому федеральному делу. Нужно возобновить борьбу за мобилизацию поддержки этого водителя компании Грейхаунд против нападков властей и в штате Коннектикут и в Вашингтоне.

Мы призываем всех рабочих и всех заинтересованных в защите демократических свобод посылать петиции, заявления и письма поддержки Роджера Котры и требовать покончить с этим подлогом. Петиции следует адресовать:

Connecticut Superior Court,
Criminal Part A,
101 Lafayette St., 3rd Floor,
Hartford, CT 06106

«Рабочие у распутья» — Конференция Рабочей Лиги в Детройте

Крушение Советского Союза, парализ традиционных массовых рабочих партий и профессиональных движений и резкое ухудшение социальных условий рабочего класса являются выражением глубокого исторического процесса. Возрождение международного пролетариата и его восстановление как сознательная революционная сила станут возможными лишь на базе программы, которая отделяет судьбу рабочего класса от будущего устаревшей капиталистической системы национальных государств.

Заседание конференции «Рабочие у распутья».

Вводный доклад: Капитал, рабочие и национальное государство²⁰

Как подчеркивает название этой конференции, мы собрались в решающий момент в истории американского и международного рабочего класса. Во всем мире пролетариат сталкивается с яростными нападками на его жизненный уровень и социальные условия. Исторические завоевания,

²⁰ Вводный доклад был прочитан Национальным Секретарем Рабочей Лиги Дэвидом Нормом на конференции «Рабочие у распутья», проведенной в Детройте 18—19 июля 1992-го года.

достигнутые в ходе революционной борьбы и оплаченные бесчисленными миллионами жизней, сегодня терзаются одно за другим.

Советского Союза, результата величайшей социальной революции в истории мира, больше не существует. Огромные социальные достижения, завоеванные советским пролетариатом несмотря на грабежи и предательства сталинцев, быстро ликвидируются. Рабочие России, Украины, Белоруссии, Грузии и всех остальных осколков бывшего СССР отброшены до уровней нищеты, неизвестных с конца Второй Мировой войны.

Условия жизни масс Третьего Мира падают даже ниже тех, которые преобладали во время самых ужасных периодов колониализма. Даже во время своего наивысшего могущества Британская Империя не обладала и малой толикой той власти над своими колониальными подданными, которой обладают и привычно применяют по отношению к якобы независимым государствам Латинской Америки, Азии, Африки и Ближнего Востока современные институты мирового капитализма: Мировой Банк, МВФ, ГАТТ и Общий Рынок. Сообщения о массовой смертности от голода стали столь обычными, что они даже не привлекают к себе внимания. Размножение зон «свободной торговли» или «специального предпринимательства» вводит такие жуткие уровни эксплуатации, что различие между «свободным трудом» и таким, который следует называть рабством, стало довольно эфемерным.

На прошлой неделе читатели *"New York Times"*, потягивая свой утренний кофе, могли прочесть, что количество занятых работой детей в Индии достигло 44 миллионов. Почти миллион этих детей, по словам газеты, нанты «фактически как рабы в мастерских, где выделывают ковры в восточной части штата Уттар-Прадеш. В течение 12, 14, 16 часов в день, каждый день недели, каждую неделю года дети, некоторые из них всего восьми лет от роду, сидят на грубо отесанных брусках и вяжут цветную пряжу вокруг натянутых веревок на планках ткацкого станка, выделывая ковры, которые Индия продает по всему миру». Почти половина ковров, годовая продажа которых достигла 170 миллионов долларов и которые выделываются детьми, привязанными к своим станкам и терпящими постоянные хозяйские побои, продается в Соединенных Штатах. Вот — положение вещей в Индии, почти 45 лет после события, которое многие нелепо называют «завоеванием независимости».

Положение пролетариата постепенно ухудшается и в передовых капиталистических странах. В Великобритании и в Австралии процент безработных достиг уровня времени депрессии. Более десяти миллионов рабочих официально внесены в списки безработных в Соединенных Штатах. Нет ни одной капиталистической страны, где рабочий класс не являлся бы жертвой неустанных нападков на свой образ жизни. Зарплаты снижаются, а социальные программы урезаются или как это происходит в Соединенных Штатах, вообще отменяются. В этой стране за последнее десятилетие десятки миллионов стали нищими. Учитывая инфляцию, зарплата упала до уровня, на котором она находилась более сорока лет тому назад. Миллионы рабочих не могут себе позволить даже приобрести нормальную крышу над головой. Необходимое здравоохранение недоступно десяткам миллионов, не имеющих денег на покупку страхового полиса. Никто даже не знает, сколько миллионов престарелых живут без присмотра и ждут смерти в условиях ужасной нищеты. А большинство американской молодежи даже не получает азбучного образования, которое позволило бы им читать и считать, уже не говоря о тех более сложных навыках, которые необходимы для понимания и управления новейшей техникой.

Всемирное отступление рабочего класса

Когда рассматриваешь положение рабочего класса, становится ясно, что поразительная деградация мирового пролетариата выражает собой огромное поражение и крах его традиционных политических и профсоюзных организаций. Несмотря на их наименование: «коммунисты», «социалисты», или, в случае американских профсоюзов, — открытые защитники капитализма, все старые массовые организации проявили свою неспособность защитить даже самые основные интересы рабочего класса от атак капиталистического класса во всем мире. Даже больше, сказать, что они «проявили свою неспособность», — звучит несколько эфемеристически. Вовсе не пытались защитить рабочий класс, старые партии и профсоюзы сознательно сотрудничают с правящим классом в уничтожении прошлых завоеваний рабочих. Роль, которую сыграли режимы Горбачева, а теперь Ельцина в ликвидации Советского Союза и в реставрации капитализма — лишь наиболее яркий и наглядный пример общего и всемирного процесса. В сущности, нет различия между ролью, сыгранной за прошлые десять лет Коммунистической партией Советского Союза, Лейбористской партией в Великобритании и в Австралии, Социалистической партией во Франции, Социал-Демократической партией Германии, Рабочей партией Бразилии, партией Ланка Сама Самаджа в Шри Ланке, различными массовыми сталинистскими партиями во всем мире и АФТ-КПП в Соединенных Штатах. Все эти организации заведовали или сотрудничали в деле снижения жизненных уровней рабочего класса в своих странах.

Трудно определить, какие из этих старых партий и профсоюзов и которые из этих вождей являются самыми развращенными, лживыми или некомпетентными. Как измерить, кто «хуже»: лейбористы в Англии или лейбористы в Австралии; кто более реакционен: Борис Ельцин, долгие годы служивший громкой средней ранга в аппарате КПСС, Оуэн Бибер из профсоюза автомобильных рабочих или Лэйн Керкленд из АФТ-КПП?

Но подобные сравнения вовсе не нужны; цель нашего анализа — не решить, кто заслужил место почета в галерее преступников в паноптикуме мадам Тюссо. Нет, необходимо понять объективное значение этого международного и всеобщего феномена предательства и краха. В условиях, когда рабочие организации каждой страны бредут от одной катастрофы к другой, совершенно недостаточно подходить к этой проблеме как будто она является простым результатом личных склонностей индивидуумов, занимающих авторитетные посты в старых организациях.

Когда мы встречаем необычно высокое число заболеваний раком в каком-то районе, то причиной этой беспокоящей тенденции обычно находят не в генетическом прошлом конкретных больных, а в определенных факторах окружающей среды, например, в загрязнении окружающей среды вредными отбросами. Крах этих старых организаций рабочего класса в фундаментальном смысле является результатом специфических исторических и экономических условий. Осознание этих условий вовсе не означает, что мы снимаем с вождей этих организаций ответственность за результаты. Скорее, это помогает нам понять, что гибель вождей является лишь субъективным проявлением объективного процесса.

Развращение старых рабочих организаций

Развращение старых организаций рабочего класса выражает два аспекта фундаментального характера. Во-первых, десятилетия международной классовой коллаборации, принявшей еще более открытый корпоративский характер, превратили различные рабочие партии и профсоюзы, независимо

от их официальной окраски, в придатки и инструменты капиталистического государства. Кроме того, штаты и чиновники этих раздутых рабочих бюрократий планомерно внедряли материальные социальные интересы, которые оказываются не только отличными от долговременных интересов рабочего класса как революционной социальной силы, но, как сейчас стало кристально ясно, совершенно несовместимы с немедленными нуждами рабочих и даже с традиционными функциями и азбучными реформистскими целями рабочих организаций.

Ни одну из традиционных реформистских функций, обычно связанных с профсоюзами как организациями рабочего класса, даже в весьма ограниченной и узкой форме эти бюрократические аппараты не выполняют. Профсоюзы сотрудничают с корпорациями в уничтожении рабочих мест, в занижении ставок и в общей интенсификации эксплуатации. Они пытаются предотвратить стачки, а если это невозможно, — обеспечивают их поражение. Когда после проваленной стачки рабочих повально увольняют, профсоюзы пытаются сохранить свои узаконенные отношения с компанией и предлагают представлять штрейкбрехеров. Бюрократия ничуть не связывает свою судьбу с интересами рабочего класса. Наоборот, аппараты профессиональных союзов процветают, несмотря на ужасающее ухудшение в положении рабочего класса.

Как ясно показывают приходно-расходные книги АФТ-КПП, доходы бюрократии независимы от влияния капиталистической системы на заработки и жизненный уровень рабочего класса. Несмотря на понижение процента «организованных рабочих» (за исключением рабочих, нанятых различными уровнями правительственных организаций: федеральных, штатских, муниципальных и др.), до уровня ниже того, который наблюдался в 1933 году (до массовой организации промышленных профсоюзов КПП), финансовые кубышки АФТ-КПП переполнены. Хотя членство в союзе Объединенных Автомобильных Рабочих понизилось на полмиллиона членов за последнее десятилетие, его финансовые ресурсы под контролем бюрократии продолжают расти. И, как показала стачка в Катерпиллере, союз Объединенных Автомобильных Рабочих не ставит сохранение своих законных отношений с корпорацией в зависимость от контроля за выполнением коллективных договоров и фактической защиты рабочих в цехах во время производства.

Второй аспект деградации старых организаций связан, конечно, с первым, но имеет еще более долговременные последствия для судьбы рабочего класса. Глобальная интеграция капиталистического производства под эгидой огромных транснациональных корпораций и конечный кризис систем национальных государств разбили вдребезги основанной географическо-экономический базис, на котором была построена деятельность старых организаций рабочего класса. Национально построенные рабочие организации попросту неспособны серьезно оспорить влияние транснациональных корпораций.

Даже если мы забудем о коррупции бюрократов и поверим в ангельскую чистоту этих гангстеров, то и тогда их национальное мировоззрение и программы останутся в полном противоречии с глобальным характером новейшей экономической организации, и поэтому будут в равной мере неэффективны и реакционны.

Глобализация производства

Пять лет тому назад Международный Комитет Четвертого Интернационала поставил в центре своей программы далеко идущие последствия развития транснациональных корпораций и глобализации

производства. С тех пор все больше буржуазных экономистов пишут книги и статьи об этом самом феномене. Одна из последних книг, *"The Work Of Nations"*, написанная гарвардским экономистом Робертом Райхом, прямо говорит, что американские рабочие «непосредственно конкурируют с миллионами обычных труженников в других странах. Каждый час двенадцать тысяч людей прибавляются к населению Земли; большинство из них в конечном итоге будут с удовольствием работать за малую толику зарплаты обычных производителей Америки» (стр. 209).

Райх является одним из ведущих экономических советников демократического кандидата в президенты Билла Клинтона. Он дает несколько примеров братоубийственной конкуренции, выросшей из глобализации производства. Он не называет ее «братоубийственной». Это — наша характеристика. Райх приветствует ее. Но стоит задуматься над его размышлениями. Компания American Telegraph & Telephone долгие годы производила телефоны в г. Шрипорт, штат Луизиана; в начале 1980-х годов AT&T переехала это производство в Сингапур, где компании могла собирать их гораздо дешевле. В 1989 году AT&T снова передвинула сборку телефонов, на этот раз в Таиланд, рассчитав, что в Таиланде зарплата гораздо ниже, чем даже в Сингапуре.

Компьютерные машинистки в Соединенных Штатах зарабатывают в лучшем случае примерно шесть долларов в час (\$12,480 в год). Райх замечает, что обрабатывающая данные фирма, штаб-квартира которой находится в г. Канзас-Сити, передает работу филиппинским компаниям, которые вводят данные в компьютеры в Маниле, где рабочие за ту же работу получают \$2,650 в год. Подобно этому, авиакомпания American Airlines наняла тысячу машинисток, занятых вводом информации, связанной с продажей билетов в Барбадос и Доминиканскую республику. Чикагское издательство R. R. Donnelley посылает рукописи в Барбадос и там машинистки вводят их в компьютеры. Страховая компания The New Life Insurance Company пересылает тонны различных форм в Ирландию, где они переводятся в машинную форму и затем обрабатываются для конечной оплаты страховых исков. Зачастую даже более сложные операции переводятся в отдаленные географические места. Компания Texas Instruments имеет программное отделение в Бангалоре, где 50 индийских программистов заняты работой, которая стоила бы гораздо дороже в Америке.

«Дело в том, — говорит Райх, — что американцы становятся частью международного рынка труда, включающего Азию, Африку, Латинскую Америку и, чем дальше, тем больше, Восточную Европу и СССР» (стр. 172).

Реформистские партии и профсоюзы неспособны дать какой-то жизнеспособный, а тем более прогрессивный ответ на глобальную организацию труда. В прошлом все старые рабочие организации связывали свою судьбу с судьбой того национального государства, где они выросли. В начале Второй Мировой войны КПП под оппортунистическим руководством Вальтера Ройтера начал служить американскому империализму. «Стратегия» бюрократов КПП, если можно так назвать их слабоумные прагматические расчеты, строила положение рабочего класса и особенно свои собственные доходы на преобладающей позиции американской промышленности на мировом рынке. А теперь, перед лицом последствий резкого спада в экономическом положении Соединенных Штатов, бюрократия АФТ-КПП не может ничего предложить, кроме защиты «американской крепости» на основе торговой и, в конечном итоге, настоящей войны с применением вооруженной силы.

Эта политика совершенно реакционна; она направлена в равной мере как против рабочих в других странах, так и против неизбежного роста

производительных сил за пределами в прошлом нужных, а сейчас архаичных национально-государственных форм, внутри которых эти силы развились. Воинственные тирады профсоюзной бюрократии не показывают пути вперед. Смешно, но капиталистический класс гораздо лучше понимает динамику хозяйственного развития, чем эти бюрократические динозавры. Капиталисты гораздо меньше преклоняются перед традиционным «национальным государством», чем их слуги в рабочих и профсоюзных бюрократиях.

Развитие полупроводниковой промышленности

Взгляните, например, на события последней недели в полупроводниковой и компьютерной промышленности. Компании International Business Machines в США, Toshiba в Японии и Siemens в Германии объявили о заключении союза с целью разработать новый тип микросхем. В тот же день, американская фирма Advanced Micro Devices объявила о совместном предприятии стоимостью в 700 миллионов долларов; вместе с японской компанией Fujitsu она будет разрабатывать и продавать технологию памяти flash memory.

Объясняя тактику IBM, президент компании Джек Д. Кюлер сказал: «Высшая цель — это выживание. Национальные факторы стоят на втором месте». Это заявление обнажает более глубокое понимание сущности нынешнего хозяйственного развития, чем националистическая бессмыслица рабочих бюрократий.

Этот процесс глобализации неотразим. Но дело в том, в каких условиях и в интересах какого класса он будет осуществлен? Рабочий класс, как исторически прогрессивный класс, вовсе не стоит против интеграции производительных сил, накопленных всем человечеством. Он вовсе не ратует за исторически архаичные формы социальной организации. 145 лет тому назад Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Коммунистическом манифесте» предвидели глобальную организацию производительных сил и, на этой основе, призвали пролетариат всего мира объединить свои усилия. Рабочий класс, сказали они, не имеет родины.

Научное мировоззрение марксизма глубоко исторично. Оно не возводит национальное государство в фетиш. Согласно марксизму, нация есть историческая, а не биологическая категория. Образование наций и создание национальных государств не являются духовной эманацией какой-то неосознанной мистической сущности. Как ни разнообразен и сложен этот процесс, в конечном итоге он является результатом определенной степени исторического развития производительных сил. В ходе своей исторической эволюции человечество проходило через многие формы социальной организации, определенно отличающиеся от национального государства; последнее является, с исторической точки зрения, довольно молодым феноменом. В прошлом, на языковые, или «этнические» (если мы применим этот расплывчатый и часто обманчивый термин) корни не играли никакой роли в образовании государства.

Некоторые из вас удивятся, когда узнают, что во многих случаях существование различных языков не вело обязательно к созданию национальных движений. Гораздо чаще происходило обратное: учреждение национальных движений во имя создания новых государств приводило к развитию и даже к изобретению многих новых национальных языков.

Сложение национальных государств, будучи связанным с развитием капитализма как мировой системы, представляет один из этапов в развитии человечества. Для выживания цивилизации и ее дальнейшего развития этот этап должен быть пройден. Развитие производительных сил уже создало

материальные предпосылки для неограниченной интернационализации человеческой хозяйственной, политической и культурной жизни. Но произойдет ли это на деле, — зависит от борьбы классов и, в первую очередь, от сознательного политического вмешательства рабочего класса в этот исторический процесс.

Глобализация мирового хозяйства — процесс безостановочный. Но поможет ли этот процесс человечеству или приведет его к краху, зависит от социальных сил, которые его направляют. Под эгидой империализма глобализация производства натывается на национально-государственную форму, с которой связано капиталистическое правление. Усилия капитализма преодолеть ограничения, поставленные этой национально-государственной системой на пути его глобальных экономических амбиций, ведут к войне.

Растущие антагонизмы между национальными государствами

Паутина союзов, сплетенная разными транснациональными корпорациями, такими, как Toshiba, IBM и Siemens, выражает органическое стремление производительных сил организовать себя в мировом масштабе. Но другая сторона того же самого процесса — это растущие антагонизмы между национальными государствами и взрыв различных форм национальных и общинных конфликтов.

В то время, когда немецкий Siemens, японская Toshiba и IBM в США пришли к соглашению о совместной разработке новых видов компьютерной и полупроводниковой технологий, политические представители этих фирм на последней встрече стран G-7 вследствие многочисленных экономических разногласий оказались не в ладах. Дискуссия между членами G-7 была совершенно неудачной. Она прошла под влиянием недипломатичной и неспристойной тяжбы между Соединенными Штатами и Францией, с одной стороны, с другой стороны, — в среде самих европейцев, а также между европейцами и японцами, и японцами и американцами.

Как хозяйственная единица национальное государство превзойдено глобальным характером производства. Но политические структуры капитализма, исторически связанные с системой национальных государств, движутся против этого экономического процесса. Чем больше производительные силы нуждаются в объединении, тем больше сама буржуазия вовлечена в международные конфликты, которые неминуемо должны привести к войне, если только они не будут предотвращены политическим вмешательством рабочего класса.

Коммерческие союзы различных транснациональных фирм определенно ограничены. Их сегодняшние союзы являются неотделимой частью их борьбы за глобальный перенос. Можно с уверенностью сказать, что еще прежде, чем высохли чернила на договоре между IBM, Toshiba и Siemens, президент IBM уже начал готовить планы его опрокинуть. Такие договоры лишь готовят сцену для будущей борьбы; из коммерческой борьбы могучих транснациональных корпораций растут ужасные военные конфликты, бросающие целые нации одна на другую.

Взрывы национальных и этнических конфликтов

Взрывы кровавых национальных и этнических конфликтов являются частью этого процесса. Трагические события на Балканах и во всей Восточной Европе вырастают из восстановления капитализма и из реакционных и безнадежных попыток мелкобуржуазных политиков, —

большинство которых являются ветеранами старых сталинистских режимов, — обеспечить более благоприятную нишу для своих слабых национальных хозяйств на мировом рынке, управляемом империализмом.

Конфликт между Молдовой и так называемой Приднестровской республикой, между Грузией и Южной Осетией, между Россией и Украиной, между чехами и словаками — это вовсе не манифестации новой волны прогрессивного национализма, а, напротив — проявление совершенной неспособности найти священные, рациональные и прогрессивные рамки для развития производительных сил. В конце XVIII и в начале XIX веков национализм являлся политическим выражением демократической борьбы против феодального партикуляризма. Национализм тогда провозглашал не идеологию обособленности, а средство для расширения человеческой цивилизации.

Сегодня он превратился в оправдание погромов и угнетения. Лишь законченный идиот может верить, что интересы человечества связаны с созданием множества новых национальных границ, что интересы народов будут продвинуты вперед инаускиванием одной этнической, религиозной, расовой или национальной группы на другую. Помимо того, что эти категории обычно являются поверхностными, субъективными и даже фальшивыми, они не имеют ничего общего с развитием производительных сил человечества и с созданием более высокой формы цивилизации.

Развитие производительных сил обнажило отсталость старых форм социальной организации. Человечество не может и далее развиваться в рамках системы национальных государств. Но рабочий класс может преодолеть собственный кризис лишь в той степени, в какой он поймет, что он должен организовать свою борьбу на основе международной революционной стратегии. Кризис рабочего класса — это также кризис всего человечества. Кризис рабочего класса — это и то же время кризис руководства.

Глухо полагать, что новая ориентация будет внедрена в рабочем классе через посредство старых, дискредитированных, обанкротившихся вождей, или что эта новая политика может быть построена в рамках старых, дискредитированных, обанкротившихся организаций. Новая перспектива требует новые формы организации. Возрождение рабочего движения, то есть его восстановление в Соединенных Штатах и во всех других частях земного шара, связано с новой ориентацией, с новой программой — программой революционного социализма. Вот за что борется эта партия и наши товарищи в Международном Комитете Четвертого Интернационала.

Рабочий класс всего мира сближается

Анализируя события, происходящие в мировом хозяйстве, мы черпаем уверенность из раскрывающихся объективных тенденций. Рабочий класс Америки срастается все ближе со своими братьями и сестрами по всему миру. Остались в прошлом времена, когда империализм мог успешно изолировать привилегированные слои рабочего класса в определенных национальных границах и подкармливать их на основе сверхбарышей, которые он изымал из колоний. Сейчас происходит что-то совсем противоположное — всеобщее обнищание рабочего класса и понижение его жизненного уровня во всех частях мира.

Особые зоны предпринимательства, которые навязывают наихудейшие формы эксплуатации рабочим Китая, Шри-Ланки или Индии, начинают проявляться как категория экономической эксплуатации и в Соединенных Штатах. Демократическая и республиканская партии, обе ратуют за создание таких зон в городах Америки. По мере того как исчезают

отвоенные в прошлых боях у капитализма социальные ограничения на эксплуатацию, пролетариат всех стран отбрасывается до уровня сырого материала для эксплуатации.

Рабочие не могут пойти вперед вне организации в международном масштабе, вне подхода к каждому вопросу с точки зрения международных интересов рабочего класса, вне борьбы против всех форм национализма и шовинизма, которые в этой стране используются для натравливания одной расы против другой.

Программа пролетарского интернационализма, лозунг: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» — вовсе не утопичная папаша. Это — практическая возможность и практическая необходимость. Это — основа, на которой построена программа нашей партии. В ходе этой конференции мы будем обсуждать программу Рабочей Лиги, значение отхода от Демократической партии, необходимость построения Рабочей партии как политического орудия рабочего класса, понимая в то же время, что фундаментальная основа нашей программы — это борьба за международное единство рабочего класса. Эта перспектива показывает рабочему классу дорогу вперед и она вдохновит лучшие и смелейшие элементы в рабочем классе.

Сегодня в широких слоях рабочего класса царит замешательство. Это — наследие прошлых предательства. Но это замешательство под давлением событий уступит дорогу. Наша задача — готовить передовые элементы рабочего класса к взрывам, которые неминуемо придут, и дать массам рабочих, которые вступят в эти схватки, программу, которая организует и направит их революционную решимость. Вот — перспектива, которую мы хотели внести в эту конференцию; я надеюсь, что она даст толчок для серьезной дискуссии.

Документы и заявления

Сомали: Возвращение к колониализму²¹

Американские солдаты в Сомали

1. Рабочая Лига недвусмысленно осуждает американское вторжение в Сомали. Отправление десятков тысяч солдат, военных кораблей, истребителей и штурмовых вертолетов является жестоким нарушением суверенитета народа Сомали. Это отмечает возвращение к неприкрытому колониальному порабощению угнетенных народов не одной только Африки, но и всего мира.

2. Цинизм, лицемерие и бесстыдная ложь, которые сопровождают эту последнюю военную авантюру, беспрецедентны — даже по привычным масштабам Белого Дома. Военное завоевание африканской страны названо правительством США и его лакеями прессы «гуманитарной миссией»!

3. Всего два дня после высадки морской пехоты в Могадишу Буш послал Конгрессу письмо, отступая от своего первоначального заявления, будто это вмешательство закончится до инаугурации Клинтона 20 января. Буш

признался, что войска посланы на неопределенное время и, возможно, понадобится посылка дополнительных сил. Правительство дает понять, что оно приступило к длительной военной оккупации этой африканской страны.

4. Лживым является утверждение, что для организации кормления голодающего народа Сомали нужны 30.000 американских солдат. Фактически все международные благотворительные организации внутри страны утверждают, что продовольствие может быть распространено среди нуждающихся без применения мер военного сапога. В течение 24 часов после вторжения американскими морскими пехотинцами и французскими легионерами были убиты двое и ранены еще семеро местных жителей. Мандат, данный Пентагону — «спасать» сомалийцев, убивая любого из них, кто попадется на дороге!

5. Человеческая трагедия, на которую Вашингтон ссылается и оправдание своей интервенции, сама является результатом империалистической политики. Коллапс Сомали — только один из примеров систематического разрушения национальных хозяйств отсталых стран, совершаемое империализмом. Финансовые институты под контролем США — Международный Валютный Фонд (IMF), Мировой Банк и пр. — навязали меры капиталистического свободного рынка, направленные на поголовную приватизацию государственных концернов и резкое снижение потребления. Эта политика осуждает миллиарды людей на голод и лишения.

6. Американское вторжение в Сомали означает начало нового империалистического похода в целях перекроить Африку и другие бывшие колониальные территории. Страны Африки и Азии, завоевавшие политическую независимость по окончании Второй Мировой войны, вновь попадают под иностранный военный гнет.

Оправдание колониального порабощения

7. Вранье, будто американская военщина является «гуманным» выходом из состояния массового голода в Сомали, является оправданием колониального захвата Африки, Азии и Латинской Америки Соединенными Штатами. Газета *Wall Street Journal* недавно с похвалой ссылаясь на заявление одного историка о том, что Организация Объединенных Наций должна приступить к «задачам государственного управления, принимая страны под свою опеку на различные периоды...» Затем газета заметила: «Это называется колониализмом».

8. Сейчас много говорят о «смерти марксизма» но никогда еще не был ленинский анализ империализма так ясно подтвержден как сегодня. Словами, целиком применимыми сегодня, как и 75 лет тому назад, Ленин охарактеризовал империализм так: «... эксплуатация все большего числа малых и слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций». (Полное Собр. Соч., 5 изд., т. 27, стр. 422).

9. Вторжение США является проявлением бесповоротного краха послевоенной империалистической системы. Условия крайнего кризиса и углубляющейся всемирной рецессии, которые сегодня характеризуют мировую капиталистическую систему, вынуждают империализм отказаться от всех ограниченных поблажек, включая и политическую независимость, данную бывшим колониям в послевоенный период. Этот глобальный кризис толкает ведущие капиталистические страны в погоню и схватки за контроль над рынками, источниками природных ресурсов и дешевой рабочей силы. Коллапс Советского Союза, бывшего в прошлом ключевым элементом старого мирового порядка, сильно ускоряет этот процесс.

²¹ Редакционная статья «Бюллетеня» Рабочей Лиги США за 11 декабря 1992 г.

10. Вторжение в Сомали готовит условия для резкой эскалации конфликтов — хозяйственных, политических и, в конечном итоге, военных — между ведущими империалистическими державами. Выявляется характерный шаблон: Панама, Ирак, Сомали. США пытаются захватить максимально выгодные позиции против своих соперников. Эта глобальная борьба поглощает новую администрацию Клинтона. Что же касается Японии и Германии, они не могут и не хотят вечно стоять в стороне в то время, как американский империализм пытается восстановить свое ушедшее хозяйственное превосходство военными средствами. Новое извержение американской военной агрессии таким образом вынуждает ростки Третьей Мировой войны.

Развертывание американских войск

11. Эта последняя американская интервенция вовсе не является неожиданной реакцией на голод в Сомали. Это — результат долговременных обсуждений и заранее подготовленных планов для развертывания американских войск по всему миру. В марте прошлого года газета *New York Times* обнародовала планы Пентагона "Defense Planning Guide" («Оборонные планы и указания») на 1994—1999 г.г., которые намечали расширенную роль вооруженных сил в установлении американского влияния в Африке, Азии, Латинской Америке, Ближнем Востоке и бывшем Советском Союзе. Этот документ также предусматривал сохранение американского военного превосходства над Германией и Японией. Документ гласит: «Наша стратегия должна опираться на предотвращение роста любого будущего глобального соперника... чтобы предотвратить любую враждебную силу от преобладания в регионе, ресурсы которого могли бы, в случае центрального контроля над ними, оказаться достаточными для развития глобального могущества. Эти регионы включают Западную Европу, Восточную Азию, территорию бывшего Советского Союза и Юго-западную Азию».

12. За два месяца до этого журнал *"Jane's Defense Weekly"* опубликовал статью под названием «Горячие точки, замешательство, хаос и конфликт», перечисляющую десятки стран вокруг всего мира, могущие стать районами военных интервенций. Статья перечислила 75 возможных пограничных конфликтов внутри бывшего СССР; на Балканах она упомянула Югославию, Боснию, Хорватию, Албанию, Болгарию и Румынию; на Ближнем Востоке — Турцию, Ливан, Ирак, Израиль и Иран; в Африке — Ливию, Египет, Марокко, Заир, Судан, Эфиопию, Сомали, Кению и другие страны; все страны индийского субконтинента; в Юговосточной Азии — Бирму, Корею, Камбоджу, Таиланд и Вьетнам; в Восточной Азии — Индонезию, Папуа — Новую Гвинею, Филиппины и Китай; в Латинской Америке — Кубу, Сальвадор, Гватемалу, Никарагуа, Колумбию, Перу и Суринам.

13. Рабочие должны критически продумать часто повторяемые заявления, что Сомали вовсе не имеет стратегической ценности для Соединенных Штатов. Одного взгляда на карту мира и на географическое местонахождение Сомали достаточно для отвержения этого абсурдного заявления. Этот регион важен с военной, экономической и политической точек зрения. Он лежит на другой стороне Аденинского пролива от нефтеносного Аравийского полуострова, на выходе из Красного моря, ведущего к Израилью и Египту и отделен лишь Арабским морем от Индийского субконтинента. После иранской революции в 1979 г. Пентагон направил группу советников в Сомали, чтобы договориться о построении

военной базы для обеспечения интересов американского империализма в этом регионе.

14. С самого начала европейской колонизации Африки этот район являлся одним из наиболее спорных. Великобритания, Франция и Италия установили колониальные владения в районе Рога Африки. Даже после установления формальной независимости, США и СССР соперничали друг с другом за первенство в этом регионе. В ходе этой Холодной Войны Соединенные Штаты разжигали гражданские войны и поддерживали военных разбойников в Сомали и во многих других странах Африки, создавая предпосылки сегодняшней разрухи и голода в этом регионе. США потратили много миллионов долларов в Сомали и поддерживали режим Сиада Барре в течение десятилетия; они построили и содержали военную и разведывательную базу в городе Берберга на севере Сомали. Пользуясь покровительством США, Барре убил десятки тысяч сомалийцев в северной части страны в конце 80-х годов. Его режим рухнул, когда США перестали его финансировать после крушения Советского Союза.

15. А как насчет огромных природных богатств Африки? Не связана ли посылка тридцати тысяч солдат с богатыми залежами титана, кобальта, магния, золота и других ценных и стратегических металлов и минералов на этом континенте?

Клинтон заявляет о своей полной поддержке

16. Клинтон заявил о своей полной поддержке вторжения в Сомали и настаивает на неограниченном во времени характере развертывания американских войск. Во вторник во время интервью с прессой в Вашингтоне он сказал: «Мы считаем, что эта миссия похвальна и ее нельзя искусственно ограничивать». Эти слова кристально ясно показывают реакционный характер новой демократической администрации и роль Клинтона как столь же непосредственного представителя американского империализма как и его республиканский соперник. Клинтон, напротив, даже способен ускорить применение американской военной силы за рубежом. Месяц тому назад он вышел из своей первой беседы с Бушем в Белом Доме и похвастал о своем обсуждении пятнадцати глобальных «горячих точек».

17. Нападение на Сомали обнажило совершенную гниль так называемой «демократии» в Америке. Во время всей выборной кампании никто из кандидатов большого бизнеса ни одним словом не упомянул предстоящую войну. Но как только правящий класс оставил позади выборный маскарад и, с помощью своей двухпартийной системы и манипуляции общественного мнения средствами массовой информации, выбрал своего кандидата, война была начата. Мгновенно сотни миллионов долларов были ассигнованы и тысячи молодых парней посланы в битву без малейшего общественного обсуждения. Политические еннухи в Конгрессе с удовольствием передали свои конституционные полномочия Белому Дому и Пентагону. Они даже и не начали обычного показательного парламентского дебата, который произошел перед войной в Ираке. Обе политические партии, наскоро отмытые комки грязи, которыми они месяцами швырялись в ходе выборной кампании, провозгласили умирительное единодушие. И вся эта, огромная по своим последствиям для рабочего класса в Соединенных Штатах и во всем мире, операция была проведена уходящим в отставку правительством, только минуту тому назад потерпевшим унижающее поражение на избирательных участках!

18. Необузданный милитаризм, который все больше преобладает в американской политике, имеет широкие последствия для американского пролетариата. Капиталистическая нация, которая навязывает колониальное

рабство на рабочие и угнетенные массы за рубежом, вынуждена напасть на демократические права и условия жизни собственных рабочих. Лозунг всех классово сознательных рабочих должен быть таким: США, руки прочь от Сомали!

19. Ясно, что официальные профсоюзные организации приветствуют подчинение Сомали. Что же касается нас, то Рабочая Лига стоит на стороне сомалийских масс и всех угнетенных народов в их борьбе против империализма США. Нет сомнения, что поход в целях новой колонизации угнетенных стран вызовет массовое сопротивление во всем мире. Народы Африки, Азии и Латинской Америки не примут порабощение империалистическими завоевателями.

20. В конечном итоге, эта авантюра и другие военные интервенции приведут американский империализм к кровавой катастрофе. Американские рабочие могут защищаться от этой трагедии только через организацию независимой политической борьбы против американского империализма.

21. Давно уже Четвертый Интернационал предупреждал, что мир стоит перед лицом вулканического извержения американского империализма. Это время пришло. Дорога вперед — в борьбе против милитаризма, рецессии и атак на демократические права, в борьбе за международное единение пролетариата на основе программы мировой социалистической революции.

Трагедия Югославии и кризис пролетарского руководства²²

Югославия: беженцы гражданской войны.

В то время как США и их так называемые «союзники» в Европе рыщут в поисках средств расширить империалистическое вмешательство на Балканах, события в Боснии должны послужить предупреждением всему рабочему классу.

²² Редакционная статья из "International Workers Bulletin" за 17 мая 1993 г.

Имена боснийских городов, — Сребреницы и Мостара, которые оказались расстрелянными огнем мортир и население которых было согнано вместе, подвергнулось пыткам, депортациям и убийствам, войдут в политический словарь будущих поколений как примеры бессмысленного насилия и жестокости.

Руки всех участников этой общинной войны покрыты кровью. Националистический режим Слободана Милошевича в Белграде и боснийско-сербские националисты Радована Караджича виновны в обширных жестокостях, направленных против боснийских мусульман.

Но и боснийский мусульманский вождь Алиа Изетбегович тоже добавлял масла в огонь ненависти между народами. В соответствии с его стратегией вовлечь американцев в войну, чтобы завоевать побольше территории, его отряды саботировали множество перемирий и провели зверства против боснийских сербов.

В то же время националистические отряды хорватов, под руководством Франко Туджмана, якобы союзника боснийских мусульман, ведут свою собственную кампанию «этнической чистки» против мусульманского населения Мостара.

Империализм сыграл основную роль в поощрении общинных войн в бывшей Югославии. В течение десятилетий американцы и их союзники в НАТО поощряли рост националистических и сепаратистских течений среди различных этнических групп, входивших в население Югославии. Они преследовали эту политику как часть своей Холодной Войны против Советского Союза и Восточной Европы.

Крах Советского Союза

Крах Советского Союза предоставил им возможность осуществить свою стратегию раздробления Югославии на составляющие ее республики. Они поощряли этот процесс в целях провести полный демонтаж национализированной промышленности и разделить страну и ее ресурсы между транснациональными корпорациями и банками.

Давнишние сталинистские аппаратчики как Милошевич в Сербии, Туджман в Хорватии и Милаш Кучан в Словении, оказались услужливыми помощниками. Все эти сталинистские правители отбросили свою псевдомарксистскую демагогию и обратились к политике общинного шовинизма. Чтобы обеспечить свои привилегии, они сотрудничают с Западом в демонтаже остатков центрального планирования и государственной промышленности и в уничтожении социальных завоеваний рабочего класса.

Когда Германия, — в конечном итоге, получив поддержку Франции, Великобритании и США, — поддержала расчленение Югославии и основание Словении, Хорватии и, затем, Боснии как независимых государств, она расколола хрупкую структуру между-этнических отношений, которые были установлены в югославском государстве, сформированном маршалом Тито в 1945 году. Государство, выросшее из победы партизан над нацистами и их внутренними соглашателями, обеспечило каждой этнической группе некоторую степень безопасности и в течение некоторого времени достигло значительного единства среди различных национальностей.

Поощряя раскол Югославии, империалисты понимали, что они разжигают давно затихшие общинные антагонизмы; но долгая и кровавая история империализма полна примеров поддержки религиозных, языковых, расовых и племенных расколов во всех частях мира — от Северной

Ирландии до индийского субконтинента и Африки. Эта стратегия сводится к хорошо известной формуле: разделяй и властвуй.

Несмотря на все разговоры о «демократии», «свободе» и «самоопределении», ясно, что из этой коммунальной войны ничего хорошего не получится. Нынешняя резня угрожает полным истреблением мусульман. На основе политики империализма и соперничающих национальных групп эта гражданская война может, в лучшем случае, привести к образованию новой группы бессильных и враждующих друг с другом карликовых государств. Каким бы ни вышел «мир», основанный на этнических особенностях и патрулируемый империалистами, он станет лишь антрактом перед вторым актом кровопролития.

Банкротство национализма

Босния является символом совершенного банкротства национализма и предупреждением о смертельных последствиях подчинения рабочего класса националистическим группировкам и руководителям.

Это — универсальная проблема. Взрыв племенной политики, основанной на расе, религии или языке вовсе не ограничивается Балканами, Восточной Европой или бывшим Советским Союзом. В Азии между собой воюют индусские, мусульманские и синхские шовинисты; в Африке повсюду разжигаются племенные антагонизмы; в Европе фашистские нападения на иммигрантов стали обычным событием в Германии, и антииммигрантская демагогия сделалась центральным пунктом буржуазной политики во Франции; в Северной Америке сепаратизм поощряют среди франкофонов и англофонов Канады.

Такую же реакционную перспективу выдвигают и в Соединенных Штатах. Капиталистическая политика попадает под все более сильное влияние обращений к расе или к этнической принадлежности. С одной стороны, — это все более открытые и неприкрашенные обращения к расизму со стороны капиталистических политиков типа Пита Бьюканана или Двида Дьюка. С другой стороны, — это реакционная политика сепаратизма, которую возглавляют представители среднего класса и привилегированных слоев среди негров и других меньшинств и которую поощряют обе партии большого бизнеса, республиканцы и демократы. Для примера нужно лишь указать на недавнюю перекройку избирательных участков в г. Нью-Йорке согласно расовой черте оседлости. Новая карта избирательных участков Нью-Йорка мрачно напоминает карту этнически однородных автономных областей, которую предложили для Боснии господа Ванс и Оуэн.

Две основных и взаимосвязанных причины лежат в корне роста шовинистической и общинной политики. Это — углубляющийся кризис капитализма, постоянно раздвигающий жизненный уровень рабочего класса и крестьянства всего мира, и глубокий кризис пролетарского руководства.

Все старые руководители рабочего класса — сталинисты, социал-демократы и реформистская профсоюзная бюрократия, — или с самого начала противились, или уже давно отвергли интернационалистическую и классовую точку зрения марксизма. Их, по существу, национальная перспектива ведет сегодня к открытому предательству пролетарской солидарности и вместо этого, они обращаются к наиболее злокачественным формам шовинизма.

Дегенерация рабочих бюрократий

Превращение экс-сталинистских громил, вроде Милошевича или Туджмана, в ярых шовинистов и фашистов, лишь в наиболее резкой форме

выражает общую политическую дегенерацию, которую выявляют все умиротворяющие рабочие бюрократии.

В отсутствие активного рабочего движения, обращающегося, — поверх расовых, религиозных или языковых различий, — к классовым интересам всех людей, эксплуатируемых капитализмом, растущая ненависть и отчаяние угнетенных, а особенно, крестьянских масс в экономически отсталых странах, оказываются направлены в реакционное болото местничества и шовинизма. Нельзя сказать, что эта политика широко поддержана рабочими Белграда или Загреба, но предательство и коллапс старого рабочего руководства и, в результате этого, замешательство и дезориентация, оставили их без какой-либо политической альтернативы.

На этом реакционном пути национализма невозможно даже представить себе прогрессивный выход из социального кризиса, порожденного капитализмом. Напротив, политика расы — это политика деморализации и отчаяния.

Но существует настоящая и жизнеспособная альтернатива. Это — программа социалистического интернационализма, основанная на объединенной борьбе рабочего класса всех рас и национальностей.

История Югославии

В некоторой степени это показано и на примере самой Югославии. В отличие от утверждений капиталистических политиков и их прессы, будто этническая ненависть всегда преобладала на Балканах, в прошлом было много попыток объединить угнетенных всего региона и преодолеть раскольные интриги местной буржуазии и иностранного империализма. Бывали периоды, когда призывы к рабочим и угнетенным массам всех этнических групп объединиться в общей борьбе против их угнетателей, получали огромную поддержку.

Миллионы рабочих и крестьян — сербы, мусульмане, хорваты, албанцы и венгры — объединились вокруг возглавляемых компартией партизан во время Второй Мировой войны. Несмотря на сталинистское руководство, Коммунистическая партия являлась единственной политической силой в стране, основанной не на этническом признаке, а на призыве к пролетарской солидарности.

Вдохновленный целью свергнуть капитализм и установить свободное от эксплуатации социалистическое общество, рабочий класс сплотился вокруг партизан, сумевших сокрушить не только германских оккупантов, но также и хорватских фашистских усташей, и сербских националистических четников.

Маршал Тито, вожь партизан, предал эту борьбу. Перспектива Тито никогда не являлась программой настоящего пролетарского интернационализма. Он пытался заменить местничество формой югославского национализма, основанного на реакционной сталинистской утопии национальной дороги к социализму.

В 1960-е и 70-е годы, югославские сталинисты перещеголяли все другие сталинистские режимы Восточной Европы в деле интеграции своей национальной экономики в структуру мирового капитализма. Этот процесс в течение долгого времени усиливал правые силы, которые основывались на национальной и общинной политике.

По мере того как послевоенный капиталистический бум рушился, давление мирового рынка и глобального хозяйства на изолированную и сравнительно отсталую югославскую экономику привело к тому же процессу кризиса и распада, который охватил всю Восточную Европу и Советский Союз.

Провал титоизма и его мрачное наследие подчеркивают, что программа социалистического интернационализма является единственной жизнеспособной альтернативой росту нищеты, общинного насилия и войн. Рабочее движение должно быть реорганизовано в мировом масштабе как международное движение, объединяющее рабочих и угнетенных поверх всех национальных, расовых и религиозных различий. Вот программа, за которую борется Рабочая Лига и Четвертый Интернационал под руководством Международного Комитета.

Переписка с Челябинским бюро Четвертого Интернационала

Письмо Волкова к Норту — 15. VI. 92

Дорогой товарищ Норт!

Настоящий документ знаменует собой выступление нового фазиса в социально-политической истории современной России. Это, конечно, пока капля в море. Однако сам факт появления подобного документа символичен.

Формулировки достаточно сырые и не всегда стопроцентно оправданы с точки зрения строгой теории. Однако, я думаю, Вы должны согласиться с тем, что принципиально серьезных недочетов нет, и общий дух выдержан вполне последовательно.

Принятие документа было непосредственно связано с появлением в Челябинске представителя итальянской партии революционных социалистов. О деятельности ICPI он оказался неосведомлен. Этот пробел был, по возможности, устранив.

С горячим приветом,

Владимир Волков

Политическая декларация

1. Начало новой эпохи.

События, развернувшиеся в Восточной Европе и СССР, начиная с 1989 года, положили конец всей послевоенной истории. Стремительное крушение сталинских бюрократий обнажило внутреннюю гниль и глубокую деморализацию этих антинародных режимов. Лишенные массовой поддержки, они рухнули как карточные домики. Кульминацией этих событий явилось юридическое упразднение бывшего Союза и политика реставрации капитализма, проводимая Ельциным в России, Кравчуком на Украине и т. д.

Послевоенное геополитическое равновесие разрушилось. Противостояние мирового капитализма и сталинских бюрократических режимов закончилось полной капитуляцией последних. Возникла новая историческая ситуация, в которой мировой рабочий класс вновь оказался один на один с мировой буржуазией.

2. Природа сталинизма

Величайшей иллюзией было бы считать сталинизм одной из разновидностей социализма. Сталинская бюрократия утвердилась у власти в 20-е гг., совершив контрреволюционный переворот и потопив в крови революционное социалистическое движение рабочих России. Бюрократия быстро нашла общий язык с правящими буржуазными демократиями Запада, превратившись, по сути дела, в союзника мирового империализма внутри рабочего движения.

В Советском Союзе возникло извращенное рабочее государство. Историческое своеобразие его заключалось в том, что, под видом рабочей

власти, всеми делами управляла сталинская номенклатура. Законодательное существование общенародной собственности на средства производства ни в коей мере не отменяло того факта, что реально экономическое богатство страны принадлежало государству, государство же, в свою очередь, принадлежало бюрократии. Рабочие были полностью лишены всех рычагов власти.

Перейдя в лице «перестройки» Горбачева к политике реставрации капитализма, бюрократия не изменила своей главной цели — подавления самостоятельного рабочего движения. Силы старой и новой номенклатуры объединились в своей борьбе против основ национализированной промышленности и планового хозяйства. Их цель — укрепиться в новых отношениях собственности, сохранить власть. В этом они видят гарантию сохранения и приумножения своего богатства и влияния. Эти люди являются угрозой для интересов большинства населения, они влекут страну в бездну. Наша цель — помешать осуществлению их преступных замыслов.

3. Нет — реставрации капитализма в России.

Доминирующие фракции старой и новой номенклатуры ратуют за восстановление капитализма в России. Рабочий класс страны вновь стоит лицом к лицу с порядками, где главное — это извлечение прибыли и беспрерывный поиск новых рынков эксплуатации.

России, безусловно, необходима самая тесная интеграция в мировое хозяйство. Однако условия этой интеграции, предлагаемые существующим сегодня мировым капиталистическим рынком, губительны для народа России, они выгодны только узкой группе прилеглому меньшинства.

Мы должны со всей ясностью заявить — капитализм не только не разрешит наших проблем, но еще более усилит их, отбросив массу населения страны в условия нищеты и бедности. Это судьба, которую вынуждено разделять сегодня большинство стран третьего мира. Наша задача — не допустить наступления этих катастрофических последствий.

4. За массовое движение снизу.

Политика правящего кабинета не в состоянии дать те глубокие изменения, в которых мы сегодня нуждаемся. Ельцинские нововведения являются закономерным продолжением горбачевской «перестройки». Они ввергают нас в голод и нищету. Те, кто называет себя демократами, либералами, радикалами и социал-демократами, пытаются создать новую номенклатуру по западному образцу. Эти силы не дадут по-настоящему изменить наше общество, которое может быть радикально реорганизовано только демократической и социалистической революцией снизу доверху. Освобождение рабочих есть дело самих рабочих.

5. Наш идеал общественного устройства.

Сталинская диктатура предала и осквернила идеалы Октябрьской революции 1917 года, потопив их в крови миллионов рабочих и крестьян. Завершая свой исторический контрреволюционный переворот, бюрократия пытается навязать трудящимся России устаревшие порядки зоологической борьбы всех против всех.

Нам нужно новое общество, в котором будут осуществлены подлинная свобода, демократия и социальная справедливость, общество без угнетения и любых форм эксплуатации. Нам нужно общество без бюрократии, без

государства и без любых форм привилегий. Мы — за правительство трудящихся масс, опирающихся на независимые органы массового движения.

6. Пролетариат — единственная революционная сила современности.

Ни силы международного капитала, ни силы новой номенклатуры, ни новые богатства не могут и не хотят решать наши проблемы — они думают о своей личной власти, о своей прибыли. Они способствуют демократии и прогрессу только в той мере, в какой это не противоречит их интересам. Только пролетариат, рабочий класс не скован никакими заведомыми ограничениями в деле борьбы за свободу личности и полную демократию.

Только угнетенный и эксплуатируемый народ может вывести нас из кризиса. Это единственная творческая сила в стране. Это единственная сила, оставшаяся некоррумпированной, с чистыми руками. Только употребив свою громадную, сдерживаемую до сих пор энергию, мы можем спасти страну от окончательной гибели.

7. За независимое рабочее движение.

После десятилетий сталинистской реакции рабочее движение в России развалено и деморализовано. Рабочие, в той мере, в какой они участвуют в политической борьбе, до сих пор поддерживают и борются за утверждение не своих собственных, а чужих интересов. Рабочих используют в качестве ломовой лошади для бесплатной перевозки чужого имущества из одного двора в другой. Сначала этот маневр проделала с рабочими сталинская бюрократия, теперь то же самое «сотрудничество» навязали народу России силы капиталистической реставрации.

Рабочие должны освободиться от всех форм политической зависимости и осознать свои собственные интересы. Мы боремся за самостоятельное рабочее движение, опирающееся на собственный опыт борьбы и сознание необходимости продолжения и развития этой борьбы.

8. Прямое действие.

Формальная демократия не способна дать массе народа возможности участвовать в государственном управлении, то есть в решении своих собственных жизненных проблем. Только прямое действие мобилизованных масс может подвинуть ситуацию к переменам.

Народы Восточной Европы, сбросившие с себя ярмо кремлевской бюрократии, трудящиеся России, решительно отвергнувшие попытки старой номенклатуры вернуть себе прежнее влияние в августе 1991 года, показали яркий пример подобного рода действия и убедительно доказали, что только народ является решающей силой исторического развития.

Ни в коей мере не отвергая возможности, предоставляемые формальной демократией, мы выступаем в то же время за всемерное развитие и как можно более тесную координацию усилий в борьбе за политическую мобилизацию масс и удовлетворения всех потребностей трудящихся.

9. Борьба против новой власти и ее планов.

Мы не разделяем того убеждения, что главным врагом рабочих сегодня по-прежнему остается старая сталинская бюрократия. Наибольшую

опасность для интересов рабочих представляет сегодня новая номенклатура, возглавляющая политику реставрации капитализма. Она не только политически победила старую номенклатуру, но наряду с этим идейно подчинила себе все доминирующие фракции бюрократии, убедив их в том, что капитуляция России перед интересами мирового рынка есть единственно возможное будущее страны.

Все тяготы подобного вхождения в «цивилизацию» непосильным грузом ложатся на трудящиеся массы России. Воплощая сегодня захватнические интересы мирового капитализма, Ельцин обрекает народ России на нищету, безработицу, угнетение. Поскольку рабочие добровольно никогда не позволят производить над собой подобные губительные эксперименты, новая власть, одев демократические маски, вынуждена прибегать ко все более жестоким мерам государственного принуждения, неуклонно вырождаясь в новый режим авторитарного правления.

Перед трудящимися России стоит альтернатива: либо подчинение жестокой диктатуре в интересах реставрации капитализма, либо новая политическая революция рабочих.

10. Борьба за выход из кризиса.

Мы считаем, что сегодня необходимо начать немедленное обсуждение и поиск путей из кризиса в каждом районе, на каждом рабочем и учебном месте. Это явится первым шагом к вовлечению всей массы населения в дело принятия решений по вопросам государственного значения. Только политика, апеллирующая к культурности и сознательности масс, способна создать и организовать по-настоящему широкое демократическое движение народа.

Мы полностью разделяем и поддерживаем всю программу гражданских прав и свобод, декларируемых формальной демократией. В том числе мы выступаем за право всех народов бывшего СССР на самоопределение, за свободное объединение народов на равных правах; против любых форм дискриминации и расизма; за полную свободу слова и выражения (что означает право на доступ к типографиям, на радио и телевидение каждому, кто не является уголовным преступником); за свободу передвижения, выбора места жительства и эмиграции. Мы — за сохранение системы бесплатного образования и медицинского обслуживания. Мы — против уничтожения природы нашей планеты.

Вместе с тем мы понимаем, что только массовое социалистическое (т. е. независимое) движение трудящихся способно до конца осуществить эти лозунги на практике, превратить декларации в жизненную реальность.

11. За международную солидарность и новый Интернационал.

Рабочие не могут победить иначе как только во всем мире. Шесть десятков лет существования сталинского национального социализма в России навсегда доказали полную научную убогость и политическую преступность попыток построения изолированного рабочего государства. Мировое капиталистическое хозяйство едино; только единым поэтому может быть и мировой социализм, вырастающий на почве этого хозяйства. Рабочие «не имеют отечества» не потому, что не являются патриотами, а потому, что они — люди современной цивилизации, которая далеко переросла национальные границы.

Мы выступаем за поддержку всех сил и классов угнетенных трудящихся мира, которые борются против империализма и бюрократии. Мы за

сотрудничество в любых формах. Наша цель — координация усилий всех сил, защищающих права и интересы эксплуатируемых масс, которые разделяют позицию настоящей декларации и стоят на принципах создания нового Интернационала.

12. За новую идею Революционного Социализма.

Никогда еще в России не было подобной ситуации, открывающей такие широкие и ясные перспективы для массового рабочего движения. Мы должны строить новые силы, которые будут действовать без какой-либо зависимости от государства и бюрократии, которые будут прямо апеллировать к энергии и инициативе масс. В этом мы видим залог непобедимости движения и гарантию против его перерождения. Сила масс — в постоянном движении, в непрерывной мобилизации для построения лучшего общества в интересах всего народа.

Будучи убеждены в том, что достижение целей настоящей декларации требует немедленного объединения новых социалистов и всех наших сторонников, мы, исходя из вышесказанного, основываем группу под названием «Революционный Социализм» и учреждаем информационный бюллетень «Межрайонка».

Проект декларации подписан участниками челябинской встречи представителей левых партий и движений России 25 мая 1992 года.

От г. Челябинска:

А. Т.

Владимир Волков

От г. Волгограда:

Б. С.

Письмо Норта к Волкову — 02. VII. 92

Дорогой товарищ Волков!

Я прочел ваши недавние письма с глубоким вниманием и нахожу их полными информации и глубоко продуманными. Я ценю вашу попытку проанализировать социальное значение, скрывающееся за политическими разногласиями среди различных фракций правительства и Съезда Народных Депутатов. В общем и целом, я считаю, что вы верно видите в этих разногласиях конфликты социальных слоев, которые, хотя и пытаются завоевать наибольшие выгоды из реставрации капитализма, все же занимают несколько различные места в процессе производства (вернее, в останках этого процесса) и в процессе формирования капитала. Растущая российская буржуазия в настоящее время состоит из разных подотделов: от низменных мародеров до более грозных хищников. Не все эти виды окажутся жизнеспособными среди преобладающих сегодня в капитализме суровых условий джунглей. Пытаясь проследить связи между политической борьбой и конкретными социальными интересами, трудно иногда понять, кто кого представляет. Возможно, что еще преждевременно заключать, что один политик (Хасбулатов) непременно выражает интересы национальных капиталистов, а другой (Ельцин) — интересы эфемерных компродоров. Но я целиком согласен с вами в обращении внимания на существование этих конкурирующих кланов. Кроме того, этот подход имеет следующее политическое значение: самые жестокие представители нового российского капитализма еще могут всплыть наверх из рядов «национальных социалистов» старой сталинистской партии и из военщины, с которой последние так близко связаны.

Я считаю это весьма важным: существуют опасные течения, поддерживаемые различными мелкобуржуазными радикальными кругами (особенно среди оппортунистских паблюнстских групп), которые расхваливают оппозицию против Ельцина со стороны этих национальных сталинистов, называя ее и прогрессивной и революционной. Например, фракция Рабочей Революционной партии под руководством Торранс одобительно цитирует заявления Виктора Алксниса, постоянно называет советскую армию «Красной Армией» и вполне беспристрастно выдвигает идею, будто военный путч был бы спасением социализма. Слотерская фракция РРП выражает подобные мысли в более осторожном виде. Спартакосская Лига тоже выдвигает подобные позиции. Я полагаю, что такие настроения не присущи лишь радикальным группам за границами бывшего Советского Союза, а, напротив, распространены и среди разных слоев внутри России. Такие позиции лишь дезориентируют рабочий класс и ослепляют его перед лицом опасностей, стоящих впереди. Говорить рабочим, что они должны надеяться на действия российской армии, — является политически безответственным и граничит с преступлением. Такие воззрения выражают совершенно фальшивую оценку политической роли вооруженных сил; они полностью отвергают фундаментальное положение марксизма, что интересы социализма внутри бывшего Советского Союза как и за его рубежами, могут быть развиты лишь через политическую мобилизацию классово сознательного пролетариата на основе его собственной революционной программы.

Как вы пишете в своих письмах, Ельцин является не более, чем жалкой марионеткой империалистических держав. Его визит в Соединенные Штаты и Канаду явился зрелищем такого подобострастного унижения с его

стороны, что даже его хозяева были смущены. Ельцин так сильно хотел услужить американской буржуазии, что, не имея на то никаких доказательств, он вдруг объявил, что американские военнопленные времен Вьетнамской войны все еще находятся в русских тюрьмах. Как хитрый мужик, он рассчитывал, что ярые антикоммунисты в Конгрессе Соединенных Штатов щедро вознаградят российское правительство за эти «заблуждения». Но, как часто случалось в старину, вместо денег, чрезмерно хитрый мужик заработал вбучку! Несколько конгрессменов ответили на покаяния Ельцина требованием, чтобы, прежде чем давать какие-то деньги, Соединенные Штаты потребовали возвращения пленных. Советники Ельцина вдруг поняли, что их герой сел в лужу, что вся поездка может превратиться в фиаско. Генерал Дмитрий Волкогонов, военный советник Ельцина, мягко намекал американской прессе, что российский президент не всегда в полном рассудке, что иногда не все, что он говорит, соответствует фактам.

Ельцинские доклады перед американским Конгрессом и канадским Парламентом прошли более «удачно». Он начал обе речи заявлением, что «коммунизм сдох» и больше не появится. Как вы себе представляете, это заявление было восторженно принято капиталистическими политиками. В конце концов, посреди величайшего международного кризиса капиталистической системы со времени 30-х и 40-х годов, они с радостью узнали, что исчезла возможность очередной социалистической революции. Но несмотря на восторженные овации, следует сомневаться, что наиболее дальновзорные представители буржуазии приняли слова Ельцина всерьез.

Во всяком случае, Ельцин пообещал выполнять приказы Мирового Банка и МВФ; это означает проведение мер, имеющих катастрофические последствия для российского рабочего класса. Буржуазная пресса открыто заявляет, что десятки миллионов русских рабочих должны быть уволены. Лондонский *"Financial Times"* за 29 июня цитирует профессора Ричарда Лаярда из Лондонской Школы Экономики: «Ответственные валютные меры контролируют инфляцию путем безработицы ... **значительная безработица является фактически неизбежной ценой свободы и благополучия.** Подчеркивая свое согласие с заявлением Лаярда, *"Financial Times"* добавляет, что Россия «не нуждается в быстром повышении промышленной продукции. Она нуждается в противоположном: в деиндустриализации и в трансформации остатков».

После завоевания Карфагена Римом, римляне запахивали поля побежденных солью, чтобы ничего больше никогда не росло. В экономическом смысле империализм намерен сделать то же самое и с бывшим Советским Союзом. Сталинистская бюрократия, убившая сотни тысяч социалистов в ходе расчистки дороги реакционным прохвостам, карьеристам и громилам, — ярким представителем которых и является Ельцин, — довела советский народ до края пропасти. Русские рабочие несомненно отбросят свои иллюзии и поймут, что программа капиталистической реставрации вовсе не является альтернативой сталинизму.

Наша задача, между тем, состоит в подготовке политического сознания передовых слоев рабочего класса и социалистической интеллигенции к предстоящим социальным взрывам. Но это требует изучения политического кризиса в бывшем Советском Союзе в его международном и историческом контекстах. Происходящее в бывшем Советском Союзе повторяется также в коллапсе старых бюрократических организаций рабочего класса по всему миру. В каждой стране рабочие оказываются в западне организаций, которые ведут их от одного поражения к другому. Жалкие качества всех этих лидеров — всего лишь субъективная манифестация объективного

банкротства национальных и реформистских программ, на которых основаны эти организации. Задачи новой эпохи могут быть осуществлены лишь партией, программа которой основана на научном понимании сущности ее внутренних законов. Именно в этом заключается значение Четвертого Интернационала, борьба которого за объединение мирового пролетариата дает единственную основу для обновления и прогрессивного развития рабочего движения в период транснациональных корпораций и глобально интегрированного производства.

Задачи новой эпохи могут быть реализованы лишь партией, которая основывает свою программу на научном понимании внутренних законов этого времени. Именно в этом — значение Четвертого Интернационала, борьба которого за объединение мирового пролетариата является единственной основой, — в эпоху транснациональных корпораций и глобально интегрированной промышленности, — для обновления и прогрессивного развития рабочего движения.

Я с оптимизмом ожидаю новых писем. Пожалуйста, сообщите моему юному другу, Александру В., что я рад, что он держит с вами контакт. Я надеюсь, что он изучает марксистскую—троцкистскую литературу и готовится к политической работе.

С товарищеским приветом,

Дэвид Норт

Письмо Норты к Волкову — 25. X. 1992 г.

Дорогой товарищ Волков!

Я получал от Петра Шварца копии Ваших последних писем и других документов. Согласно договору о нашем разделении труда, я беру ответ на себя.

Общее и в самом деле проявляется в частном. То краткое описание Вашего собственного интеллектуального и политического развития, данное Вами, в своем виде показывает последствия предательства и преступлений, которые сталинизм совершил против целых поколений советских рабочих и интеллигенции.

Почти ровно сто лет тому назад молодой Владимир Ульянов начал ту поразительную политическую и теоретическую работу, которая завершилась всего четверть века спустя захватом государственной власти российским рабочим классом. Это достижение не было, конечно, результатом личного гения Ленина. Его жизнь и работа должны быть рассмотрены в их объективном историческом отношении к могучему расцвету революционного рабочего движения внутри России и в международном масштабе. Ленин был самым ярким представителем поколения русских революционеров, которые занялись изучением и ассимиляцией теоретических и политических достижений международного марксистского движения.

Возможно, именно из-за условий подполья и богатства его революционных традиций, русское марксистское движение с самого начала характеризовалось интеллектуальной и моральной силой, неизвестной в Западной Европе. В биографии *«Молодой Троцкий»*, изданной в 1926 году, американский радикальный журналист Макс Истман, позже переведший написанную Троцким *«Историю Русской революции»*, таким образом описал это «замечательное поколение», создавшее русское революционное движение: «Воспитанное в традициях террористского движения с его суровым и величественным наследием мученической веры, с юности

обученное любви к человечеству, к мысли, лишенной сентиментальности, к господству над собой, к принятию смерти вокруг себя, они в молодости научились думать практически. Они были закалены в огнях эшафота и ссылки. Они превратились в содружество, напоминающее благородный орден: избранные мужчины и женщины, которые, само собой разумеется, действовали героически как Рыцари Круглого Стола или самураи; богатыри, благородные грамоты которых были в будущем, а не в прошлом».

Именно это поколение, руководившее величайшей революцией в истории человечества, было под корень истреблено сталинизмом; эта рана еще точит кровью и международный рабочий класс от нее еще не оправился. Последствия преступлений сталинистской бюрократии нашли свое наиболее ужасное выражение в бывшем Советском Союзе, где рабочий класс был так жестоко отрезан от своего собственного прошлого.

В течение десятилетий советский рабочий класс страдал под игм тоталитарного режима, существование которого зависело от распространения самых бесстыдных вблуд и искажений. То, что сталинисты называли «марксизмом», состояло из стерильных формул и догматических фраз, служащих освящением циничных маневров паразитов в государственном аппарате. У советских масс не было никаких средств информации, которые бы разоблачили пропасть между социалистическими претензиями сталинистского режима и программой настоящего марксизма.

Ваш собственный опыт показывает как тяжело отдельному человеку найти дорогу к научной истине. Но насколько тяжелее и сложнее пройти этот путь к революционной ориентации для трудящихся масс, опутанных дневными проблемами и не имеющих возможности заняться систематическим образованием. В виду прошлых трагедий и их ужасных последствий вовсе не удивительно, что советский пролетариат был не подготовлен к событиям, начавшимся в 1985 году. Демократы использовали замешательство рабочего класса и его разочарование так называемым социализмом. Не обладая глубоким пониманием реальной жизни капиталистического Запада, большие части советского населения были разоружены поверхностными и некритичными сведениями о западном благополучии.

Но, как Вы пишете в своем письме, опыт масс в их соприкосновении с капитализмом начал быстро подрывать те иллюзии, которые были культивируемы в период 1985—1991 годов. Становится ясно, что реставрация капитализма может быть проведена лишь путем поголовного обнищания огромного большинства советского народа. Даже в американской прессе появляются статьи, авторы которых не могут скрыть своего ужаса по поводу социальных и экономических последствий политики Ельцина и Гайдара.

Реакция против капиталистической реставрации даст нам возможности для восстановления революционного движения в бывшем Советском Союзе. Но развитие настоящей марксистской партии требует от сторонников Международного Комитета основывать свою работу на базе двух основных и взаимосвязанных понятий.

Во-первых, построение революционной партии в России возможно лишь на основе международной перспективы и стратегии. Беря как свою основную предпосылку международный характер капиталистического вида производства, марксизм настаивает, пользуясь словами Троцкого, что «национальная ориентация пролетариата должна и может исходить лишь из всемирной ориентации, а не иначе». Те течения в бывшем Советском Союзе, которые игнорируют международное положение или видят в нем лишь задний фон малой (или второстепенной) важности, суждены прозябать в болоте националистического провинциализма. Более того, такие течения

даже и не приближаются к пониманию причин дегенерации и краха Советского Союза.

Во-вторых, далеко идущее изучение истории Советского Союза и борьбы троцкистского движения (со времени оформления Левой Оппозиции в 1923 г.) против сталинизма является предпосылкой для развития новых революционных кадров.

Любая серьезная оценка тех течений, которые существуют внутри бывшего Советского Союза, должна обнаружить их отношение к этим двум основным и взаимосвязанным вопросам. Международный Комитет понял, на основе долгого и тяжелого опыта Четвертого Интернационала, что любое течение, а особенно новая тенденция, не может быть оценено на основе нескольких агитационных манифестов и лозунгов. Поэтому, хотя я не нахожу ничего предосудительного в заявлении группы «Рабочая Демократия», это заявление само по себе лишь частично обнаруживает политический характер группы.

Гораздо более надежное указание политического характера дается международными связями течения; они являются концентрированным выражением его международной перспективы и его отношением к историческим проблемам рабочего движения. По этой причине связь «Рабочей Демократии» с группой «Милитант» дает повод для беспокойства. Вполне вероятно, как Вы и утверждаете, что «Рабочая Демократия» сравнительно не знакома с характером всех якобы троцкистских организаций за пределами России. Но я должен признаться, что мой опыт учит меня не полагаться на такое невинное объяснение. Внутри России существуют множество организаций, завязавших международные контакты в собственных, немедленных и практических целях. Кагарлицкий, например, дает самый яркий пример человека, который устанавливает международные связи именно на такой гнилой основе.

Другой пример — Алексей Гусев, с которым я разговаривал год тому назад и которому было совершенно безразлично знать о политической истории той международной тенденции, с которой была связана его группа. Когда я попытался объяснить те вопросы, которые привели к расколу 1985 года между МКЧИ и британской Рабочей Революционной партией (с которой он связан), Гусев лишь пожал плечами и ответил, что он не заинтересован в событиях шестилетней давности. Я возразил ему, что политика троцкистов коренится в событиях происшедших 60 лет тому назад!

Те, кто действует, как Гусев не понимают, что партия строится не на основе эпизодических нужд и соображений, а на основе принципов, воплощающих весь исторический опыт международной классовой борьбы.

Я вовсе не хочу заключить из этого, что «Рабочая Демократия» не способна в дальнейшем развиваться в марксистском направлении. Вы вполне правы продолжать Вашу связь и дискуссию с этой группой. Но исключительно важно понять, что «Рабочая Демократия» не сможет развиваться в революционную партию, если она не изучит опыт длительной борьбы Четвертого Интернационала против оппортунизма и не поймет реакционный характер такой беспринципной и националистической политики, которую выражает тенденция «Милитант».

Вы спросили меня об Израиле. Нельзя понять происхождение этого государства, основанного на реакционной сионистской утопии, вне судьбы Русской революции и Третьего Интернационала. До Второй Мировой войны лишь маленькая часть еврейского народа была заинтересована в сионистской идее. Большинство еврейского пролетариата и большая часть еврейской интеллигенции видели орудие своего освобождения в революционном социалистическом движении. Но победа нацистов в Германии — являвшаяся

итоком преступной политики социал-демократов и сталинистов — и предательства Коминтерна с его лозунгом Народного Фронта создали предпосылки для Второй Мировой войны и массового геноцида. Были глубоко потрясены надежды еврейских масс в революционные возможности пролетариата и в социалистическую перспективу. Людям, чудом пережившим гитлеровские лагеря смерти, социалистическая революция казалась неосуществимой. Националистическая идея еврейского государства наконец, завоевала массовую поддержку народа, который раньше так гордился своей верой в стоящую над национальностями человеческую солидарность.

А после создания Израиля все остатки социалистических убеждений среди еврейского народа, как внутри Советского Союза, так и за его рубежами, были и дальше подорваны отвратительным антисемитизмом сталинистского режима. Кроме того, советская внешняя политика, основанная на националистических соображениях Кремля, была органически враждебна принципам интернационализма, вследствие чего она была неспособна привлекать и вести к интернациональной солидарности еврейский и арабский пролетариат Ближнего Востока. Вместо этого Кремль восхвалял реакционных арабских буржуазных диктаторов, которые жестоко расправлялись с собственным пролетариатом и одновременно грозили сбросить в море израильских евреев.

В последние годы сотни тысяч советских евреев массами хлынули в Израиль. Они быстро узнают, что еврейское государство на части раздирается теми же социальными противоречиями, которые характерны для любого капиталистического общества. Изменения в международной обстановке и последствия массовой иммиграции тяжело давят на израильское общество. В течение десятилетий Израиль являлся «американской Кубой», продолжая зависеть от огромных поставок финансовой и военной помощи, которые могли бы помочь преодолеть ограниченность его собственных жалких ресурсов. Но конец «Холодной Войны» ослабил политические и финансовые претензии Израиля по отношению к Соединенным Штатам. В условиях мирового хозяйственного кризиса и возрождения антисемитизма, Израиль все больше напоминает переполенную и дырявую спасательную лодку, которую, как щепку, бросают в ту или другую сторону грозные волны. Фальшивая перспектива сновидца обманута ходом событий. На Четвертый Интернационал падает ответственность поднять знамя мировой социалистической революции и классовой солидарности между еврейскими и арабскими рабочими в Израиле и по всему Ближнему Востоку.

Я жду Вашего следующего письма.

С социалистическим приветом по случаю 75-й годовщины Великой Октябрьской революции.

Дэвид Норт

Письмо Волкова к Нурту — 20. XI. 92.

Дорогой товарищ Норт!

Ваше письмо от 25 октября получил, равно как и письмо от Петра Шварца от 4 ноября. С большим волнением и интересом прочитал его. В какой-то степени я склонен рассматривать это личное обращение ко мне как признание некоторого значения, которое я мог бы играть здесь для дела социализма и для мировой партии IV Интернационала. Это крайне лестное для меня сознание. Оно, однако, неразрывно связано с высокой требовательностью к себе и энергичной работой. Я постараюсь и дальше по

крайней мере не отступать назад. Отличие социалистической идеологии от любой другой состоит в том, что здесь удовлетворение от личных удач осмысливается также и как успех общего дела. В этом смысле появление в России сторонников IV Интернационала нельзя не расценить как большой прорыв в деле возрождения социалистического движения. Это есть зримое доказательство того, что мировая ситуация действительно изменилась кардинально и что тот упадок культуры и цивилизации, который в середине XX столетия был вызван закатом буржуазной цивилизации и предательской ролью, которую сыграли в рабочем движении социал-реформизм и сталинизм, может быть теперь преодолен новым витком мирового социалистического движения.

Место, которое занимает в этом процессе Россия, уникально. С одной стороны, именно здесь сталинизм изжил себя практически, он крахнул под своей собственной тяжестью. Фикция национал-социалистического государства перечеркнута самим ходом истории. С другой стороны, интеграция России в мировое хозяйство, явившаяся следствием отказа от хозяйственной изолированности, ставит Россию в эпицентр противоречий мировой капиталистической экономики. Трудящиеся России, хотя никогда и не чувствовали себя в достаточной степени свободными от тисков материальных трудностей, все же, в массе своей, были избавлены от буквальной нужды и нищеты. Они привыкли считать себя наиболее передовой страной мира, в которой, хотя и существуют проблемы бытового характера, тем не менее общий уровень культуры значительно более высок, чем где бы то ни было в мире. Именно благодаря господству подобных иллюзий бюрократии и удавалось сохранять свое доминирующее положение.

Сегодня ясно, насколько действительное положение вещей оказалось иным. Повальная коммерциализация, неспособность рабочих эмансипироваться от идеологического и политического влияния враждебных им классов и социальных групп, резкий рост религиозных настроений и даже, в конце концов, победное шествие по российским телевизорам низкопробной мексиканской мыльной оперы «Богатые тоже плачут», — все это является свидетельствами того мрачного наследия, которое оставили после себя десятилетия правления сталинистской бюрократии.

И все же положение в России недостаточно характеризуется одной такой внешней констатацией. В глубинах российской жизни лежат обстоятельства, которые дают право в иной степени оценить перспективы дальнейшего развития России. Во-первых, как уже было сказано, советский человек привык к более-менее сноному существованию. Это гораздо выше того, что может предложить России мировой капитализм.

Процесс обнищания не может продолжаться бесконечно. Рано или поздно, люди поймут, что альтернатива реставрации капитализма есть, и эта альтернатива есть мировой социализм. Во-вторых, в России существует все же особая атмосфера, особое воспитание, связанное хотя и крайне формальным образом, с идеологией и историей социализма. В России все слишком привыкли верить в то, что коммунизм не есть просто утопия, что к нему можно идти, уповать на то, что противоречия капитализма могут быть преодолены и т. д. Это сознание живет в массах и его можно было бы выкорчевать только воспитанием новых поколений, ориентированных чисто коммерческим образом. Но такой большой исторический срок капитализму не отпущен. Наконец, в-третьих, в России необыкновенно сильна старая традиция русской культуры с ее острой постановкой вопросов о смысле жизни, о добре и зле и т. д. Русская интеллигенция в наименьшей степени коммерциализирована; и, хотя во многих отношениях она уступает западной

интеллигенции, — например, в отношении владения иностранными языками, — это является ее большим плюсом. Как в христианской средневековой Европе, в России сильна неприязнь к денежным и товарным спекуляциям. Либеральным средствам массовой информации приходится прилагать поистине геркулесовы усилия (достойные гораздо более лучшего применения), чтобы выбить из людей эти «остатки коммунизма».

Но более всего особая роль России связана, конечно, с ее объективным местом в системе международных экономических отношений. Мировой рынок не всемогущ, он не может проглотить Россию в миг. Достаточно вспомнить, какие перегрузки испытывает германский капитализм вследствие *Anschluss'a* бывшей ГДР. Невозможность достать счастье по-капиталистически будет толкать население России и др. стран бывшего СССР на отчаянные действия. В совокупности, эти действия будут разрушать и без того хрупкое равновесие мирового рынка. Для того, чтобы с уверенностью предсказывать ход этого процесса, требуются, конечно, гораздо более основательные экономические исследования. Однако, на мой взгляд, несомненным является следующее: Россия является тем бревном, которое с силой бьет прямо под дых мировому капитализму. Переносить долго эти удары он не сможет.

В этих условиях с особой силой встает необходимость скорейшего создания в России независимой рабочей партии на платформе IV Интернационала.

Позвольте мне теперь на время отвлечься от этих рассуждений и рассказать о том, что сделано нами здесь, в Челябинске. Прежде всего хочу заметить, что я умышленно перенес объект своих корреспонденций с Вас на Петра Шварца. Мне показалось, во-1-х, что в Америке больше разных забот, чем в Германии. Во-2-х, ситуация в Германии несколько напоминает нашу, и, значит, у нас есть много общего. В-3-х, я хотел пошlifовать свой немецкий, который и по сегодняшний день находится в весьма плачевном состоянии. Наконец, Германия кажется более близкой. Может быть, это решение было не столь целесообразным как мне кажется?

Примерно с начала сентября я начал выступать от имени ICFI. Сейчас меня поддерживают два рабочих лидера — активиста рабочего движения до августа 91 г. Они выразили полное согласие с линией № 6 «*Бюллетеня ЧИ*». К сожалению, каналов для пропаганды пока практически нет. В настоящий момент я рассылал по почте краткие политические разъяснения от имени «Челябинского бюро IV Интернационала», которые прилагаются.

Еще летом я отдал в иностранный отдел областной публичной библиотеки несколько номеров «*Bulletin*». Их с охотой взяли, а сегодня мне сказали, что их с удовольствием читают. Сегодня я снова был там и оставил комплект «*Neue Arbeiterpresse*» за сентябрь—октябрь. Его тоже с охотой взяли. Отчасти подобное отношение объясняется тем, что сегодня Россия вновь, как и до «перестройки», находится в информационной блокаде. Иностранных изданий нет вообще, ибо стоят они непомерно дорого.

7-го ноября мы провели свою небольшую акцию. С утра «Трудовой Челябинск», в котором доминирует РКРП, устраивал свою демонстрацию и митинг на центральной площади города, которая продолжает сохранять название «пл. Революции». (Большой памятник Ленину также стоит в полной неприкосновенности). Когда они закончили, подошли мы с большим плакатом и заняли место у подножия памятника. Народ еще не успел разойтись (всего, по оценкам самого «Трудового Челябинска», участвовало от 2—3 тысяч чел., гораздо больше, чем год назад, когда собралось едва ли две—три сотни чел.). На плакате — надпись красными буквами: «IV Интернационал», портреты Маркса—Энгельса—Ленина—Троцкого, материалы. Под заголовком «*Обращение Д. Норта*» — текст из Вашего

февральского письма мне, помещенного также в № 6 «*Бюллетеня ЧИ*». Должен прямо сказать, что одна из наклеенных листовок была «Рабочей Демократией», другую дал мне Гусев. Собралась небольшая группа людей, с которыми я устроил беседу. Мгновенно были разобраны листовки, которые мы принесли с собою (ок. 100 шт.), также быстро купили несколько экз. «*Преданной революции*» с брошюрой — приложением (их я получил от «Раб. Демократии»). Мы сделали также фотоснимки, но они, к великому сожалению, не получились вследствие нашего непрофессионализма. В целом мы встретили сочувственное отношение, особенно подкупило многих то, что они увидели молодых ребят. Не обошлось и без казусов. Одна старушка подобралась к плакату и стала тыкать пальцем в портрет Троцкого, приговаривая: «У-у, жид!» Ее отвели в сторону присутствующие без нашей помощи. На некоторое время она удалилась, но ненадолго. Скоро она вернулась и бросилась перечеркивать портрет Троцкого авторучкой. Ее снова оттащили и больше она не появлялась. Кроме того, одна дама средних лет заявила: «Мне сказали, что здесь IV Интернационал гуманитарную помощь раздает. Вот я и пришла!» Мы, разумеется, постарались не оставить ее без гуманитарной помощи, правда, не материального, а духовного характера.

Словом, насколько мне известно, это было первое явление троцкистов народу Челябинска с тех пор как в 20—30-е гг. была уничтожена Левая оппозиция.

Результатом этой акции явилось то, что меня пригласили на собрание ВКП(б). Человеку, который меня пригласил, я объяснил, что, быть может, это не имеет смысла из-за существенных политических разногласий. Он, однако, выслушав мои доводы, не отказался от приглашения. Я пришел — и, разумеется, напрасно. Не успев сказать двух предложений, я выставил утверждение, что сталинизм не есть ленинизм. Меня тут же прервали. Один человек заявил: «Ну, с ним все ясно». Другой: «А, да это догматик!» На том дело, фактически, и закончилось. Руководитель местной ВКП(б) Белоногов, обращаясь ко мне, произнес: «У меня есть друг. Так вот, когда он слышит от кого-нибудь что-то плохое о Сталине, он сначала бьет тому промеж глаз, а потом только объясняет, почему он это сделал». Позже он еще заявил: «Время Сталина — самое светлое время в истории России». Уровень сознания рядовых членов ВКП(б) — а там сплошные пенсионеры — характерно передает следующий эпизод. На слова, что сталинизм истребил все старые большевистские кадры, ведущий собрания многозначительно обратился ко мне:

— Молодой человек, а вы жили в 30-е гг.?

— Не жил, — естественным образом ответил я. На это человек с еще большим глубокомыслием возразил:

— А я жил!...

С большим вниманием я прочитал те оценки политической деятельности Гусева и «Рабочей Демократии», которые содержатся в Вашем письме и письме Петра Шварца. Я полностью с ними солидарен. Более того, это подтолкнуло меня перечитать материал против Слотера в № 5 «*Бюллетеня ЧИ*». Материал превосходен! Он не только разъясняет многие моменты, но и учит. Однако мне показалось резкое отношение к Гусеву несколько чрезмерным.

Находясь в Москве в конце октября, я установил личные контакты как с «Раб. Демократией», так и с Гусевым. Вот мои впечатления.

«Раб. Демократия» — орган Комитета за Рабочую Демократию и международный социализм, который возглавляет Сергей Биц. Ему явно нет 30-ти. О нем известно, что к троцкизму он пришел далеко не сразу. Первоначально он входил в «ДС» («Демократический Союз») —

правозащитную организацию либерального толка, из которой затем вышли многие либеральные партии России. В «ДС» Биец находился в демократической фракции. Затем он оттуда вышел, участвовал в еще одной политической структуре, пока, наконец, не обрел пристанище под крылышком Militant. Реально за его спиной стоит еще один человек — англичанин, называющий себя Роберт Джоунс. Биец категорически отрицает, что получает деньги от Militant. Он заявил мне, что его газета является рентабельной, и что они даже отсылают деньги в свою международную парт. кассу. На мой вопрос Бийцу и Роберту в чем их политические разногласия с Нортон, вразумительного ответа не последовало. Как правило, Вас обвиняют в склонности, в несправедливом наклеивании ярлыков. В телефонном разговоре у нас с Бийцом произошел следующий диалог:

Биец: «Мы откололись от МКЧИ тридцать лет назад. Мне кажется, этот срок ясно показал, кто избрал более правильную тактику. У нас сегодня ок. 15 тысяч сторонников по всему миру — и это даже больше, чем у Мандела (у которого, к тому же, все разбито на десятки фракций). У Норта же не более 100—200 чел. Норт не играет, в отличие от Militant, заметной роли на международной арене. Я, вообще удален, откуда на Урале у него вдруг обнаружилось сторонники».

Я: «Мне кажется, что результат и в том, и в другом случае одинаков, ибо все равно далеки от победы. Что же касается преимуществ в два-три человека — то это не принципиально. Зато принципиальной является идейная чистота партии». Эту мысль позже я изложил Бийцу еще так: для революционной партии вопрос о численности является второстепенным. Главная забота партии — это, во-1-х, уровень классовой сознательности и общей культурности рабочего класса, во-2-х, идейная и моральная чистота партии. Революционная партия в условиях капитализма по определению не может быть массовой, ибо как только она становится массовой, она немедленно захватывает власть и свержает капитализм. Покуда этого не случилось, идейная и моральная чистота партии — это ее главный капитал, который важнее, чем формальное количество членов.

Биец не является теоретиком. Зато он умелый практик и организатор, и в этом смысле мог бы быть весьма полезен. Международные связи его, безусловно, дискредитируют, и я прямо написал ему в одном из последних писем: "Vogel" — это не те люди, которых бы я хотел видеть в числе своих друзей. Вместе с тем, в России он не сделал пока еще никаких определенных серьезных ошибок, поэтому, я считаю, с ним можно пока поддерживать отношения. Я сказал также ему и Роберту при встрече, что их газете не хватает энергии, задора. Недавно я понял, почему. Биец пропагандирует развитие Советов, но при этом плохо связывает это с необходимостью международной ориентации Советов, а также забывает делать упор на необходимость немедленного создания революционной рабочей партии на марксистской платформе.

Что касается Гусева, то с ним мне было говорить гораздо интереснее. Он — человек широкого мышления и одной со мной крови — он закончил исторический факультет МГУ. Его дипломная работа посвящена дискуссии 23—24 гг. в России. Это толковый труд, написанный хорошим языком. Сейчас он находится в Челябинске, его читают мои друзья. Гусев критикует Бийца и Militant именно за то, за что критикует их ICFI. Я пытался выяснить, почему же он не сторонник ICFI? Никакого политически вразумительного ответа я также не получал. Он представил только сугубо личные обвинения против Вас, ставя Вам в вину, в том числе, следующее:

1) Норт — клеветник и скандалист, он оклеветал массу невинных людей.

2) Долгие годы он работал на Хили и помогал ему. То, что Хили был после осужден, не снимает с него вины.

3) Никто не доказал, что Дж. Хансен был предателем. Нельзя его таким считать. (Ни в одном документе, который я читал, Хансен не называется предателем. Обычно говорится: «есть все основания считать...»).

4) Несправедливо было называть сына Слотера «фашистом» за то только, что он принял участие в драке после футбольного матча. И т. д.

Все эти дразни не могут, однако, заслонить того факта, что политически Гусев стоит гораздо ближе к ICFI, чем Биец. Полностью присоединяясь к словам из письма Шварца о том, что «абсолютно нет причины для того, чтобы ослаблять нашу враждебность по отношению к слотерской группе», мне кажется, все-таки, некоторым преувеличением называть Гусева «политическим карьеристом» и «бесхребетным политиком». Он запятнал себя пока лишь тем, что не захотел вникать в причины раскола. Я не спорю, что это важнейшая вещь, вокруг которой все вертится. Но не забывайте, — Вы подошли к нему с самой большой меркой как к крупному серьезному политику. Беда ли, что он не сдал этот экзамен на политическую зрелость? Если за ним нет больше никаких грехов, то он не потерянный еще для социализма человек.

Впрочем, не подумайте, что я стараюсь кого-то оправдать или выгородить. Более того, я не боюсь остаться в России в полном одиночестве. Но нас здесь так мало, что не хочется так просто терять ценных людей. Разве это стремление, по крайней мере, не оправдано?

О Спартакстах и Биец и Гусев всерьез не говорят. По их словам, за три года Спартакстам не удалось завербовать ни одного русского.

Ваши слова о планах провести учебную конференцию меня глубоко заинтересовали. Это важная мысль и ее надо реализовать как можно скорее. Я выдвигаю сразу встречные предложения:

1) Я мог бы взять на себя задачу сплестись с людьми в пределах бывшего Союза. Если необходимо, я постараюсь соблюдать максимум осторожности.

2) Я могу предложить местом проведения конференции Челябинск. Мы без труда найдем зал для заседаний. Количество человек в пределах 10—15 можно разместить даже по квартирам.

Если ICFI выберет не Челябинск, то как минимум два—три человека от Челябинска я могу обеспечить.

3) Лично мне наиболее удобным временем проведения конференции был бы срок не позднее марта 93 года. Я полагаю, это важно также и политически.

4) Следует заведомо обсудить вопрос о возможности образования русской секции IV Интернационала или секции на территории бывшего СССР.

Я был бы также рад получать от Вас любую литературу на любых европейских языках. Мне также были бы весьма полезны любые рекомендации, советы, наставления и т. д. политического и организационного характера. Словом, я не имею ничего против того, чтобы видеть себя в качестве направляемой стороны.

Я пишу также ответ Петеру Шварцу, но прошу совета: работать на два адреса мне трудно. С кем лучше поддерживать связь?

Еще раз глубоко благодарю Вас за Ваше дружеское письмо. Надеюсь, оно будет не последним.

Задним числом поздравляю Вас с 75 годовщиной Октябрьской революции.

С социалистическим приветом, Владимир Волков

Р. С. Я полагаю, что на конференции должны быть обязательно затронуты следующие темы: «Общее политико-экономическое положение в мире и перспективы социалистического движения в России»; «История борьбы Левой оппозиции в 20-е гг. и ее уроки»; «История создания IV Интернационала», а также «История борьбы против ревизионизма и оппортунизма в IV Ин-ле».

Письмо Норта к Волкову — 17. XII. 1992 г.

Дорогой товарищ Волков,

Я с большой радостью получил ваше письмо за 20 ноября. Я был на Конференции Против Фашизма и Войны, созданной германской Лигой Социалистических Рабочих, когда мои товарищи из Детройта переслали это письмо. Его перевод занял еще несколько дней. К тому времени я уже вернулся в Соединенные Штаты, где, в конце концов, смог его внимательно прочесть. Перевод остальных материалов, которые вы прислали, возьмет несколько больше времени. Но поскольку я вскоре уезжаю в длительную поездку, я решил ответить поскорее на это письмо.

Мы, конечно, рады слышать, что вы энергично заняты политической работой. Тот факт, что на годовщину Революции в Челябинске появился портрет Троцкого, является значительным предзнаменованием будущего возрождения настоящего марксизма в бывшем Советском Союзе. Как настаивал Троцкий, законы истории сильнее бюрократического аппарата. Ровно 65 лет тому назад Троцкий был исключен из ВКП(б) и, вскоре после этого, выслан в Алма-Ату. Но несмотря на это, идеи, за которые боролся Троцкий, находят отклик среди новых поколений рабочих и молодежи, ищущих выхода из того болота, в которое сталинизм завел советских народ.

У нас есть достаточные причины верить в будущее троцкизма в России и в других странах СНГ. Но мы должны основывать нашу работу на долгосрочной перспективе, сознающей, что восстановление революционной партии в советском (я намеренно так выражаюсь) рабочем классе не будет легким и споро не пойдет. Сталинизм нанес так много урона, что нельзя полагать, будто в бывшем Советском Союзе марксизм можно возродить без тяжелой и даже жестокой политической и идеологической борьбы. Следует, конечно, ожидать массовые восстания против программы капиталистической реставрации; но было бы ошибкой полагать, что отказ от «рыночных реформ» автоматически повернет массы в сторону революционной социалистической программы. Недовольство масс найдет конкретные политические формы, зависящие от целой серии факторов внутри бывшего Советского Союза, включая, конечно, и силу революционных кадров и степень того политического авторитета, который они смогут завоевать среди масс. Но, — и в этом суть дела, — приведет ли политический и хозяйственный кризис внутри бывшего Советского Союза к новой социалистической революции, будет, в конечном итоге, зависеть от хода международных развития.

Многое в наших замечаниях об особенностях психологии русского народа верно, конечно. Несмотря на сталинизм, Российская революция прошла не даром. Благородные традиции демократической и социалистической мысли, ведущие свои корни от Герцена и Чернышевского, оставили свои следы в мышлении русского и советского народа. Но было бы ошибочно преувеличивать и даже мифифицировать этот фактор как будто эти традиции исключают реставрацию капитализма и автоматически

возвратят российские массы обратно на путь социалистической революции. Подчеркивая это, я должен вас предупредить против какой бы то ни было тенденции склоняться даже к одной лишь видимости националистического понимания о российской дороге к социализму. Я уверен, что вы к этому не вовсе стремились; но политические формулировки имеют собственную жизнь и логику развития; другие их могут понять совершенно иначе, чем желали бы их авторы.

Например, вы утверждаете, что Россия «находится в эпицентре противоречий мирового капиталистического хозяйства» и что «Россия является тараном, наносящим нокаут мировому капитализму». Несомненно, что интеграция бывшего Советского Союза в мировую капиталистическую систему поставит международную буржуазию перед лицом огромных политических и хозяйственных проблем. Но сущность и значение этих проблем, не говоря даже о возможности буржуазии с ними справиться, может быть понята лишь в контексте противоречий мировой системы капитализма. Ведь кризис, — о котором Международный Комитет заявлял задолго до того как буржуазные экономисты, наконец, его разглядели, — приведший к крушению Советского Союза и других сталинских режимов Восточной Европы, сам является лишь начальным выражением международного кризиса, который сейчас распространился по всему земному шару.

Развитие событий в России и во всем СНГ будут огромным фактором в этом сложном взаимодействии глобальных политических и экономических феноменов. Но и сами «русские события» будут решительным образом зависеть от международного положения; если я снова и снова повторяю это, то лишь потому, что новое поколение советских троцкистов должно учиться рассматривать события с точки зрения их глобального развития. Борьба за этот основной интернационалистский подход — это самый критический аспект общей политической и теоретической борьбы против «национального социализма» сталинской бюрократии. В недавние годы я неоднократно обращал внимание (как и в моем прошлом письме к вам) на ключевое замечание Троцкого в его «Критике программы Коминтерна». Я его снова повторяю:

«В нашу эпоху, которая есть эпоха империализма, то есть мирового хозяйства и мировой политики, руководимых финансовым капиталом, ни одна национальная коммунистическая партия не может строить свою программу, исходя только или преимущественно из условий и тенденций национального развития... Международная коммунистическая программа ни в каком случае не есть сумма национальных программ, или сводка поединков их общих черт. Международная программа исходит непосредственно из анализа условий и тенденций мирового хозяйства и мировой политической системы как целого, со всеми его связями и противоречиями, то есть антагонистической взаимозависимостью его частей. В нынешнюю эпоху в неизмеримо большей степени, чем в прошлую, национальная ориентировка пролетариата должна вытекать, только и может вытекать из мировой ориентировки, а не наоборот. В этом состоит основное и исходное различие коммунистического интернационализма от всех разновидностей национал-социализма».

Развитие событий внутри бывшего СССР сформировано не только давлением мирового хозяйства как такового. Степень развития международной классовой борьбы, во-первых, в Соединенных Штатах и в Западной Европе, и в прошлом глубоко влияла на политическое сознание и ожидания советского пролетариата; эти факторы развития будут оказывать подобное влияние и в будущем. Ничто так не усилило политическую апатию и разочарование широких слоев советского пролетариата как политические

поражения, нанесенные международному пролетариату в результате предательства его руководства. Стоит вспомнить, что Троцкий объяснял победу сталинистской бюрократии над Левой оппозицией поражениями германского рабочего класса в 1923 г., английского пролетариата в 1926 г., и китайского — в 1927 г. Каждое поражение рабочего класса на мировой арене углубляло политическую изоляцию советских рабочих, подрывало их уверенность в перспективе мировой революции, увеличивало их восприимчивость по отношению к национальной программе, утверждавшей будто социализм может быть достигнут внутри Советского Союза, несмотря на судьбу международного рабочего движения.

Вы верно замечаете, что иллюзии советских рабочих в возможность продвижения к социализму в рамках СССР играли значительную роль в сохранении бюрократического могущества. Но к 1980-м годам эти иллюзии развеялись не только из-за длительного хозяйственного застоя советского хозяйства, но также из-за того, что целый ряд азиатских стран (Таиланд, Сингапур, Индонезия, Тайвань, Гонконг и, конечно, Япония) в 1970-е и 80-е годы на капиталистической основе добились норм экономического развития, намного превышающие темпы развития СССР. Кроме того, в свете развала старых рабочих партий и профсоюзов в Западной Европе и в Соединенных Штатах, капитализм казался сильнее, чем когда-либо. Не только сталинистский режим, но и сам Советский Союз и социалистическое будущее, с которым его в прошлом связывали, казалось зашедшим в тупик. Стоит лишь вспомнить о сотнях тысяч эмигрантов, верящих, что в Соединенных Штатах и в Израиле их ожидает лучшее будущее, чтобы понять разрушительный эффект международного политического окружения на сознание советских рабочих. Итак, когда к власти пришел Горбачев, и кризис сталинизма вошел в предсмертную стадию, рабочий класс был готов поддаться, — из разочарования больше, чем из убеждения, — утверждениям «демократов» о том, что единственный выход из социального кризиса находится в возрождении «рынка», — даже если рабочие и не понимали, что такой «рынок» означает.

Постепенно советские рабочие понимают, что возвращение к капитализму угрожает катастрофой. Мы можем ожидать взрыва всевозможных форм борьбы против попыток правительства и растущей буржуазии понизить жизненный уровень рабочего класса. Но рабочие не вернутся к социализму, пока они верят, что он является утопией и вновь заведет их в тупик. Мы должны и обязаны, конечно, делать все возможное, чтобы привлечь к нашему знамени более дальновзорные элементы, способные ассимилировать уроки антисталинистской борьбы Троцкого; т. е. тех, кто способен понять, что их предал не социализм, а сталинизм, предавшие социализм. Но решающий поворот в социальной ориентации масс и возрождение их социалистических традиций будет сильнее всего подтолкнуто событиями за границами бывшего СССР. Возрождение международной классовой борьбы поднимет дух советских рабочих, покажет им новые возможности и восстановит их уверенность в социалистическую перспективу. Готовясь к этому развитию, советские марксисты должны обратить внимание лучших слоев советских рабочих, молодежи и интеллигенции на развитие мирового капиталистического кризиса и на борьбу рабочего класса за границами России и СНГ.

Позвольте мне обратиться к другим вопросам, которые затронуло ваше письмо:

Я всесторонне обдумал ваше замечание о Гусеве; будьте уверены, что я не намерен его «списывать в расход» и объявлять несправедливым и негодным и оппортунистом. Но я считаю, что его оппортунистское отношение к принципиальным вопросам ясно показано. Когда я встретил Гусева в

Москве, я передал ему все номера журнала МКЧИ «Четвертый Интернационал», в которых публиковались все документы, связанные с борьбой внутри Международного Комитета между 1982 и 1986 годами. Вдобавок он получил мою книгу «Наследие, которое мы защищаем». В общем счете, Гусев получил примерно 1.500 печатных листов, в которых Международный Комитет всесторонне проанализировал все вопросы, связанные с отколом от Рабочей Революционной партии. Кроме того, я сказал Гусеву, который превосходно разговаривает и читает на английском, что на нем лежит обязанность предоставить членам его группы доступ к этим материалам и, в конечном итоге, открыто высказаться по поводу политических вопросов, побудивших борьбу 1982—86 гг.

К сожалению, я больше от Гусева ничего не слышал. Вместо этого он решил отойти от принципиальных вопросов; все настоящие марксисты считают такое отношение нетерпимым. А теперь он встретился с нами; и, вместо того, чтобы обсудить содержание политических документов, полученных им год тому назад, он выдвигает против меня, как вы выразились, «лишь глубоко личные обвинения...».

Мне кажется, что Гусев не сделал никакого вывода из трагичного опыта советской истории. В связи со всем, что произошло в Советском Союзе, следовало бы предполагать, что ни один марксист не станет основывать свою оценку какого-либо политического течения на слухах, полученных им от жестоких врагов этого течения. Но Гусев готов попросту повторять мелкие слухи, рассказанные ему Клиффордом Слотером и Саймоном Пирани во время их поездок в Москву и не обращать внимание на документы, в которых Международный Комитет разоблачил и опроверг их фальсификацию.

Я попытаюсь вкратце ответить на некоторые обвинения Гусева; во-первых, что я клеветник, которые, помимо всего прочего, обманул Джозефа Хансена.

1. Нет секрета, что я был глубоко связан с историческим расследованием и политической кампанией, проведенными Международным Комитетом в целях разоблачения как можно широких фактов о проникновении ГПУ внутрь Четвертого Интернационала и о связи между этим проникновением и обстоятельствами убийства Льва Троцкого в 1940 г. Это исследование обычно называется «Безопасность и Четвертый Интернационал», по имени первого большого документа об убийстве Троцкого, опубликованного Международным Комитетом в апреле 1975 г. Месяц спустя после этого Шестой съезд Международного Комитета проголосовал за продолжение этого расследования, чтобы ответить на многие новые вопросы и факты, раскрытые в ходе первоначального расследования. Например, исследователи Международного Комитета нашли в национальных архивах Соединенных Штатов рассекреченные документы, показывающие, что руководитель Социалистической Рабочей партии, Джозеф Хансен, бывший одним из секретарей Троцкого в Койоакане, между 1938 и 1940 гг. вступал в странную и ранее неизвестную связь с ГПУ и ФБР.

Вплоть до расследования, начатого Международным Комитетом, Четвертый Интернационал провел лишь одно изучение обстоятельств, связанных с убийством его основоположника, — это исследование было проведено сразу же после смерти Троцкого. В течение следующих 35 лет троцкистское движение ничего, фактически, не опубликовало; и это несмотря на то, что в конце 40-х и в начале 50-х годов были обнаружены весьма поразительные и беспокоящие факты. Например, стало известно, что Марк Зборовский, бывший ближайшим помощником Льва Седова в Париже, являлся агентом-provokatorом ГПУ. Далее, Сильвия Колдуэлл, личная секретарша учредителя и вождя СРП Джеймса П. Каннона между

1938 и 1947 гг., была завербована ГПУ. Но поразительным образом эти потрясающие разоблачения были почти полностью замолчаны Четвертым Интернационалом.

Причины этого молчания были обнаружены в ходе расследования «Безопасность и Четвертый Интернационал».

Я начал играть значительную роль в работе расследования лишь к концу 1975 года. К тому времени, Секретарь Международного Комитета Клифф Слотер уже начал выступать по всему миру в поддержку этой кампании разоблачения. Именно Клифф Слотер летом 1975 года лично показал мне документы, найденные в американских национальных архивах, указывающие на поразительную деятельность Джозефа Хансена.

Позвольте мне также указать, что лично Слотер взял на себя ответственность ответить на попытку Хансена дискредитировать «Безопасность и Четвертый Интернационал». Например, в письме адресованном к паблюстскому Объединенному Секретариату 23 октября 1975 г., Слотер писал:

«Безопасность является не только организационным вопросом, но, в первую очередь, основным политическим вопросом борьбы мировой партии социалистической революции против капиталистического государства, против шпионских и карательных органов империалистических держав, и против сталинистской бюрократии, основной контрреволюционной силы на мировой арене, с самого своего рождения работающей на ликвидацию Четвертого Интернационала.»

«Подготовка революционных кадров для нынешней революционной борьбы не может проводиться вне непрерывной борьбы за утверждение исторического наследия смертельной борьбы Троцкого против сталинистской бюрократии. В то время как Хансен лживо обвиняет Рабочую Революционную партию в том, что ее будто бы ведут полицейские агенты и провокаторы, он отказывается от расследования, которое могло бы решительно ударить по сталинистам и их агентам внутри движения; какую же роль он играет? Почему он до сих пор настаивает на сокрытии великих исторических вопросов связанных с убийством основателя Четвертого Интернационала и его ближайших сотрудников? В чем состоит ответственность тех, кто как Хансен преступно отмахнулись от этих вопросов и отказываются на них ответить?»

Это продолжало оставаться линией Слотера до осени 1985 года, когда в разгар борьбы против Международного Комитета и Рабочей Лиги он вдруг развернул жестокую атаку на «Безопасность и Четвертый Интернационал». Причина такого поразительного поворота лежала в надежде Слотера, что его отрицание «Безопасности и Четвертого Интернационала» поможет ему сблизиться с новыми союзниками среди паблюстов и сталинистов в его борьбе против Международного Комитета.

После раскола в 1986 году Международный Комитет повторно печатал открытые заявления, — которые будут, я надеюсь, вскоре опубликованы порусски, — в которых он бросал Слотеру вызов отвергнуть какой-либо из фактов, обнаруженных «Безопасностью и Четвертым Интернационалом». Мы до сего дня ждем от Слотера ответа.

Вместо того, чтобы называть меня «клеветником», Алексей Гусев должен был бы изучить документы и анализ кампании «Безопасность и Четвертый Интернационал», и факты и свидетельства, на которых эти заключения основаны. Ему следует занять собственную позицию лишь тогда, когда он изучит все детали исследования и окружающих это исследование противоречий.

2. Согласно Гусеву, я «виноват» в совместной долголетней работе с Джерри Хили. Я на это не могу и не пытаюсь возразить. Да, я сознаюсь в

том, что я многому научился от этого человека, который, несмотря на его дальнейшее перерождение, много десятилетий отважно и бескорыстно служил Четвертому Интернационалу. Не будет преувеличением сказать, что если бы не борьба Хили против разрушительных действий паблюстских приспешников сталинистской бюрократии, Международный Комитет сегодня бы не существовал. Мне следует добавить, что и сам Клифф Слотер был привлечен к Четвертому Интернационалу именно благодаря неиссякаемой энергии Хили в борьбе против сталинизма; Слотер был одним из тех, кого Хили рекрутировал из Британской компартии после того, как Хрущев разоблачил преступления Сталина в своем «секретном докладе» в 1956 году.

Несмотря на мое восхищение ролью Хили в течение этого долгого времени, к началу 1980-х годов я убедился, что политическая линия британской Рабочей Революционной партии, возглавляемой Хили, Майком Банда и Клиффом Слотером, с середины 1970-х годов все больше и опаснее склонялась к оппортунизму. В октябре 1982 г. я сформулировал мою критику теоретических понятий и политической линии британского руководства. Я пытался убедить британских руководителей согласиться с необходимостью обширной дискуссии внутри Международного Комитета о программе и перспективах. После того как он вначале согласился с моим призывом к дискуссии, Слотер затем сделал беспринципную закулисную сделку с Хили и принял саботировать такую дискуссию. Циничные маневры Слотера продолжались еще три года, аж до политического взрыва, потрясшего РРП летом и осенью 1985 г.

Событие, которое, наконец, вызвало политический кризис внутри РРП, явилось в форме внезапного открытия того, что Хили использовал свой политический авторитет для удовлетворения своей сексуальной похоти. Обстоятельства вокруг этого открытия были связаны со все более растущими внутрипартийными дразнами и склоками в верхних слоях руководства РРП. Когда эти новости были переданы Рабочей Лиге, мы выразили мнение, что злоупотребление своим политическим авторитетом со стороны Хили являлось лишь проявлением серьезного политического кризиса, коренившегося в длительном отходе руководства РРП от принципов троцкизма. Несмотря на наше отвращение личным поведением Хили, мы предупредили, что этот «скандал» не должен быть использован в целях сокрытия более фундаментальных теоретических и политических вопросов, лежащих в основе кризиса внутри РРП и Международного Комитета. В обсуждениях со Слотером и Банда в то время я напомнил им, что Хрущев и его приспешники создали миф «культ личности», чтобы предотвратить настоящее научное объяснение социальных и политических корней сталинизма. Я и другие члены Международного Комитета сказали Слотеру и Банда, что мы не согласимся с сенсационной эксплуатацией «сексуального скандала» вместо серьезного анализа роста оппортунизма внутри руководства РРП.

Но Слотер и Банда принялись именно за это. Они обратились к британской капиталистической прессе и дали газетам серию ярких и сочных историй о половых похождениях Хили. Внутри РРП насаждалась атмосфера истерии. Эта демонизация Хили явилась средством для предотвращения серьезной политической дискуссии о политике РРП, которая неминуемо привела бы к анализу политических позиций Клиффа Слотера и Майка Банда. Дело в том, что они хотели избавиться от Хили, но не от оппортунистской линии, которую РРП преследовала с середины 1970-х годов. В начале ноября РРП опубликовала статью Майка Банда, в которой он заявил, что единственный вопрос, затронутый расколом внутри партии — это «отношения между полами», и продолжил: «В первый и, возможно, в

последний раз, партия раскололась не из-за тактических или программных разногласий, а из-за самого основного вопроса революционной морали.

Эта высокопарная чепуха была опубликована на фоне трехлетней борьбы внутри Международного Комитета за то, чтобы начать дискуссии об обширном отходе РРП от программы и принципов Четвертого Интернационала. Гораздо важнее сексуального скандала являлись такие политические вопросы как приспособление РРП к сталинистской бюрократии и ее отход от стратегической линии перманентной революции. Когда РРП поняла, что Международный Комитет будет продолжать настаивать на настоящей политической дискуссии, Слотер и Банди начали свою подготовку к отколу от Международного Комитета. Они отвергли политический авторитет Международного Комитета на том основании, что он якобы отрицает новоявленную «революционную мораль».

Политика этой новой «революционной морали» скоро себя показала. На собрании Международного Комитета в декабре 1985 года Слотер и Пирали отказались голосовать за резолюцию, которая попросту призвала РРП повторить заново свою преданность борьбе против паблистского оппортунизма, которая является исторической основой Международного Комитета.

Безошибочные политические выводы этого голосования скоро проявились. В феврале 1986 года Слотер вызвал лондонскую полицию, чтобы не допустить членов РРП, сторонников Международного Комитета, к участию в партийном съезде. В течение нескольких месяцев после откола от Международного Комитета Банди покинул РРП и отрекся от своей пожизненной (более 35 лет) связи с троцкизмом, открыто заявив, что Сталин был одним из величайших революционеров XX-го века. Что же касается Слотера, то под его руководством РРП продолжила и углубила ту же оппортунистическую линию, которую она вела в годы, предшествовавшие расколу.

Весьма многозначительно, что группа Слотера никогда не пыталась написать документ, серьезно и систематически анализирующий кризис в РРП. Именно потому, что она не может объяснить политические причины событий 1985 года и ее бурный откол от Международного Комитета, РРП вынуждена полагаться на личные нападки и клевету. Такие методы не могут, конечно, ничему обучить марксистские кадры. Гусева набивают слухами и клеветой, но он не учит ничего путного, что помогло бы ему стать марксистом и построить секцию Четвертого Интернационала в России.

3. Что же касается сына Слотера, то мы назвали его «фашистом» не просто по причине того, что он затесался в драку после футбольного матча. Нет, он принимал участие в таких драках в рядах организованной фашистской группы. Среди близких сотрудников Патрика Слотера есть человек, которого антифашистские журналы называют как одного из ведущих расистских и фашистских провокаторов в Англии.

Существуют документы, детально освещающие все вопросы, которые вы затронули. Я вижу из ваших вопросов, что надо немедленно организовать систематический перевод документов Международного Комитета на русский язык. Внутри бывшего СССР мало известно о борьбе Троцкого против сталинизма; но еще меньше известно об истории Четвертого Интернационала после убийства Троцкого. Детальное понимание этой истории является необходимым основанием для построения секции Четвертого Интернационала в СНГ.

Между прочим, я рад сообщить, что перевод книги *«Наследие, которое мы защищаем»* скоро будет закончен; я вошло вам копию русского издания как только оно будет готово.

Я надеюсь, что вы получили копию приглашения на лекции, организованные Международным Комитетом в Киеве, высланную Петером. Как вы увидите, выбранные предметы схожи с теми, которые вы сами предлагали. Многие из вопросов, затронутых в нашем письме, будут подняты в ходе лекций и дискуссий. Мы искренне надеемся, что вы и ваши друзья будете на лекциях. Конечно, вы можете привести и других потенциальных сторонников Международного Комитета, при условии, что они показывают достаточно серьезное отношение в своем политическом настрое.

Наконец, примите мои теплые пожелания к Новому Году.

С товарищеским приветом,

Дэвид Норт

Письмо Норта к Волкову — 24. V. 93

Дорогой Владимир.

Я с удовольствием узнал, что вы приедете в Москву; это даст нам возможность обсудить следующий этап развития Международного Комитета в бывшем СССР. К сожалению, я смогу провести там всего несколько дней; но мы сможем наметить планы более обширной поездки позже.

По просьбе профессора В. Р. я согласился на двухчасовую встречу с Сергеем Биецом. Как вы понимаете, я не возлагаю больших надежд на эту встречу. Но я все же намерен провести ее весьма объективно, дать ему возможность высказать свое мнение и выслушать мнение Международного Комитета. Если он еще не совсем испорчен своими прошлыми политическими связями, то может быть, он останется восприимчив к принципиальным аргументам. Я бы очень хотел, чтобы вы приняли участие в этом обсуждении.

Спасибо за ваше письмо от 30 апреля. Я полностью согласен с вашим предложением составить обширный ответ на клевету Спартаковцев. Когда мы увидимся, мы обсудим эту группу в деталях; Спартаковцы представляют собой определенный социальный феномен. Где бы ни находились деморализованные, полудеклассированные, полупомпесские мелкобуржуазные элементы, вы можете быть уверены, что там можно найти сторонников тенденции Спартакист. В иные исторические периоды, когда рабочее движение существовало как могучая политическая сила, совершенно отличающаяся от сект мелкой буржуазии, такая сектантская группа как Спартакист не могла маскироваться как часть «рабочего движения». Скорее напротив, социальные элементы этого типа тяготели к фашистам. Как вы кажется заметили, «литературный стиль» Спартаковцев несет на себе зловонный запах сточной канавы.

Я начинаю с этого обозрения, так как чтобы понять течение Спартакистов, нужно понять странные социально-политические отношения послевоенного периода, породившие различные мелкобуржуазные течения, которые, несмотря на их радикальную фразеологию и претензии на марксизм, были в сущности глубоко реакционными.

Вдобавок к этому, важно понять политические корни Спартакистов. Джеймс Робертсон, которому сейчас 64 года, вступил в движение шахтмановцев в 1945 году. Это было пять лет после раскола между СРП и течением Бернана-Шахтмана-Эберна, течением, которое Троцкий определил как «мелкобуржуазный оппортунизм». В начале этой исторической фракционной схватки, выражающей собой историческую леху в истории Четвертого Интернационала, Троцкий описал чем отличается это

мелкобуржуазное течение: «пренебрежительным отношением к теории и склонностью к эклектике; неуважением к традиции собственной организации; заботой о личной 'независимости' за счет заботы об объективной истине; нервозностью, вместо последовательности; готовностью быстро перескакивать с одной позиции на другую; непониманием революционного централизма и враждебным отношением к нему; наконец, склонностью подменять партийную дисциплину круговыми связями и личными привязанностями». («Бюллетень оппозиции», № 82-83, февраль-март-апрель 1940 г., стр. 12).

Как и предвидел Троцкий, эволюция этого меньшинства после его беспринципного откола от СРП шла слева направо: теоретический лидер меньшинства, Бернам, быстро перешел в лагерь антикоммунистов и стал поддерживать идею «превентивной» ядерной войны против СССР (т. е. он говорил, что Соединенные Штаты должны уничтожить Советский Союз до того как последний построит собственную ядерную бомбу). Что же касается Шахмана, то его эволюция была несколько медленней. Но к 1945 году, как вы узнали из книги *"The Heritage We Defend"*, движение его «Рабочей Партии» направо полностью оправдало оценку Троцкого по отношению политического характера и эволюции шахтманизма. Для Голдмана и Морроу, требование воссоединиться с шахтмановцами явилось орудием их собственной капитуляции перед империализмом. Весьма значительно, что Робертсон вступил в шахтмановское движение именно в период, когда Социалистическая Рабочая Партия была занята в важной борьбе разработать программное значение раскола 1940 года. Следует подчеркнуть, что разгар борьбы против шахтманизма в 1945-46 гг. был тесно связан с пролетарским развитием СРП. Именно в этот период влияние СРП в рабочем классе достигло своей высшей точки. Шахтман сам признался, что его «Рабочая Партия» не могла завоевать успеха среди рабочих. Те, кто искал революционную альтернативу сталинизму, пошли в сторону СРП. С другой стороны, Шахтман получил поддержку среди циничных мелкобуржуазных студентов. Робертсон представлял эту категорию людей.

Робертсон провел более десяти лет в шахтмановском движении, и многие характеристики Спартаквистской группы ведут свое происхождение из этой длительной связи: подмена политического анализа слухами, навязчивый интерес к личности, истерический фракционализм, и т. д. Кроме того, отношение Робертсона к сталинизму является искаженной рефракцией позиции Бернама-Шахмана. Поверхностно, между ними фундаментальная разница: в то время как Шахтман и Бернам осуждали сталинизм вплоть до сотрудничества с империализмом против Советского Союза, Робертсон клеймит оппозицию к сталинизму как «антисоветскую». Но на более глубоком уровне, между этими вроде бы враждующими позициями существует фундаментальная связь. Самым важным аспектом позиции Бернама-Шахмана было то, что она приписывала советской бюрократии независимую историческую роль, роль предвестника нового эксплуататорского общества, непредвиденного Марксом и основанного на тоталитарной элите управленцев. Когда Робертсон наконец порвал с Шахтманом, он отверг лишь наиболее явные правые и проимпериалистические аспекты этой теории. Но он остался согласен с ее глубинной посылкой. Отрицая утверждение Шахмана, что сталинистская бюрократия создала новое «общество управленцев», Робертсон приписал сталинистам другую и гораздо более прогрессивную историческую роль — роль строителей социализма в СССР.

Это преобразование теории Шахмана не принадлежит Робертсону; ведь он не проявляет ни толики оригинальности даже в области ревизионизма.

Робертсон попросту перенял заключения, сделанные Мишелем Пабло за несколько лет до этого.

В мышлении Робертсона есть еще один элемент, который вырос из мирозерцания Бернама-Шахмана. В корне аргументов мелкобуржуазного меньшинства в 1939-40 гг. лежал глубокий и болезненный исторический пессимизм. Хотя Шахтман и отказывался это признать, в центре теории об «обществе управленцев» лежало понятие, что та историческая роль, которую марксизм предназначал пролетариату, была последнему не под силу. Согласно Бернаму-Шахману, Октябрь 1917 года открыл не эпоху мировой социалистической революции, а тоталитаризма управляющих. Доводя последствия этого до конца, Троцкий заметил: «Если принять, что причиной поражений являются социальные качества самого пролетариата, тогда положение современного общества придется признать безнадёжным» («Бюллетень оппозиции», № 79-80, август-сентябрь-октябрь 1939 г., стр. 6).

Именно потому что Робертсон отрицает историческую роль пролетариата он вымывает свое презрение к любому движению, которое в какой либо форме выражает попытку пролетариата выразить и продвинуть свои собственные интересы, независимые от интересов мелкой буржуазии и бюрократических «господ». Именно поэтому он инстинктивно осуждает все пролетарские движения против бюрократии, объявляя их «контрреволюционными».

Я надеюсь, что вы найдете эти предварительные замечания полезными.

Степным приветом,

Дэвид Норт

Национальный Секретарь

Открытое письмо приверженца Четвертого Интернационала к Саймону Пирани — 16. III. 1993

Владимир Волков является ведущим членом Челябинского бюро Четвертого Интернационала. Мы публикуем здесь его ответ на документы, посланные ему Саймоном Пирани, членом Рабочей Революционной партии. До настоящего времени (середина июля) товарищ Волков еще не получил ответа на его письмо.

Дорогой Саймон!

Я получал конверт с тремя экземплярами № 3 «*Интернационала*». Большое спасибо! Остальные товарищи также получили то, что им причиталось.

Не отвлекаясь в сторону, я хотел бы сразу же перейти к главному, что побуждает меня написать это письмо. Я уже начал оформлять документы для получения визы как некоторые обстоятельства заставляют меня на время приостановить эти приготовления. Мне хотелось бы срочно прояснить ряд вопросов, имеющих для меня принципиальное значение.

Вопросы эти целиком связаны с взаимоотношением между Рабочим Интернационалом и Международным Комитетом, с историей борьбы и раскола в Международном Комитете в 85—86 гг.

Вам хорошо известно, Саймон, что я никогда не пытался скрывать моих симпатий к МК. Однако, в той ситуации, когда мы здесь, в России, практически ничего не знали о внутрипартийной борьбе и истории Четвертого Интернационала за рубежом, всякие симпатии могли быть лишь более-менее случайными; во всяком случае, они не могли иметь под собой подлинно серьезного основания. Я с ранним доверием поэтому готов был слушать любого, кто заявлял себя в качестве представителя тенденции, претендующей на продолжение классической революционной традиции. Согласитесь, Саймон, — это было разумно и оправдано. Однако, прислушавшись к мнениям различных сторон, начинаешь со временем приходить к каким-то определенным выводам. В настоящий момент я хотел бы по-товарищески поделиться с Вами теми первыми выводами, к которым я пришел, и, может быть, сомнениями.

Итак, начнем с того момента, когда мы познакомились здесь, в Челябинске. К этому времени Алексей Гусев уже успел рассказать мне довольно много из того, что ставится в вину нынешнему МК и лично тов. Норт. Суть этих претензий в целом сводилась к следующему: Норт — опасный человек, это сектанин, скандалист; он вешает на людей ярлыки без разбора и, вообще, поступает в политике крайне неразборчиво. (Подобные характеристики в отношении Д. Норты дали мне также все остальные известные тогда в России группы, выступавшие от имени троцкизма: С. Биец, спартакисты и т.д.). Я пытался выяснить у Алексея политические причины, по которым необходимо отвергнуть Норту, но не получил ни малейших разъяснений.

И вот, Алексей звонит мне в Челябинск и говорит, что может приехать человек, который из первых рук расскажет, кто такой Норт. Я соглашаюсь. Вы приезжаете, Саймон, и делаете необходимые с Вашей стороны оценки. Мне думается, я не ошибусь, если передам Ваши слова следующим образом: на словах Норт говорит все правильно, но на самом деле он ведет себя не как троцкист. Его методы дискредитации политических оппонентов — сталинские; это есть результат давления сталинизма на троцкизм. Норт

поэтому нельзя верить на слово; троцкисты — это кто угодно, только не Норт.

Ниже я постараюсь затронуть упомянутые вопросы, а пока хочу напомнить, что по этому поводу я сказал в тот момент. Я сказал, что сообщения Ваши факты очень важны. Однако, во-1-х, они опять-таки не дают политической оценки линии Норты, во-2-х, все это так сильно расходится с тем, что я читал своими глазами, что у меня создается впечатление, что тот Норт, о котором Вы говорили, и тот Норт, которого я знаю по его работам, — разные люди. Я предложил тогда оставить вопрос открытым. Вы согласились, и на том мы расстались.

В документах, которые Вы нам затем присылали, на едином слове не рассказывалось о событиях, которые привели к расколу в МК в 85—86 гг., и не было сделано никаких попыток объяснить причины этого. Ознакомившись с документами, присланными Вами, я нашел их достаточно бесспорными, так как мне нечего было возразить против основных идей, изложенных в этих документах. Однако, мне не могло не броситься в глаза, что Рабочий Интернационал предстает в них как нечто, внезапно и неизвестно по каким причинам возникшее. Я могу теперь с некоторым основанием предположить, что Вы и не ставили перед собой задачу дать ясную и исчерпывающую картину кризиса в МК 85—86 гг.

Тем сильнее оказалось мое удивление, когда, приехав на семинар, организованный в Кисе МК, я обнаружил настойчивое стремление тов. Норты продемонстрировать в мое распоряжение любые материалы, относящиеся к последнему кризису в МК. Как не подумать в такой ситуации: вероятно, в отличии от других, Норту нечего скрывать! Как бы то ни было, только здесь я в первый раз услышал политические объяснения кризиса 85—86 гг.

Я внимательно ознакомился с частью документов, относящихся к этому вопросу. Разумеется, все так быстро невозможно. Однако, Саймон, Вы должны согласиться, что существует некая критическая черта, некий порог насыщения, когда вещи начинают проясняться, и из случайных кусков начинает возникать целостная картина.

Вот какое представление сложилось у меня об имевших место событиях.

К нач. 80-х гг. политическая линия WRP подверглась сильной эрозии, что было связано, в немалой степени, с отходом от классовой оценки ближневосточных режимов с точки зрения интересов мирового рабочего класса. Политическая деградация WRP нашла свое выражение также и в личной деградации Хили, что вскрылось летом 85 г. Когда стало ясно, что скандал не удастся замаять, фракция большинства WRP, руководимая Бандой и Слотером, решила избавиться от Хили и его сторонников. Слотер и Банда не хотели, однако, открывать дискуссии по выяснению политических причин, лежащих в основании скандала, ибо полностью разделяли политику, которую проводил Хили. Отсюда родился тезис о том, что кризис связан с проблемами «революционной морали», но отнюдь не с проблемами партийной стратегии и тактики. Вот подлинные слова, сказанные Бандой: «В первый и, возможно, в последний раз партия раскололась не в тактических и программных вопросах, а в самом основном вопросе революционной морали» (*"News Line"*, November 1985; *"Fourth International"*, vol. 13, No 2, Autumn 1986, p. 55). Как дополнение к этому и в противоположность этому родился, на мой взгляд, также тезис о том, что кризис охватил все без исключения секции МК, а не только WRP.

Та часть МКЧИ, которую возглавил тов. Норт и которая стремилась выявить политические корни истории с Хили, поставила под угрозу то положение, которое занимали в руководстве WRP и МК Слотер и Банда. Чтобы оградить себя от честного и принципиального партийного анализа,

последние вынуждены были прибегнуть к действиям, чуждым духу интернационального революционного движения. (Я имею в виду в данном случае ситуацию, возникшую 8 февраля 86 г. при открытии 8 Конгресса WRP, когда британская полиция охраняла здание, где проходил Конгресс, от сторонников Норта в WRP).

Раскол был неизбежен, и он состоялся. Вопрос теперь состоит в том, чтобы понять его причины и извлечь из него уроки.

МКЧИ достаточно много написал по этому поводу. Выставила ли что-либо подобное противоположная сторона? Я могу, по крайней мере, констатировать, что Рабочий Интернационал явно не стремится лишний раз возвращаться к этим событиям.

РИ полностью отказывается в тех документах, которые он предлагает как основополагающие, определять, откуда он произошел, какую традицию продолжает. Речь всегда начинается с того, что надо строить ЧИ, но куда при этом девается более чем 40-летняя послевоенная история ЧИ? Вероятно, на это можно возразить, что вопрос истории — это вопрос истории, не более того. История внутрипартийной борьбы — это, несмотря на всю важность, второстепенный вопрос по сравнению с вопросами текущего движения. В какой-то степени я готов согласиться с подобным мнением. Но вопрос, на самом деле, много сложнее. Можно ли, вообще, рассматривать текущее движение в отрыве от его истории?

Я позволю себе сделать небольшое отступление и проиллюстрировать мою мысль одним классическим примером. Гегель во введении к своим лекциям по истории философии, пытаясь дать дефиницию философии, пришел к выводу, что определить философию — значит изложить ее историю. Наоборот, история философии дает нам одновременно ее предмет и определение. То и другое есть одно и то же. «Мы в истории философии», — пишет Гегель, — имеем дело с самой философией. Деяния, которыми занимается история философии, так же мало представляют собой приключения, как мало всемирная история лишь романтична; это не просто собрание случайных событий, путешествий страстных рыцарей, которые сражаются и несут труды бесцельно и дела которых бесследно исчезают; и столь же мало здесь один произвольно выдумал одно, а там другой — другое; нет: в движении мыслящего духа есть существенная связь, и в нем все совершается разумно» (Гегель, *«Лекции по истории философии»*, Соч. т. IX, Москва, 1932, с. 25).

Резюме Гегеля: «изучение истории философии есть изучение самой философии» (там же, с. 35). Я не настолько плохого мнения о революционном социалистическом движении, чтобы считать неприменимым к нему то, что считал применимым к философии Гегель. Я полагаю, что изучение истории революционного движения есть изучение самого революционного движения, его внутренней сути, содержания, его политической стратегии и тактики.

На этом основании я считаю не только желательным, но просто необходимым изучение борьбы и раскола в ЧИ, ибо они выражают не только и не столько борьбу личных амбиций, но коренные сдвиги в глубоких пластах социальных отношений.

Следует также добавить к этому, что революционная мысль по определению своему развивается в непрестанной борьбе с ревизионизмом и оппортунизмом. Эту мысль Вы и сами, Саймон, высказали в статье по истории ЧИ. Вы сказали там, что «преemptивность марксизма в ЧИ обеспечивалась в той мере, в какой против ... ревизионизма велась борьба». Здесь между нами, стало быть, полное согласие. На как объяснить в свете этого нежелание Рабочего Интернационала заводить речь о последнем

факте раскола, который ведь, собственно, и лежит в основе идеи создания РИ?

Я хотел бы теперь коснуться темы о «сталинистских методах» в политике, которые Вы приписываете Норту. Что, по моему мнению, представляют из себя эти методы? Во-первых, применение в политике грязных, преступных с моральной (а часто, и юридической) точки зрения приемов, как то: подслушивание телефонных разговоров, распускание заведомо лживых слухов и т.п. Занимался ли этим Норт? Думаю, ответ здесь будет предельно категоричен — нет.

Во-вторых, сталинизм есть постоянное фальсифицирование истории и переписывание ее применительно к нуждам текущего момента. Сталинизм есть отрицание всякой исторической преемственности, всякой исторической связи, всякой ответственности за прежние слова и обещания. Другими словами, сталинизм есть полное отрицание историчности. Можно ли упрекнуть за это тов. Норта, вся позиция которого пронизана историзмом насквозь? С другой же стороны, подобный упрек напрашивается несколько в отношении РИ, ибо он явно не торопится открыть тайну своего появления на свет.

В-третьих, необходимым признаком сталинистских методов в политике следует считать стремление лишь прикрываться принципиальными соображениями, в то время как на самом деле проталкиваются совершенно не связанные с этим интересы карьеры, личного успеха и т.п. Можно ли всерьез обвинять в подобных наклонностях тов. Норта — об этом я не берусь судить, хотя бы потому, что это чересчур уж расходится с тем представлением, какое сложилось у меня о тов. Норте при нашем личном знакомстве.

Я, конечно, не ставлю себе задачей охватить все возможные признаки того, что можно было бы подвести под рубрику «сталинистских методов». Но я не вижу возможности приписывать хотя бы перечисленные свойства тов. Норту. Если и иметь кого-то в виду, то кого-то другого. Я не вижу, таким образом, базиса под теми аргументами, которые Вы выставляете против Норта. Может быть, я ошибаюсь? Но тогда развеите мои заблуждения! Во всяком случае, одного голого указания на «методы» Норта маловато.

Пытаясь разобраться в ситуации, я прихожу к убеждению, что из кризиса 85—86 гг. победителем вышел МК, и, таким образом, с ним следует связывать право на продолжение исторической преемственности ЧИ. Я вижу при этом также, что Рабочий Интернационал, для того, чтобы каким-то образом оправдать свою легитимность, вынужден ставить под сомнение существование исторической преемственности ЧИ и МК, ибо только в этом случае становится оправданным отход от этой преемственности. Читая Вашу статью, Саймон, посвященную послевоенному развитию ЧИ до 53 года, я вижу в ней стремление представить положение дел в движении как уже сильно деградировавшее к 48-му году. Сопоставляя эти оценки с анализом, произведенным в работе Д. Норта *«Наследие, которое мы защищаем»*, я склоняюсь на сторону Норта. Борьба, которую вел в ЧИ Дж. П. Каннон, позиции, отстаиваемые до начала 50-х гг. Пабло и Манделем, не позволяют считать, что ЧИ отошел от исторической преемственности марксизма или сделал это в ближайшие несколько лет. Разумеется, я далек от мысли представлять дело без единого сучка и задоринки. Напротив, оппортунизм глубоко проник в послевоенное время в ЧИ, однако это все же не может отменить того, на мой взгляд, неоспоримого факта, что историческая преемственность марксизма не прерывалась на мировой арене. Эта историческая преемственность идет через *«Открытое письмо»* 53 г., отказ от воссоединения с Манделем в нач. 60-х гг., наконец, через борьбу

против оппортунизма и ревизионизма в МКЧИ, нашедшую свое наивысшее выражение в сер. 80-х гг.

Поскольку Рабочий Интернационал возник как следствие поражения руководства WRP в МК в 85—86 гг., ему неудобно напоминать о борьбе против оппортунизма и ревизионизма, которая велась в ЧИ в послевоенное время. Это до некоторой степени сближает его с «27 причина» Банды, в которых историческая преемственность троцкизма послевоенного периода полностью отрицается.

Я, как человек, только недавно столкнувшийся с мировым троцкистским движением и у которого еще не притупилась острота восприятия, никак не могу согласиться с мыслью, что у ЧИ нет наследия, которое он пронес сквозь все время своего существования, защитил его, сохранил и развил. ЧИ, несомненно, обладает наследием, которое следовало бы защищать. Это особенно ценно нам, здесь, в России, тем, кому пришлось долгие годы находиться в изоляции под гнетом дряхлеющего сталинистского режима, кто вынужден был скрывать свои убеждения и взгляды, ибо истинно сказано: марксизм был в Советском Союзе запрещенным образом мысли.

Здесь, в России, нам потребовалось приложить много усилий для того, чтобы, противостоя изоляции и давлению со всех сторон в эпоху краха мировых сталинистских порядков, найти связи с мировым революционным движением. Те из нас, кто нашел в себе силы связать себя с этим мужественным, опасным, но и в высшей степени благородным делом, пришли в движение не по расчету, а по глубокому убеждению и непреодолимой внутренней потребности. Наше естественное стремление состоит в том, чтобы примкнуть к тому лучшему, что сохранило в себе мировое социалистическое движение. Мы хотим присоединиться к наследию, которое оставили нам поколения мужественных борцов, овладеть им, а не отвергать их героический и поучительный опыт.

Мы искали исторической преемственности марксизма, и мы увидели, что она существует. Рабочий Интернационал в своих документах предлагает нам фактически не замечать всей послевоенной истории ЧИ, он признает безоговорочно «наследие» только до Переходной Программы 38 года и включая ее. Я полагаю, это ошибка.

Можно возразить, пожалуй, что, быть может, победителем в борьбе внутри МКЧИ в 85—86 гг. вышел все-таки не Норт. Хорошо, допустим, что так. Но тогда объясните, Саймон, как мне расценивать слова, сказанные Вами в тот период и которые, надо полагать, были произнесены не случайно? Они цитируются в Резолюции ЦК Рабочей Лиги от 27 января 1986 г.: «Из всех вредных заблуждений большевизма, которые расхваливала WRP, самой опасной была мысль, выраженная в резолюции 6-го Конгресса: 'Одной из основных предпосылок революционной партии и ее прессы, это необходимость внести революционное сознание в рабочий класс извне'» (*The Fourth International*, vol. 13, No 2, Autumn 1986, p. 126).

Я всегда полагал, что концепция о необходимости внесения социалистического сознания в стихийное рабочее движение есть один из краеугольных камней революционного марксизма. Я не понимаю, каким образом можно было бы посчитать эту идею утратившей актуальность. Это та часть «наследия», которую я, во всяком случае, беру под свою безусловную защиту. Может быть я ошибся, сказав, что РИ полностью принимает «наследие» по 38 год включительно? Может быть РИ не устраивает кое-что также и из более ранних завоеваний марксизма? Если это так, Саймон, то тогда мы говорим на разных языках. Но я надеюсь, что это не более как какое-то досадное недоразумение.

Попытаюсь резюмировать все сказанное:

1. Я не вижу того, что можно было бы инкриминировать Д. Норту в качестве «сталинистских методов». Я не понимаю, каким образом его личная борьба, равно как и борьба МК в целом за преемственность основополагающих принципов марксизма может быть расценена как результат «давления сталинизма на троцкизм».

2. Мне непонятно, что именно стремится «восстанавливать» Рабочий Интернационал. Должно ли понимать слова о «восстановлении» в качестве признания того, что ЧИ оказался погребен сталинизмом в результате раскола 85—86 гг.? Или следует понимать их в том смысле, что ЧИ фактически полностью переродился уже в первые послевоенные годы? Ни первое, ни второе утверждение не является, на мой взгляд, правомерным.

3. Рабочий Интернационал возник как результат раскола с МКЧИ. Он должен дать поэтому максимально исчерпывающие объяснения этому событию, раскрыть причины того, почему необходимо было создавать РИ. Для того, чтобы представлять из себя нечто серьезное, РИ должен определить свои исторические корни, показать, продолжением каких традиций он является, «какое наследие он защищает». Никакой ясности по этим вопросам я в документах РИ не обнаружил. У меня есть все основания считать такую позицию РИ не случайной, а целенаправленной.

Я дал согласие на участие в конференции РИ не в малой степени потому что никаких предварительных условий выставлено не было. Тем в большей степени этический долг требует от меня предварительного заявления о тех представлениях и сомнениях, которые я счел себя не вправе скрывать, и которые возникли у меня уже после того, как я дал согласие на участие в конференции.

Может быть у РИ имеются какие-либо материалы, которые остались вне сферы моего внимания и которые позволили бы мне переменить свою точку зрения? Я с большой охотой хотел бы получить их как можно скорее. Но в настоящий момент я вынужден сказать, что не нахожу возможным принять участие в конференции РИ. Вместе с тем я приношу свои извинения организаторам за причиняемые неудобства.

Я считаю свое решение основанным на стремлении базироваться на принципиальных соображениях. Поэтому я, безусловно, поставлю о нем в известность моих друзей и изложу причины, заставляющие меня так поступать.

С нетерпением жду скорейшего ответа.

С социалистическим приветом,

Владимир Волков

Провокация Клиффа Слотера

В феврале 1986 г. Рабочая Революционная партия под руководством Клиффа Слотера провела беспринципный раскол с Международным Комитетом Четвертого Интернационала. Ни тогда, ни в последующие годы РРП не пыталась объяснить его политические основания. Вместо этого, она прибегла к грубым провокациям, направленным на отвлечение внимания от своей оппортунистической политики. Одна такая провокация — физическое нападение Клиффа Слотера на двух членов Интернациональной Коммунистической партии, британской секции МКЧИ — является темой следующих документов. Мы включаем ниже заявление ИКП, описывающее это нападение, а также официальное письмо секретаря Международного Комитета, Петера Шварца, протестующее против этой атаки. До настоящего времени ответа на письмо товарища Шварца получено не было.

Лидер WRP Клифф Слотер нападает на британских троцкистов²³

Заявление Политического комитета Международной Коммунистической партии

Политический секретарь Рабочей Революционной партии, Клифф Слотер, яростно напал на двух членов Международной Коммунистической партии.

В пятницу, 2 апреля, Крис Марсен, редактор газеты *"International Worker"*, продавал газету ИКП на демонстрации горняков в Барнсли. Примерно в четверть первого к нему сзади подошел Клифф Слотер и, без какого-либо предупреждения, схватил его за воротник пиджака и ударил в лицо.

Узнав влетчика, Марсен остался спокоен и отказался вступить в драку, на которую, вероятно, провоцировал Слотер. Вместо этого он обернулся к пораженному прохожим, глядевшим на это нападение, и громко назвал имя и политическую принадлежность разбойника.

Тогда Слотер отошел и попытался оправдать свои действия, рассказывая окружающим, что Марсен назвал его сына, Патрика Слотера, фашистом. Затем он вырвал брошюру из рук Марсена и сказал: «Я тебя убью. В другой раз я тебя убью».

В этот момент другой молодой член ИКП, Роберт Скелтон, громко крикнул: «Вот как Клифф Слотер отвечает своим политическим противникам». В ответ Слотер ударил молодого человека в левую половину лица, сбив его очки на землю.

Дальнейшие выходки со стороны Слотера были остановлены прохожими, которые вынудили его уйти. Несколько свидетелей, находясь в негодовании по поводу происшедшего, дали Марсену свои имена и адреса, сказав, что они согласны, если придется, дать показания на суде.

Вскоре после того, как Слотер ушел прочь, произошло следующее. Человек с сжатыми кулаками подошел к Марсену. Он назвал себя Патриком Слотером и сказал: «Я уже три или четыре года жду тебя. Ты в своей газете назвал меня фашистским разбойником. А ну, повтори мне это в лицо!»

Марсен ответил: «Я вообще с вами говорить не хочу». Увидев приближение полицейского, Патрик Слотер угрожал: «Ты трус. Ты за это расплатишься».

²³ Статья переведена из номера *"International Workers Bulletin"* за 12 апреля 1993 г.

Меня не забудут. Мы это запомним». Затем он отошел к ближайшему эскалатору и поднялся вверх, где он присоединился к Клиффу Слотеру.

Провокации Слотера против ИКП

Физические атаки со стороны Слотера с помощью его сына являются лишь последним словом в долгой цепи провокаций со стороны вожды Рабочей Революционной партии против ИКП, последовавшей за арестом и осуждением Патрика Слотера по уголовному обвинению, связанному с его участием, вместе с известными фашистами, в насилие во время футбольных матчей. Патрик Слотер был арестован в 1988 году вместе с группой футбольных хулиганов, известных под именем «Армия Пара» (от слова *paratrooper* — парашютист), в которую проник полицейский агент. Судебный процесс установил связь молодого Слотера с этими фашистами и его участие в физических нападениях. Сам Слотер руководил одной дракой с негритянской молодежью в г. Балхам (Balham).

Среди соседей Слотера на скамье подсудимых был некий Дэвид Браун, описанный в антифашистском журнале *"Searchlight"* как «ведущий сторонник Национального Фронта в г. Лидс» и «сам себя называющий расистом и сторонником нацистского Национального Фронта», который «нападал на негров во время многих жестоких драк».

Патрик Слотер не пытался отторгнуться от других подзащитных. Кроме того, он не пытался защитить себя и отказался взять слово в свою защиту.

РРП не открыла публичной кампании защиты Патрика Слотера. Она лишь мельком заметала в своей газете о его аресте и осуждении. Напротив, РРП отрицала, что арест Патрика Слотера представлял из себя правительственное нападение на партийную организацию. РРП ни разу не призвала открыто и официально к освобождению Слотера или к его оправданию и не опубликовала ни одного документа, называющего этот процесс фальшивым.

РРП и сам Клифф Слотер писали об этом процессе лишь в целях организации провокаций против ИКП и Международного Комитета Четвертого Интернационала.

Это факт, что Международный Комитет даже не писал ничего об этом процессе до тех пор, пока МК не стал сам мишенью желчных обвинений, для которых этот процесс просто послужил предлогом. Что касается МК, то он не заинтересован превратить затруднения сына Слотера в какую-то политическую битву. Наоборот, если бы РРП ответила принципиальной политической кампанией на арест и процесс над Патриком Слотером, кампанией, которая доказала бы, что он не имел никаких связей с Брауном и другими фашистскими подзащитными, то ИКП и МКЧИ несомненно и беспрестанно поддерживали бы сына Клиффа Слотера, независимо от политических разногласий между нами и Рабочей Революционной партией.

Но в номере *"Workers Press"* за 9 июля 1988 г. Слотер опубликовал заявление, осуждающее ИКП как «отвратительную кучку провокаторов», которая «обзывает Патрика Слотера расистом и фашистом». Тогда МКЧИ был вынужден ответить на это грязное нападение, хотя мы уже тогда понимали, что Слотер использует суд над своим сыном в целях политической провокации и отвлечения внимания.

В *"Workers Press"* за 29 октября 1988 г. Слотер опубликовал письмо против ИКП, призывавшее «все рабочие организации ... объявить группу Норта (Дэвид Норт является Национальным Секретарем Рабочей Лиги США) исключенной из рабочего движения». (Весьма значительно, что это

письмо было датировано 11 июня 1988 г., т. е. оно было написано за два месяца до первого публичного заявления МКЧИ об этом деле).

Кампания с целью исключить ИКП и МКЧИ из участия в рабочих собраниях в Англии сопровождалась повторными физическими нападениями на членов ИКП со стороны самого Клиффа Слотера, играющего роль «раздраженного и метящего отца», который не отвечает за свои действия. До происшествия в Барнсли самый серьезный инцидент имел место возле Рабочего Клуба г. Лидс в июле 1989 года, когда Слотер ударил кулаками и лягал ногой члена ИКП.

Что скрывается за этими провокациями?

Ни один политически серьезный человек не подумает, что поведение Слотера может быть объяснено как вспышка злости со стороны потрясенного отца. Даже если бы мы признали, что его сын явился жертвой судебного подлога и беспринципного очернения со стороны бессовестных врагов, опытный политический руководитель не позволил бы себе отвечать на них дракой и ругательствами. Нет, согласно традициям социалистического движения, он обнажил бы этот подлог и фактами опроверг своих клеветников.

Но действия Слотера являются операцией провокатора. Он цинично использует злоключение своего сына как предлог для инсценировки провокаций в целях: 1) отвлечь внимание от политических противоречий и кризиса в его собственной организации, и 2) создать условия для атак на ИКП и МКЧИ.

Нетрудно представить себе, как Слотер использовал бы инцидент в Барнсли, если тов. Марсден ответил бы ударом на удар.

Для тех, кто вблизи наблюдает положение внутри РРП, вовсе не секрет, что организация Слотера погрязает во все более глубоком политическом кризисе. Почти восемь лет после того как Слотер, в союзе с правыми паблюдистами и сталинцами, беспринципно порвал с Международным Комитетом, РРП и ее фальшивая «интернациональная» вывеска, «Рабочий Интернационал за Четвертый Интернационал», погрязли в жестоких политических диспутах.

Вся история РРП, начиная с кризиса 1985—86 гг., является серией расслабляющих и политически неясных расколов. Один за другим практически все коллабораторы Слотера в его беспринципной борьбе против Международного Комитета — Майк Бэнда, Дэвид Гуд, Дэвид Брюс, Крис Бэйли, Джерри Даунинг, Сайрил Смит и Билл Хантер — оставили РРП. Сотрудничая вначале со Слотером в его попытках уничтожить Международный Комитет, они вскоре оставили его компанию и перешли к сталинцам, или вступили в ту или иную паблюдистскую или реформистскую группу, или вообще отошли от политики.

Попытки Слотера создать «интернациональную» центристскую группировку, — чтобы затруднить поворот революционных социалистов к Международному Комитету, — потерпели крах из-за его неспособности объяснить свою собственную роль в дегенерации Рабочей Революционной партии между 1973 и 1985 годами, или объяснить ключевые события 1985—86 гг.

Инцидент в Барнсли является намеренным и провокационным политическим трюком, который был инсценирован Слотером, чтобы отвлечь внимание от политических вопросов, которые он не может разрешить принципиально.

Рабочая Революционная партия обязана положить конец провокациям Слотера.

Письмо Петера Шварца Центральному Комитету Рабочей Революционной партии

Эссен, 10 мая 1993 г.

Товарищи!

Международный Комитет Четвертого Интернационала протестует против неспровоцированного физического нападения вашего политического секретаря, Клиффа Слотера на Криса Марсдена, редактора газеты "International Worker". Когда Марсден продавал газету "International Worker" на демонстрации горняков в Барнсли 2 апреля, Слотер подошел к нему сзади и внезапно ударил его в лицо. Спустя несколько минут еще один член ИКП, Роберт Скелтон, также подвергся физическому нападению со стороны Слотера. Полное сообщение об этих событиях было напечатано в заявлении Политического Комитета Международной Коммунистической партии в номере ее газеты "International Worker" за 17 апреля и в прессе всех других секций МКЧИ.

Как вы хорошо знаете, физические нападения на политических противников совершенно несовместимы с наиболее элементарными демократическими принципами рабочего движения и угрожают ему огромными опасностями. Ваша обязанность состоит в дисциплинировании Слотера и его вразумлении. Если вы откажетесь от этого, вы разделите полную ответственность за его провокационное поведение и будете держать за это ответ.

События 2 апреля являются лишь последним примером физических провокаций против членов нашей британской секции. Один из наиболее серьезных таких случаев имел место в июле 1989 года, когда Слотер ударил и лягул ногой члена ИКП возле дверей в профсоюзный клуб в г. Лидс. В этом случае, как и во всех остальных, Слотер оправдывается тем, что ИКП и МКЧИ якобы оклеветали его сына Патрика.

Не нам напоминать вам, что ни ИКП, ни МКЧИ не виноваты в том, что Патрик Слотер был арестован и осужден по обвинению, связанному с его общением с фашистскими хулиганами, которые нападают на негритянскую молодежь во время футбольных матчей. Наоборот, вы хорошо знаете, что Слотер использует судебные затруднения своего сына именно в целях иметь причину нас осуждать. Одним из доказательств этого является тот факт, что вы сами, т. е. Центральный Комитет РРП, никогда не заявляли о невинности Патрика Слотера и не пытались публично организовать его защиту. Вы никогда не оспаривали обвинения против него, составившие основу для его судебного осуждения. Когда известные антифашистские и буржуазные газеты и журналы как "Searchlight", "Leeds Other Paper" и "Yorkshire Post" красочно описали крайне правую деятельность Патрика Слотера, РРП, включая и Клиффа Слотера, не сказали ни слова. А когда вы поднимаете голос об этом деле, то всегда лишь в связи с нападениями на ИКП и МКЧИ. Следует ли еще один раз констатировать факт, что первое провокационное осуждение со стороны Слотера по адресу ИКП и МКЧИ произошло еще до того как мы что-либо написали об этом вопросе?

Все это доказывает, что хулиганские выпады Клиффа Слотера, включая и эту последнюю, вовсе не побуждены неприятностями его сына Патрика. Наоборот, его провокации приурочены к фракционным целям, связанным с проблемами, вызванными его беспринципной политикой. Перед лицом какого-либо кризиса в рядах своей собственной организации, он, как обычно, мутит воду какой-нибудь новой провокацией. В 1985—86 гг. мы снова и снова наблюдали этот modus operandi Слотера.

В октябре 1985 года, в целях отравить атмосферу в партии и предотвратить обсуждение политических причин кризиса в РРП, он обвинил сторонников меньшинства партии под руководством Торрэнс и обоих Рэдгрэвов в том, что они «полуфашисты». И это после того как Политический Комитет под его руководством в течение трех месяцев подавлял расследование злоупотреблений Хили властью, — расследование, которое было затем использовано для оправдания немедленного раскола.

А как только Слотер убедился, что МКЧИ не даст ему возможность избежать обсуждения политических причин, стоящих за дегенерацией РРП, включая и его собственную роль в этом, он возбудил кампанию провокаций и поклепов против Международного Комитета и его секций. В декабре 1985 года, перед началом заседания, на котором МКЧИ намеревался проверить документы, связанные с коррумпированными отношениями РРП с буржуазными режимами Ближнего Востока, Слотер, в ниглой попытке сорвать это заседание, как дурак угрожал Дэвиду Норту кулаками. А несколько недель спустя он дал распоряжение применить физические меры против ведущих сторонников МКЧИ внутри РРП под руководством Дэйва Хайленда.

Провокации Слотера достигли своей максимальной точки в печально известном номере газеты *"Workers Press"* за 7 февраля 1986 года. Всего 24 часа до начала 8 Конгресса РРП, *"Workers Press"* напечатала передовую статью, клеветническую на ведущих представителей Международного Комитета и его сторонников внутри РРП. Вы все знаете, что случилось дальше. Произошло что-то, не имеющее прецедентов в истории троцкистского движения: Слотер позвал полицию, чтобы не допустить членов интернационалистского меньшинства к участию в конгрессе своей партии.

Слотер нуждался в этих провокациях потому, что они являлись его единственным способом сохранять контроль над партией. Если бы на Конгрессе разрешили настоящее обсуждение, фальшивое большинство Слотера развалилось бы на куски. В конце концов, кто составлял это «большинство»? Сталинизм, вроде Дэйва Гуда, престаилинские буржуазные националисты, наподобие Майка Банды, открытые паблоисты, как Сайрил Смит, и бесформенное сборище мелкобуржуазных радикалов, как Дэйв Брюс, Чарли Брандт, Ник Бэйли и Джерри Даунинг. Все эти личности, как и многие другие, очень скоро после раскола с МКЧИ, оставили РРП. Гуд позже вступил (вернее, снова вступил) в Коммунистическую партию. Майк Банда по дороге из РРП объявил, что Сталин являлся величайшим марксистом XX-го века!

У нас имеется достаточно опыта, чтобы понять, что последняя выпадка Слотера против ИКП, — сколь бы сумасшедшей она ни казалась на первый взгляд свидетелям в Барнсли, — несомненно связана с углубляющимся политическим кризисом внутри РРП и «Рабочего Интернационала». По всей вероятности, внутри РРП идет какая-то фракционная борьба и происшествие в Барнсли было намеренно спровоцировано Слотером, чтобы смешать карты и создать нездоровую атмосферу для расправы над своими противниками.

Вы можете лучше всех судить о причинах, побудивших Слотера. Но независимо от этих причин, вы обязаны призвать Слотера к порядку и контролировать его. Организация, которая терпит такого индивидуала в своих рядах, а тем более в руководстве, позволяет использовать себя в глубоко реакционных целях.

Я ожидаю вашего ответа.

С дружественным приветом,

Петер Шварц - секретарь МКЧИ

Л. Д. Троцкий в своем кабинете в 1933 году.

Из архива Льва Троцкого: статьи о фашизме в Германии

Трагедия немецкого пролетариата.²⁴

Немецкие рабочие поднимутся, сталинизм — никогда!

Самый мощный в Европе по своей производственной роли, по своему социальному весу, по силе своих организаций пролетариат не оказал никакого сопротивления приходу Гитлера к власти и первому бешеному натиску на рабочие организации. Таков факт, из которого нужно исходить в дальнейших стратегических расчетах.

Было бы, конечно, бессмыслицей, думать, что дальнейшее развитие Германии пойдет по итальянскому пути: что Гитлер шаг за шагом будет упрочивать свое господство, без серьезного сопротивления; что немецкому фашизму предстоит долгие годы господства. Нет, дальнейшую судьбу национал-социализма надо будет выводить из анализа немецких и международных условий, а не из голых исторических аналогий. Но одно несомненно уже сейчас: если с сентября 1930 года мы требовали от Коминтерна брать для Германии короткий прицел, то теперь приходится перестраиваться на политику дальнего прицела. Прежде чем возможны станут решающие бои, авангард немецкого пролетариата должен будет ориентироваться заново, т.е. ясно понять то, что произошло, распределить ответственность за большое, историческое поражение, наметить новые пути и таким образом вернуть себе доверие к самому себе.

Преступная роль социал-демократии не нуждается в комментариях: Коминтерн был создан 14 лет тому назад именно для того, чтоб вырвать пролетариат из-под деморализующего влияния социал-демократии. Если, однако, это до сих пор не удалось, если немецкий пролетариат оказался на величайшем историческом испытании бессильным, безоружным, парализованным, то в этом прямая и непосредственная вина послеленинского руководства Коминтерна. Это первый вывод, который надо сделать немедленно.

Под вероломными ударами сталинской бюрократии левая оппозиция сохраняла верность официальной партии до конца. Большевики-ленинцы разделяют сейчас судьбу всех других коммунистических организаций: наши кадровые работники арестовываются, наши издания запрещены, наша литература конфискована; Гитлер поспешил закрыть даже «*Бюллетень Оппозиции*», выходящий на русском языке. Но если большевики-ленинцы, наравне со всем пролетарским авангардом, несут на себе все последствия первой серьезной победы фашизма, то они не могут и не хотят нести на себе ни тени ответственности за официальную политику Коминтерна.

С 1923 года, т.е. начала борьбы против левой оппозиции, сталинское руководство из всех сил, хоть и с другого конца, помогало социал-демократии, чтоб сбить, запутать и обессилить немецкий пролетариат: оно сдерживало и тормозило рабочих, когда условия диктовали смелое революционное наступление; объявляло революционную ситуацию впереди, когда она уже осталась позади; заключало союзы с фразерами и болтунами

²⁴ «*Бюллетень оппозиции*», №34, май 1933 г.

из мелкой буржуазии; ковыляло бессильно в хвосте социал-демократии под видом политики единого фронта; провозглашало «третий период» и борьбу за овладение улицей в условиях политического отлива и слабости компартии; заменяло серьезную борьбу скачками, авантюрами или парадом; изолировало коммунистов от массовых профессиональных союзов; отождествляло социал-демократию с фашизмом и отказывалось от единого фронта с массовыми рабочими организациями пред лицом наступающих банд национал-социализма; саботировало всякую инициативу единого оборонительного фронта на местах, — и в то же время систематически обманывало рабочих относительно действительного соотношения сил, искажало факты, изображало друзей, как врагов, и врагов, как друзей, и все туже и туже сжимало партии горло, не позволяя ей свободно дышать, ни говорить, ни думать.

Из необъятной литературы, посвященной вопросу о фашизме, достаточно сослаться на речь официального вождя немецкой коммунистической партии, Тельмана, который на пленуме ИККИ, в апреле 1931 года, следующими словами разоблачал «пессимистов», т.е. людей, умевших заглядывать вперед: «Мы не дали паническим настроениям сбить нас с пути... Мы трезво и твердо установили, что 14 сентября (1930) было, в известном смысле, лучшим днем Гитлера, и что дальше последуют не лучшие, а худшие дни. Та оценка, которую мы давали развитию этой партии подтверждена событиями... Сегодня у фашистов уже нет повода смеяться». Ссылаясь на то, что социал-демократия создает свои оборонительные отряды, Тельман доказывал в той же речи, что эти отряды ничем не отличаются от боевых отрядов национал-социализма, и что они одинаково подготовляются для разгрома коммунистов.

Тельман ныне арестован. Пред лицом торжествующей реакции большевики-ленинцы стоят с Тельманом в одном ряду. Но политика Тельмана есть политика Сталина, т.е. официальная политика Коминтерна. Именно эта политика является причиной полной деморализации партии в минуту опасности, когда вожди теряют голову, отученные думать члены партии впадают в прострацию и величайшие исторические позиции сдвигаются без боя. Ложная политическая теория в себе самой несет свою кару. Сила и упорство аппарата только увеличивают размеры катастрофы.

Сдав врагу все, что можно было сдать за столь короткий срок, сталинцы пытаются исправить прошлое при помощи судорожных актов, которые только ярче освещают всю цепь совершенных ими преступлений. Сейчас, когда пресса компартии задушена, аппарат разгромлен, над домом Либкнехта безнаказанно развешается кровавая тряпка фашизма, Исполком Коминтерна становится на путь единого фронта не только снизу, но и сверху. Новый зигзаг, более резкий, чем все предшествующие, сделан, однако, ИККИ, не по собственному разумению: инициативу сталинская бюрократия предоставила II-му Интернационалу. Ему удалось захватить в свои руки оружие единого фронта, которого он до сих пор смертельно боялся. Поскольку в обстановке панического отступления возможно говорить о политических выгодах, они оказываются целиком на стороне реформизма. Вынужденная отвечать на прямой вопрос, сталинская бюрократия выбирает худший из путей: она не отклоняет соглашения двух Интернационалов, но и не принимает его; она играет в прятки. Она дошла до такой потери веры в себя, до такого унижения, когда она не осмеливается уже стать пред мировым пролетариатом лицом к лицу с вождями II-го Интернационала, с клейменными агентами буржуазии, с избирателями Гинденбурга, продолжавшими дорогу фашизму.

В особом воззвании ИККИ («Рабочим всех стран») от 5 марта сталинцы ни словом не говорят о «социал-фашизме», как главном враге. Они не

напоминают больше о великом откровении своего вождя «социал-демократы и фашизм — не антиподы, а близнецы». Они не утверждают больше, что борьба против фашизма требует предварительного разгрома социал-демократии. Они не заявляют о недопустимости единого фронта сверху. Наоборот, они тщательно перечисляют те случаи прошлого, когда сталинская бюрократия, неожиданно для рабочих и для себя самой, оказывалась вынужденной, мимоходом, экспромптом, предложить единый фронт реформистским верхам. Так, под порывом исторической бури рассыпаются искусственные, фальшивые, шарлатанские теории.

Ссылаясь на «своеобразие условий отдельных стран» и вытекающую отсюда будто бы невозможность организации единого фронта в международном масштабе, (сразу забыта вся борьба против «экспансионизма», т.е. теории правых о национальном своеобразии!), сталинская бюрократия рекомендует национальным компартиям обращаться с предложением единого фронта к «центральным комитетам социал-демократических партий». Вчера только это объявлялось капитуляцией перед социал-фашизмом! Так летят под стол в мусорную корзину высшие уроки сталинизма последних четырех лет. Так рассыпается прахом целая политическая система.

Дело на этом не останавливается: объявив только что невозможной выработку условий единого фронта на международной арене, ИККИ немедленно же забывает об этом и уже через 20 строк формулирует те условия, на которых единый фронт допустим и приемлем во всех странах, несмотря на различия национальных условий. Отступление перед фашизмом сопровождается паническим отступлением от теоретических скрежалей сталинизма. Обрывки и осколки мыслей и принципов выбрасываются по пути, как балласт.

Условия единого фронта, выдвигаемые Коминтерном для всех стран (Комитеты действия против фашизма, демонстрации и стачки против снижения зарплат) не представляют собою ничего нового, наоборот, являются схематизированным, бюрократизированным воспроизведением тех лозунгов, которые левая оппозиция гораздо точнее и конкретнее формулировала два с половиной года тому назад, и по поводу которых она сама была зачислена в лагерь социал-фашизма. Единый фронт на этих основах мог бы дать в Германии решающие результаты; но для этого он должен был бы быть осуществлен во время. Время является важнейшим фактором политики.

Какова же практическая ценность предложений ИККИ сейчас? Для Германии она минимальна. Политика единого фронта предполагает «фронт», т.е. устойчивые позиции и централизованное руководство. Условия единого фронта левая оппозиция выдвигала в свое время, как условия активной обороны, с перспективой перехода в наступление. Сейчас немецкий пролетариат доведен до состояния беспорядочного отступления, даже без арьергардных боев. В таких обстоятельствах могут и будут складываться самопроизвольные объединения коммунистических и социал-демократических рабочих для отдельных эпизодических задач, но систематическое проведение единого фронта неизбежно отодвигается в неопределенное будущее. На этот счет уже не приходится себе делать иллюзий.

Полтора года тому назад мы говорили, что ключ к позиции находится в руках немецкой коммунистической партии. Сейчас сталинская бюрократия выронила этот ключ из рук. Понадобятся крупные события, лежащие вне воли партии, чтоб дать возможность рабочим задержаться, закрепиться, перестроить ряды и перейти к активной обороне. Когда именно это наступит, мы не знаем. Может быть гораздо скорее, чем рассчитывает

торжествующая контрреволюция. Но руководить политикой единого фронта в Германии будут, во всяком случае, не те, которые составляли манифест ИККИ.

Если центральная позиция сдана, нужно закрепляться на подступах, нужно готовить опорные пункты для будущего концентрического наступления. Эта подготовка внутри Германии означает критическое освещение прошлого, поддержание бодрости духа передовых бойцов, их сплочение, организацию, где возможно, арьергардных боев — в ожидании момента, когда отдельные отряды смогут сомкнуться в большую армию. Эта подготовка означает в то же время оборону пролетарских позиций в странах, тесно связанных с Германией или непосредственно прилегающих к ней: в Австрии, Чехословакии, Польше, Прибалтике, Скандинавии, Бельгии, Голландии, Франции и Швейцарии. Фашистскую Германию надо окружить мощным кольцом пролетарских укреплений. Ни на минуту не прекращая попыток задержать беспорядочное отступление немецких рабочих, надо теперь же создавать для борьбы с фашизмом укрепленные пролетарские позиции вокруг границ Германии.

На первое место выдвигается Австрия, которой непосредственное всего грозит фашистский переворот. Можно сказать с уверенностью, что, если австрийский пролетариат завладел сейчас властью и превратил свою страну в революционный плацдарм, Австрия стала бы для революции немецкого пролетариата тем, чем Пьемонт был для революции итальянской буржуазии. Как далеко зайдет на этом пути австрийский пролетариат, толкаемый событиями вперед, но парализуемый реформистской бюрократией, этого предсказать нельзя. Задача коммунизма — помочь событиям против австро-марксизма. Способ для этого — политика единого фронта. Те условия, которые манифест ИККИ повторяет с таким запозданием за левой оппозицией, сохраняют, таким образом, всю свою силу.

Однако, политика единого фронта заключает в себе не только выгоды, но и опасности. Она легко порождает сделки вождей за спиной масс, пассивное приспособление к союзнику, оппортунистические шатания. Парализовать эти опасности возможно только при наличии двух непеременимых гарантий: сохранения полной свободы критики по отношению к союзнику и восстановления полной свободы критики внутри собственной партии. Отказ от критики союзников прямо и непосредственно ведет к капитуляции перед реформизмом. Политика единого фронта без партийной демократии, т.е. без контроля партии над аппаратом, развязывает руки вождям для экспериментов оппортунизма, неизбежно доводящим эксперименты авантюризма.

Как же поступает в этом случае ИККИ? Десятки раз левая оппозиция предсказывала, что под ударом событий сталинцы вынуждены будут отказаться от своей ультра-ленинзы, и что, встав на путь единого фронта, они начнут осуществлять все те оппортунистические предательства, которые накануне они приписывали нам. Предсказание и на этот раз осуществлялось слово в слово.

Совершив головокружительный скачок на позиции единого фронта, ИККИ попирает основные гарантии, которые только и могут обеспечить политике единого фронта революционное содержание. Сталинцы принимают лицемерно-дипломатическое требование реформистов о так называемом «взаимном ненападении» к сведению и руководству. Отрекались от всех традиций марксизма и большевизма, ИККИ рекомендует компартиям, в случае осуществления единого фронта, «отказаться от нападок на социал-демократические организации на время совместной борьбы». Так и сказано! Отказ «от нападок (!) на социал-демократию» (какая постыдная формула!)

означает отказ от свободы политической критики, т.е. от основной функции революционной партии.

Капитуляция вызвана не практической необходимостью, а настроением паники. Реформисты идут и пойдут на соглашение постольку, поскольку их вынуждает к этому давление событий и давление масс. Требование «ненападения» есть шантаж, т.е. попытка реформистских вождей заполучить побочную выгоду. Поддаваться шантажу значит строить единый фронт на гнилых основах и давать возможность реформистским дельцам извлекать из него по любому произвольному поводу.

Критика вообще, тем более в условиях единого фронта, должна, разумеется, отвечать реальным отношениям и соблюдать необходимые пропорции. Нелепости насчет «социал-фашизма» надо отбросить: это уступка не социал-демократии, а марксизму. Критиковать союзника надо не за его измены в 1918 году, а за плохую работу в 1933 году. Но критика не может приостанавливаться ни на час, как сама политическая жизнь, голосом которой критика является. Если коммунистические разоблачения отвечают действительности, то они служат целям единого фронта, толкают вперед временного союзника и, что еще важнее, дают революционное воспитание пролетариату в целом. Отказ от этой основной обязанности означает первую ступень той постыдной и преступной политики, которую Сталин навязал китайским коммунистам в отношении Гоминдана.

Не лучше обстоит дело и насчет второй гарантии. Отказавшись от критики по отношению к социал-демократии, сталинский аппарат и не думает вернуть право критики членам собственной партии. Сам поворот совершенно, по обыкновению, в порядке бюрократического откровения. Ни национальных съездов, ни международного конгресса, ни даже пленума ИККИ, никакой подготовки в партийной печати, никакого анализа политики прошлого. И не мудрено: на первых же шагах партийной дискуссии каждый мыслящий рабочий задавал бы аппаратчикам вопрос: почему большевики-ленинцы исключались из всех секций, а в СССР подвергались арестам, пыткам и расстрелам? Неужели только потому, что они копают глубже и видят дальше? Этого вывода сталинская бюрократия не может допустить. Она способна на любые скачки и повороты, но честно встать пред рабочими на очную ставку с большевиками-ленинцами она не может и не смеет. Так, в борьбе за самосохранение аппарат обесценивает свой новый поворот, заранее подрывая доверие к нему не только у социал-демократических, но и у коммунистических рабочих.

Опубликование Манифеста ИККИ сопровождается еще одним обстоятельством, стоящим в стороне от разбираемого вопроса, но бросающим в высшей степени яркий свет на нынешнее положение Коминтерна и на отношение к нему правящей сталинской группы. В «*Правете*» от 6 марта Манифест напечатан не как прямой и открытый призыв от имени находящегося в Москве ИККИ, — так делалось всегда! — а как переданный по телеграфу ТАССом из Парижа перевод документа из «*Юманите*». Какая бессмысленная и унижительная уловка! После всех успехов, после выполнения первой пятилетки, после «уничтожения классов», после «вступления в социализм» сталинская бюрократия не смеет уже от собственного имени напечатать манифест ИККИ! Таково ее действительное отношение к Коминтерну и таково ее подлинное самочувствие на международной арене.

Манифест является не единственным ответом на инициативу II Интернационала. Через посредство подставных организаций: революционной

профпопозиции (РГО), немецкой и польской Антифа и так называемой «Всеобщей рабочей федерации Италии». Коминтерн созывает на апрель месяц «всеевропейский рабочий антифашистский конгресс». Список призываемых, как полагаются, туманен и необычен: «предприятия» (так и сказано: «предприятия», хотя усилиями Сталина—Дзержинского коммунисты вытеснены почти из всех предприятий мира), местные рабочие организации, революционные, реформистские, католические, партийные и беспартийные, спортивные, антифашистские и крестьянские. Мало того: «мы хотим пригласить далее всех одиночек, которые действительно (!) борются за дело трудящихся». Надолго загубив дело масс, стратеги вызывают к «одиночкам», к тем праведникам, которые не нашли себе места в рядах масс, но тем не менее «действительно борются за дело трудящихся». Барбюс и генерал Шенах будут снова мобилизованы для спасения Европы от Гитлера.

Перед нами готовое либретто одного из тех шарлатанских представлений, которыми сталинцы привыкли прикрывать свое бессилие. Что сделал амстердамский блок центристов и пацифистов в борьбе против разбойничьего нападения Японии на Китай? Ничего. Из уважения к сталинскому «нейтралитету», пацифисты не выпустили даже протестующего манифеста. Теперь готовится новое издание амстердамского конгресса, не против войны, а против фашизма. Что сделает антифашистский блок из отсутствующих «предприятий» и бессильных «одиночек»? Ничего. Выпустит пустозвонный манифест, если дело вообще дойдет на этот раз до конгресса.

Тяга к «одиночкам» имеет два конца: оппортунистический и авантюристический. Русские эсеры и старину правую руку протягивали либералам, а в левой держали бомбу. Опыт последнего десятилетия свидетельствует, что после каждого большого поражения, вызванного или, по крайней мере, обостренного политикой Коминтерна, сталинская бюрократия неизменно пыталась поправить свою репутацию при помощи какой-либо грандиозной авантюры (Эстония, Болгария, Кантон). Нет ли этой опасности и сейчас? Мы во всяком случае считаем необходимым поднять голос предостережения. Авантюры, которые имеют своей целью заменить действие парализованных масс, еще больше дезорганизуют массы и углубляют катастрофу.

Условия нынешней мировой обстановки, как и условия каждой отдельной страны, столь же смертельны для социал-демократии, сколь благоприятны для революционной партии. Но сталинская бюрократия сумела кризис капитализма и кризис реформизма превратить в кризис коммунизма. Таков итог десятилетнего бесконтрольного командования эгигонов.

Найдутся ханжи, которые скажут: оппозиция критикует партию, поправшую в руки палача. Негодяи прибавят: оппозиция помогает палачу. Сочетанием фальшивой сентиментальности и отравленной лжи сталинцы попытаются спрятать ЦК за аппарат, аппарат — за партию, снять вопрос о виновниках катастрофы, о ложной стратегии, о губительном режиме, о преступном руководстве: это и значит помогать палачам, сегодняшним и завтрашним.

Политика сталинской бюрократии в Китае была не менее губительна, чем ныне в Германии. Но там дело происходило за спиной мирового пролетариата, в непонятной ему обстановке. Критический голос оппозиции почти не доходил из СССР до рабочих других стран. Опыт Китая прошел для сталинского аппарата почти безнаказанно. В Германии дело обстоит иначе. Все этапы драмы развивались на глазах мирового пролетариата. На каждом этапе оппозиция подавала свой голос. Весь ход развития был предсказан заранее. Сталинская бюрократия клеветала на оппозицию,

подсовывала ей чуждые ей мысли и планы, исключала всех, кто заговаривал с едином фронте, помогала социал-демократической бюрократии взрывать объединенные комитеты обороны на местах, преграждала рабочим всякую возможность выхода на дорогу массовой борьбы, дезорганизовала авангард, парализовала пролетариат. Так, противясь единому фронту обороны с социал-демократией, сталинцы оказались с нею в едином фронте паники и капитуляции.

И сейчас, стоя уже перед развалинами, руководство Коминтерна больше всего боится света и критики. Да погибнет мировая революция, но да здравствует дутый престиж! Банкроты путают, хоронят концы и заматают следы. То обстоятельство, что немецкая компартия под первыми ударами потеряла «только» 1.200.000 голосов — при общем росте голосующих на 4 миллиона — «Правда» объявляет «громадной политической победой». Точно также в 1924 году Сталин объявлял «громадной победой» тот факт, что отступающие без боя рабочие Германии успели еще дать компартии 3.600.000 голосов. Если обманутый и разоруженный двумя аппаратами пролетариат дал на этот раз компартии около 5 миллионов избирателей, то это лишь значит, что он дал бы ей вдвое и втрое, если бы верил ее руководству. Он поднял бы ее к власти, если бы она сумела показать, что способна взять и удержать власть. Но она не дала пролетариату ничего, кроме путаницы, заговоров, поражений и бедствий.

Да, пять миллионов коммунистов успели еще поодиночке подойти к урнам. Но в предприятиях и на улицах их нет. Они растеряны, распылены, деморализованы. Они отучены от самостоятельности гнетом аппарата. Бюрократический террор сталинизма парализовал их волю прежде, чем пришла очередь для бандитского террора фашизма.

Надо сказать ясно, точно, открыто: сталинизм в Германии имел свое 4 августа. Передовые рабочие этой страны будут отныне не иначе, как со жгучим чувством стыда, со словами ненависти и проклятия говорить о периоде господства сталинской бюрократии. Официальная компартия Германии обречена. Отныне она будет только распадаться, крошиться и сходить на нет. Никакие искусственные средства не спасут ее. Возродиться германский коммунизм может лишь на новых основах и под новым руководством.

Закон неравномерного развития сказывается и на судьбе сталинизма. В разных странах он находится в разных стадиях распада. В какой мере трагический опыт Германии послужит толчком для возрождения других секций Коминтерна, покажет будущее. В Германии зловещая песня сталинской бюрократии во всяком случае спета. Немецкий пролетариат поднимется, сталинизм — никогда. Под страшными ударами врагов передовым немецким рабочим предстоит строить новую партию. Большевики-ленинцы отдадут этой работе все свои силы.

Принкипо, 14 марта 1933 г.

Германия и СССР.²⁵

(В порядке информации секций И. Л. О.)

1. Полное отсутствие сопротивления со стороны немецких рабочих Гитлеру создало известное замешательство и в наших рядах. Мы

²⁵ Эта статья впервые публикуется на русском языке.

рассчитывали на то, что приближение фашистской опасности преодолее не только предательскую политику реформистов, но и ультимативский саботаж сталинцев. Это ожидание не подтвердилось. Были ли наши расчеты ошибочны? Так формально ставить вопрос нельзя. Мы обязаны были исходить из курса на сопротивление и сделать все возможное для того, чтоб оно было оказано. Признать априори невозможность сопротивления значило бы не толкать пролетариат вперед, а вносить дополнительный элемент деморализации.

События принесли проверку. Первые итоги этой проверки подведены в статье Т. *«Трагедия немецкого пролетариата»*. Сейчас можно уже почти с уверенностью сказать, что толчок действительно массовой борьбе может дать только перелом конъюнктуры. До тех пор предстоит главным образом критическая и подготовительная работа. Режим фашистского террора будет серьезной проверкой для оппозиционных кадров в целом и для каждого в отдельности. Именно в такой период закаляются и воспитываются революционеры. Пока фашисты будут терпеть профсоюзы, левым оппозиционерам необходимо во что бы то ни стало проникнуть в союзы для ведения там строго законспирированной работы. Переход на нелегальное положение не значит просто уход в подполье (создание заграничной газеты, нелегального транспорта, нелегальных ячеек внутри страны и пр.), но и умение вести законспирированную работу в легальных массовых организациях, поскольку они существуют.

2. Вопрос о возможной роли Красной армии остро стоит перед многими товарищами. Наши принципиальные позиции нам, разумеется, пересматривать не приходится. Если внутреннее положение в СССР позволяло, советское правительство должно было бы при первом приближении Гитлера к власти мобилизовать пару корпусов в Белоруссии и Украине, разумеется, под знаменем обороны советских границ. Некоторые товарищи, исходя из той бесспорной мысли, что Красная армия может лишь помочь иностранной революции, но не может **заместить** ее, склонны делать тот вывод, что, при отсутствии развернутой гражданской войны в Германии, недопустимо было бы прибегать к мобилизации в СССР. Такая постановка вопроса слишком абстрактна. Красная армия не может сделать революцию за немецких рабочих, а может лишь помочь революции немецких рабочих. Но на разных стадиях эта помощь может выразиться различно: так, Красная армия может помочь немецким рабочим **начать** революцию.

То, что парализовало немецкий пролетариат, это чувство раздробленности, изолированности, безнадежности. Одна перспектива возможной вооруженной помощи оказала бы на авангард огромное ободряющее воздействие. Первые серьезные акты сопротивления немецких рабочих Гитлеру могли бы вызвать разрыв между фашистской Германией и СССР и привести к военной развязке. У советского правительства не может быть ни малейшего интереса выступать в качестве **нападающей** стороны: это не вопрос принципа, а вопрос политической целесообразности. Для крестьянских масс война с целью помочь немецкому пролетариату была бы мало понятна. Крестьян можно привести к такой войне, начав с защиты советской территории от угрожающей ей опасности. (Все, что на тему об обороне и нападении сказано в *«Истории»* Троцкого и применении к революции, не в меньшей степени относится и к войне).

Формы воздействия Красной армии на события в Германии должны были бы, конечно, сообразоваться с ходом этих событий и с настроением немецких рабочих масс. Но именно потому что немецкие рабочие оказались сами по себе не в силах вырваться из оков пассивности, инициатива борьбы, хотя бы в указанной выше «предварительной» форме, могла бы исходить от Красной армии. Препятствием для такой инициативы является сейчас

не положение в Германии, а положение в СССР. На эту сторону дела иностранные товарищи обращают, повидимому, недостаточное внимание. Свыше года тому назад мы говорили о необходимости вмешательства Красной армии, в случае прихода фашизма к власти. Мы исходили, при этом, из надежды на то, что не только в Германии, но и в СССР успеет произойти необходимый перелом в политике, экономическое положение улучшится, и советская власть получит необходимую свободу движений. На самом деле, внутреннее развитие приняло за последний год крайне неблагоприятный характер. Хозяйственное положение в СССР, как и настроение масс, делают ведение войны до последней степени трудным. Все сообщения из СССР говорят, что даже передовым рабочим лозунг помощи немецкому пролетариату покажется, в данных условиях, несуществующим, нереальным, фантастическим.

Мы не уступаем ни цента из нашей принципиальной позиции. Но позиция активного интернационализма служит нам сейчас прежде всего для **беспощадной критики сталинской бюрократии, которая парализовала рабочее государство в решающий исторический час.** Однако, не считаться с обстановкой мы не можем. Последствия ошибок превратились в объективные факторы. Требовать в нынешних условиях мобилизации Красной армии было бы явным авантюризмом. Тем более решительно надо требовать перемены политики в СССР во имя упрочения диктатуры пролетариата и активной роли Красной армии.

17 марта 1933 г.

Гитлер и Красная армия²⁶

Воспроизведя европейский капитализм в грандиозных масштабах, Америка воспроизвела европейский социализм лишь в незначительных размерах. Американская социал-демократия оставалась всегда лишь карикатурой европейской социал-демократии. Этот закон «неравномерного развития» сохранил пока что всю свою силу и для сталинизма. Компартия Америки слабее всех европейских партий; зато сталинская бюрократия в Америке преувеличивает все ошибки и zigzags с чудовищными преувеличениями.

Полтора года тому назад сталинцы считали, что нападение Японии на Советский Союз является делом ближайших дней, и на этом «прогнозе», подсказанном буржуазной прессой, пытались строить всю свою политику. Мы утверждали, наоборот, что опасность нападения Японии, **пока она не ассимилировала Манчжурии**, совершенно невероятна. Американские сталинцы по этому поводу обвиняли нас в службе японскому генеральному штабу. Эти господа вообще черпают свои доводы из водосточных канав и ассенизационных труб.

Мы утверждали, далее, что опасность фашистской победы в Германии — опасность для мировой революции и прежде всего для Советского Союза — неизмеримо более реальна и близка, чем опасность японской интервенции. Европейские сталинцы кричали, что мы находимся в «панике». Американские сталинцы, наиболее наглые, утверждали, что мы сознательно стремимся отвлечь внимание мирового пролетариата от угрозы, надвигающейся на Советский Союз с Востока. События дали проверку. За полтора года «немедленного» японского нападения не последовало (это вовсе не значит, разумеется, будто опасности японской интервенции вообще не существует). Между тем Гитлер пришел к власти и несколькими ударами

²⁶ «Бюллетень оппозиции», №234, май 1933 г.

разгромил главного союзника СССР, немецкую компартию, заранее ослабленную ложью и фальшью сталинизма.

Мы писали полтора года тому назад, что Красная армия главной своей массой должна стоять лицом к Западу, чтоб иметь возможность сокрушить фашизм прежде, чем он разгромит немецкий пролетариат и сомкнется с европейским и мировым империализмом. В ответ на это американские сталинцы, самые глупые и наглые из всех, заявляли, что мы хотим вовлечь СССР в войну, подорвать его хозяйственное строительство и обеспечить победу империализма. Баснописец давно уже сказал, что услужливый дурак опаснее врага. Призывать к военным действиям с Японией в то время, как непосредственной опасности с ее стороны не было и не могло быть, значило отвлекать внимание от реальной опасности фашизма. Разумеется, сталинцы выполняли эту работу не потому, что хотели победы Гитлера, а по мелко-буржуазной слепоте. Но надо им отдать справедливость: если бы они хотели победы Гитлера, они не могли бы сделать ничего другого, кроме того, что они сделали. Теперь, когда Гитлер у власти, и когда вся его политика вынуждает его готовить удар на Восток (достаточно красноречивым разоблачением насчет польско-украинской программы Геринга!), сталинцы говорят: кто собирается апеллировать к Красной армии, тот срывает социалистическое строительство. Но, если даже оставить в стороне вопрос о помощи немецкому пролетариату, остается все же вопрос о защите социалистического строительства от немецкого фашизма, как боевого отряда мирового империализма. Отрицают ли сталинцы эту опасность? Самое большее, что они могут сказать, это то, что сегодня Гитлер еще не способен вести войну, а завтра будет способен ее вести, и притом не сможет не вести ее, то не требует ли правильная стратегия помешать Гитлеру подготовить удар, т.е. помочь немецким рабочим покончить с Гитлером прежде, чем он не покончил надолго с немецкими рабочими? Марксисты немало издевались над парламентским кретинизмом, но в известных случаях и колхозный кретинизм не лучше. Нельзя сеять пшеницу и сажать капусту, повернувшись спиной к близкому Западу, откуда впервые после 1918 года грозит величайшая угроза, которая может превратиться в смертельную опасность, если своевременно не парализовать ее.

Или, может быть, сталинцы усвоили пацифистскую мудрость допустимости лишь «чисто оборонительной» войны? Пусть-де Гитлер раньше нападет на нас, тогда мы будем защищаться. Так рассуждала все время германская социал-демократия: пусть-де национал-социалисты раньше открыто нападут на конституцию, о, тогда... и т.д. Между тем, когда Гитлер открыто напал на конституцию, оказалось уже поздно думать об обороне.

Кто не предупреждает врага, когда тот еще слаб; кто пассивно дает врагу упрочиться, обеспечить себе тыл, создать армию, получить помощь извне, обеспечить себя союзниками; кто предоставляет врагу полную свободу инициативы, — тот изменник, хотя бы мотивами его измены были не служба империализму, а мелко-буржуазная дряблость и политическая слепота.

«Оправданием» выжидательной и уклончивой политики в такой обстановке может быть только слабость. Это очень серьезный аргумент, но надо отдавать себе в нем ясный отчет. Надо сказать: сталинская политика в СССР так расшатала хозяйство, так расстроила взаимоотношение между пролетариатом и крестьянством, так ослабила партию, что для активной внешней политики отсутствуют сейчас необходимые предпосылки.

Силу этого довода мы учитываем. Мы знаем, что последствия ложной политики превращаются в объективные препятствия на пути. С этими препятствиями мы считаемся. Авантюр мы не проповедуем. Но мы делаем

вывод: коренное изменение политики, партийного режима и партийного руководства необходимо также и для того, чтоб обеспечить действительную оборонительную и свободу международной инициативы рабочего государства.

Принято, 21 марта 1933 г.

Кирти Баласурия (1948 — 1987)

Перманентная революция и национальный вопрос сегодня.²⁷

Лекция в память Кирти Баласурия

18 декабря 1992 г. минуло пять лет со дня преждевременной смерти национального секретаря Революционной Коммунистической Лиги, Шри-Ланкской секции Международного Комитета Четвертого Интернационала, товарища Кирти Баласурия. Кирти Баласурия, умерший от инфаркта в возрасте 39-и лет, сыграл центральную роль в борьбе за марксизм, против оппортунистического уклона британской Социалистической Рабочей Лиги, бывшей в то время ведущей секцией в МКЧИ. В прошлом декабре и январе Международный Комитет провел собрания по всему свету, чтобы почтить память о жизни и работе этого революционного борца. Ниже мы публикуем лекцию, прочитанную Дэвидом Нортон на собрании в Монреале 6 февраля 1993 г.

Трудно поверить, что уже прошло пять лет со дня смерти Кирти Баласурия. Во-первых, мы вспоминаем жизнь товарища, которому, если бы он был еще жив, было бы всего 44 года от роду. Он был так молод, когда умер — ему было всего 39 — и его смерть была так неожиданна. Кирти выглядел моложе своих лет; несмотря на свои огромные знания и политический опыт, его энтузиазм и чувство юмора имели зачастую юношеский характер. Но в нем не было ничего незрелого или неосторожного. Он был человеком проникательной интеллектуальной целостности, политические убеждения которого были развиты и закалены годами систематической учебы.

Я впервые увидел Кирти летом 1972 года в международной школе в Англии, организованной предшественницей Рабочей Революционной партии, Социалистической Рабочей Лигой. Он принимал участие в серии лекций об истории Четвертого Интернационала; я все еще помню его детальный доклад о проваленной революции 1923 года в Германии. Кирти говорил на сингальском языке, но вся аудитория была очарована страстью его речи. Слова горячим потоком текли из его рта, и его переводчик, — это был, если я не ошибаюсь, товарищ Виже Диас, — несмотря на все свои усилия не успевал его переводить. Время от времени, когда Кирти ощущал, что переводчик заикается или отстал от него или напутал в своем переводе, он вдруг переходил на английский язык и пытался, во что бы то ни стало, объяснить слушателям свою мысль.

Я не знал в то время, что всего несколько месяцев до этого Кирти резко оспорил политическую линию, принятую Социалистической Рабочей Лигой в отношении индийского вторжения в Восточный Пакистан (вскоре ставший Бангладеш). Письма, которые Кирти писал в декабре 1971 и январе 1972 года, в которых он протестовал против поддержки индийского вмешательства со стороны СРЛ, не были доведены до сведения других секций Международного Комитета в течение четырнадцати лет — до раскола с РРП.

²⁷ Печатается по тексту из газеты "Bulletin" Рабочей Лиги США за 19 февраля 1993 г.

Лишь несколько лет спустя я наконец смог побеседовать с Кирти. Мы оба были делегатами на Шестом Конгрессе Международного Комитета в Лондоне в мае 1975 года. Этот Конгресс был проведен вскоре после дезертирства Тима Волфорфа из Рабочей Лиги. Кирти знал Волфорфа и его очень интересовали политические вопросы, окружающие кризис внутри Рабочей Лиги. Кирти и Волфорф оба участвовали в Пятом Конгрессе за год до этого. На том конгрессе доклад Волфорфа показал, что Рабочая Лига понесла серьезные потери, включая выход из партии многих ведущих членов. Этот факт обеспокоил Кирти, и он попытался получить от Волфорфа более ясное политическое объяснение феномена, который на первый взгляд казался весьма серьезным кризисом внутри Рабочей Лиги. Но распрос Волфорфа со стороны Кирти был резко прерван Хили и Бандом, которые были более заинтересованы рассказом Волфорфа о «массовом рекрутировании» молодежи, чем в объяснении потерь среди старых ценных членов.

Я встретился с Кирти лишь несколько раз в течение следующих десяти лет; эти встречи обычно происходили в условиях, исключавших свободный обмен политическими мнениями. Мы получили возможность систематически работать вместе лишь в октябре 1985 года. Вспыхнул кризис внутри РРП и Кирти прибыл в Лондон к концу третьей недели октября. Я в то время вернулся в США, чтобы дать Рабочей Лиге отчет о ситуации в РРП. Я хорошо помню телефонный звонок от Майкла Банды (он со мной обычно не говорил) утром 20 октября. Он упомянул, что Кирти прибыл в Лондон и находится в партийном здании. Как только разговор с Бандой был закончен, я набрал другой номер парткома РРП и попросил позвать Кирти к телефону. Он подошел к телефону, и его первые слова были: «Я прочел вашу критику по адресу политической линии РРП, и я с ней согласен». Этот подход хорошо характеризует товарища Кирти. Он всегда начинал с политических вопросов. По прибытии Кирти в Лондон Банда начал рассказывать ему все скабрзные детали «сексуальных похождения» Хили. Когда Банда, наконец, остановился, чтобы перевести дыхание, Кирти просто спросил его: «Какие у нас политические разногласия с Джерри Хили?» Банда был ошеломлен этим вопросом и не мог ответить. После значительного политического замешательства Банда, наконец, попытался выйти из положения и дал Кирти копию политических документов, которые я написал между 1982 и 1984 годами.

Для Банды эти документы являлись лишь удобным фракционным предлогом; для Кирти они имели ключевое политическое значение. В течение более десятилетия Революционная Коммунистическая Лига была фактически изолирована внутри Международного Комитета. Ее критика 1972 года по адресу развития оппортунизма внутри СРЛ/РРП была неизвестна. РКЛ пострадала в результате серии веляльных и подрывных провокаций со стороны Хили, Банды и Слотера. РРП составляла фальшивые отчеты о работе РКЛ, имеющие целью дискредитировать ее руководство в глазах других секций Международного Комитета. Целью этих атак являлось стремление подорвать борьбу РКЛ за исторически развитые принципы и программу Четвертого Интернационала, наследие, которое являлось священным для Кирти и его товарищей в руководстве РКЛ. Кирти был руководителем партии, ведущей корни из всей истории Четвертого Интернационала и гордо представляющей его величайшие традиции.

Несмотря на ужасные затруднения, созданные РРП в отношении РКЛ и Кирти лично, его реакция на политический кризис, взорвавшийся осенью 1985 года, не имела ни малейшего оттенка субъективизма или желчи. Наоборот, он рассматривал этот кризис как возможность перевооружить

Международный Комитет троцкистской программой и начать всемирное продвижение вперед против оппортунизма, так долго ослаблявшего Четвертый Интернационал.

Промежуток времени между октябрем 1985 года и декабрем 1987 года был наиболее продуктивным и, я могу сказать, наиболее отрадным для Кирти. Он сыграл решающую и незаменимую роль в теоретическом и политическом возрождении Международного Комитета.

На похоронах Кирти 23 декабря 1987 года я сказал, что будущие поколения революционных рабочих и молодежи будут искать вдохновения не в облаках Мао-Цзе-Дуна, Хо-Ши-Мина, Фиделя Кастро или других представителей буржуазного национализма и мелкобуржуазного радикализма, рвущихся в марксистские тоги. Нет, будущие революционные борцы будут учиться на политическом примере Кирти Баласурия. События последних пяти лет доказали, что эта оценка ничуть не является преувеличением. Недавние события нанесли сокрушительный удар по репутациям всех так называемых героев сталинистского пантеона, политические карьеры которых были основаны на обмане и теоретическом шарлатанстве. Но эти события оправдали силу исторического мировоззрения марксизма и научного метода, на котором марксизм основан.

Политическая жизнь Кирти длилась более двадцати лет. Все эти годы были посвящены защите настоящих традиций революционного марксизма. Но ему пришлось проводить эту защиту марксизма в условиях, когда политическая жизнь международного рабочего движения проходила под господством наиболее уродливых форм политического оппортунизма. Этот оппортунизм обладал огромными материальными ресурсами; но никакие ресурсы не могли спасти его от неминуемых последствий своего собственного политического, идеологического и морального банкротства. Претенциозные фикции прошлого выветриваются. Бесчисленные мао, ходжа, хо, тито, кастро и все остальные «революционные» знаменитости послевоенной эры — люди будут их помнить, как политических самозванцев и теоретических шарлатанов. Все их так называемые достижения были построены на песке. Политические развалюшки, построенные ими, или рухнули уже или находятся в процессе бесславно развала. В большинстве случаев лишь их смерть спасла их лично от последствий собственных предательств. Лишь рабочий класс должен за них расплачиваться сам. Кажется, что только Кастро дождал до того, чтобы самому пережить последствия его циничной сделки со сталинизмом. Но, несмотря на их личную судьбу, все эти лжегерои — к числу которых можно добавить и множество других имен, — имеют что-то общее: ни один из них не дал ничего политически ценного и долговечного делу международного пролетариата. Наоборот, они все его эксплуатировали, обманывали и предавали.

С другой стороны, о Кирти будут помнить как об одном из лучших представителей великой школы революционного марксизма, основанной Лениным, Троцким и Люксембург. Проблемы, которые занимали его, связаны с наиболее основными проблемами революционной стратегии в эпоху империализма.

Истоки теории перманентной революции

Чтоб оценить значение жизни Кирти и критическую ценность принципов и перспектив, за которые он боролся в недавний период, необходимо осмыслить великую политическую борьбу двадцатого века, из которой выросло его собственное политическое развитие. Мы поэтому должны вернуться на девяносто лет назад к началу XX-го века, когда русские

марксисты обсуждали различное понимание революции, к которой они готовились.

В начале этого века Россия была наименее развитой из всех ведущих капиталистических держав. Под диктатурой реакционной и мракобесной монархии ее политическая структура имела полуфеодалный характер. Огромное большинство населения состояло из крестьян, живших в страшной нищете и невежестве. Значительный пролетариат появился лишь к концу девятнадцатого века, на базе нового и ускоренного промышленного развития. Но число рабочих было небольшим по сравнению с огромным населением России, и они были сконцентрированы в нескольких городских центрах.

Российские марксисты в начале века были согласны между собой, что предстоящая революция будет иметь демократический характер. То есть она сметет с дороги полуфеодалные государственные структуры и уничтожит все остатки деревенских феодальных отношений. Огромные земельные владения русского дворянства будут разрушены, и земля будет распределена между крестьянами.

С точки зрения ее исторических задач революция, которую предусматривали русские марксисты, являлась буржуазно-демократической. Но возникли разногласия о политическом отношении между буржуазией и пролетариатом в ходе предстоящей революции и о политических и государственных формах, через которые должна будет пройти демократическая революция.

Родоначальник российского марксизма, Георгий Валентинович Плеханов утверждал, что русская революция не может надеяться на большее, чем на учреждение демократической республики, наподобие тех, которые были созданы в Западной Европе и Северной Америке на основе великих демократических революций восемнадцатого и девятнадцатого веков. Он говорил, что русская революция в начале двадцатого столетия приведет к такому-же, в сущности, результату, как и Великая Французская революция 1789—1794 гг.: свержение абсолютизма передаст политическую власть в руки буржуазии. Затем должен будет пройти более или менее длительный период буржуазного правления, в ходе которого в рамках либеральной демократии рабочий класс пройдет школу политической борьбы и подготовится к будущему осуществлению социализма. Политическая линия Плеханова означала, что рабочий класс не мог стремиться к руководству в будущей революции. Он, скорее, должен был уступить ведущую роль политическим партиям буржуазии и примириться с их притязаниями на власть. Российская социал-демократия должна была действовать как лояльный сотрудник буржуазных партий.

Ленин, который раньше был преданным учеником Плеханова, отошел здесь от своего учителя. Ленин признавал, что русская революция будет буржуазной; но он выдвигал существенно иное понятие ее классовой динамики. В то время как Плеханов считал политическую гегемонию буржуазии в предстоящей революции само собой разумеющейся, Ленин отвечал, что буржуазия слишком консервативна, слишком легко идет на компромиссы и боится масс, чтобы провести и закончить борьбу очищения России от всех политических и социальных останков феодализма. Против предложения Плеханова о союзе между пролетариатом и либеральной буржуазией Ленин выдвигал союз между пролетариатом и крестьянством, цель которого заключалась бы в достижении «демократической диктатуры» под руководством обоих классов.

Формула Ленина была, конечно, более радикальной, чем плехановская; ее тактические выводы были совершенно иными. В то время как Плеханов настаивал на политическом руководстве буржуазии в деле демократической

революции и утверждал, что в интересах политического союза с либеральными капиталистами пролетариат должен воздерживаться от чрезмерно радикальных действий, могущих оттолкнуть буржуазию в лагерь реакции, Ленин настаивал, что рабочие должны вести свою борьбу совершенно независимо от буржуазных партий и их неминуемой половинчатости. Лишь союз пролетариата с наиболее радикальными слоями крестьянства, максимально толкая аграрную борьбу и безжалостно расправляясь со старым царским аппаратом, мог обеспечить победу демократической революции.

Но перспектива Ленина заключала в себе политическое несообразие. Несмотря на ее резкий отход от приспособленческой линии Плеханова, отрицавшей какую-либо независимую роль рабочего класса, перспектива Ленина не предвидела никаких революционных притязаний на саму буржуазную собственность. Кроме того, само понятие «демократической диктатуры» двух классов было по своему существу расплывчатым.

Троцкий выдвинул третью перспективу, более радикальную и стройную. Основываясь на всемирно-историческом мировоззрении, Троцкий, во-первых, утверждал, что положение буржуазии в России (как и в других отсталых буржуазных странах) фундаментально отличалось от условий, стоявших перед буржуазией Франции в 1789 году. Буржуазия не была способна совершить свою собственную «буржуазную» революцию. События 1848 года продемонстрировали, что отношение буржуазии к задачам демократической революции зависело главным образом от классовой динамики окружающего общества. Рост пролетариата поставил буржуазию перед лицом опасности, гораздо более угрожающей, чем шариизм. Во-вторых, крестьянство было органически неспособно играть независимую политическую роль. Как ни велик его политический вес, крестьянство может действовать лишь по программе какого-то другого класса. Итак, решающая роль в демократической революции должна будет принадлежать пролетариату; революция будет завершена лишь в форме диктатуры пролетариата. Кроме того, пролетариат не сможет сам себя ограничить чисто демократическими целями; он будет вынужден сделать глубокие нападки на буржуазную собственность и поэтому демократическая революция примет все более открытый социалистический характер.

Пролетарская революция в России вызовет повстанческие движения по всему миру; Троцкий утверждал, что спасение пролетарской власти в России и возможность социалистической конструкции в отсталой стране зависят от расширения революции за ее границы.

Соотношение российской и мировой социалистических революций составляло основу троцкистской теории перманентной революции. Применяя последовательность и предвидение, непревзойденные ни одним из его современников, не исключая и Ленина, Троцкий настаивал, что характер российской революции будет, в конечном итоге, зависеть не от национальных, а от международных условий. Отвечая меньшевистским педантам, без конца повторявшим, что Россия слишком отстала с хозяйственной точки зрения, чтобы приступить к программе социалистического развития, Троцкий говорил, что российские экономические возможности нельзя правильно оценить лишь с точки зрения ее национальной стадии развития и ее национальных ресурсов. Реальная динамика российского развития могла быть оценена лишь в контексте мирового хозяйства и международных политических отношений, в которых она на деле существует.

Троцкий утверждал, что принужденная мировыми условиями к положению полуколониальной зависимости от развитых империалистических хозяйств Великобритании и Франции, российская

буржуазия была неспособна разрешить ни один из исторических задач, стоявших перед прошлыми демократическими революциями.

Неспособность российской буржуазии вести и закончить демократическую революцию была сама, как объяснил Троцкий, выражением мирового исторического феномена: невозможность разрешить на национальной основе в эпоху империализма ни одна из основных проблем человечества. Империализм, основанный на глобальном развитии производительных сил капитализма, отозвал похоронный звон национальному государству. Силы мирового хозяйства переросли политические рамки системы национальных государств, внутри которой вырос капитализм.

Для пролетариата отсталой страны логика политической борьбы с целью уничтожения наследия феодализма неотвратимо ведет к захвату власти и к диктатуре пролетариата. Но, установив собственную диктатуру, рабочий класс России или любой другой отсталой страны, предстанет перед врожденной ограниченностью национального хозяйства, с одной стороны, и с другой стороны, — перед злобной ненавистью международной буржуазии.

Спасение пролетарской власти и дальнейшее продвижение к социализму зависят поэтому не только от симпатии рабочего класса передовых государств, но, в конечном итоге, от его победы над своими национальными буржуазиями. Как выразился Троцкий в 1907 году, «**Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру.**»²³

Вспышка Первой Мировой войны оправдала настоящие Троцкого о первенстве международного положения над национальными факторами. Империалистическая война означала, в сущности, невозможность мирного уживания производительных сил мирового капитализма с устаревшим национальным государством. Рабочий класс в передовых, равно как и в отсталых странах, встал перед общей дилеммой: разрешение всеобщих ключевых проблем человечества могло быть найдено лишь на уровне всемирного экономического развития и через посредство международной революционной борьбы.

Оценка Троцким всех политических проблем вырастала из этого научного понимания. Признавая, как и Ленин, право угнетенных наций на самоопределение, Троцкий, несмотря на это, очень критически подходил к этому элементу демократической программы. Хотя он резко протестовал против насильственного присоединения малых наций в большие государства, Троцкий настаивал, что социал-демократия не «превращает национального принципа в какую-либо над-историческую идею.»

«Но и нация и хозяйство пришли в противоречие — как с государством, так и друг с другом. Государство стало слишком тесным для хозяйства. Стремясь расширяться, оно попирает нацию. С другой стороны, хозяйство отказывается подчинять естественное движение своих сил и средств распределению этнических групп на поверхности земного шара.»²⁴

Перманентная революция и Коминтерн

Ни одно историческое событие не имело такого возбуждающего последствия на сознание мировых масс, как Октябрьская революция. Захват

²³ «Наша революция», С.П.-б., 1907 г., статья «Итоги и перспективы», стр. 278 (выделено автором).

²⁴ «Наше слово», Париж, № № 130, 135, 3, 9 июля 1915 г. Печатается по тексту «Сочинений», т. 9, Москва, 1927 г., стр. стр. 210, 215.

рабочим классом власти на целой шестой части поверхности Земли, населенной десятками этнических групп и национальностей, дал огромный толчок движению масс на огромных пространствах земного шара, находившихся под прямым или косвенным влиянием империалистических держав.

Октябрьская революция явилась источником не только морального вдохновения, но и глубоких стратегических уроков для масс отсталых стран Африки, Среднего Востока и, особенно, Азии, где движение против империалистического гнета начало принимать огромные масштабы. Октябрьская революция дала практические ответы на важнейшие вопросы: каким путем и на основе какой программы колониальные массы могут достигнуть освобождения от империализма? Как и в России, задачи, стоявшие перед массами Китая и Индии — наиболее значительных из отсталых стран Азии, — имели, в сущности, демократический характер: освобождение от колониального угнетения, национальное объединение, освобождение крестьянства от ига феодальных отношений. С точки зрения формального политического определения задачи, стоявшие перед Китаем и Индией, были по существу идентичны с задачами, «разрешенными» великими буржуазными демократическими революциями прошлых веков в Западной Европе и Северной Америке. Поэтому, согласно политической логике меньшевизма, политическое руководство антиимпериалистическим движением в Индии и Китае принадлежало национальной буржуазии, и его цели могли осуществиться лишь в форме независимой буржуазной республики.

Но тот же самый исторический парадокс, опровергнувший меньшевиков в России, существовал в Индии и Китае. Буржуазное руководство национального движения стояло лицом к лицу с быстро растущим рабочим движением, социальная борьба которого угрожала основным экономическим интересам капиталистов. Кроме того, — даже если мы готовы были бы согласиться со способностью буржуазии обеспечить революционное руководство, — национальная революция под руководством буржуазии была неспособна освободить эти угнетенные страны от экономической хватки империализма. Теория перманентной революции была поэтому не менее важна для растущего пролетариата Азии, чем для рабочих России.

Документы Коминтерна 1919—1922 гг., затрагивающие колониальный вопрос, особенно материалы Второго и Четвертого Конгрессов, были разработаны на основе теории перманентной революции. Имея в виду различный уровень хозяйственного и промышленного развития в отсталых странах и соответствующую силу пролетариата, резолюции Коминтерна настаивали на политической независимости рабочего движения, — даже если оно находилось в эмбриональной форме, — от партий и организаций местной буржуазии.

Третий Интернационал после Ленина

Ориентация Коминтерна резко изменилась после смерти Ленина. Открытие Сталиным и Бухариным теории «социализма в одной стране» в 1924 году послужило идеологическим основанием для отхода советского режима от программы мировой социалистической революции и подчинению международного рабочего движения защите материальных интересов сталинистской бюрократии.

Детальное рассмотрение политической борьбы Троцкого и Левого Оппозиции против этой фундаментальной ревизии марксизма и трагичные для Советского Союза и для всего международного пролетариата

последствия этой теории не вменяются в рамки этой лекции. Но мы должны хотя бы вкратце изложить события в Китае, потому что осмысление их трагичных уроков сыграло такую фундаментальную роль в политическом образовании товарища Кирты.

Заигрывание Сталина вокруг Чан-Кай-Ши и буржуазного Гоминдана, за которое так жестоко заплатил китайский пролетариат, фактически вытекало из оппортунистических соображений, мотивировавших проведение теории «социализма в одной стране».

Согласно этой теории построение социализма в Советском Союзе зависело не от пролетарского завоевания власти в передовых странах. Скорее, социализм мог быть осуществлен внутри СССР на основе его собственных внутренних ресурсов. Но Сталин не обрывает полностью с весов значение Коминтерна и его влияние на международный рабочий класс в целях помощи Советскому Союзу в построении социализма. Согласно Кремлю социализм мог быть построен с СССР, если только империализм не нападет.

Коминтерн был полезен в предотвращении этой опасности через культивацию союзов с буржуазными режимами или через давление на правительства через посредство рабочих движений в пользу дружественного отношения между этими правительствами и СССР.

В Англии такая политика была осуществлена в 1925—26 гг. через создание Англо-Русского Комитета и привела в 1926 году к предательству Восьмой стачки.

В Китае сталинистская бюрократия пыталась культивировать дружбу с Гоминданом и его руководителем, Чан-Кай-Ши. Сталин дал Китайской компартии указание подчиниться политической дисциплине Гоминдана, определенного как «блок четырех классов»: рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и национальной буржуазии. В мае 1926 года Гоминдан был принят в Коминтерн как симпатизирующая партия, и Чан-Кай-Ши был приглашен в Президиум Коминтерна в роли «почетного члена».

Восхваление Гоминдана и Чан-Кай-Ши имело место на фоне растущей волны революционной борьбы пролетариата и крестьянства. Рост массового движения заострил конфликт между китайской буржуазией и рабочим классом и толкнул буржуазию все сильнее в объятия империализма. Но сталинистское руководство Коминтерна отрицало классовую дифференциацию, утверждая, что национальное угнетение Китая подчиняло все классы общей цели и толкало их к революционной борьбе против империализма. Троцкий писал следующее против этой фальшивой концепции:

«Грубейшей ошибкой является мысль, будто империализм механически, извне сплавливает все классы Китая. ... Революционная борьба против империализма не ослабляет, а усиливает политическую дифференциацию классов. Империализм представляет собой могущественнейшую силу во внутренних отношениях Китая. Основным источником этой силы являются не военные корабли в водах Ян-Цзы-Кванга, — это лишь вспомогательные орудия, — а экономическая и политическая связь иностранного капитала с китайской буржуазией. Борьба против империализма, именно в силу его экономического и военного могущества, требует гигантского напряжения сил всей толпы китайского народа. ... Но все, что поднимает угнетенные и придавленные массы трудящихся, неминуемо толкает китайскую национальную буржуазию на открытый военный блок с империализмом. Классовая борьба между буржуазией и рабоче-крестьянскими массами не

ослабляется империалистским гнетом, а, наоборот, обостряется им при каждом серьезном конфликте до степени кровавой гражданской войны»³⁰.

Предупреждение Левой Оппозиции было трагически подтверждено массовым убийством тысяч членов КПК компартии в Шанхае 12 апреля 1927 года солдатами Чан-Кай-Ши. Коминтерн пытался увильнуть от ответственности за это катастрофическое поражение, говоря, что путч Чан-Кай-Ши представлял собой предательство лишь малой части Гоминдана, так называемого «правого крыла», состоявшего из национальной буржуазии. Сталинисты противопоставили Чан-Кай-Ши «левое крыло» Гоминдана, которое якобы составляло 90% «блока четырех классов» и которое концентрировалось в «левом» гоминданском правительстве Вуханя. Но в июле 1927 года правительство Вуханя жестоко расправилось с рабочим классом и провело кровавые избиения членов компартии и рабочих активистов. Стоя перед лицом совершенного краха своей политики, Сталин санкционировал отчаянную авантюру, известную под именем Кантонской Коммуны, которая закончилась катастрофой. К началу 1928 года КПК компартия, год назад насчитывавшая десятки тысяч членов, фактически прекратила свое существование.

Невозможно оценить исторические последствия этого поражения. Его немедленным результатом оказалась дальнейшая изоляция Левой Оппозиции и ее политическое поражение. Кроме того, поражение Китайской революции не было «просто» задержано на двадцать лет. Политическая физиономия и социальный состав компартии Мао-Цзе-Дуна, приведшей к власти в 1949 году, были так глубоко и отрицательно преобразованы последствиями поражения 1927 года, что эта партия, с марксистской точки зрения, едва ли могла быть определена как рабочая партия.

Более широкое значение «социализма в отдельной стране»

Ясно, что теория «социализма в отдельной стране» сознательно и непосредственно вела к оппортунистической реориентации стратегии Коминтерна к оборонительным союзам, направленным к смягчению империалистического давления на Советский Союз. Но, помимо грубых расчетов Сталина, восхваление Чан-Кай-Ши само собой вырастало из теоретических понятий, лежавших в основе программы национального социализма. В центре «теории» Сталина лежит совершенно иное определение исторической эпохи. В противовес теории перманентной революции, сталинистское понимание эпохи приписывало значительный потенциал национально-государственной форме экономической организации. Из этого выходило, что национальная буржуазия отдельных стран все еще могла играть исторически прогрессивную роль. С другой стороны, Троцкий отрицал такую возможность потому, что колониальная буржуазия, в конечном итоге, не только опиралась на устаревшие отношения собственности, но и потому, что ее существование было связано с национально-государственной формой, представлявшей главную преграду национальному развитию производительных сил человечества.

Троцкий остался глубоко заинтересован в развитии революционного движения Азии. Он чутко понимал значение борьбы колониальных масс против империалистического правления. Но, как и прежде, он продолжал отвергать претензии национальной буржуазии на главенство в руководстве демократическими революциями. В этом отношении, его заметка об

³⁰ («Китайская резолюция и тезисы т. Сталина», 7 мая 1927 г., стр. 2, Houghton Library, Trotsky Archive, T-3053).

Африканском Национальном Конгрессе, написанная в 1934 году группе его сторонников в Южной Африке стоит повторения:

«Большевики разоблачают перед туземными массами неспособность Конгресса добиться осуществления даже своих собственных требований, вследствие его поверхностной, соглашательской политики и развивают, в противовес Конгрессу, программу классовой революционной борьбы»³¹.

В оценке Троцким буржуазных национальных движений был еще один, более глубокий момент. Хотя он высоко ценил могучие массовые движения, растущие в отсталых странах, отношение Троцкого к перспективе «национального освобождения» — в той мере, в какой это мыслилось чисто «национальной» задачей, — было недвусмысленно отрицательным. Например, в его манифесте «Война и Четвертый Интернационал», выпущенному в 1934 году, Троцкий писал:

«...Но нужно заранее отдать себе ясный отчет в том, что запоздалые революции в Азии, Африке или Южной Америке не способны открыть новую эпоху процветания национального государства. Освобождение колоний окажется только грандиозным эпизодом в мировой социалистической революции, как запоздалый демократический переворот в России, которая тоже была полу-колониальной страной, оказался лишь вступлением к социалистическому перевороту.»

«Национальная проблема сливается с социальной. Только завоевание власти мировым пролетариатом может обеспечить действительную и неизбежную свободу развития для всех наций нашей планеты»³².

Его заметка об Индии, находившейся тогда посреди могучего движения против колониального гнета, была особенно пророческой. В июле 1939 года Троцкий, предчувствуя, что вспышка Второй Мировой войны резко ускорит революционное движение колоний против империализма, послал письмо рабочим Индии, в котором он осудил сталинистское предательство антиколониальной борьбы и призвал к построению секции Четвертого Интернационала в Индии.

«Индусская буржуазия на революционную борьбу не способна. Она тесно связана с британским капиталом и зависит от него. Она дрожит за свою собственность. Она боится масс. Она ищет во что бы то ни было компромисса с британским империализмом и усыпляет индусские массы надеждами на реформу сверху. Вождь и пророк этой буржуазии является Ганди. Ложный вождь и фальшивый пророк!»³³

Призыв Троцкого принес плоды в Цейлоне. С 1935 года там существовала Ланка Сама Самажа партия, сформированная из радикальной антиимпериалистической организации. Она завоевала поддержку рабочего класса и постепенно сдвинулась влево. В начале 1940 года, по мере того, как политическая программа ЛССП стала принимать все более четкий марксистский характер, она исключила тех, кто соглашался со сталинизмом. Эта эволюция нашла свое выражение в разработке концепции международной ответственности. Подвергнув свою собственную программу критической переоценке, руководство ЛССП выразило несогласие со своей предыдущей концепцией «национальной» революции в Цейлоне и заявило, что революционное социалистическое движение на острове Цейлон может быть построено лишь как ведущая часть все-индийского революционного движения. На этой основе ЛССП вошла в Большевикско-Ленинскую

³¹ («Замечания по поводу проекта тезисов Коммунистической Лиги Южной Африки», 20 апреля 1935 г., стр. 3; Houghton Library, T-3672).

³² «Война и Четвертый Интернационал», 1934 г.

³³ «Бюллетень Оппозиции», № 79-80, август-сентябрь-октябрь 1939 г., стр. 23.

партию Индии и, примерно в то же самое время, подала заявление о приеме в Четвертый Интернационал.

ЛССП встала у руководства антиимпериалистической борьбой в Цейлоне против сталинистов, сотрудничавших с британским империализмом.

Итак, в Цейлоне из-за отважной борьбы троцкистов, была установлена идеологическая и политическая независимость рабочего класса. Сталинисты в Индии не могли и даже не пытались совершить подобное. В Индии сталинисты жалко плелись за буржуазным движением Индийский Национальный Конгресс под руководством Ганди и Неру. Но в Цейлоне, на базе пролетарской международной ориентации, троцкисты завоевали руководство массовым движением против британского империализма. Это достижение является, кроме всего прочего, важным с историко-теоретической точки зрения. Оно демонстрирует, что распространенное предположение, будто антиимпериалистическая борьба, то есть борьба против колониального порабощения, есть и может быть просто национальной борьбой, упрощает и искажает действительность и, на самом деле, мистифицирует социальную динамику массового антиимпериалистического движения. Сила влияния БЛПИ исходила из того факта, что троцкисты основывали свою борьбу на перспективе интернационализма, а не национального освобождения. Несмотря на последующее предательство ЛССП (с которой БЛПИ слилась в 1950 году), этот исторический вклад создал могучую политическую традицию, которая воодушевила учреждение Революционной Коммунистической Лиги и построила основу для будущего политического развития Кирти.

Послевоенные устройства и деколонизация

Лишь за несколько месяцев до своего убийства, Троцкий в последний раз обдумал исторические задачи, стоявшие перед рабочим классом отсталых стран. Он предупредил, что империалистическая война не приведет к прогрессивному разрешению проблем колониальных масс, если колониальный гнет не будет прекращен социалистической революцией. «Поэтому, надежды колониальных народов на освобождение, — писал он, — тем более тесно связаны с освобождением рабочих всего мира. Колонии будут освобождены, политически, экономически и культурно, лишь тогда, когда рабочие передовых стран покончат с капиталистической властью и начнут, вместе с отсталыми народами, реорганизовывать мировое хозяйство на новом уровне, связывая его с социальными нуждами, а не с прибылью монополий. Лишь этим путем колониальные и полуколониальные страны смогут выпутаться из своих различных степеней отсталости и занять свое место как составные части идущего вперед всемирного социалистического сотрудничества»³⁴.

События, последовавшие за окончанием Второй Мировой войны, трагично подтвердили прогноз Троцкого. Как показали события в Индии, формальная независимость вовсе не явилась, в сущности, выражением осуществления демократических надежд индийских масс. Наоборот, условия независимости несомненно доказали совершенно реакционную природу национальной буржуазии. Раздел Индии, повторенный затем в различных трагичных формах на протяжении всего послевоенного периода, сохранил интересы империализма. Этот раздел явился средством, с помощью которого империализм и национальная буржуазия поощряла и

³⁴ «Documents of the Fourth International: The Formative Years 1933—40» (New York: Pathfinder, 1973), p. 395.

манипулировала общими противоречиями в целях раскола и ослабления рабочего класса.

В Цейлоне представители БЛПИ, основываясь, как я уже сказал, на интернационалистической программе, голосовали против независимости по причине, что этот договор между цейлонской буржуазией и империалистами не осуществлял ни национального объединения, ни независимости от империализма. И принципиальная установка троцкистов была почти сразу же подтверждена. Среди первых законов, принятых цейлонской буржуазией, был закон о гражданстве, лишивший гражданских прав именно ту часть населения, которая сыграла ключевую роль в борьбе против британского правления: тамильских рабочих на плантациях. Гражданство должно было быть определено не на основе рождения, проживания или работы, а на основе семейного происхождения. Этот билль на деле показал, что буржуазия являлась основным врагом национального объединения.

Колвин Р. де Сильва прочел провидческую речь против этого закона о гражданстве:

«Если у этого закона и существует какое-то философское обоснование, то есть если он проведен согласно каким-то предпосылкам, то ясно, что основные философские, политические и социологические принципы, согласно которым бессознательно ведет себя правительство, это то, что государство должно существовать одновременно с нацией, а нация — с расой. Нет другого смысла и иной философии, которые могут послужить источником принципа происхождения как ведущего принципа гражданства. Это устаревшая и опровергнутая философия... Именно в нынешнюю эпоху, при развале капиталистической системы и в реакционных целях, эта старая и упраздненная теория возрождается; и именно при фашизме нацию попытались сделать идентичной с расой; а расу сделать ведущим фактором в составе государства... Статус граждан Цейлона находится под угрозой превращения в положение расового статуса. И нужно бороться против этого принципа».

Кирти процитировал этот отрывок в его письме ко мне осенью 1987 года. Он часто ссылался на раннюю борьбу БЛПИ потому, что он испытывал интеллектуальное и политическое воодушевление от ее богатого исторического наследия. Хотя РКЛ являлась результатом борьбы против предательства этого наследия теми, кто раньше являлся лучшими вождями индийского и цейлонского пролетариата, Кирти не мог отвернуться от того, что составляло долговременный вклад таких людей как Колвин де Сильва. Если линия БЛПИ в 1948 году так занимала Кирти, то это потому, что он считал, что проблема послевоенного устройства имела огромное значение в разработке стратегии пролетариата в отдаленных странах.

Как часто повторял Кирти, врожденная неспособность национальной буржуазии сделать какой-либо вклад в дело исторического прогресса, находила свое наиболее яркое выражение в послевоенных сделках, в ходе которых фальшивая «государственная независимость» служила широкой продолжавшемуся правлению империализма над массами бывших колоний. Кирти категорически отвергал, в сущности, реформистские и апологетические заявления оппортунистов типа Пабло-Манделя, будто государственная независимость выражала какую-то частичную победу, и что национальная буржуазия заслуживает за это какое-то признание. В ранние годы своей политической работы Кирти усвоил основные уроки жестокой борьбы Международного Комитета против паблонетских капитулянтов перед Кастро, Бен-Беллой и другими представителями буржуазного национализма.

Индийское вторжение в Бангладеш

Отглядывая назад, нас не должно удивлять сопротивление Кирти уже в 1971 году против руководства Социалистической Рабочей Лиги. Согласно политическим основам, на которых была построена Революционная Коммунистическая Лига, он не мог не быть весьма чувствительным к тенденциям оппортунизма, которые стали весьма заметными внутри СРЛ с конца 1960-х годов. Майк Банда, бывший вместе с Хили и Слотером членом политической тройки в руководстве Социалистической Рабочей Лиги, развил позиции, имевшие ярко оппортунистский характер. В начале 1960-х годов Банда начал восхвалять Мао-Цзе-Дуна и Хо-Ши-Мина, намекая, что их мероприятия выражали альтернативу сталинизму и даже оригинальное, хотя и эклектичное, применение теории перманентной революции Троцкого. Хотя Хили пытался избежать политического спора с Бандой и отмахивался от его более экстравагантных заявлений, называя их не более как личным эксцентризмом, политическая действительность свидетельствовала, что СРЛ, как и паблонеты, которым она ранее сопротивлялась, приспособилась к политике мелкобуржуазного радикализма, который был так широко распространен в то время.

Неоспоренное никем внутри руководства СРЛ восхваление Банды по адресу возможностей левого буржуазного национализма, — в частности, маоизм и политика вьетнамского Национального Фронта Освобождения были разновидностями последнего, — развивалось в далеко идущую переоценку исторического значения послевоенного устройства мира и буржуазных национальных движений. Банда постепенно развил понятие, что буржуазные государства, развившиеся в бывших колониях, выражали собой настоящий шаг вперед в борьбе за национальное самоопределение, и что рабочий класс должен политически поддерживать эти государства.

В этом и состояла сущность спора, возникшего в 1971—72 гг. между РКЛ и СРЛ. Мы вкратце опишем события, приведшие к диспуту. Летом 1971 года буржуазная националистическая Авамская Лига под руководством Шейха Муджибура Рахмана добилась избирательной победы в Восточном Пакистане (территория, населенная бенгальским народом и отрезанная тысячами километров индийской территории от главной части Пакистана. В ответ на победу Авамской Лиги, правящий военный режим Пакистана, под руководством Яя Кана, вторгся в Восточный Пакистан. Армия Кана жестоко расправлялась с бенгальским населением. Но в течение позднего лета и осени в стране широко распространилось партизанское движение, известное под именем Мукти Бахини. После того как положение пакистанской армии ухудшилось, индийское правительство, опасаясь установления радикального режима в Восточном Бенгале, организовало военное вмешательство. Никого не должно удивить, что это вмешательство индийской армии произошло одновременно с кровавым подавлением силами правительства Дели радикального движения Наксал в Западном Бенгале.

Банда был вне себя от радости. В заявлении от 6 декабря 1971 года он написал: «Мы критически поддерживаем решение индийского буржуазного правительства оказать военную и экономическую поддержку Бангладеш».

Самостоятельное решение Революционной Коммунистической Лиги 8 декабря 1971 года было полностью противоположным выводу СРЛ:

«Мы призываем индийский пролетариат отвергнуть претензию индийской буржуазии на роль освободителей Восточного Бенгала. Троцкисты заявляют, что вооруженная интервенция Индии в Восточном Бенгале имеет лишь одну цель. Индия пытается предотвратить борьбу за Бангладеш от преобразования в борьбу за революционное объединение всего

Бенгала. Военное вмешательство Индии было затеяно, чтобы подавить революционную бенгальскую освободительную борьбу, разбить восстание масс в Бенгале и установить марионеточное правительство, которое, фальшиво узурпируя имя правительства Бангладеш, ограничит и задержит массовое движение в интересах буржуазии и империализма. Поэтому мы призываем индийский пролетариат принять программу революционного пораженчества по отношению к контрреволюционной борьбе индийской буржуазии, в то же самое время поддерживая всеми средствами борьбу Мукти Бахини».

«Это является единственной революционной программой пролетариата Индийского субконтинента. Она логично и естественно вытекает из марксистского анализа всей послевоенной истории субконтинента».

«Последние 25 лет, со времени фальшивой «независимости», данной британским империализмом своим верным слугам среди местной буржуазии этих стран, доказали, что ни один из основных хозяйственных, национальных или социальных проблем не может быть разрешен этими капиталистами. Их абсолютное банкротство по отношению к этим историческим задачам является доказательством центрального тезиса теории перманентной революции Троцкого о том, что лишь пролетариат, ведя за собой угнетенные сельские массы, может решить эти проблемы как часть задач социалистической революции. Раздел индийского субконтинента, соответствующий политике «разделов и властуй», был поддержан индусской и мусульманской буржуазией, равно как и международным сталинизмом; огромные социальные и национальные противоречия были подавлены и ограничены в рамках этого раздела, тем самым обеспечивая преобладание капитализма, голода, нищеты и страданий сотен миллионов угнетенных масс. Эти противоречия, развивающиеся как часть и итог развития всей международной империалистической системы, не могут и дальше быть сдерживаемы».

В своем письме к Клиффу Слотеру 16 декабря 1971 года, Кирти открыто заявил: «Нельзя поддерживать национально-освободительную борьбу бенгальского народа и добровольное объединение Индии на социалистической основе вне сопротивления против Индо-Пакистанской войны... Как можно говорить об объединении Индии без борьбы за свержение правящих классов Индии и Пакистана, являющихся главными препятствиями такому объединению?»

11 января 1972 года в своем следующем письме Кирти подверг резкой критике восторженную поддержку со стороны Банда успехов индийской армии и предупредил: «За этими хвалебными поздравлениями по адресу индийской армии скрывается совершенное отрицание революционной возможности бенгальского, индийского и пакистанского пролетариата».

Майк Банда, наконец, ответил 27 января 1972 года: «Что представляет собой эта война? Во-первых, она выражает попытку пакистанской буржуазии, поддержанной американским империализмом, подавить народ Бангладеш. Но еще важнее, посредством создания проблемы беженцев и вооруженной оккупации Восточного Бенгала, она переросла в определенную угрозу со стороны американского империализма уже ограниченному внутреннему рынку индийской буржуазии...»

«Ситуация мгновенно изменилась. Противоречие между индийским пролетариатом и индийскими капиталистами не прекратилось. Но оно было превзойдено конфликтом между индийской нацией и империализмом, представленным Пакистаном».

Это поразительно: согласно Банда, противоречие классов подчиняется борьбе между буржуазными государствами Индии и Пакистана. Это объявление выразило собой предательство самых основных принципов

марксизма. Между позицией Банда и линией социал-шовинистов — в августе 1914 года последние утверждали, что противоречия между пролетариатом и их буржуазией отошли на второй план по сравнению с конфликтом между германской (или французской, российской, британской и т.д.) нацией и империализмом национального врага — не было фундаментальной разницы.

Банда упрекал Кирти словами, многократно направленными против марксистов: «Ваше отношение слишком догматично и негибко. Оно не может поэтому верно отображать многогранность действительности — и по этой причине не может найти дороги к массам».

В конце письма Банда жалко добавил: «Пожалуйста, не делайте вывод из этого, будто мы поддерживаем продолжительную оккупацию Бангладеш индийскими войсками или разоружение партизан Рахмана. Мы были и будем против этого».

Рост оппортунизма в МКЧИ

Критика Кирти не была опубликована, и МКЧИ за это дорого расплатился. РРП последовательно сползала вправо. Более и более нагло РРП занималась оправданием и защитой политики буржуазных националистов в Родезии, Ираке, Ливии, Ливане... В то же самое время Банда превратился в наиболее ярого защитника так называемых достижений государственного строительства руками национальной буржуазии. Это привело к совершенно гротескным последствиям. В 1979 году, под руководством палача Сухарто, военная хунта в Индонезии ответила на провозглашение независимости Восточного Тимора посылкой войск и массовыми убийствами десятков тысяч. Социалистическая Рабочая Лига, австралийская секция МКЧИ, встала на защиту права населения Восточного Тимора отделиться; но Банда оправдал подавление в Восточном Тиморе ссылкой на то, что Сухарто защищает великое завоевание национального движения Индонезии: единство индонезийского архипелага.

Между 1978 и 1982 годами РРП систематически предавала принципы троцкизма, подчиняя пролетариат буржуазным национальным движениям вроде Организации Освобождения Палестины, Патристического Фронта Мугабе и Нкомо и буржуазных режимов Ливии, Ирана и Ирака.

Политическая линия РРП облизалась с позицией паллоистов; это нашло самое яркое подтверждение в докладе руководителя СРП Америки, Джека Барнса, 31 декабря 1982 года. Он сказал: «Перманентная революция не является верным или достаточным обобщением; она поднимает больше вопросов о нашем положении, чем разрешает... Мы получим гораздо больше, уменьшив упор на перманентную революцию, указав, так я думаю, что она неверна и бесполезна для обобщения нашей программы».

Что предлагал Барнс вместо этого? «Мы считаем себя частью общего мирового марксистского движения, вместе с FSLN, с движением New Jewel в Гренаде, с кубинской компартией...»

Доклад Барнса развеял все наши сомнения о траектории РРП, и в нашем докладе на заседании МКЧИ 11 февраля 1984 года мы уделили большую часть внимания критике позиции Барнса. Это, между прочим, вызвало злой ответ Банда, который заявил: «Вы начинаете с Барнса, а кончаете РРП». Так оно и было на самом деле.

Революционная Коммунистическая партия не была приглашена на этот пленум и не узнала о моей критике в течение еще 22-х месяцев. Но я не сомневался, что, если бы Кирти присутствовал, он бы безоговорочно и с энтузиазмом поддержал этот доклад.

Борьба внутри МКЧИ имела объективное значение. Она являлась антиципацией глубокого изменения в мировом положении, которое привело

к коллапсу буржуазных и мелкобуржуазных национальных движений, которые были так расхвалены оппортунистами.

Конечные итоги национального освобождения

Объективная оценка послевоенного периода демонстрирует явный провал буржуазного национализма и лживую сущность «независимых государств», созданных под его покровительством.

Даже в странах, где «национально-освободительная» война велась под руководством якобы «коммунистических» движений, конечным итогом явилась капитуляция перед империализмом. Китай развивается по капиталистическим рельсам. Вьетнам, победивший сначала французский, а, затем, американский империализм в ходе тридцатилетней войны, опустился до положения, где он рекламирует себя как рынок самой дешевой рабочей силы в мире.

Раскол внутри Международного Комитета открыл возможность глубокой переоценке всего исторического значения движений «национального освобождения» и их отношения к пролетариату и к перспективе социалистической революции. Я должен сказать, что между 1985 и 1987 годами оценка этих движений со стороны Кирти стала все более отрицательной, особенно когда он расследовал политическое развитие борьбы между режимом в Коломбо и Тиграми Освобождения на севере Шри Ланки.

В целях исторической правды и для того, чтобы понять эволюцию политической линии РКЛ, надо подчеркнуть еще раз совершенно коварную роль, которую РРП сыграла внутри Международного Комитета и ее эффект на троцкистов Шри Ланки. Между 1972 и 1979 годами именем МКЧИ РРП подчинила РКЛ политической линии в отношении тамильского национального движения, с которой были несогласны Кирти и его сотрудники в руководстве партии. То есть, согласно с мнением Банды, которое гласило, что буржуазные государства, сформированные в послевоенный период, выражали прогрессивный исторический феномен, РРП встала против борьбы тамильских масс. Оппозиция РРП тамильскому национальному движению имела совершенно правый характер, потому что она основывалась на совершенно реакционной защите законности буржуазных государств, установленных после Второй Мировой войны. Потом, в 1979 году, РРП внезапно изменила свою линию по отношению к тамильскому вопросу. Она стала восторженным и некритичным сторонником ТОТИ, заняв по отношению к этому движению то же самое отношение, какое она имела к палестинскому движению и к другим буржуазным национальным движениям.

Лишь раскол позволил нам переоценить проблему тамильского национального движения в рамках богатого исторического опыта всего послевоенного периода и критического применения теории перманентной революции. Как часто повторял Кирти, оппортунисты РРП «замутили воду», и теперь Международный Комитет был вынужден восстанавливать принципы троцкизма в разработке стратегии мировой социалистической революции.

В оппозиции всем оппортунистическим течениям в Шри Ланке, РКЛ непримиримо защищала демократические права тамильского народа, стояла за право тамиллов севера на самоопределение и недвусмысленно сопротивлялась реакционной и кровавой войне сингальского шовинистского режима в Коломбо против тамиллов. Но и в рамках несгибаемого сопротивления РКЛ против сингальских шовинистов и их реакционного буржуазного государства, к концу своей жизни Кирти начал все больше и

больше сознавать, что стратегические цели пролетариата в исторически угнетенных странах не могут быть определены попросту на основе некритического применения лозунгов «национального освобождения» и «самоопределения».

Подписание Индо—Ланкийского Соглашения в начале августа 1987 года полностью обнажило политическое банкротство ТОТИ, и Кирти отозвался на эти события письмом, послужившим основой для дальнейшего развития программы Международного Комитета.

11 сентября 1987 года он написал мне: «Нынешняя ситуация требует от нас, в частности, подытожить исторический опыт революционного пролетариата по отношению к движениям национального освобождения, особенно после окончания Второй Мировой войны. Мы, конечно, можем многому научиться из анализа Ленина. Но мы должны учитывать, что Ленин писал свои тезисы для Третьего Интернационала, когда колониальные народы едва лишь начали свою национальную борьбу против империализма... И они не могут применяться некритически для затушевывания тех изменений, имевших место после Второй Мировой войны, особенно в странах Востока. К тому же в странах Востока национализм переродился. Ревизионизм приспособился к этой дегенерации, объявляя необходимостью поддержать национализм полуколониальной буржуазии против империализма. Банда являлся представителем этого течения внутри Международного Комитета по меньшей мере с конца 1970-х годов. Подчинение пролетариата сталинистам и ревизионистам сыграло непосредственную роль в отколе угнетенных масс многих малых народностей от рабочего класса и открыло дорогу развитию национальных освободительных движений малых наций. Хотя стремление к демократическим свободам под знаменем национализма, направленное против капиталистического государства, имело определенное прогрессивное содержание, национализм оказался неспособен добиться национального освобождения или объединить силы, нужные для свержения угнетателей. На деле, в решающий момент национализм сыграл роль барьера, мешающего объединению пролетариата, а это последнее единственно способное вести за собой все силы демократической революции».

Последнее собрание Международного Комитета при жизни Кирти произошло в ноябре 1987 года, и оно опубликовало заявление, противопоставившее перспективу Соединенных Социалистических Штатов Тамил Илам и Шри Ланки буржуазной программе тамильского национального сепаратизма.

Перспектива интернационализма

Пять лет спустя после смерти Кирти нужно завершить работу по подведению итогов послевоенного периода и оценить весь опыт буржуазных национально-освободительных движений.

Вместе с защитой демократических прав всех угнетенных народов, марксисты обязаны указать, что лозунги «национального освобождения» и «самоопределения» были на деле превращены буржуазными националистами в реакционное оправдание сепаратистских и местных программ, не имевших никакого прогрессивного и по-настоящему демократического содержания.

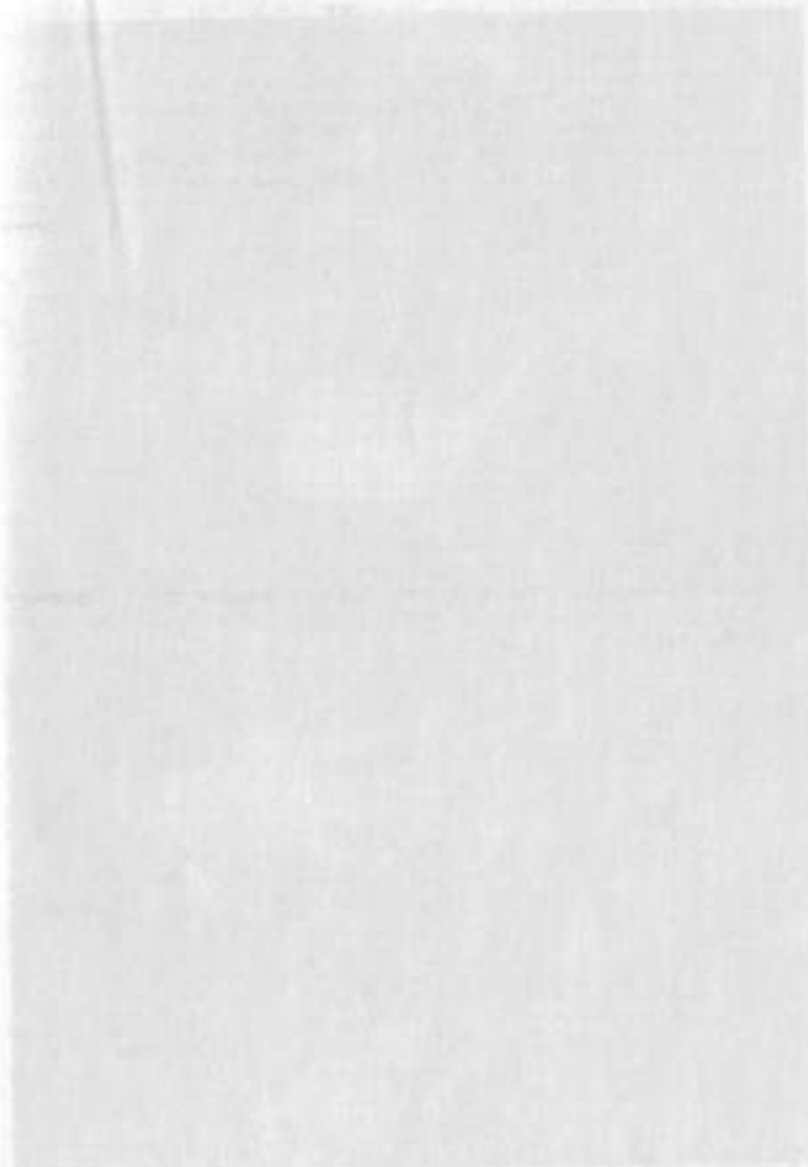
В той мере, в какой марксисты приписывали прогрессивное содержание национально-освободительным движениям, — это делалось потому, что они были в некоторой мере связаны с преодолением империалистического гнета и наследием отсталости, племенных и кастовых различий и тому подобного. Ни «Индия», ни «Китай» не являлись этнически или языково-

однородными нациями, а политическими понятиями, которые предполагали прогрессивное объединение народов в этих обширных географических масштабах, открывая перспективу настоящего хозяйственного и культурного прогресса.

Но это содержание отсутствует в разнообразных движениях, которые сегодня претендуют на роль «национально-освободительных». Во всяком случае, каковы бы ни были субъективные цели разных движений, освобождение человечества не может быть достигнуто в эпоху глобальной экономической интеграции через установление новых национальных государств. Создание особых территориальных заповедников для каждой фракции населения, которая заявляет о своей уникальной национальной, языковой, религиозной или этнической особенности — это перспектива, осуществление которой означало бы возвращение к варварству.

Троцкий ясно об этом рассуждал. Даже при его жизни, когда требования о самоопределении все еще сохраняли прогрессивное содержание, национальное самоопределение не доминировало над борьбой за установление единства рабочего класса вокруг социалистической программы. Требование о самоопределении не означало тогда, — и не означает сегодня, — примирения между марксизмом и национализмом. И, что важнее всего, оно ничуть не обязует марксистскую партию поддерживать сепаратистские движения. Замечания Троцкого по вопросу о самоопределении Каталонии являются весьма поучительными.

Подводя итог этим весьма обширным замечаниям, позвольте мне повторить объяснение председателя собрания, что я выбрал форму лекции потому, что я думаю, что оценка значения работы Кирты возможна лишь на основе исторического обзора теоретических традиций революционного интернационализма, на которых была основана его интеллектуальная и политическая работа.

Второй профессор
1920-1921

Христофор Колумб

История

500-летняя годовщина открытия Америки³⁵

В этом месяце исполнилась пятисотая годовщина открытия Америки. Юбилей высадки трех кораблей под командой Христофора Колумба на Багамских островах был отмечен как празднованиями, так и протестами.

В то время как капиталисты в своих собственных реакционных целях описывают Колумба в виде культурного гения, истеричные мелкобуржуазные радикалы пытаются выдать его за злодея, путешествие которого явилось монументальной катастрофой для всего человечества.

Для марксистов эта годовщина не является поводом ни для идиотского веселья ни для помпезных проповедей; она побуждает нас серьезно подумать. Вовсе не отвергая 1492 год мы сознаем, что он явился великой исторической вехой в развитии нашего мира.

История — объективный процесс. Плавание Христофора Колумба было неразрывно связано с фундаментальными изменениями в основах европейского общества конца пятнадцатого века; изменениями, породившими капиталистический способ производства, все еще преобладающий на Земле 500 лет спустя.

Во времена Колумба Европа лишь оставляла за спиной Средние Века. Развитие среднего класса в городах и эмбрионическое появление капиталистических форм производства указывали на то, что старая феодальная система неминуемо рухнет.

Вместе с появлением средних классов происходило великое возрождение науки. Вновь развивались и культивировались астрономия, физика, механика, анатомия и физиология.

Пересечение неисследованного и, в большей части, неизвестного океана на борту 20-метровой каравеллы было, конечно, героическим и лично опасным подвигом. Но успех Колумба в его плаваньи в Америку и возвращении оттуда вовсе не был лишь его личным достижением. Этот успех стал возможен благодаря достижениям человеческого познания во время Ренессанса и Просвещения.

Сегодня известно, что другие европейцы — португальские рыбаки, викинги и другие, — добрались до берегов американского континента задолго до Колумба. Но его плавание было совершенно другого порядка измерения. Во-первых, оно выражало сознательное действие, основанное на научном понимании мира.

Что еще важнее, к концу пятнадцатого века возможность пересечь Атлантический океан открыла эпоху экономических, научных и социальных трансформаций, которые создали наш мир.

Поддержка, которую Колумб получил от королевы Кастилии Изабеллы, объясняется хозяйственными целями ее монархии. Королева хотела применить восточное золото для растущих расходов государства. Но, в конечном итоге, социальные силы, подтолкнутые открытием Нового Мира, добыча богатств в Америке и дальнейшие открытия новых торговых путей в Ост-Индию, привели к крушению монархий во всей Европе и к разрушению всего старого феодального порядка.

³⁵ Редакционная статья из номера «Бюллетеня» Рабочей Лиги (США) за 16 октября 1992 г.

Примитивное накопление.

Эта погоня за золотом и все дальнейшие грабежи Нового Мира сыграли ключевую роль в превращении капитализма во всемирную систему. Они явились одной формой тех ужасов, которые Маркс назвал «примитивным накоплением».

Во всей Европе распад феодализма был связан с насильственным изгнанием сельскохозяйственного населения с его земель, выселением из их домов, превращением их в блуждающих бродяг, жертв насилий, преследований и казней. Это явилось также основой концентрации богатства в руках растущей буржуазии и создания нового класса «свободных», т.е. не имеющих никакой личной собственности, рабочих для их дальнейшей эксплуатации в капиталистической промышленности.

Варварства нарождающегося капитализма по отношению к массам Европы были во много раз умножены в тех бесчинствах, которые он применял по отношению к народам Америки и Африки.

Как заметил Маркс в отрывке, ставшим знаменитым из-за своей жгучей иронии: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства» («Капитал», т. 1, гл. 24).

Во всем мире, капитализм сметал со своего пути и уничтожал старинные формы производства. В Новом Свете это привело к наиболее кровавым формам. Цивилизации Инков и Майя были поразительно быстро свергнуты гораздо лучше вооруженными испанскими конкистадорами. Колонисты провели насильственную экспроприацию земель индейцев Северной Америки. Формы примитивного коммунизма, существовавшие среди туземного населения, были совершенно несовместимы с системой, основанной на частной собственности, классовой эксплуатации и производстве ради прибыли.

Грабеж Америки и торговля рабами привели к резкому росту европейских капиталистических барышей. В то же время открытие новых континентов впервые в истории человечества привело к созданию мирового рынка. Количество товаров торговли умножилось; страны Европы вошли в период жестокой конкуренции за контроль над колониями и богатствами Америки и Азии.

Превращенная в капитал кровь туземного населения Америки, народов Африки и Индии породила новейшую промышленность Европы. Это развитие промышленности, в свой черед, послужило закабалению мужчин, женщин и детей Европы для производства прибыли для растущей буржуазии.

Как выразился Маркс: «... Новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (Там же.)

Юбилейные колумбовские празднования

Никто даже и не думал праздновать этот юбилей в первое или второе столетие после плавания Колумба. Наоборот, адмирал вернулся из своего третьего похода в цепях каторжника; во время своего четвертого плавания ему запретили выйти на берег в основанной им же самой первой колонии в Санто-Доминго. Он умер в нищете, забытый королем Испании. Его репутация была сведена на нет такими конкистадорами как Кортес и Писарро, уничтожившими империю Майя и Инков и завоевавшими для Испании огромные сокровища.

Юбилей Колумба были впервые начаты в Северной Америке и были вначале связаны с первой американской буржуазной революцией. В те дни Колумба восхваляли как человека из народа, ставшего знаменитым, несмотря на злые козни королей, открывшего Новый Свет, который будет свободным от гнета старой Европы.

В то время распространение этого мифа приравнивало открытие Нового Света с прогрессом и свободой.

Четырехсотлетняя годовщина плавания Колумба произошла в самый зенит этого мифа. Американский капитализм праздновал тогда свое могущество и конвульсивный рост после окончания Гражданской войны. «Всемирная Колумбовская Выставка», открывшаяся в Чикаго в 1892 году, была проведена в целях похвастаться новыми промышленными и техническими силами, которые начинали соперничать со старыми империалистическими державами Европы.

В то же время роль исследователя пятнадцатого века была приукрашена американской буржуазией, готовившейся отправиться в свои собственные империалистические походы захватов и грабежей в мир, который был раньше под преобладающим правлением колониальных империй Европы. В течение нескольких лет Соединенные Штаты отвоевали у Испании ее колонии в Карибском море и на Тихом океане и заняли положение ведущей империалистической державы.

Циничный характер пятисотлетнего юбилейного праздника вовсе не случаен. Американская буржуазия охвачена сегодня не духом «Очевидной судьбы», а растущим смятением, разжигаемым неразрешимым мировым капиталистическим кризисом и историческим упадком американского империализма.

Правящая американская буржуазия не может и дальше повторять вчерашние мифы; она им сама уже не верит. Она уже давно израсходовала все потенциалы прогрессивного развития Нового Света, не говоря даже о всей Земле.

Деморализация

В конечном итоге, внешнеисторические и доктринерские осуждения Колумба со стороны мелкобуржуазных радикалов являются лишь отражением деморализации внутри самого правящего класса. Их желание повернуть историю вспять, вернуться к мифическому допотопному «раю» доевропейской Америки лишь выражает их совершенный пессимизм и неспособность разглядеть какой-то выход из того кризиса, которым капитализм угрожает человечеству.

Осуждения Колумба так банальны именно потому, что они лишены даже минимального понимания исторического развития, с которым было связано его плавание, потому что все эти проклятия несколько не сознают сущность капитализма.

Мелкобуржуазные радикалы смотрят на 1492 год как на начало долгого спуска к ужасам нашей цивилизации. Они не могут понять, что этот год ознаменовал не только жестокости и смерть, но и великие экономические и научные достижения новой эпохи и великие демократические революции, положившие конец феодализму.

Посредством глубоко прогрессивного, но также и весьма трагичного исторического процесса, это создало также условия для социалистической революции и освобождения человечества.

Марксисты стоят против политики мелкобуржуазного протеста, основанного на отчаянии и политическом бессилии. Мы не отвергаем перы в исторический прогресс. Наоборот, марксизм присваивает и развивает все

прогрессивное в буржуазной науке, философии и экономике. Он лишь заявляет, что пролетариат является правомочным наследником производительных сил и всех достижений человечества.

Сам рожденный во всемирном кровавом насилии, капитализм породил мировое хозяйство и всемирный пролетариат. Пролетариат может готовиться к революционной борьбе с капиталистическим гнетом лишь путем утверждения своего международного единства против всех форм национализма, шовинизма и расизма.

Пятистолетняя годовщина плавания Колумба должна везде стать для рабочих и мыслящих людей поводом подумать, как далеко мы дошли, и сколько нам еще предстоит сделать.

Капитализм, который раньше революционизировал производительные силы, уже давно пережил самого себя в качестве мировой системы. Во всех странах мира он угрожает человечеству нищетой, голодом, гнетом и войной. Он должен быть свергнут и заменен всемирной социалистической организацией производства, которая является единственной социальной организацией, способной гарантировать человечеству нормальные условия жизни.

Мировая социалистическая революция, освобождающая человечество от эксплуатации и анархии рынка, положит начало новой эпохе открытий, не только лишь для нескольких избранных, но для каждого мужчины и каждой женщины нашей планеты.

Грэйс Карлсон (1907 — 1992)

Некролог

Грэйс Карлсон: ведущая американская троцкистка 30-х и 40-х годов

Статья написана Джин Бруст

Грэйс Карлсон, одна из учредительных членов Социалистической Рабочей партии умерла 7 июля 1992 года в возрасте 85 лет. Карлсон получила диплом доктора психологии в Университете Миннесоты и была одной из молодых интеллигентов, которые в 30-е годы пришли к социализму как к единственному ответу на сокрушительный спад, подъем фашизма и угрозу империалистической войны.

Наиболее умные, вдумчивые и серьезные из них открыли марксизм через посредство теоретической ясности Льва Троцкого; его научное объяснение губительной роли сталинизма обучило и вдохновило их.

Писатели как Джеймс Т. Фаррелл, художники как Диего Ривера, интеллектуалы, пращающиеся вокруг литературного журнала *"The Partisan Review"*, стали членами или близкими сторонниками троцкистского движения. Тысячи других, менее известных интеллигентов и студентов, пошли той же дорогой.

Чтобы понять Грэйс Карлсон, необходимо изучить социальные условия, которые привели к такому обширному движению в слоях среднего класса, которые обычно остаются погруженными в пассивность или эгоизм.

Тридцатые годы обычно называют периодом пролетарских поражений; это верно. Но эти годы были также годами огромных и важных классовых боев. Всеобщая стачка во Франции, могучее сопротивление испанских рабочих против фашизма Франко, борьба китайских рабочих против японского империализма, борьба индийских масс против Великобритании, взрывчатые бои за организацию профсоюзов в Соединенных Штатах — все они питали и благоприятствовали рекрутированию и обучению революционеров.

Именно это видное всем массовое движение толкало тех, кто честно искал альтернатив, отвергнуть утопические и бредовые схемы, заполнявшие радиоволны. Многие откликнулись на призыв единственной партии, наставлявшей, что лишь революционный пролетариат в силах свергнуть капитализм, установить рабочее государство и повести человечество вперед, в новую и прогрессивную эру.

Упорство и бесстрашие разозлившихся масс громко отвечало «да!» на постоянные сомнения скептиков: «Будет ли рабочий класс бороться? Является ли пролетариат революционным классом?» Из-за открытого предательства старых рабочих бюрократий или неопытности нового слоя активистов были пережиты жестокие поражения.

Но каждый раз открывался новый фронт сражений. И всюду, где они могли обратиться к молодым интеллигентам, троцкисты призывали: «Займитесь изучением научного марксизма. Стройте революционное руководство в рабочем классе. Учитесь сами, по мере того как вы обучаете этих молодых рабочих. Стройте Четвертый Интернационал».

Грэйс Холмс Карлсон была одной из тех, кто откликнулся, одной из удачливых членов своего поколения. Ее счастье, что она выросла в г. Сен-Пол, штат Миннесота, на другом от города Миннеаполис берегу реки

Миннесоты, где произошло одно из первых и наиболее важных восстаний рабочего класса — всеобщая стачка шоферов в 1934 году.

Эта стачка победила сильное антипрофсоюзное объединение «Гражданский Союз», уничтожило жестокую систему открытого цеха в Миннеаполисе и подтолкнуло к массовым восстаниям, которые привели к организации Конгресса Индустриальных Организаций.

Эта стачка отличалась от обычных. Закореневшая реакционная бюрократия не контролировала ее, ее не вели активные, но неопытные рабочие, пытавшиеся запоздало понять замыслы врага во время боя.

Стачка в Миннеаполисе велась под руководством известных троцкистов, опытных и закаленных ветеранов. Они были активными членами IWW (Промышленные Рабочие Мира — революционная синдикалистская организация). После победоносной Российской революции в 1917 году они участвовали в учреждении Коммунистической партии. Самое главное, в 1928 году они поддержали борьбу Троцкого за марксистский интернационализм против национального оппортунизма Сталина и стали членами американской секции международного троцкистского движения.

Эти люди, в первую очередь, Винсент Раймонд Дани и Карл Скорлунд, руководили стачкой, учредили профсоюз и своим руководством сделали троцкизм главнейшим оружием в рабочем классе.

Грэйс и ее младшую сестру Дороти после смерти матери воспитал их отец, Джеймс А. Холмс. Он был железнодорожником и активным членом профсоюза. Несмотря на Депрессию, он тяжелой работой дал своим дочкам повышенное образование и воспитал их в духе гордости к своему ирландскому пролетарскому происхождению.

Поэтому, когда в Миннеаполисе разразились великие стачечные бои, потрясшие рабочий класс и большую часть среднего класса и выколотившие из них упадочную атмосферу, обе сестры были готовы откликнуться как интеллигентки, но с повышенной чувствительностью и пониманием проблем рабочего класса.

Вследствие того, что они жили в районе двух городов (Миннеаполис и Сен-Пол), где троцкисты были широко известны как руководящая сила в забастовке шоферов и где их идентифицировали с революционным интернационализмом, сестры встретили их и вступили в троцкистскую организацию.

Когда Грэйс Карлсон вступила в троцкистское движение в 1936 году, она была похожа на многих рекрутов того периода; но она стала одним из ведущих товарищей в Миннесоте и, в течение некоторого времени, в национальном масштабе. События развивались очень быстро; новые рекруты, если они были лично талантливы и находились под влиянием умелого местного руководства, быстро росли.

Карлсон была удачлива и с этой точки зрения. У нее был талант, а местное руководство было весьма умелым. Поэтому, когда в ее встретили в конце 1937 года, Грэйс Карлсон уже была ведущим членом исполнительного комитета в Сен-Поле. Вскоре она была избрана делегатом на учредительную конвенцию Социалистической Рабочей партии, которая была проведена на Новый Год к концу 1937 г.

Вскоре после этого, когда началось обсуждение тезисов об учреждении Четвертого Интернационала и манифеста «Смертельная агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала», она сыграла ведущую роль во внутренних дебатах в партийных Миннеаполиса. В 1939—40 гг. она защищала позицию большинства партии против нападения со стороны мелкобуржуазного меньшинства Бермана и Шахтмана.

Как и во все периоды великих массовых движений, была огромная масса политической работы. Товарищи работали с уверенностью, что они играют

роль в истории как эта роль ни мала. Это сознание отчасти вытекало из чтения непрерывного потока статей товарища Троцкого, тогда жившего в ссылке в Мексике.

Скорость социальных развитий и чувство неотложности, пронизывавшее статьи Троцкого выражалось, в свою очередь, в работе партийных комитетов. Партия бросилась в профсоюзную работу; она собирала митинги, посвященные Гражданской войне в Испании; она вела антифашистскую пропаганду; она боролась за открытие американских границ перед потоком беженцев от Гитлера; она вела непрестанную борьбу против воинственных планов Рузвельта и постоянно опубликовывала и осуждала преступления и клевету сталинских.

Во всех этих аспектах работы партия находила применение для академического образования Карлсон. Она часто выступала с докладами на собраниях и ячейках партии, заседала или делала ведущий доклад на открытых собраниях. Ее речи были всегда умело подготовлены, хотя в них отсутствовали возбуждение и искра, которые имелись в докладах некоторых других партийных ветеранов.

В то время она была привлекательной, невысокой брюнеткой, заботилась о своей фигуре, одежде и туалете. Как и ее доклады, она представляла умеренность и неяркость; она осторожно заботилась о том, чтобы не выглядеть слишком необычной фигурой.

Это лишь в малой мере объяснялось ее обучением в церковной школе. Она объяснила мне однажды: «Мы пытаемся подойти к рабочим и студентам, чтобы они прислушались к нашим идеям, идеям, которые противостоят всему, чему их до сих пор учили. Мы должны заботиться, чтобы направить их внимание только на политику, чтобы не дать повод тем, кто хочет увести от политической борьбы в мелочные и посторонние вопросы».

Лишь немногие женщины, вступившие в партию в тридцатые годы, поднялись до центрального руководства. Карлсон была одной из тех, кто считал себя готовым к таким постам. Было ясно, что партия с этим согласна; Карлсон была вскоре избрана в национальный комитет партии и ее выбрали в число товарищей, которые поехали в Мексику для встречи с Троцким.

Те из нас, кто работал вместе с ней, учились на ее примере (и на примере ее младшей сестры Дороти), как завоевывать свое право на равенство. Большинство пожилых членов партии в то время держались консервативных воззрений на роль женщины; они могли это отрицать на словах, но на деле выражали предрассудки.

Это выражалось, например, в их отказе даже попробовать рекрутировать своих жен и дочерей. Было множество споров о необходимости понять проблемы женщин—работниц, почему их труднее вербовать, то огромное экономическое и эмоциональное давление, под которым они живут. Это давление объясняет ту враждебность, которая так часто всплывала наверх при их первом контакте с революционной партией.

Труд Энгельса «Происхождение семьи», ленинская работа «О женском вопросе» и продуманная работа Троцкого «Преданная революция» являлись базисом для многих дискуссий об удвоенной эксплуатации женщин—работниц, и о задаче партии преодолеть эту начальную враждебность. Многие хорошие товарищи—женщины были рекрутированы с помощью понимания и терпеливых обсуждений.

В то же время не было хныканья и требований «женских прав». Как само собой подразумевавшееся, а иногда и открыто, молодых товарищей учили правилу: «Если хочешь, чтобы тебя приняли как политического вождя, научись идти впереди».

Когда адвокат Гилберт Карлсон, муж Грейс предпочел остаться в католической вере и порвал с троцкизмом, мы на действиях Грейс увидели, что для нее партия стояла выше личных связей. И когда потом ее тесные политические связи с В. Р. Данном привели к близкому личному сближению, мы получили от нее урок деликатности.

Карлсон работала в Департаменте Реабилитации штата Миннесоты, где правила Крестьянско-Рабочая партия. Она была на хорошем счету среди сотрудинок и начальства, ее уважали за профессионализм в ее работе. Ее коллеги стали впоследствии близкими сторонниками во время антивоенного судебного процесса в 1941 году. Но сталинцы внутри Крестьянско-Рабочей партии и буржуазная пресса часто нападали на нее, пытались использовать ее растущую революционную репутацию против троцкистов и против администрации штата.

Тот факт, что она помогла организовать и обеспечить контракт для одного из первых профсоюзов государственных рабочих, не могло увеличить ее авторитета в буржуазной прессе, но зато выросла ее поддержка со стороны товарищей по профсоюзу.

В течение 1939 и 1940 годов Франклин Рузвельт все более усиленно толкал страну к войне. Одновременно усиливалась военная пропаганда со стороны дневной прессы и радио. Проконсультировавшись с СРП, Карлсон летом 1940 года уволилась с ее хорошо оплачиваемой работы и начала постоянно работать для партии в качестве организатора.

Я слышала как она объясняла группе товарищей: «Я была всего лишь работником собеса на хорошем счету и распределяла обувь людям, которые в ней нуждались. Это мне надоело; ведь стало ясно, что нужно так изменить условия, чтобы каждый мог себе на обувь заработать».

Этой осенью СРП выдвинула Карлсон в кандидаты в сенаторы в первой партийной сенатской кампании. Пресса, которая детально освещала ее увольнение по собственному желанию, часто описывала ее политическую кампанию и подчеркивала антивоенную политическую платформу партии. Журналистов поражала членораздельная, привлекательная кандидатка троцкистов, и большинство статей о ней было объективным.

Но нейтральность в репортаже о Карлсон или о других троцкистах испарилась во время судилища 1941 года, когда администрация Рузвельта испытала против троцкистского руководства свое новое антипролетарское оружие, так называемый Акт Смита.

Этот акт запретил пропаганду насильственного свержения правительства. Были обвинены двадцать восемь ведущих членов партии и профсоюзов. Восемнадцать из них, включая и Карлсон, были найдены виновными. По чистой случайности товарищей приговорили на следующий день после бомбардировки Парл-Харбора. Их осудили на тюремные заключения в федеральной тюрьме сроком от 12 до 18 месяцев.

Карлсон была одной из тех, кто давал показания в свою защиту; она ответила на обвинение в том, что во время открытого доклада в Университете Миннесоты она призвала к насильственному свержению американского правительства. Во время заседаний суда она была ответственна за подготовку завтраков и обедов, которыми дважды в день питались подсудимые и их семьи.

Троцкисты в течение двух лет пытались опротестовать решения суда. Закон явно являлся антиконституционным нарушением Первого Амендмента (изменения, дополнения) Билля о Правах, гарантирующего свободу слова. Дело Восемнадцати стало повсюду известным, за них вступились профсоюзы, представляющие миллионы рабочих, Американский Союз Гражданских Прав и бесчисленные известные интеллигенты.

Несмотря на эту поддержку и важные, затронутые процессом конституционные вопросы, суд отказался пересмотреть приговоры. (После, в пятидесятые годы суд объявил Акт Смита неконституционным.)

В конце декабря 1943 года все опротестования были отклонены, и 18 товарищей были заключены в тюрьму досаживать свои сроки. Грейс Карлсон была единственной женщиной среди них, и ее заключили в федеральной тюрьме в Алдерсоне, штат Западная Виргиния.

Условия в федеральной тюрьме, жизнь ее товарищей заключенных, в большинстве молодых рабочих и бедных безземельных крестьянок, последствия ее собственных попыток объяснить им капиталистическое общество, бросившие их в тюрьму, — все это имело глубокое влияние на Карлсон. Это стало ясно после ее освобождения в 1945 году, когда она с новым энтузиазмом кинулась в гущу партийной работы.

Раньше она всегда говорила точно и осторожно. Теперь в ее речи горели искры, чувствовалось нетерпение и редкое умение зажигать и убеждать рабочих и студентов. Например, во время конференции «Рабочих активистов», которая была проведена в Миннеаполисе после того как рабочие под руководством троцкистов разогнали и победили силы фашиста Джералда Л. К. Смита, ее доклад поднял на ноги весь зал.

В 1948 году СРП выбрала ее выступить кандидатом партии в вице-президенты во время первой президентской кампании, проведенной партией. Во время этой кампании она завоевала восторженную поддержку со стороны рабочих и, в общем, с неохотой данное, но уважительное отношение со стороны прессы. Ее усердие во время этой кампании вдохновляло всех, кто ее слушал.

Кандидатура Карлсон в 1948 году оказалась кульминационным пунктом в ее политической карьере. После выборов она начала сползать, сначала весьма незаметно; оглядываясь назад, сейчас даже трудно сказать, когда именно началось это изменение. Ее горячий энтузиазм прошел, ее речи стали скованными, они повторялись, перестали вдохновлять.

Еще более значительным был тот факт, что если раньше она гордилась своим внешним обликом, была подготовленным и уверенным профессионалом, то сейчас она опустила, пополнила, обветшала и стала слишком много пить.

Несмотря на эти симптомы, ее снова избрали кандидатом в вице-президенты в 1952 году. За несколько недель до начала избирательной кампании несколько студентов — партийцев организовали собрание в Университете Миннесоты. Карлсон должна была дебатировать с представителем некоторых студентов философии, которые находились под влиянием бывшего психиатра Вильяма Райха. Райх избрал приспособление, которое он назвал «Ящик Оргона». Он заявлял, что человек, который заходил в этот ящик и записывался в нем (он продавал эти ящики) будет облучаться космической энергией, которая якобы исцелит его от болезней (например, от рака) и увеличит его интеллектуальные и физические силы.

Этот Райх был не первым, не последним и даже не худшим из всех мистиков и шарлатанов, которые всплывают наверх при дегенерации капитализма. Сам по себе он не стоит упоминания, но Карлсон не поступила с ним, как следует поступать марксисту и как она делала в прошлом.

Она игнорировала основные философские вопросы и вместо научного анализа начала высмеивать его. Она так плохо себя показала, что мы, ее товарищи, ужаснулись. После собрания некоторые из нас впервые открыто раскритиковали ее, в частности, за ее отказ от научного, материалистического разоблачения Райха.

Кратко ответив: «Этот вопрос более сложен, чем вы себе представляете», — она отказалась отвечать на нашу критику. А всего через несколько дней она откололась от партии, которую она помогла построить и вернулась в Католическую Церковь. Она осталась религиозной до самой смерти.

Дегенерация Карлсон не происходила в вакууме. В партии, и в местном, и в национальном масштабе, происходило множество изменений, которые выражали международные изменения в послевоенном соотношении классов, резко отразившегося в Соединенных Штатах.

Предательство Сталиным международного рабочего класса в руки Союзников в Потсдаме, Ялте и Тегеране, включившее раздел европейского пролетариата, породило условия для реконструкции разрушенной войной Европы и восстановления международного капитализма.

Эта реконструкция основывалась на установлении обмена мировых валют на американский доллар, покрытый золотыми запасами в Форт-Ноксе. Эти договоры не разрешили системного кризиса капитализма, который привел к разрыву мирового хозяйства в тридцатые годы. Но они скрыли и загнали вглубь противоречия и создали условия для длительного периода бума.

В США Холодная война явилась предлогом для нападков на красных; эти атаки раскололи и приручили профсоюзное движение. В Восточной Европе сталинисты были вынуждены национализировать имущественные отношения. В Югославии компартия и Тито были также вынуждены порвать со сталинской политикой народного фронта и взять власть; в Китае Мао повел свою крестьянскую Красную армию к победе.

Внутри троцкистского движения выросли настроения замешательства и раскола по поводу значения этих важных событий. История этих дебатов рассказана в книге Дэвида Норте *«Наследие, которое мы защищаем»*, и читатель может обратиться туда для полного обсуждения развития открыто ликвидаторской тенденции паблоизма. Все это явилось объективной предпосылкой для вроде бы мгновенного политического извращения Карлсон, и для ее внезапного решения оставить СРП.

Почти все из той тысячи рабочих, которые были рекрутированы в 1945—48 годы, оставили партию к 1952 году. Многие более старые члены, включая большинство рекрутов из интеллигенции среднего класса, тоже вышли из партии и вернулись к своим предыдущим карьерам.

В период после 1946 года комитет партии в Миннесоте изменился больше всех других. Когда жертвы Акта Смита вернулись из тюрьмы, они в большинстве своем попали в черные списки и не могли найти работу. Другие товарищи, которые были пойманы в антикрасные сети сенатора Джона Маккарти и его приспешников, тоже были уволены и получили волчьи билеты.

Напротив, большинство рабочих имели постоянные заработки и, с некоторыми исключениями во время рецессий в 1947 и в 1952 годах, постепенно улучшали свой уровень жизни. Резкий контраст между экономическими затруднениями партийцев и улучшением положения всего класса поставил партию под громадное давление.

Партия решила послать эти пожилые и весьма закаленные кадры в новые районы страны, чтобы строить новые ячейки. Потеря уехавших товарищей и потери от выходцев из партии превратили ячейки Миннеаполиса и Сен-Пола в свое бледное отражение.

Ясно, что это дезертирство беспокоило товарищей. Но замешательство увеличивалось также потому, что огромные изменения в объективной политической ситуации и в ее последствиях на рабочий класс серьезно не

обсуждались и не оценивались. Из текущего опыта не было извлечено никаких уроков.

Иногда руководство пыталось замаскировать подачу в отставку, как «длительный отпуск». Это ухищрение было неэффективным, ведь «отпускники» никогда не возвращались.

Почти каждый ушедший от партии рабочий рассказывал о последующем зитем визите в его дом агентов Федерального Бюро Расследований. В то же самое время накапливались данные о проникновении агентов-информаторов и провокаторов внутри ячеек. Некоторые члены получили ядовитые анонимные письма, хитро составленные в целях усугубить разногласия и вызвать ссоры между членами.

В партии распространилось настроение замануться в себе, прислониться к местному комитету как бы в доказательство того, что партия продолжает свою работу. Объективные отношения между членами и атмосфера горячих политических дискуссий, которые раньше характеризовали внутреннюю жизнь партии, сменялись настроениями личных связей среди дружеских кружков. Эта атмосфера окружала Карлсон, когда она оставила СРП.

СРП уже давно порвала с троцкизмом и отказалась от своего троцкистского наследия. Газета СРП *«Militant»* поместила траурное объявление о смерти Карлсон в сентябре, но разрыв СРП с троцкизмом так глубок, что даже это слово всего один раз появляется в этой статье, в цитате из речи Карлсон перед ее заключением в тюрьму.

«Militant» мистифицирует дезертирство Карлсон, заявляя, что она оставила партию без предупреждения; но сигналы были налицо.

В своем некрологе СРП цитирует слова Джеймса П. Кэннона, с которыми тот обратился к партийцам в Миннеаполисе через несколько дней после отхода Карлсон:

«В течение 16 лет могучие силы реакции били и ударили по этой женщине, пока они ее, наконец, не сломали, пока они не разбили ее упорность, и вынудили ее оставить партию, которой она так долго и честно служила».

Это верно, но сегодня нужно сказать больше. Те, кто живут до великих изменений, не всегда понимают предварительные сигналы перемен. Социальные изменения не объявляют себя так как молния объявляет о приближении грома.

Но поскольку Карлсон стала троцкистской как часть поколения молодых интеллигентов из среднего класса, которые реагировали на могучие классовые силы, так и ее дезертирство, несмотря на его индивидуальные стороны, отражало трансформацию классовых отношений в послевоенный период и являлось предзнаменованием дальнейшего ренегатства.

Сталинистские предательства потенциальных революций, назревающих в Европе после войны, рестаблизация капитализма под руководством американского империализма в результате этих предательств, события в Восточной Европе, Югославии и Китае, породившие иллюзорные видения силы сталинизма, — все эти факторы привели рабочий класс и его революционный авангард в замешательство.

Это замешательство явилось основанием для созревающего кризиса в Четвертом Интернационале. Уход Карлсон был всего лишь одним из сигналов. Неразрешенные теоретические вопросы и мирные, тихие настроения в рабочем классе питали общие настроения скептицизма внутри партии и грядущий кризис.

В 1953 году внутри Четвертого Интернационала объявилось открытое ревизионистское течение под руководством интернационального секретаря

Мишеля Пабло; он предлагал ликвидировать Четвертый Интернационал через посредство вхождения в сталинские партии.

Пабло и его сторонники, — главный из которых, Эрнест Мандель, является сегодня лидером Объединенного Секретариата, — развили антимарксистскую национально-оппортунистическую перспективу, основанную на якобы победоносном сталинизме.

Они заявили, что сталинистская бюрократия была способна не только реформировать саму себя, но и возглавлять социалистические революции. Они заявили, что эти революции приведут не к освобождению человечества, а к «столециам бюрократической деформации».

Махнув рукой на рабочий класс, они двинулись дальше по пути, к которому вела их эта пессимистическая перспектива и начали искать другие силы, которые могли бы осуществить задачу, которую история возложила на пролетариат — задачу осуществления социалистической революции и построения социалистического общества.

Пабло и его сторонники искали эти силы в сталинистских и социал-демократических рабочих бюрократиях, равно как и среди националистических руководителей в бывших колониях. Он ликвидировал целые секции Четвертого Интернационала внутри этих, фактически мелкобуржуазных, формаций.

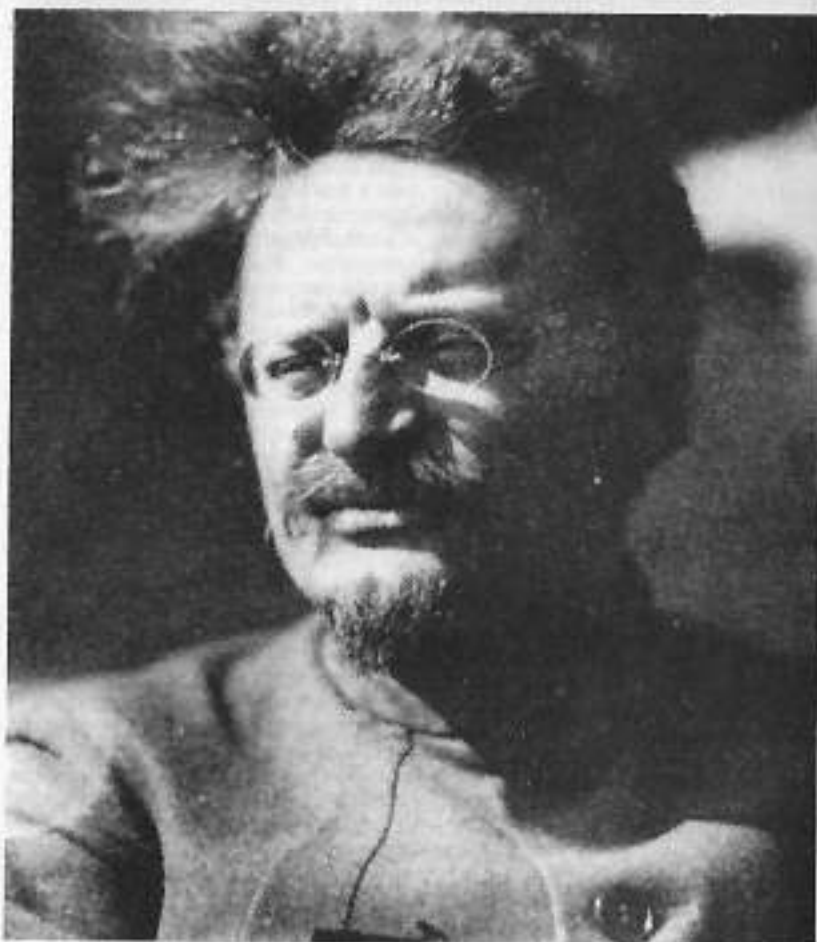
Кэннон повел борьбу против паблонистов внутри Четвертого Интернационала. Осенью 1953 года СРП опубликовала «Открытое письмо» к мировому троцкистскому движению. Это письмо, учредившее Международный Комитет Четвертого Интернационала, было основано на фундаментальных принципах марксизма; оно сохранило преемственность троцкизма и, поэтому, наследие марксизма в международном рабочем классе.

Но крупные секции Четвертого Интернационала присоединились к паблонизму и были ликвидированы. В тридцатые годы борьба пролетариата привлекала к революционной партии широкие слои молодежи всех классов; в пятидесятые годы международные события породили огромные волны буржуазного давления на эти самые силы. По мере того как все больше и больше членов поддавалось этим давлениям, развивался процесс общей дегенерации СРП.

К концу пятидесятых годов даже Кэннон капитулировал перед оппортунистами. Именно в этот период правительственный шпик-провокатор Джозеф Хансен смог занять ведущую роль в СРП и затем ввести в руководство своих наследников: группу студентов из Карлтон Колледжа, которые до сего дня правят в антирабочей, антисоциалистической Социалистической Рабочей партии.

В 1964 году цейлонская секция Четвертого Интернационала, отказавшаяся порвать с паблонизмом, вступила в буржуазное коалиционное правительство типа народного фронта. Восемь молодых троцкистов были исключены из СРП потому, что они потребовали международного обсуждения этого предательства. Тесно работая с Международным Комитетом, они затем создали Рабочую Лигу, которая основана на тех же принципах как и молодая СРП, и сегодня продолжает ее наследие.

Троцкизм не ответственен за последние годы Карлсон. Она отдала все лучшее, что в ней было, делу рабочего класса, и мы за это ее вспоминаем. Католическая церковь получила лишь осколки разбитой женщины. Наследие ее лучших лет, ее лет как троцкистка, живет сегодня в борьбе Рабочей Лиги и в Международном Комитете Четвертого Интернационала.

Лев Давидович Троцкий

Книжное обозрение

Волкогоновский Троцкий

В. З. Роговин

Следующая рецензия была написана кандидатом философских наук, В. З. Роговиным, который много и обширно пишет об истории и социологии. Следуя своим марксистским убеждениям, Роговин является твердым противником сталинизма и программы капиталистической реставрации.

Его последние работы направлены на установление того факта, что внутри большевистской партии в 20-е годы под руководством Троцкого существовали политические силы, которые защищали настоящую социалистическую альтернативу сталинистскому режиму. Роговин занят в настоящее время работой над четырехтомным исследованием борьбы левой оппозиции и других антисталинистских течений, против узурпации и консолидации бюрократии у власти. Первый том *«Была ли альтернатива?»* был опубликован в Москве в прошлом году. Второй том *«Власть и оппозиция»* будет опубликован этой осенью. Книга Дмитрия Волкогонова *«Троцкий. Политический портрет»*, которой посвящено это обозрение, была опубликована в России и в Германии на немецком языке. Она еще не была переведена на английский и пока недоступна в Соединенных Штатах.

Развернувшаяся в последние годы шумная антикоммунистическая кампания в нашей стране не породила сколько-нибудь серьезных научных трудов. Большинство нынешних опровергателей марксизма не идут дальше злобных публицистических статей, повторяющих доводы буржуазной советологии и первой русской эмиграции. Пожалуй, единственный трудом, написанным с позиции т.н. «нового мышления» и претендующим на название научного, является двухтомник Д. Волкогонова *«Троцкий. Политический портрет»*. Эта работа заслуживает обстоятельного разбора, поскольку в ней собраны все наиболее характерные положения современных русских «демократов», связанные с критикой не только Троцкого, но также большевизма, марксизма и коммунистической идеи.

Примечательна биография автора этой книги. На протяжении нескольких десятилетий он был одним из наиболее рьяных апологетов «развитого социализма» и «борнов с буржуазной идеологией». Волкогонов принадлежит одновременно к трем слоям высшей советской бюрократии: военной (он дослужился до чина генерал-полковника), научной (возглавлял Институт военной истории) и партийной (был заместителем начальника полуправления Советской Армии, органа, работавшего на правах отдела ЦК).

Несмотря на то, что Волкогонов являлся автором многочисленных книг и статей, они из-за их серости и банальности не привлекали внимание широкого читателя. Известность Волкогонову принесла его книга *«Триумф и трагедия»* — в основном в результате того, что автор, будучи одним из ведущих бюрократов, оказался первым, кому был открыт доступ в сталинские архивы. Эта книга написана в традиционном для советской историографии ключе — подвергая критике Сталина и сталинизм (в тех

рамках, в каких это было дозволено в первые годы «перестройки»), автор с большой теплотой и пиететом писал о Ленине и большевизме, но при этом в чисто хрущевско-горбачевском духе «обличал» троцкизм и другие «антипартийные» оппозиции. В книге же о Троцком он, подчиняясь логике идеологического поворота большинства прежних аппаратчиков, осуществил «двойную смену знаков».

Первая «смена знаков» коснулась отношения к Троцкому. Перефразируя часто повторяющееся в книге Волкогонова бессодержательное утверждение о том, что «Троцкий гляделся в зеркало истории», можно с куда большим основанием сказать, что сам Волкогонов непрерывно глядится в зеркало буржуазной историографии. Ему известно, что на Западе имеется немало серьезных исследований о Троцком, и изображение Троцкого в духе обветшалых сталинских догм снизило бы доверие к его книге. Поэтому он освещает личность и деятельность своего главного персонажа с большей объективностью, чем в своем прошлом труде. Но Волкогонову известно и другое: в связи с крушением режимов, сохранявших социалистические основы общества, антикоммунистическая идеология получила новый «социальный заказ»: способствовать тому, чтобы эти перемены приняли необратимый характер и в этих целях «развенчать» большевизм от самых его истоков. Этим объясняется вторая «смена знаков»: все, что вчера Волкогонов изображал со знаком «плюс», сегодня он пытается представить со знаком «минус». В нашей статье мы попытаемся проследить, с помощью каких идеологических методов проделывается эта операция и в какой степени выводы и обобщения Волкогонова отвечают элементарным требованиям научной добросовестности.

Что интересно в книге Волкогонова

Внимание читателя привлекают прежде всего новые материалы, извлеченные автором из советских архивов, в том числе из архива ГПУ-НКВД. В книге приводятся, в частности, важные документы, раскрывающие историю вербовки и шпионской деятельности Зборовского, которого сталинская разведка внедрила в ближайшее окружение Л. Седова. Десятки донесений Зборовского, представленных в книге, свидетельствуют о том, что он регулярно информировал Москву обо всех аспектах деятельности Троцкого и Седова.

Наиболее добросовестными в книге являются главы, освещающие подготовку и осуществление убийства Троцкого. Волкогонов считает, что Сталин уже в 1931 году дал указание об убийстве, но на первых порах его агенты провоцировали на террористический акт белых эмигрантов, стремясь создать для себя политическое алиби (2: 297).

В начале 1935 года начальник иностранного отдела ГПУ Шнигелыглаз получил через ягуду приказ Сталина «ускорить ликвидацию Троцкого». Для решения этой задачи была приведена в действие вся агентура ГПУ во Франции (2: 300). Однако ответственный работник ГПУ Райос, в 1937 году открыто перешедший на сторону IV Интернационала, весной-летом 1935 года предупредил Троцкого о надвигающейся опасности и посоветовал ему покинуть Францию. Переезд Троцкого в Норвегию, где агентура ГПУ была значительно слабее, отсрочил выполнение сталинского плана. Волкогонов приводит свидетельство чекиста Судоплатова, принимавшего участие в многолетней охоте за Троцким, о том, что Шнигелыглаз был расстрелян в 1937 году, потому что он «не выполнил задания по ликвидации Троцкого. Тогда такого простить не могли» (2: 303). Вслед за этим Волкогонов

выдвигает версию, согласно которой одной из причин расправы с ягудой была его неудача в выполнении этого важнейшего приказа Сталина (2: 301).

Все указанные версии в книге недостаточно документированы. Сам автор объясняет это тем, что в своих поисках ему пришлось столкнуться с упорными помехами со стороны партийных бонз, которые «делали вид, что они ничего не знают и у них нет каких-либо документов об этом деле... чтобы иметь основание сказать то, что я говорю, мне пришлось приложить огромные усилия и в ряде случаев привлечь данные без ссылки на источники, ибо получил я их неофициально». Автор обещает при переиздании книги внести в нее добавления и уточнения об этом деле на основе документов, которыми он теперь располагает (2: 323).

Значительно полное освещение Волкогоновым события 1939-40 гг. В книге приводятся выразительные выдержки из заявлений в ЦК КПСС непосредственных организаторов убийства Троцкого — Судоплатова и Эйтингтона, осужденных после разоблачения Берии к длительному тюремному заключению, как его ближайшие доверенные лица. Обращаясь с просьбами о реабилитации, они особенно упирали на свои заслуги в проведении «операции в Мексике», которыми «ЦК был доволен» (2: 304, 309, 311).

Из этих заявлений и бесед Волкогонов с Судоплатовым явствует, что в начале 1939 года Сталин провел узкое совещание с единственным вопросом: о необходимости ускорить убийство Троцкого. Вскоре после этого Судоплатов был вызван к Сталину, который поручил ему возглавить группу, направляющуюся в Мексику (2: 305, 307). По словам Судоплатова, существенную помощь этой группе оказала «одна советская женщина», жившая тогда в доме Троцкого и скончавшаяся в 80-е годы в Москве. Другим агентом, причем «двойным» (НКВД и ФБР), Волкогонов считает Сильвию Франклин (2: 320).

Актуальный интерес придает книге Волкогонов разоблачение традиционных сталинских и некоторых новейших мифов о Троцком и «троцкизме». Отмечая, что «нет ничего более далеко от истины нежели обвинение Троцкого в сионизме», (пущенные ныне в ход черносотенными организациями типа «Памяти») автор излагает взгляды Троцкого по еврейскому вопросу и завершает свой анализ выводом: «Тем более странно слышать сегодня слова о «зловещих троцкистских планах», смыкающихся с «мировой стратегией сионизма» (1: 59—62).

Если в книге о Сталине Волкогонов оценивал деятельность левой оппозиции в духе традиционных сталинских версий, то в своей новой книге он более объективно освещает эту деятельность, отмечая политическое мужество Троцкого и его единомышленников и раскрывая недобросовестные приемы, использованные правящей фракцией в борьбе против оппозиционного меньшинства.

Немало верно сказано в книге о непреходящей ценности многих идей и прогнозов Троцкого. Автор справедливо отмечает, что понятие «бюрократический абсолютизм», использованное Троцким для характеристики сталинского режима, «во многих отношениях более глубоко, чем устоявшееся ныне выражение «командно-административная система» (2: 245). Примечательно и признание интеллектуальной мощи Троцкого, выразившейся в его прогнозах о будущем сталинизма. Эти прогнозы, как подчеркивает Волкогонов, «поражающими не только по своему содержанию, категоричности выводов, но и по времени их оглашения. Уже в 1926-м, 1927-м, 1928-м годах и позже Троцкий не устал говорить об обреченности сталинизма. В отношении собственной Родины его прогноз и пророчество по главным пунктам оказались верны: сталинизм не

имеет будущего; от войны с Гитлером стране не уйти; низвержение Сталина с исторической арены будет страшным» (2: 248, 252).

Упомянутая «великолепная работа» Троцкого, которые «пророчески показали роковую роль фашизма», Волкогонов подчеркивает, что «Троцкий, возможно, первым дал глубокую характеристику фашизму как источнику войны» (2: 235). Касаясь «поразительного прогноза грядущей войны», разработанного Троцким, автор с изумлением замечает, что прогностические выводы Троцкого совпадают с выводами «историков и политологов наших дней, последующих события тех далеких уже, предвоенных лет. Но их разделяют десятилетия!» (2: 249).

Этими положениями, однако, исчерпывается то ценное и правдивое, что содержится в книге Волкогонова. Несравненно больше в ней исторических ошибок и предвзятых, грубо тенденциозных обобщений.

В чем ошибается Волкогонов

Особенно много фактических ошибок содержится в главах, посвященных внутрипартийной борьбе 1922-27 годов. Так, Волкогонов утверждает, что Троцкий уклонился от предложенного ему Лениным союза для борьбы со Сталиным по «грузинскому делу» (2: 10). Однако опубликованные недавно в нашей стране документы свидетельствуют, что Троцкий уже на следующий день после получения ленинской записки с предложением такого союза вступил в борьбу со Сталиным и приложил немалые усилия для разоблачения ошибок и махинаций Сталина в «грузинском деле».

Волкогонов повторяет ошибочную версию Ю. Фельдштейна о том, что опубликованный последним опрос членов Политбюро от 3 июня 1923 года касался публикации ленинского «Завещания». На деле этот документ представляет опрос по поводу целесообразности публикации другой ленинской статьи («О придании законодательных функций Госплану») (2: 10—11). Полный текст «Завещания» стал известен триумvirату и тем более Троцкому несколько позже.

Волкогонов искажает факты, когда пишет, что «осенью 1923 года в верхах партии готовилась важная партийная дискуссия, направленная против Троцкого. Эта дискуссия получила название «литературной» (2: 13). В действительности «литературной» была названа дискуссия конца 1924 — начала 1925 года, поднятая в связи с выходом статьи Троцкого «Уроки Октября». Что же касается дискуссии 1923 года, то она была открыта в результате писем Троцкого и 46 старых большевиков, направленных в ЦК РКП(б). Кстати, Волкогонов допускает еще одну ошибку, утверждая, что «Завещание 46» было написано Троцким (2: 17). Наконец, автор ошибочно указывает, что цитируемое им по архивному черновику письмо Троцкого в «Правду» было написано в разгар «литературной дискуссии». Это письмо было опубликовано в «Правде» спустя неделю после появления статьи «Новый курс» — 18 декабря 1923 года.

Не меньше путаницы допускает Волкогонов и при освещении вопроса о предложении ЦК Германской компартии направить Троцкого в Германию для подготовки и руководства восстанием. Автор ошибочно относит эту просьбу не к 1923, а к 1921 году (2: 26) и утверждает, что Троцкий якобы отверг ее и тем самым «в решающий момент подготовки восстания уклонился от личного участия в нем». Хорошо известно, что Троцкий настаивал на своей поездке в Германию, но триумvirат добился решения ЦК, налагавшего запрет на его непосредственное участие в германской революции. К этому следует прибавить, что при рассмотрении причин поражения революции в Германии Волкогонов ни словом не упоминает об

ошибках Коминтерна и Германской компартии, раскрытых в многочисленных работах Троцкого, а ограничивается импрессионистским бессодержательным утверждением о том, что в Германии «почва не была увлажнена революционными соками» (1: 340—341).

Едва ли не решающую причину поражения оппозиции в легальной внутрипартийной борьбе Волкогонов видит в том, что «передко в самые критические моменты борьбы Троцкий уходил с «ринга»: то ему мешала болезнь, то он находился в отпуске, то уезжал на Кавказ и Берлин для лечения» (2: 51). Но ведь историку должно быть известно, что отнюдь не преувеличенными заботами Троцкого о своем лечении и отдыхе объяснялись эти поездки и отпуска; 1923—26 годы были временем резкого ухудшения его здоровья, вынуждавшего его отрываться от активной деятельности.

В ряде случаев небрежность автора при освещении хорошо известных исторических фактов просто изумляет. Так, он заявляет, что «Платформа 83-х» (написанная в 1927 году) была изложена на июльском пленуме ЦК 1926 года. Приводя выдержку из письма Троцкого, в которой говорится: «Вспоминал пророческие слова Сергея: не надо блока ни с Иосифом, ни с Григорием. Иосиф обманет, а Григорий убежит», Волкогонов после слова «Сергей», поясняет: «сын Л. Д.». Таким образом, «пророческие слова» приписываются подростку — сыну Троцкого. Между тем несколькими страницами выше в книге приводится цитата из «Моей жизни», свидетельствующая, что предостережение «Сталин обманет, а Зиновьев убежит» принадлежало активному соратнику Троцкого по оппозиции Сергею Мрачковскому (2: 48, 59).

Такого рода ошибки являются следствием небрежности и спешки при подготовке Волкогоновым своей книги. По-иному обстоит дело с ошибками, которые выступают следствием стремления автора принизить в глазах читателя личность Троцкого. Так, в книге неоднократно повторяется утверждение о том, что «будучи популярным, Троцкий не имел друзей», за исключением своей жены Н. И. Седовой. Автора не смущает, что это утверждение противоречит тому, что в книге не раз называются имена близких друзей Троцкого: Иоффе, Раковского, французского социалиста А. Росмера и многих других (1: 32, 281, 357).

Чтобы приписать Троцкому отрицательные черты или приуменьшить его заслуги, Волкогонов нередко апеллирует к явно некомпетентным и сомнительным суждениям современников как к истине в последней инстанции. Так, в книге приводятся обнаруженное в архиве Троцкого письмо некоей американки Ж. Аллен, в котором по поводу характеристики активистом американского рабочего движения Бризеном Троцкого как одного из величайших полководцев современности говорится, что Троцкий — «агитатор, а не полководец» (1: 250). Разумеется, для Волкогонова «справедливой характеристикой» роли Троцкого в Гражданской войне оказываются слова этой никому не известной женщины, а не американского, да и многих других революционеров, внимательно изучавших опыт Гражданской войны.

Рассказывая о легендарном «поезде Троцкого», Волкогонов ссылается на свою беседу с некоей Мариничевой, работавшей машинисткой в секретариате Троцкого, которая сказала ему: «незаурядный, даже выдающийся человек был Троцкий, но трусоват» (1: 272-273). На этом «свидетельстве» Волкогонов строит целую «концепцию», присовокупляя от себя: «кроме Сталина — в будущем, наверное, никто из политических деятелей в нашей стране не принимал столь исключительных мер по обеспечению личной безопасности» (1: 274). При этом автор странным образом «забывает», что в отличие от Троцкого, часто оказывавшегося на переднем крае фронтов, Сталин во время Отечественной войны ни разу не

появился на фронте, а численность охраны, сопровождавшей его даже на курорты, в сотни раз превышала численность охраны, сопровождавшей Троцкого к месту боев.³⁶

Впрочем, Волкогонов склонен приписывать трусость и Ленину. Рассказывая об июльских днях 1917 года и соглашаясь с оправданностью решения партии об уходе Ленина в подполье, он не удерживается от того, чтобы прибавить: «Ленин был осторожным человеком и никогда не рисковал собственной жизнью, как другие революционеры» (1: 130). И это говорится о человеке, который в разгар ожесточенной гражданской войны выступал с охраной из одного-двух человек на массовых митингах и собраниях, на которого только за первые десять месяцев после Октябрьской революции было совершено три покушения, причем последнее из них едва не завершилось смертельным исходом.

Еще более неприглядное впечатление оставляют ошибки и передержки Волкогонова при характеристике взглядов Троцкого и Ленина. Особое недоумение вызывает утверждение автора, будто Троцкий считал, что «оппозиционные взгляды различных коммунистов опасны» (2: 21) и выступал за «единомыслие» в рядах партии. Это разительное противоречит как многочисленным высказываниям Троцкого о партийных дискуссиях и «разномыслии» как неотъемлемом условии здорового развития партии, так и его собственному участию в различных фракциях и оппозициях. Столь же предвзято освещаются взгляды Троцкого на культуру, которые Волкогонов интерпретирует следующим образом: «Подходя к культуре сугубо прагматически, Троцкий отводил ей лишь вспомогательную роль в том великом эксперименте, что начали большевики в 1917 г.» (1: 354). Нашего историка не смущает, что этот пассаж противоречит приводимым в книге словам Троцкого о том, что «смысл революции состоит в создании основ более высокой культуры» (1: 375). Столь же бесцеремонно Волкогонов истолковывает взгляды Ленина, приписывая ему «книжническое отношение к буржуазной отечественной мысли» (1: 72). Это неслепое утверждение, расходящееся с многочисленными высказываниями Ленина о ценности духовного наследия прошлого, автор основывает на единственной вырванной из контекста ленинской цитате и злобной, бездоказательной характеристике Ленина меньшевиком Валентиновым.

О некоторых острых эпизодах революции и гражданской войны Волкогонов пишет крайне витиевато, излагая под видом «гипотез» лживые и не раз уже отвергнутые непредвзятыми исследователями исторические версии. Это касается, например, искажения трагической судьбы крупного военачальника гражданской войны Миронова, который за свои анархические и самоуправные действия дважды был подвергнут аресту и в 1921 году погиб в тюрьме при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Волкогонов сообщает, что Троцкий, несмотря на то, что Миронов «в публичных разговорах выражал недоверие председателю Реввоенсовета», после первого ареста и суда над Мироновым, приговорившего его к расстрелу, добился его помилования, назначил его командующим второй конной Армией, а затем

³⁶ Версия о «трусости» Троцкого разительное противоречит приводимому в книге свидетельству одной из армейских газет: «Сам Троцкий всегда на фронте, самом настоящем фронте, где сражаются грудь о грудь, где шальные пули не различают, кто рядовой красноармеец, кто командир, кто комиссар. Вагон, в котором он живет, и пароход, на котором он жил, нередко обстреливались артиллерийским и пулеметным огнем. Но Троцкий как-то не замечает эти неудобства. Под огнем неприятеля он, как и во время революции, продолжает работать, работать, работать» (1: 263). Но даже эту яркую выдержку Волкогонов счел нужным прокомментировать таким образом, чтобы осудить... Троцкого, на этот раз с нескромности: «Троцкий редко пресекал эти пантеарики в красноармейской печати».

главным инспектором кавалерии и наградил его почетным революционным оружием. Тем не менее рассказ о судьбе Миронова завершается в книге следующей неожиданной и ничем не мотивированной фразой: «Возможно, останется навсегда тайной, причастен ли Троцкий лично и непосредственно к убийству Миронова» (1: 258).

Покровом «тайны» окружается в книге и другая, многократно отвергнутая всеми сколько-нибудь объективными отечественными и зарубежными историками версия — о финансовой поддержке германским правительством большевиков в 1917 году. Сперва Волкогонов голословно заявляет, что на Западе это «сегодня считается твердо установленным», а затем буквально через несколько строк пишет о том, что это — «тщательно оберегаемая большевиками тайна», что «достоверно это или нет — до сих пор полностью неясно», и «едва ли удастся, видимо, когда-нибудь установить подлинную картину в этом вопросе. Может быть, это останется тайной истории» (1: 320, 321 и след.). Чтобы, однако, не осталось сомнений в том, какое мнение он сам имеет об этой «тайне», Волкогонов задает вопрос: «На какие средства до октябрьских событий большевики издавали 17 ежедневных газет тиражом более 300 тысяч экземпляров?» Брежневски-губачевски-ельцинскому идеологическому функционеру, привыкшему, что каждое его слово оплачивается внушительной монетой, непонятно, как могли действовать массовая оппозиционная печать без иностранных подаяний.

Рассказывая о голоде 1921 года, Волкогонов не упускает возможности напомнить, что «сегодня и без голода (наша) страна принимает дары с благодарностью», для того, чтобы упрекнуть большевиков в том, что «когда тысячи людей падали на дороге от голода, партийные руководители отвергали всяческую помощь от буржуазии» (1: 371). И здесь наш автор явно фальсифицирует исторические события. Ведь хорошо известно, что советское правительство в тот период широко обращалось за помощью к зарубежным правительствам и общественным организациям и в тех случаях, когда такая помощь оказывалась, с благодарностью принимало ее.

«Герой оговорок»

Одна из ленинских статей, бичующих русских либералов, носит название «Герой оговорок». Таким «героем» выступает ныне Волкогонов, вся книга которого пересыпана «оговорочками», призванными снизить благоприятное впечатление, которое могут произвести на читателя приводимые в книге факты и документы.

Так, рассказ о беспринципной травле Троцкого Сталиным и его союзниками в 1924—25 годах и проявленной Троцким твердости в отстаивании своей позиции, Волкогонов внезапно завершает не относящимся к этой теме, но неуклонно повторяющимся в книге пассажем: «многие шаги Троцкого по утверждению нового строя, по реализации методов революционного переустройства были и аморальными, и даже преступными. Как и других вождей Октября и Гражданской войны» (1: 327).

Вслед за публикацией распоряжений Троцкого с требованием наказания виновных в невыполнении приказов, в «постыдных насилиях», «преступном, зверском отношении некоторых частей армии к мирному населению», следует столь же неожиданный вывод автора: «Глубочайшее заблуждение, что люди, захватившие власть, могут решать судьбы миллионов, дало трагические исходы» (1: 255).

Даже свое недвусмысленное утверждение: «Нельзя не отдать должного Л. Д. Троцкому: он, пожалуй, только он из нас не поступился своими принципами и не согнулся перед Сталиным», Волкогонов сопровождает очередной оговорочкой: «хотя при этом нельзя забывать, что одной из

главных причин борьбы явились не столько общие методологические принципы большевизма, сколько глубочайшая личная неприязнь друг к другу» (1: 145). Меряя борьбу Троцкого со сталинизмом мерками беспринципной грызни между Горбачевым и Ельциным, автор не раз повторяет, что последовательность Троцкого в «абсолютном неприятии сталинизма» объяснялась в основном личными мотивами (1: 34). Волкогонов неоднократно признает, что «прежде всего Троцкий... выступил самоотверженным борцом против Большой Лжи» (2: 373). Однако после множества выспренных слов о недопустимости лжи в политике, он походя бросает фразу, вторая часть которой призвана дезавуировать первую: «Троцкий до последних лет своей жизни боролся с этой ложью, хотя и создавал ее» (1: 135).

«Оговорочками» Волкогонов пользуется там, где он приводит приказы Троцкого времен гражданской войны о категорическом запрете расстрелов без суда, расстрелов пленных и т. д. Непримируемую борьбу вождя Красной Армии против подобных эксцессов, возникающих в любой войне, автор ухитряется подать таким образом, чтобы возложить ответственность за них на революцию: «Создается впечатление, что этими документами Троцкий пытался как-то втиснуть в рамки военного закона вышедшую далеко из нравственных и правовых берегов жестокость и самоуправство. То был кровавый шир революции» (1: 299—300).

Во многих случаях «оговорочки» Волкогонова служат тому, чтобы заставить читателя «додумать» то, что не может быть доказано фактами и документами. Упомянув о принятом сразу же после окончания Гражданской войны декрете ЦИК об амнистии солдатам и офицерам белой армии, Волкогонов приводит написанное в этой связи Троцким сообщение для печати: «Кто попытается использовать великодушные власти трудящихся против Советской республики, на того обрушится суровая кара». Пересказывая от этого необходимого предостережения к рассказу о том, как в 30-е годы Сталиным «были уничтожены последние из белых офицеров, вернувшихся на Родину», Волкогонов предоставляет читателю «домысливать», что первые из этих офицеров были уничтожены по приказу Троцкого.

Даже сообщение о том, что поезд Троцкого неоднократно подвергался артиллерийским и авиационным налетам, что несколько раз на него организовывались покушения и злоеющие крушения, сопровождается «оговорочкой», возлагающей ответственность за все это на... Троцкого и вообще большевиков. «Сегодня трудно поверить и страшно согласиться, — комментирует эти сообщения Волкогонов, — что для утверждения Красной идеи потребовалось столько казней и крови. Один из главных жрецов (?) этой идеи сновал на своем бронированном поезде с запада на восток, с юга на север. У него никогда не возникало сомнений, может ли великая идея воздвигать себе пьедестал на пирамиде черепов соотечественников» (1: 282).

О чем Волкогонов умалчивает.

Примечательно не только те факты, которые Волкогонов фальсифицирует, но и те, о которых он умалчивает в своей книге.

В работе, озаглавленной «*Политический портрет*», нашлось место и для разбора ранних очерков Троцкого о русских писателях, и для обширных цитат из черновика статьи о Ж. Лонге, понадобившейся автору для «стилистической» критики Троцкого («Такой большой текст и всего две фразы» — осудительно пишет резвый литературный стиль Волкогонов), и для подробного изложения переписки по поводу просьбы

Троцкого прислать рыболовные крючки на Принкипо (2: 116, 267). Но не нашлось места для освещения основных политических идей Троцкого.

Волкогонов не приводит почти никаких выдержек из многочисленных документов оппозиционного блока 1926—27 гг. Анализ этих документов подменен в книге голословными утверждениями о «левацких тезисах» оппозиции, о том, что «никакой альтернативной программы эта (оппозиционная) критика в целом не создавала» и, наконец, еще более бездоказательным заявлением о том, что в дальнейшем «Сталин перехватит всю экономическую программу левых оппозиционеров» (2: 70, 65, 89).

Переходя к важнейшему внешнеполитическому аспекту разногласий между правящей фракцией и левой оппозицией — вопросу о китайской революции 1925—27 гг., Волкогонов ограничивается цитированием трех строчек из статьи Троцкого и на основе этой усеченной цитаты делает вывод об «односторонности» его анализа. Как явствует из дальнейших рассуждений автора, эта «односторонность» заключалась в том, что Троцкий «по-прежнему утверждал, что Восток остается одним из важнейших революционизирующих факторов» (2: 69—70).

Еще в большей степени «фигура умолчания» присутствует в главах книги, посвященных политической деятельности Троцкого в изгнании. Уделив специальную главу «*Биоллетеню оппозиции*», Волкогонов называет в ней биоллетень «журналом одного автора» и пишет о бедности в нем информации об СССР. При этом автор скрывает от читателя, что в биоллетене были опубликованы сотни статей и писем из Советского Союза, раскрывавших все существенные стороны жизни страны, что до 1932 года многие из этих работ публиковались за подписями их авторов (Ряковского, Соеновского, Муралова, В. Коснора, Каспаровой, Окуджавы и др.). Лишь однажды он упоминает об «одной из статей, полученных якобы из СССР (курсив мой — В. Р.), намекая, что она в действительности принадлежала перу Троцкого. Ни слова читатель не узнает из книги Волкогонова о критике Троцким и его единомышленниками сплошной коллективизации, раскулачивания, сталинских методов индустриализации, бюрократического планирования, удушения партии, привилегий правящей касты и других ошибок и преступлений сталинизма. Если же речь и заходит о критике Троцким Сталина, то в ней все ставится с ног на голову. Так, Волкогонов утверждает, что «Троцкий обвинял Сталина в ошибках типа «вспирания рынка» (2: 145), тогда как Троцкий обвинял Сталина в прямо противоположном — в административной ликвидации рынка и изпа.

Столь же бегло и извращенно представлена в книге критика Троцким сталинской политики в международном коммунистическом движении. Уделив всего пять строчек освещению борьбы Троцкого против наступления фашизма в Германии (2: 140), Волкогонов не обмолвился ни словом о призывах Троцкого к созданию единого рабочего антифашистского фронта, о его критике теории «социал-фашизма» и основанной на ней сектантской линии Коминтерна и Германской компартии.

Умудрившись ничего не сказать о сталинских преступлениях в Испании в вине сталинизма за поражение испанской революции, Волкогонов — опять же не приводит ни одного доказательства — пишет о «грубых ошибках Троцкого», который якобы «рядом своих шагов осложнял и без того сложное положение испанской революции». И это — все, что сказано в книге о гражданской войне в Испании!

Единственный аспект политической деятельности Троцкого в 30-е годы, на котором автор считал нужным остановиться, — это борьба за создание IV Интернационала.

Волкогонов о IV Интернационале.

В своих оценках IV Интернационала Волкогонов использует самые резкие выражения, не смущаясь их очевидной вульгарностью. Он называет IV Интернационал «хилым и бесперспективным детищем» Троцкого, его «самой крупной авантюрой», высветившей его «обреченное донкихотство». Однако и в этом случае приводимые в книге факты «высвечивают» лишь пустословие и антиисторизм автора. Лишенный всяких финансовых и материальных ресурсов, противостоящий одновременно и мировой буржуазии и сталинизму, Троцкий сумел завоевать тысячи приверженцев во всем мире. В книге приводятся данные о том, что к началу Второй Мировой войны троцкистские группы действовали более чем в сорока странах (2: 174). Волкогонов сообщает и о том, что Сталин систематически волочил от своей разведки сведения о распространении троцкистских изданий за рубежом. В 1937 году Ежов представил ему список из 54 названий периодических изданий, выпускавшихся группами международной левой оппозиции. В архиве НКВД Волкогонов обнаружил специально дело, в котором находятся «многие сотни документов, выпускавшихся троцкистскими организациями антисоветской, антисталинской направленности» (2: 357). (Заметим, что автор без тени смущения отождествляет антисталинскую направленность троцкистской литературы с антисоветизмом).

Пожалуй, наиболее красноречивым опровержением суждений о «бесперспективности» IV Интернационала служат приведенные в книге слова Сталина, мотивировавшие его приказ об убийстве Троцкого: «Нужно нанести удар по IV Интернационалу. Как? Обезглавить его» (2: 325). Сталин осознавал угрозу своему бонапартистскому могуществу со стороны IV Интернационала, возглавляемого Троцким, куда лучше, чем Волкогонов, безоговорочно признающий превосходство материальной силы диктатора над силой революционных идей.

Волкогонов против Волкогонова.

Освещение истории IV Интернационала — далеко не единственный случай, когда приводимые в книге факты и документы вступают в разительное противоречие с априорными обобщениями, на которые толкает автора его антибольшевистская предвзятость.

Волкогонов много рассуждает о привилегиях, которые якобы захватили большевики сразу же после своего прихода к власти. «Поразительно, как быстро лидеры революции, еще вчера поносившие старую власть за расточительную роскошь, воспользовались ею» — негодуяще заявляет он, добавляя к этому пассажи моралистические сентенции: «Власть всегда порочна, и она обычно деформирует большинство лиц верхнего эшелона. Только демократия способна «покомчить» с этой закономерностью» (1: 214). Каковы же факты, которыми автор пытается подкрепить эти свои горячие филиппики против лидеров революции и, в частности, Троцкого?

Рассмотрим, по поводу чего Волкогонов раздражается нравоучительной тирадой: «И в минуту смерти приближенные к одному из вождей пользовались привилегиями и льготами... Люди слабы. Даже «вожди»... «покупают» преданных себе помощников. Другой Троцкий заменил теми, кого через несколько лет Сталин будет называть обслугой» (1: 281). Эти далеко идущие обобщения строятся на обнаруженных автором двух записках Троцкого, в которых он просил одному из своих сотрудников выдать теплое пальто, в котором тот сильно нуждается, а другому предоставил трехнедельный отпуск.

Столь же смехотворно выглядит негодование Волкогонова по поводу того, что в служебных командировках Троцкого сопровождала охрана и два автомобиля (1: 345). Будь автор чуточку честнее, он сопоставил бы это «сопровождение» с пыльными эскортами, ныне сопровождающими Ельцина и других «демократических» лидеров.

Тот факт, что в поезде Троцкого, насчитывавшем несколько сот бойцов и политработников, которые нередко по приезде на фронт сразу же вступали в сражения, были «повара, секретари, охрана, снабжение» для Волкогонова служит достаточным доказательством того, что «Троцкий, всегда старавшийся создать себе комфортные условия, позаботился о себе и сейчас» (1: 269). Автор не постеснялся включить в книгу и снабдить многозначительным комментарием бумагу с просьбой выделить для питания Троцкого «10 штук свежей дичи, 5 фунтов сливочного масла, зеленые огурцы, спаржу и шпинат». Понимая, что этот документ едва ли убедит читателя в «расточительной роскоши» предреволюционного Волкогонова, замечает: «читатель скажет, что это же мелочь (спаржа и шпинат)! Возможно. Однако многие трагедии тоже начинаются с мелочей» (1: 271).

При всем этом Волкогонов, понимавший, что главный интерес его книги состоит во вводимых им впервые в научный оборот архивных материалах, не удержался от того, чтобы опубликовать и такие документы, которые прямо опровергают его суждения о «расточительной роскоши» и «привилегиях» большевистских руководителей. В книге приводятся и свидетельства о полуголодной жизни народных комиссаров в Кремле (1: 214), и дневное меню делегатов III Конгресса Коминтерна, по поводу которого сам автор замечает, что такой пищей «едва-едва можно было накормить три сотни революционеров», собравшихся в Москву со всего земного шара (2: 385), и письмо жены Троцкого: «Нуждаюсь крайне в чулках, прошу выслать мне ордер на три пары» (2: 161). Наконец, мы узнаем, что понадобилось принятие специального постановления Политбюро, внесенного Лениным, чтобы «обеспечить достаточное питание товарища Троцкого согласно врачебным требованиям» (2: 93). Как все это не похоже на нынешние нравы дорвавшейся до власти «демократической» бюрократии, погрязшей в коррупции и перекрывшей своими привилегиями все «рекорды», поставленные бюрократами сталинских и брежневских времен. Автору, представляющему плоть от плоти и кровь от крови этой бюрократии, лучше было бы не касаться в своей книге рискованной темы привилегий — сколько ни бейся, как ни подтасовывай факты, — не удастся доказать причастность к этим порокам вождей первого большевистского призыва.

Многие обобщения и оценки, которые присутствуют в книге, настолько противоречат друг другу, что временами невольно спрашиваешь себя: одним ли автором она писалась?

Возьмем, например, вопрос об отношении Троцкого к Ленину. На одних страницах книги мы встречаемся с утверждением, что Троцкий «немало сделал для советской канонизации Ленина» и многократно внушал «массам мысль о божественности вождя» (1: 381). На других же страницах Волкогонов пишет прямо противоположное: «Пожалуй, Троцкий первым сказал о серьезной опасности канонизации Ленина, которая вскоре после смерти вождя русской революции стала выражаться, по словам его ближайшего соратника, в бюрократизации почитания и автоматизации отношения к Ленину и его учению». Увы, этот голос предупреждения не был услышан» (2: 258).

Волкогонов опровергает Волкогонова и там, где речь идет об отношении Троцкого к своей родине. С одной стороны он высказывает,

правда, непонятно от чьего имени, «гипотетическое» соображение: «Иногда создавалось впечатление, что Троцкий стыдился того, что родился в России» (1: 58) и затем рассуждает о том, что Троцкий в изгнании не испытывал тоски о родине (2: 312). С другой стороны, он пишет, что Троцкий «до смертной боли в сердце» «тосковал о родине, часто обращался к ее истории, перебирал в памяти блестящие созвездия русских писателей, поэтов, мыслителей, художников» (1: 357; 2: 172).³⁷

«Два Волкогонова» присутствуют в книге и при оценке последних крупных трудов Троцкого. Отмечая достоинства *«Истории русской революции»*, автор заявляет, что после этой работы «Троцкий не создает уже ничего крупного, непреходящего». Этому безапелляционному выводу противоречит существование двух фундаментальных работ Троцкого — *«Преданная революция»* и *«Сталин»*. Следуя своей априорно заданной схеме, Волкогонов утверждает, что *«Преданная революция»* написана много слабее ранних работ Троцкого» (2: 281). Однако, обращаясь к содержанию этой книги, он не может скрыть своего восхищения глубиной выдвинутых в ней прогнозов, подчеркивая, что многие из них — «устранение «бюрократического абсолютизма», свободное волеизъявление народа, гласность (по Троцкому, «свобода критики») — через десятилетия стали программой трудного обновления Советского государства» (2: 247). Оставив на совести автора ложное определение смысла горбачевской «перестройки» и ельцинской «реформы», заметим, что суть программы «политической революции», выдвинутой в книге Троцкого, передана верно. Однако прогноз, разработанный в *«Преданной революции»* был многовариантным, и, к сожалению, на практике реализовался второй вариант этого прогноза, согласно которому «бюрократия, став новым классом, может привести к реставрации капитализма в СССР» (2: 183). Однако, как ни удивительно, именно это предвидение Троцкого Волкогонов называет «неверным выводом». Как обезьяна не узнает себя в зеркале, так и наш автор не узнает свою собственную среду, немало потрудившуюся над тем, чтобы сделать этот прогноз реальностью.

Слова о «слабости» *«Преданной революции»* опровергаются и сообщением Волкогонова о том, что немедленно после написания этой книги, еще до выхода ее в свет, ее рукопись, переданная Зборовским, оказалась на столе Сталина. В связи с этим автор выдвигает гипотезу, представляющуюся нам во многом справедливой: «Рукопись книги могла стать определяющим фактором в принятии решения о разворачивании массовых репрессий» (2: 136, 189). Заметим в этой связи, что Сталин едва ли бы пошел на такую крупномасштабную и раскованную акцию, как великая чистка, в ответ на «слабую книгу».

Суровый приговор Волкогонов выносит и неоконченному труду *«Сталин»*, называя его самой слабой книгой Троцкого (2: 322). Однако и в

данном случае он вынужден признать, что в своей «самой слабой книге Троцкий «верно определил многие истоки сталинизма в сращивании государственного и партийного аппарата, в быстром усилении власти всекляной бюрократии, в ликвидации политических, духовных и идейных альтернатив в обществе» (2: 261). Более того, по словам самого Волкогонова, «в портрете (Сталина), который создало время, мазки Троцкого (в книге о Сталине) — один из самых заметных, резких и уверенных» (2: 264).

Волкогонов о революции.

До сих пор мы рассматривали противоречия и передержки Волкогонова при характеристике личности, творчества и политической деятельности Троцкого. Еще больше противоречий и передержек мы встречаем на тех страницах книги, где дается оценка крупнейшим историческим событиям XX века, а исторические обобщения служат подтверждением социологического кредо автора.

Оценивая характер Октябрьской революции, Волкогонов, с одной стороны, стремится принизить ее народное начало и исторический масштаб и в этих целях утверждает, что она «в основном» представляла результат «узкого заговора» одной радикальной партии» (1: 137). С другой стороны, в стремлении принизить руководящую роль большевиков в революции, он пишет, что тогда «власть нетрудно было взять, потому что никто не хотел ее защищать. Это затем мы все стали говорить о «генеральном плане» и «стратегии» Ленина». Эту же мысль он повторяет и при анализе *«Истории русской революции»*, упрекая Троцкого за то, что «он не хотел понять: Октябрьскую революцию сотворили не большевики, а прежде всего империалистическая война, слабая власть, глубочайший кризис общества, возмущение «низов»» (2: 277). Если бы Волкогонов попытался непредвзято воспринять диалектический анализ Троцкого, то он должен был бы признать: Троцкий неоднократно подчеркивал, что большевистская партия никогда не считала себя единственным демургом исторического процесса; в своей революционной стратегии она исходила из мощных объективных предпосылок, которые позволили ей поднять массы на восстание; наличие этих предпосылок отнюдь не принижает подвига Ленина и большевистской партии, сумевших перевести революционный кризис в русло народной революции.

В глубоком противоречии с исторической истиной Волкогонов оказывается и тогда, когда он пытается приписать Октябрьской революции исключительно разрушительное начало. «Успех в преобразованиях может прийти тогда, когда разрушение старых структур идет одновременно с созданием новых», — поучает он для того, чтобы тут же объяснить, будто «Октябрь был апофеозом смятения, ликвидации старого... Вначале все превратили в пепел, а затем, на основе умозрительных выводов вождей, стали конструировать казарменный коммунизм» (2: 278—279). Эта фальшивая схема опровергается исследованиями даже объективных буржуазных историков, в которых на многочисленных фактах показан размах социального творчества, пробужденного Октябрьской революцией.

И уж вовсе теряет Волкогонов всякую объективность, когда берется рассуждать об идее мировой революции, в которой он видит лишь «традиционное марксистское прожектерство» (1: 338). Для него как бы не существуют многочисленные социалистические и национально-освободительные революции, прокатившиеся в XX веке по нашей планете. Даже упоминание о некоторых из этих революций, свидетельствовавших, что «оптимизм ленинского Интернационала захватил миллионы», у

³⁷ Это не мешает, впрочем, Волкогонову приписывать Троцкому «пренебрежительно-покровительственное отношение к русской культуре и истории». Когда же автор переходит к конкретизации этого тезиса, то оказывается, что такое «отношение» выражалось в «унизительных филиппиках Троцкого в адрес русской знати». «На согласиться, ни простить подобного русофобства нельзя» — негодует по этому поводу Волкогонов, отождествляя тем самым «русскую знать» с русской историей и культурой, а отвращение к ней — с «русофобией» (1: 356). Особый гнев нашего автора вызывает отношение Троцкого к последнему русскому царю, у которого Троцкий, по его словам, «не захотел замечать сильных сторон... невозмутимость в самых трагических ситуациях, мужество, державное достоинство и т. д.» (2: 266). И это пишется об исторической фигуре, к которой с нескрываемым презрением относились русские политики и историки даже правого толка (за исключением откровенных черносотенцев).

Волкогонова служит лишь основанием для вывода, что «все это подпитывало веру Троцкого в возможность невозможного» (2: 243). В книге многократно варьируется мысль о том, что «история знает немного примеров столь фанатичной веры в идею, которая при всей своей относительной исторической реальности оказалась полностью эфемерной» (1: 317).

Руководствуясь посылкой о «полной эфемерности» революции, Волкогонов неоднократно подчеркивает свою солидарность с «социал-демократом, уверовавшим в конструктивность социально-экономических реформ», которому «революции ни к чему» (1: 343). Он настойчиво внедряет в сознание читателя постулат, согласно которому «реформой, эволюцией можно добиться в конечном счете больше, чем революцией» (1: 287). С такой же непререкаемой уверенностью он утверждает, что «время классических, как Великая Французская, революций прошло» (1: 376), что в XX веке «эпоха революций была на исходе» (2: 149), а «революции XX века — это великие социальные патологии движения» (2: 295).

Лишь на некоторых страницах своей книги Волкогонов делает знаменательные оговорки, согласно которым революции «видимо, еще останутся в жизни общества, особенно находящегося на низком уровне социально-экономического развития». Подобно щедринскому бюрократу, намеревавшемуся «закрыть Америку», но затем пришедшему к мысли: «но кажется, сие от меня не зависит», Волкогонов приходит к выводу, что от него «не зависит» «закрытие» ненавистных ему революций. «Увы, — замечает он с вскрываемой горечью в заключении книги, — и то, и другое (революция и реформа — В. Р.) в человеческой истории является естественным» (2: 352).

Волкогонов о гражданской войне

Не меньшую неприязнь, чем Октябрьская революция, вызывает у Волкогонова гражданская война 1918–20 гг. Чтобы передать эту неприязнь читателю, он прибегает к статистическим подтасовкам, уверяя, что «по приблизительным подсчетам», в эту эпоху «погибли от братоубийственной сечи, от террора белых и красных, голода и болезней, а также бежали из отечества 13 миллионов наших соотечественников» (1: 243). Эта устрашающая цифра (завышенная по сравнению с подсчетами более объективных историков и демографов) получилась в результате объединения числа погибших на поле боя, жертв еврейских и иных погромов, учинявшихся белыми, «зелеными» (анархическими бандами) и буржуазными националистами, умерших в те годы от эпидемий испанки, прокатившейся по всему миру, погибших от голода 1921 года, принявшего огромные масштабы не в последнюю очередь из-за экономической блокады Советской республики капиталистическими державами, наконец, лиц, эмигрировавших после гражданской войны. Между тем, хорошо известно, что потери в Красной и белой Армии в гражданской войне составили 800 тыс. человек — втрое меньше, чем потери России в империалистической войне, из которой страну вырвала Октябрьская революция.

Волкогонов приводит фантастическую цифру жертв «Красного террора» (1 млн. 700 тыс. чел.), взятую из сообщения некоей «белой комиссии». Чтобы убедиться, что в действительности число этих жертв было на несколько порядков меньше, историку достаточно было бы обратиться к «Красной книге ВЧК» и другим надежным источникам (в отличие от сталинских времен, в годы гражданской войны большевиками публиковалась полная статистика репрессий). Единственная достоверная цифра в книге Волкогонова — это число расстрелянных в 1921 году по

приговорам военных трибуналов (4337 чел.). Но даже приведя эту цифру, автор не удерживается от искушения «гипотетически» заявить: «вообще вероятно, что в первые годы гражданской войны расстрелянных было гораздо больше» (1: 295).

Как и в других случаях, априорные суждения Волкогонова о «безбрежном насилии» большевиков опровергаются приводимыми в книге документами. Например, в тезисах «Руководящие начала ближайшей политики на Дону», написанных вскоре после белокавказного восстания, Троцкий писал: «Мы разъясняем казачеству словом и показываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое... Мы строжайше следим за тем, чтобы продвигающаяся вперед Красная Армия не проводила грабежей, насилий и проч.» (1: 284). Из других приказов Троцкого столь же однозначно следует, что репрессии в Красной Армии применялись для решительного пресечения дезертирства, шкурничества, зверств по отношению к мирному населению и т. д.

Однако Волкогонов не упускает случая прокомментировать приводимые им документы таким образом, чтобы наложить зловещую тень на действия Троцкого и большевиков вообще. Так, цитируя приказ Троцкого о принятии «необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков, предателей», он тут же добавляет от себя: «Меры по задержанию — сказано мягко», намекая, что эти меры были более суровыми. Однако этот намек опровергается приводимым тут же документом, свидетельствующим, что по предложению Троцкого были освобождены из-под ареста даже все офицеры, взятые в качестве заложников (1: 292).

Хотя в цитируемом автором приказе Троцкого о создании загранотрядов четко говорится о том, что они призваны «в случае надобности подталкивать сзади отстающих и колеблющихся», Волкогонов и здесь «домысливает» функции этих отрядов, утверждая, что им якобы «вменялось в случае несанкционированного отхода стрелять по своим» (1: 291—292).

Даже сообщая о распространявшихся Сталиным и Ворошиловым слухах о расстреле по приказу Троцкого коммунистов на фронтах, Волкогонов не гнушается тем, чтобы прибавить, что эти «сведения» могли быть «правдоподобными» (1: 174).

Рассматривая сталинских террор как закономерное продолжение репрессий времен гражданской войны, Волкогонов, однако, оказывается вынужденным упомянуть об опровержении Троцким этой кощунственной версии, пропагандировавшейся высказываниями Троцкого по поводу того, что «условия гражданской войны, когда он использовал насилие только против врагов, и мирная обстановка 30-х годов слишком разнятся по своему политическому содержанию», историк признает: «что верно — то верно. Историческая обстановка, условия применения карательной силы действительно были различными» (1: 262—263). Столь же примечательны признания Волкогонова о том, что «большевики нередко были вынуждены отвечать силой на вызовы контрреволюционных сил» (2: 370) и «стать на путь террора большевиков и немалой степени заставляли их классовые антагонизмы» (1: 283).

От исторических обобщений Волкогонов переходит к обобщениям более широкого социологического плана, убеждая читателя в «исторической бессмысленности гражданской войны вообще» (1: 209). При этом историк не поясняет, считает ли он более или менее «бессмысленными» по сравнению с гражданскими войнами, империалистические и колониальные войны, или, скажем, затяжные войны, развертывающиеся ныне в некоторых бывших республиках СССР и в Югославии.

Сопоставляя гражданскую войну в России с тринадцатилетней войной Алой и Белой Розы в Англии и с войной между Севером и Югом в Америке, Волкогонов многозначительно заявляет: «Гражданская война — война особая. Беспощадность и жестокость в ней не случайность, а закономерность». При этом маститый специалист по военной истории опять-таки уходит от ответа на невольно напрашивающийся вопрос: существуют ли такие войны, в которых жестокость и беспощадность к врагу является «случайностью».

Волкогонов о социализме и коммунизме

Социологическая «концепция» Волкогонова особенно наглядно проявляется в его многократно повторяющихся рассуждениях о Троцком как «пленнике утопической идеи», под которой понимается идея коммунизма. Десятки раз в книге коммунизм именуется «призрачной целью», а его идеалы — «Великой утопией, миражем, грезой», «Великими иллюзиями» (2: 245, 331, 360). Правда, в ряде мест книги наш автор соглашается признать, что «у социализма, несмотря на огромную историческую неудачу, возможно, и сейчас есть будущее» (2: 184), что «социологическая идея, если понимать ее как стремление к социальной справедливости, никогда не умрет, никогда не исчезнет и будет иметь исторические шансы» (1: 369). Он «лишь» настаивает на том, что «в полемике давно нужно было отказаться от коммунистической идеи как одной из величайших утопий в истории человеческой цивилизации и оставить ее, может быть, лишь общественной мыслью» (2: 369), в которой она будет служить подготовкой «духовной почвы для поисков подлинного народовластия, гуманизма и справедливости» (2: 246).

Таким образом, наш автор фактически признает, что подлинное народовластие, гуманизм и справедливость могут быть достигнуты лишь в социалистическом, коммунистическом обществе; однако даже поиск путей к реализации этих величайших человеческих идеалов и «надежду на возможное осуществление их где-то в туманном будущем» он оставляет нашим отдаленным потомкам. Противопоставляя борьбу за коммунизм «общечеловеческим ценностям», трактуемым в пошлом горбачевском духе, Волкогонов пишет: «Защитники коммунистической идеи, каковым долгие годы был и я сам, не хотят осознать, что важнее искать, понимать и следовать ценностям непреходящего, общечеловеческого значения, нежели идеалам, окрашенным в 'классовые цвета'» (2: 369). Социализм и коммунизм без классовой борьбы — такова действительно «призрачная цель», которую Волкогонов великодушно разрешает человечеству достичь «где-то в туманном будущем».

Троцкий и марксизм.

Неудивительно, что автор, растерявший все свои былые общественные идеалы и ориентиры, на многих страницах своей книги возвращается к размышлениям над причинами глубокой убежденности Троцкого в торжестве коммунизма. Нашему историку, за два-три года кардинально поменявшему все свои убеждения, отрешившемуся от всего, что он говорил и писал на протяжении более чем сорока лет, не может не казаться странной позиция Троцкого, несмотря на все перенесенные им испытания, не допускавшего мысли о том, чтобы «поставить под сомнение исходные большевистские аксиомы» (2: 173) и сохранявшего «веру в истинность

исходных посылок русской революции» (2: 279).³⁸ Причины этого «фанатизма» Волкогонов видит в том, что Троцкий, «веря в марксизм, верил и в его железобетонные (?) догматические постулаты». К таким постулатам и «догмам», якобы показавшим «свою ограниченность и историческую уязвимость» и сталинской практике (в том, что Сталин следовал марксизму, у Волкогонова не существует сомнений), автор относит прежде всего идею диктатуры пролетариата, именуемую им «исходно ошибочной, а затем и преступной» (2: 333).

Усматривая «самое уязвимое место Троцкого как теоретика, историка и философа» в приверженности этой идее (2: 278), Волкогонов вульгарно сводит ее к проповеди тотального насилия, разумеется, умалчивая о таких ее аспектах, как непосредственное народовластие, «государство-коммуна», отрицание государства и т. д.

Другое роковое заблуждение Троцкого Волкогонов видит в том, что его «тонкий, проницательный ум находился во власти самых ошибочных марксистских догм об определяющей роли партии рабочего класса» (2: 21). Анализируя критику Троцким аппаратного бюрократизма и выдвинутую им программу утверждения интритарийной демократии, автор много пишет о «пророческих словах», «пророчески поднятном целом ряде принципиальных вопросов» (2: 15—17). Однако все эти правдивые констатации тут же сводятся на нет голословным суждением о том, что «одна из зодчих большевистской системы не понимала, что постулаты ленинизма, опирающиеся на монополию одной партии, делают это реформирование (партийного режима) невозможным» (2: 20).

Не утруждая себя хотя бы беглым анализом двадцатилетней (1903—1923 гг.) истории большевистской партии, Волкогонов утверждает такой анализ единственным бездоказательным утверждением: «Изначально партия была создана Лениным именно такой: замкнутой, иерархической, жесткой, бюрократической» (2: 21).

Волкогонов о современном троцкизме.

Многократно «похоронивший» в своей книге идейное и политическое наследие Маркса, Ленина и Троцкого, Волкогонов вынужден, однако, признать: вопреки его утверждениям о том, что «троцкизм не имел и не имеет будущего» (2: 23), «идеи Троцкого еще живут» (2: 364) и «несмотря на малочисленность троцкистских организаций, их влияние в некоторых странах заметно» (2: 176).

При определении современного троцкизма Волкогонов, пренебрежительно отвергнувший классовый анализ, использует ярлыки, к которым обычно прибегают «марксисты» самого худшего, вульгарно-социологического толка: «троцкизм — выражение мелкобуржуазного радикализма интеллигенции, студенчества, части рабочих и крестьян» (2: 176).

Считающий, что его представления об «устарелости» марксизма должны разделяться всеми, автор с изумлением замечает, что

³⁸ В противоречии с этими утверждениями, Волкогонов в некоторых местах книги намекает, что к концу своей жизни Троцкий испытывал сомнения в правоте того дела, которому посвятил свою жизнь и поэтому «у него осталась в жизни лишь одна реальная цель — сохранить репутацию революционера» (2: 222). Таковы выдумки Волкогонова о «постепенной утрате Троцким идеалов, которым он молился (?) всю жизнь» (2: 205), о том, что «Троцкий только после своей высылки понял, что строй, к созданию которого прямо причастен, оказался не готовым предоставить духовный простор для подлинного творчества» (1: 355) и т. п.

«современные троцкисты по-прежнему считают, что революционное обновление не только необходимо, но и возможно» (2: 355). Особое его негодование вызывает «Журнал интернационального марксизма», издаваемый Международным Комитетом IV Интернационала. В публикациях журнала о предательстве социализма Горбачевым и его пресмыкательстве перед капиталистическим Западом, в призывах к политической революции рабочего класса в СССР Волкогонов сумел увидеть лишь «пережевывание ушениной историей» (2: 355). При этом любопытно, что сам автор упорно уходит от ответа на вопрос: служила ли политика Горбачева—Ельцина реставрации капитализма в СССР? От этого ответа он отделяется пошлой сентенцией, характерной для всех современных «демократов». «И вообще: давно пора прекратить разговоры о социализме и капитализме, — в приказном тоне пишет Волкогонов, — Цивилизованное и демократическое общество не нуждается в идеологических ярлыках».

«От имени истории».

Между тем все социологические рассуждения Волкогонова сводятся именно к ярлыкам самого худшего идеологического пошиба, замешанным на социальной демагогии. Его социологические постулаты, не подкрепляемые ни единым веским доказательством, преподносятся в чисто сталинской манере. Изложение своих наиболее нелепых софизмов Сталин обычно предварял выражениями: «ясно, что...», «известно, что...», освобождавшими от какой-либо аргументации. Подобно этому, Волкогонов сплошь да рядом подменяет систему доказательств безапелляционными фразами: «только завоевание социал-демократией большинства в парламенте открывает путь к социалистическим преобразованиям. Кто сейчас возразит против этого тезиса?» (1: 343).

Особенно любит Волкогонов выступать в роли глашатая и толкователя решающего вердикта истории. Так, изложение споров между различными течениями социалистической мысли он завершает «непререкаемыми» выводами: «Истории было угодно доказать правоту Каутского» (1: 346); «в вердикте истории меньшевики будут выглядеть гораздо достойнее, чем их оппоненты» (1: 346). Столь же «непререкаемо» он высказывает кощунственную мысль: «История осудит их (Троцкого и Сталина) обоих, хотя и в разной степени» (2: 88).

Столь же любит Волкогонов выступать и от имени «людей планеты» или «всего мира». Приведем несколько типичных суждений такого рода. «Троцкий... хотел 'спасать' человечество без Бога', но люди планеты не приняли такого намерения» (из этой фразы вытекает, что былой атеист Волкогонов ныне не видит спасения человечества без участия Божественного промысла) (2: 211). «Весь мир давно начал понимать, возможно даже раньше Троцкого, что ничего хорошего от новой революции не дождешься» (2: 211) (здесь подчеркнутое автором слово свидетельствует, что Волкогонов в полном противоречии с фактами приписывает «позднему» Троцкому отказ от революционных идей). «Ненавидело его (Троцкого) в конечном счете больше людей, чем любило» (2: 153) (автор не разъясняет, на чем он основывает такой подсчет, кстати, противоречащий его же собственным словам о том, что в СССР до 1924 года Троцкого «большие любили» (2: 375)).

Волкогонов склонен выступать «от имени истории» и тогда, когда он гипотетически рассуждает о возможных альтернативах исторически сложившемуся развитию событий. «Мировая советская федерация, к

счастью, не состоялась... Иначе она могла быть продолжением сталинской модели» (1: 342).

Особенно кощунственным выглядит одно из подобных «гипотетических» суждений Волкогонова. Он делится с читателем вопросом, который однажды пришел ему в голову: «дожива Троцкий до времени, когда появилась атомная бомба и окажется она у него в руках, использовал бы он ее во имя мировой революции?» Автор тут же признает, что сам понимает «некорректность этого риторического, но страшного вопроса». Однако стремление «напутать» читателя Троцким оказывается сильнее соображений о «корректности». «И все же? — не удерживается Волкогонов, — Подумав и сопоставив все, что я знаю о Троцком, я пришел к выводу: да, этот певец, архитектор, теоретик, демон, наконец, идол революции, видимо, не остановился бы перед применением самого страшного оружия во имя достижения политической цели, в которую он верил до последнего вздоха. Однако (?) от мысли о том, что Троцкий и его единомышленниками стали добровольными заложниками ложно понятого идеала, становится страшно» (1: 261—262). Все это сплетение софизмов лишней раз обнаруживает истинную цену рассуждений Волкогонова о «деидеологизации науки».

Для чего написана книга Волкогонова?

Теперь уместно поставить вопрос: утверждению каких идей служит книга Волкогонова о Троцком? Эти идеи, грубо и прямолинейно повторяемые на многих страницах книги, сводятся к цепи софизмов: Октябрьская революция была фатально обречена на то, чтобы «двигаться дальше, лишь стремительно приближая диктатуру в ее уродливых и страшных формах» (1: 140); Сталин и сталинизм были «лишь неизбежным продуктом партийного монополизма и политической диктатуры одного класса» (1: 134); Ленин и Троцкий были главными архитекторами тоталитарно-бюрократической системы, которая «всегда нашла бы своего Сталина» (1: 134); Троцкий, явившийся «одним из главных творцов зла, сопутствующего утопии», «всей своей жизнью, но вопреки своей воле доказал эфемерность надежд и усилий в достижении вселенского, планетарного счастья, опирающегося на насилие» (2: 174; 1: 22).

Вся эта софистика не является «изобретением» самого Волкогонова. Она механически перенесена в его книгу из сочинений Бердяева и других идеологов первой русской эмиграции. Автор настолько заворочен фальшивыми постулатами этих своих учителей, что пытается кощунно приписать Троцкому «согласие» с ними, более того, — уверяет читателя, что Троцкий «никогда не говорил (т.е. сознательно умалчивал — В. Р.) об этом, самом уязвимом, пункте своей биографии» — «своем вкладе в бетон тоталитаризма. А этот вклад велик, после Ленина — второй по значимости» (2: 268; 2: 297). Чтобы посеять в сознании читателя этот вывод, первый себе автор уходит от анализа многочисленных высказываний Троцкого, в которых раскрываются непримиримые различия между большевизмом и сталинизмом и дается аргументированная отповедь подобным антикоммунистическим амальгамам.

Лишь в нескольких случаях Волкогонов предпринимает попытки доказать мнимую идентичность идей Троцкого и Сталина. Любопытный читатель легко обнаружит неправомочность подобных сближений, например, объявления идеи Троцкого об обострении классовых боев в ходе международной революции «до боли похожей» и «зловеще пересекающейся» с принципиально иным тезисом Сталина — об обострении классовой борьбы в стране победившего социализма (1: 203). Кое-где

Волкогонов и сам опровергает эту ложную параллель — например, когда он заявляет, что «на смену Ленину и Троцкому придет человек, который эти временные черты (насилие, принуждение, устрашение) сделает зловеще постоянными» (1: 352).

Однако, такие справедливые утверждения, «выпадающие» из «концепции» книги, перекрываются нанизыванием кощунственных фраз, преподносимых читателю без малейших доказательств: «Сталин прошел хорошую школу у Ленина и Троцкого» (2: 203); «И Троцкий, и Сталин были личными антиподами, но оба они остались типичными большевиками, помещенными на насилие, диктатуру и принуждение» (2: 217); «Троцкий долгие годы боролся с тем, что когда-то сам создавал» (2: 363). Недумывая указывать на главный объект своих «разоблачений», Волкогонов пишет, что Троцкий «соединил в себе как некоторые привлекательные черты русских революционеров, так и крайне отталкивающие, те, что характеризуют большевизм» (1: 13) (курсив мой В. Р.). А поскольку за большевиками шли многие миллионы людей в России и во всем мире, то яростные инвективы обрушиваются и на этих людей, которых автор не постыдился амальгамировать со сталинскими палачами. «Кровавый Троцкий», — гласит одна из наиболее кощунственных фраз Волкогонова, — не может смыть грехи и заблуждения того многочисленного отряда людей, которые свято и наивно верили, что с помощью насилия они в состоянии принести счастье всему человечеству. Троцкий был одним из вдохновителей этих людей и сам пал их жертвой» (2: 346).

Отождествление революционного насилия, обращенного против зверски сопротивляющихся классовых врагов, и политического геноцида по отношению к нескольким поколениям революционеров — такова наиболее грязная идеологическая операция, проделанная Волкогоновым в книге о Троцком. Успеху этой операции признано служить бесчисленное повторение одних и тех же суждений, реанимирующих исторический миф, по своей произвольности и фантастичности превосходящий даже самые чудовищные идеологические продукты сталинской школы фальсификаций. Подобно сталинским фальсификаторам, Волкогонов использует «методологию», суть которой выражена во французской поговорке, часто приводившейся Троцким при столкновении со лживыми наветами: «Клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется».

На подступах к книге о Ленине.

Волкогонов многократно заявлял, что после книг о Сталине и Троцком он завершит трилогию «Вождем» книгой о Ленине. На то, какой будет эта книга, указывают многие пассажи в его книге о Троцком. Например, Волкогонов не удержался от того, чтобы привести выдержку из написанного в 1913 году письма Троцкого к Чхендзе. Это письмо, отражавшее мимолетное раздражение Лениным в момент одной из эмигрантских распри, было в 1924 году вытаскано из архива сталинской кликой и использовано ею для опорочения Троцкого. «Фальшивые документы французских реакционеров по время Дрейфуса», — писал по этому поводу Троцкий, — ничто перед этим политическим подлогом Сталина и его соучастников» (МЖ, с. 490). Теперь подобный подлог учиняет Волкогонов, но уже для того, чтобы опорочить Ленина. Замечая, что в данном письме содержится «пожалуй, самая злая тирада Троцкого в адрес Ленина», он от себя с торжеством добавляет: «Однако она наиболее верна» (72) (игнорируя при этом признание Троцкого, что он написал эти

явно несправедливые слова в состоянии запальчивости и что они не отражали его действительного отношения к Ленину).

Слабо разбирающийся в сложных аспектах теоретической полемики между русскими марксистами, Волкогонов использует образки этой полемики для приписывания Ленину не свойственных ему взглядов. Так он, к изумлению всякого человека, мало-мальски знакомого со спорами о «перманентной революции», утверждает, что «Ленин всегда придерживался теории перманентной революции». Вульгарно истолковывая эту теорию в духе своей «концепции» — как «стремление к насилию над эволюцией», Волкогонов схватывается за известные слова Троцкого об «антиреволюционных чертах» раннего большевизма, которые могут сказаться после победы революции. «Что такое антиреволюционные черты большевизма?» — задает вопрос Волкогонов и отвечает на него словами не Троцкого, а ... известного русского контрреволюционера Мережковского: они и «чрезмерности» поставленных большевиками целей (1: 322).

Читая написанное Волкогоновым о Ленине, невольно вспоминаешь статью Троцкого «Филлистер о революционере», посвященную критике взглядов Уэллса на Ленина и русскую революцию. Это саркастическое определение можно с полным основанием отнести и к нашему автору, который, не обладая талантом Уэллса, перенял его реформистские предрассудки. С позиций либерального филлистера Волкогонов истолковывает известный факт: узнав про клеветнические слухи, распространяемые Сталиным и его окружением, о мнимой жестокости Троцкого на фронтах гражданской войны, Ленин передал ему свой бланк с записью, выражающей убежденность в целесообразности и необходимости распоряжений Троцкого. По поводу этого поступка, свидетельствующего о безграничной уверенности Ленина в правильности действий своего ближайшего соратника, Волкогонов не находит ничего лучшего, как написать: «Таким был человек (т.е. Ленин), которого мы долгие десятилетия считали великим гуманистом» (1: 175).

Без тени стыда Волкогонов пишет, что «Троцкий, много рассуждая о политических, волевых чертах Ленина, как-то неохотно касается его моральных качеств, часто просто не замечая ленинского коварства, жестокости и нетерпимости» (2: 257—258). Если бы историк черпал свои представления о взглядах Троцкого не из обрывочных архивных документов, а из его наиболее серьезных работ (например, из работы «Их мораль и наша», вовсе не упомянутой в книге Волкогонова), то он едва ли решился бы на такое утверждение. Ведь Троцкий оставил десятки страниц, специально посвященных раскрытию величия ленинской, большевистской морали в ответ на примитивные и озлобленные нападки тогдашних Волкогоновых.

Но, быть может, «фундаментальный» вывод Волкогонова: «Все наши надежды и трагедии связаны в первую очередь с Лениным. Надежды, увы не оправдались, а трагедия было в избытке» (2: 258) — подтверждается найденными им архивными материалами, заставляющими по-новому взглянуть на личность и дела Ленина? У Волкогонова, ставшего фактическим распорядителем архивного дела в администрации Ельцина, были немалые возможности для таких изысканий. Однако все приводимые им архивные документы и комментарии к ним подтверждают лишь его собственную недобросовестность и предвзятость. Так, Волкогонову удалось обнаружить экземпляр изданной в Париже книги Леви «Троцкий» с ленинскими пометками на нем. Автор приводит лишь одну такую пометку по поводу интерпретации в этой книге разногласий между Троцким и Лениным о Брестском мире. Прочитав фразу: «Первый проповедует священную войну; второй только хочет сохранить власть, которую он

захватил», Ленин подчеркнул слово «только» и написал на полях: «Вот болван!!!» По поводу этой резкой, но совершенно справедливой оценки мешавших благоглупостей Лени, Волкогонов счел возможным заявить, что пометка сделана «в типично ленинском духе абсолютной нетерпимости» (2: 258).

Я думаю, что если Волкогонов и напишет книгу о Ленине, она не вызовет и десятой доли того интереса, который сопутствовал его книгам о Сталине и Троцком. Внимание к этим книгам было привлечено в силу того, что автору, пользовавшемуся абсолютным доверием брежневской и горбачевской власти, было позволено извлечь из тайников и обнародовать множество документов о жизни и деятельности этих его персонажей. Все же сколько-нибудь существенное из ленинского литературного наследия в Советском Союзе уже опубликовано. Попытки Волкогонова и других «демократов», допущенных в незаконно экспроприированные сличенским режимом партийные архивы, извлечь из них «компромат» на Ленина, не увенчались никаким успехом; документов, позволяющих бросить зловещую тень на вождя русской революции, которые как они уверяли, скрывала КПСС, попросту не оказалось. Что же касается новых выводов, глубоких исторических обобщений — то ждать их от Волкогонова, как показали его предыдущие книги, бесполезно. Единственное, на что он способен, — это в угоду новой политической конъюнктуре заимствовать фальсификаторские догмы и оценки, хорошо известные по обширной антикоммунистической литературе.

В книге Волкогонова приводится примечательная цитата из предисловия Троцкого к книге о революции 1905 года: «Автор ни на минуту не пытается скрыть от читателя... свое презрение к русскому либерализму, самому ничтожному и самому бесхарактерному в мировой галерее политических партий» (1: 80). Эта оценка блестяще подтверждается при знакомстве с книгой Волкогонова, в известном смысле представляющей автопортрет одного из типичных эпитонов русского либерализма начала XX века.

Отдел писем

Переписка с членом «Левой платформы» в Киеве.

Александр М. к Петеру Шварцу — 24. XII. 1991 г.

Здравствуйте уважаемый товарищ Петер Шварц!

Пишет Вам Александр М. из Киева. К сожалению я не смог быть на встрече с Вами во время Вашего приезда в Киев. Все дело в том, что график дежурств не позволял принять участие в дискуссиях в те два дня. Тем не менее Сергей П. ознакомил меня с результатами дискуссии, а также первой встречи нашей группы, где шел разговор о прошедшей в Берлине международной конференции. Я ознакомился, но еще не полностью с материалами, переданными Вами Сергеем о конференции и доклад Дэвида Норты о киевской группе. В ходе наших бесед возникает много вопросов на которые нам бы хотелось найти ответ. Ведь ни я, ни Сергей не присутствовали на последней с Вами встрече, мне кажется мы пропустили много важной информации, но думаю, в скором времени созвонимся с Александром К. и найдем время для встречи, чтобы он заполнил пробел в последней информации. И все-таки ответы или разъяснения по некоторым вопросам хотелось бы услышать от Вас.

Дэвид Норт в докладе о киевской группе говорит, что в это тяжелое время нам необходимо быть сплоченнее, теснее, чтобы по возможности не возникало разногласий внутри... Я согласен с этим; это одно из условий успешной работы. Но... Вы заметили разницу в возрасте между нами, молодежью, и основными членами группы, где уже опытные товарищи. Поэтому мы с Сергеем вынуждены часто не высказывать своего мнения по некоторым вопросам если находятся разногласия. В заявлении нашей группы говорится об «отказе от аморальных методов политического обмана и насилия...» Здесь мы можем выразить свое несогласие, даже Лев Давыдович Троцкий говорил, что мирным путем невозможно построить революцию, социализм, в том смысле, что буржуазные, империалистические элементы никогда не отдадут добровольно власть в руки рабочих. Но все-таки, как можно уже сейчас доказать, что цель оправдывает средства?

По вопросу о власти. Понятное дело, власть должна существовать в форме Советов. Но мы прослеживаем одну четкую закономерность. Любая форма власти, управления, даже вроде бы демократическая, со временем бюрократизируется, то есть приходит в упадок, тормозит прогрессивное развитие общества. Вот наглядный пример из истории показывает это: Робеспьер неоднократно предупреждал своих сторонников о последствиях, которые повлечет за собой опьянение властью, он предупреждал, чтобы они не зазнавались, не возгордились... Впоследствии же, Робеспьер и якобинский клуб изолировали сами себя, оторвались от массы, от основной массы народа, через постепенную ликвидацию выборного начала и заменой его назначением. Таким образом, режим Робеспьера дискредитировал себя в лице народа, усугублял зло и способствовал работе антидемократических сил. Но для того, чтобы подобного не происходило в будущих органах власти, необходимо, по-моему, своевременно производить чистку и предотвращать малейшие проявления деформирующих,

антидемократических течений. Согласны ли Вы со мной, или, может быть, существует иной путь разрешения этой проблемы?

Существующая власть по сути дела осталась тем же самым, чем и была много лет назад, только теперь пытается прикрыть свою сущность, свои привилегии другими названиями. Выбранный капиталистический путь представляют раем, одновременно реакционно настраивают на учение Маркса, Троцкого, Ленина. Заставляют искать причину всех бед в социализме — коммунизме, держат народ без независимой демократической точки зрения, мысли.

Когда же начинаешь дискутировать с людьми по этому вопросу, проливать свет на истинное положение дел, то есть объяснять: сталинизм, а не социализм привел в загнивание страну, это два в корне противоположных понятия, после этого можно уже ощутить согласие в области политической платформы. Но когда дело доходит до экономической стороны вопроса, тут мы затрудняемся что-либо отвечать. Непонятно, в какой форме должна существовать государственная собственность на средства производства (национализация всех средств производства), но Лев Давидович Троцкий говорил о крестьянине, что нельзя в нем убить интерес собственника. В «Бюллетене» № 4 IV Интернационала 1990, стр. 62 я встретил выдержку из работ Троцкого. Там он пишет о возможности дать крестьянину выйти на рынок, пробудить личную заинтересованность собственника. Из этого, наверно следует, что формы собственности должны будут сочетаться: государственная с личной? Но, может быть, мы неправильно думаем по этому вопросу?

Надеюсь, Вы сможете помочь нам и ответите на эти вопросы. С надеждой на скорый ответ.

Александр М.

P.S. Разрешите воспользоваться случаем и пожелать Вам от всех нас удачного Нового Года в Вашей работе и во всем, что Вы делаете, а также передать поздравление Дэвиду Норту.

Дэвид Норт к товарищу М. — 23. 1. 1992 г.

Дорогой товарищ М!

Я с интересом прочитал Ваше письмо от 24 декабря, которое мне переслал товарищ Петер. Поставленные Вами вопросы очень важны. Я сожалею, что Вы были вынуждены так долго ждать ответа. Прошу понять, что помимо почтовых задержек, мы должны сперва переводить письма на английский или немецкий языки, а затем снова переводить ответы на русский. На это требуется некоторое время. Поэтому вполне возможно, что Вы получите ответ лишь через два месяца. Надеюсь, что в недалеком будущем нам удастся более эффективно организовать нашу корреспонденцию. А пока, мы все вынуждены проявить терпение.

В своем письме Вы высказываете мнение, что молодым товарищам, как Вы сами, неудобно высказывать свое мнение, поскольку Вам недостает опыта более старших членов группы. Но это не так. Ценность политической позиции зависит не от возраста товарища, который ее отстаивает. Молодой товарищ не может набраться опыта и зрелости, если он не подвергнет свои идеи проверке, — даже если в процессе дискуссии или практики должно оказаться, что они неправильны. В долгосрочном плане, Вы научитесь большему, если испытаете свои мысли в интеллектуальной и политической дискуссии, чем если Вы будете пассивно приспосабливаться к так называемому авторитету более старших товарищей.

На очень ранней стадии борьбы против растущего бюрократизма Троцкий выступил против подавления молодежной инициативы. «Совершенно недостаточно, — писал он в декабре 1923 года, — чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала бы себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера»³⁹.

Если такая пламенная защита права молодежи «самостоятельно думать» была уместна в партии, «старшее поколение» которой обладало несравненным революционным опытом и в рядах которой находились такие исторические личности, как Ленин и Троцкий, то она, конечно, тем более оправдана в отношении молодой политической организации, в которой все товарищи, независимо от их возраста, лишь недавно начали систематически работать, как троцкисты.

Это ни в коей мере не означает неуважение к старшим товарищам в киевской организации. Все, что я сказал о политических правах молодых членов группы «Левая платформа», всецело относится и к отношениям между киевской организацией и Международным Комитетом Четвертого Интернационала. Самыми плодотворными, по моему мнению, являются такие отношения, которые основываются на честном обмене политическими мнениями.

А теперь мне хотелось бы перейти к вопросам, содержащимся в вашем письме. Так же как и вы с Сергеем, мы с Петером не согласны с формулировкой в программном проекте платформы, которая осуждает «аморальные методы политического обмана и насилия». Из этой формулировки вытекает, что любое насилие, независимо от его политических причин или от того, какому классу оно служит, является либо «аморальным», либо выражением «политического обмана». Однако, значение определенного примененного насилия и его моральное содержание может быть правильно оценено лишь тогда, когда оно рассматривается в его исторической и общественной связи. Самой скверной формой политического обмана является, обычно, форма политического обмана мелкобуржуазного моралиста, который проповедует рабочему классу «аморальность» революционного насилия, в то же время лицемерно приспосабливаясь к вездесущему, конституционному и легально освященному насилию буржуазного общества. Ничего не стоит «моральный кодекс», не различающий между насилием, которое служит великим историческим целям и насилием на службе гнета и реакции.

Вы с Сергеем были совершенно правы не согласившись с формулировкой платформы, и мы надеемся, что киевские товарищи обдумают ее еще раз. Далее, вы спрашиваете можно ли считать приемлемой мысль о том, что «цель оправдывает средства». Я охотно пользуюсь возможностью осветить этот вопрос, ведь идеологические лакеи буржуазии вновь и вновь упоминают эту фразу, как пример «аморальности» большевиков. Не является ли этот принцип, говорят они, оправданием самых ужасных актов насилия? Не оправдывается ли с помощью этой формулировки, даже произвол в форме массовых убийств?

Проблема такой критики заключается в том, что она игнорирует диалектическую связь между целью и средствами, и приписывает марксизму такую позицию, которую он вовсе не защищает. Исторической целью Четвертого Интернационала является мировая социалистическая революция и ликвидация эксплуатации человека человеком. Но именно эта

³⁹ «Правда», № 281, 11 декабря 1923 г.

цель и не терпит равнодушия относительно средств, с помощью которых она должна быть осуществлена. «Средства» должны быть такими, какие действительно служат «цели», а не мешают ее осуществлению и не извращают ее. Позвольте мне привести абзац из статьи Троцкого «Их мораль и наша», являющейся одной из его лучших статей. Это — полемический ответ тем мелкобуржуазным моралистам, которые утверждали, что марксисты в целях социалистической революции якобы оправдывают «ложь, подлоги, предательство, убийство и т. д.». Троцкий писал:

«Допустимы и обязательны те и только те средства, отвечаем мы, которые сплачивают революционный пролетариат, наполняют его душу непримиримой враждой к угнетению, научают его презирать официальную мораль и ее демократических подголосков, пропитывают его сознанием собственной исторической миссии, повышают его мужество и самоотверженность в борьбе. Именно из этого вытекает, что не все средства позволены. Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая революционная цель отвергает, в качестве средств, все те низменные приемы и методы, которые противопоставляют одну часть рабочего класса другим его частям; или пытаются осчастливить массу без ее участия; или понижают доверие массы к себе самой и к своей организации, подменяя его преклонением перед «вождями». Прежде всего и непримиримее всего революционная мораль отвергает сервильизм по отношению к буржуазии и высокомерие по отношению к трудящимся, т.-е. те качества, которые насквозь пропитывают мелкобуржуазных педантов и моралистов.

«Эти критерии не дают, разумеется, готового ответа на вопрос, что позволено и что недопустимо в каждом отдельном случае. Таких автоматических ответов и не может быть. Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики. Правильный ответ на эти вопросы дает живой опыт движения в свете теории»⁴⁰.

Ниже в своем письме вы говорите о том, что органы произвольного исполнения власти легко подвергаются бюрократической дегенерации. Мне не совсем понятно, что вы имеете в виду, а может, в перевод вкралась ошибка. На основе приведенного вами примера и названных причин свержения Робеспьера, создается впечатление, что, по вашему мнению, бюрократическая дегенерация органически вытекает из отсутствия формальных конституционных или легальных ограничений на исполнение государственной власти. Говоря вашими словами: если бы Робеспьер применял более демократичные методы, чем те, которые были в ходу у Комитета Общественного Спасения, то он, по вашему мнению, не «изолировался» бы от масс.

Простые изречения, вроде сентенции лорда Эктона — «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» — часто выдвигаются за глубокую премудрость, но они абсолютно ничего не объясняют. Научный подход к истории требует, чтобы мы вскрывали глубокие общественные и классовые отношения, которые находят свое выражение в государствах и правительствах. Дегенерация большевистской партии произошла не потому что ее руководители, недостаточно разбираясь в преимуществах демократии, ликвидировали Учредительное Собрание. Истинная причина коренилась в комбинации действий взаимосвязанных проблем: отсталость России, вызванное почти десятилетием империалистической и гражданской войны опустошение и, наконец, поражения европейского рабочего класса создали материальные

предпосылки для роста бюрократии, которая в конце концов вырвала власть из рук рабочего класса.

Рассмотрим еще раз судьбу Робеспьера и его Комитета. Разве их изоляция действительно произошла из-за того, что они опирались на методы диктатуры? Чтобы ответить на этот вопрос нужно спросить, почему Робеспьер, восторженный ученик Руссо и противник смертной казни, был вынужден прибегнуть к методам диктатуры и террора? В борьбе против объединенных сил феодальной реакции во Франции и во всей Европе, методы диктатуры пользовались огромной поддержкой в народе и привели к грандиозным историческим результатам. Но к 1794-му году ситуация изменилась. Лучшие исследования о якобинцах обнаружили, что их растущая изоляция, замешательство и отчаяние в месяцы, предшествующие Термидору, отражали неспособность радикальной мелкой буржуазии найти долговременное и самостоятельное решение проблем, которые возникли в связи с дальнейшим развитием буржуазной революции.

В свете трагического опыта советского пролетариата, вполне закономерно, что огромное внимание должно быть уделено проблемам преодоления тенденций к бюрократизму, проблеме защиты и развития форм рабочей демократии. Нельзя, конечно, привлечь рабочих к перспективе социалистической революции, если они думают, что она неизбежно ведет к диктатуре и террору сталинского типа. Но нет смысла давать рабочим поверхностные гарантии и заверять их, что существуют какие-то безошибочные административные средства, которые предотвратят бюрократическую дегенерацию. Напротив, мы должны объяснить им исторические причины извращения советского государства. Эта воспитательная работа жизненно необходима и, в связи с этим, мы должны подчеркнуть, что самым первым средством защиты и развития форм рабочей демократии является самое широкое развитие политического сознания в рабочем классе. Только воспитанный в политическом отношении пролетариат, ведущий активную борьбу за социалистический переворот в обществе, способен противостоять влиянию таких нездоровых тенденций.

В конце вашего письма вы ставите вопросы о проблеме перехода от капитализма к социализму. Возможно ли, спрашиваете вы, сосуществование государственной и частной собственности? С точки зрения продолжительного исторического развития человечества, социалистическое преобразование мировой экономики на основе научного планирования должно, в конце концов, преодолеть и заменить анархию, свойственную капиталистической системе частной собственности на средства производства. Социалистическая революция создает предпосылки для реализации этой цели. Не существует, однако, ни твердых сроков, ни заранее рассчитанных периодов времени, которые победоносный пролетариат будет строго соблюдать после своей революции. Темпы социалистического развития будут неизбежно определяться взаимодействием комплексных международных политических и экономических факторов. В общем и целом, можно сказать, что государственная и частная собственность в течение продолжительного времени будут, по всей вероятности, существовать одновременно друг с другом. Вряд ли для пролетарского государства станет необходимым, а тем более возможным, национализировать всю собственность без исключения. Оно не сможет мгновенно ликвидировать рынок и закон ценности. Но оно возьмет в свои руки управление важнейшими секторами финансовой системы и промышленности. Государственная собственность и принцип планирования станут постепенно преобладать в международной экономической жизни. На это, по моему мнению, понадобится несколько десятилетий.

⁴⁰ «Бюллетень оппозиции», № 68—69, август—сентябрь 1938 г., стр. 18.

Я должен подчеркнуть, что основной предпосылкой этого экономического прогноза является победа мировой социалистической революции и установление диктатуры пролетариата.

Я надеюсь, что эти ответы помогут вам в развитии работы «Левой платформой». Кроме того, я искренне надеюсь, что вскоре у вас опять появится возможность личной встречи. А пока, прошу передать от меня самый сердечный привет всем нашим товарищам и друзьям в Киеве. С братским приветом,

Дэвид Норт

Переписка с харьковским сторонником.

К. Н. к П. Шварцу и Д. Норту — 9. V. 1992 г.

Здравствуй, уважаемые члены МКЧИН⁴¹

Несколько моих предыдущих писем осталось без ответа, и я решил написать вновь. Насколько я могу судить, Вы уменьшили свою активность в отношении нашего региона. Если я ошибаюсь, то прошу извинить за такой вывод, если же нет — то делаете это Вы совершенно напрасно. У нас на Украине, да и в России, назревают очень серьезные события. Но об этом немного ниже.

Уже сообщал Вам, что в СССР начали активную деятельность несколько троцкистских группировок. Знакомая Вам «Рабочая борьба» из Ленинграда представляет собой группу сторонников Клиффа Слотера⁴². Недавно вступил в контакт с Социалистическим рабочим союзом, это советская секция «Рабочего Интернационала» (Workers International). Насколько следует из Ваших бюллетеней, подобные организации давно капитулировали перед оппортунизмом и ведут борьбу против подлинного революционного марксизма. О себе же они говорят, что именно они представляют истинную троцкистскую тенденцию.

Я назвал 2 организации, с которыми имею письменный контакт. Кроме них, действует еще немало троцкистских организаций. Это и ИКЛ (спартакистов), и филиал «Militant»-а, и очень многие другие. К сожалению, пока не слышал о каких-либо сторонниках ICFI. Этот пробел, думаю, нужно заполнить.

Что можно сказать о троцкистах, с которыми я общался? Примерно на 90—95% их воззрения совпадают с Вашими. Я, по крайней мере, большой разницы не заметил. Расхождения касаются главным образом конкретных тактических шагов и еще различных подходов к оценке истории.

Например, троцкисты из WI считают, что СССР вовсе не являлся деформированным рабочим государством как это определил Троцкий. Они считают, что диктатура пролетариата потерпела полное и сокрушительное поражение в конце 20-х годов. СССР (по их мнению) представлял из себя государство антипролетарской, антисоциалистической диктатуры. Не знаю, должны ли мы из-за разных оценок прошлого быть враждебны друг к другу сейчас? Видимо, нет.

Я имею немало к Вам вопросов как теоретического, так и практического плана. Но отложу их до следующего раза. Вернуться хотел бы к тому

⁴¹ Это письмо от товарища Н. не было датировано, но дошло до редакции в мае 1992 года.

⁴² Автор допускает здесь некоторую фактическую неточность. Группа «Рабочая борьба» представляет собой сторонников Тома Клиффа.

предложению, которое постоянно повторяю в своих последних письмах. Я хотел бы выступить координатором сторонников ICFI в СССР, если эту функцию не взял на себя кто-либо уже. Для этого сообщайте мой адрес людям, которые поддерживают идею создания советской секции (Soviet section of ICFI). Другого пути найти единомышленников не вижу. Если нас будет группа хотя бы в 1—2 десятка, мы сможем собраться, обсудить дальнейший план действий и т. д. Это сейчас самый важный вопрос. Нам надо объединиться и начать действовать.

На этом прощаюсь. Все свои вопросы оставляю до следующего раза. Надеюсь на то, что Вы последуете моему предложению.

С марксистским приветом,

К. Н.

П. Шварц к К. Н. — 18. V. 1992 г.

Дорогой товарищ Н!

Большое спасибо за Ваши письма. С начала этого года мы получили от Вас в целом три письма: одно с датой от 1-го января и два без даты, которые здесь были получены 20-го марта, а затем 9-го мая. Пожалуйста, извините за длительную задержку с ответом. Мы постараемся в будущем работать оперативнее.

Как и раньше, мы очень заинтересованы в том, чтобы развивать нашу деятельность на территории бывшего Советского Союза. Мы будем также публиковать и дальнейшие издания «Бюллетеня Четвёртого Интернационала» и постараемся сразу же по их публикации высылать их Вам.

В конце марта мы послали Вам брошюру с речью Дэвида Норты под заглавием «Конец Советского Союза». В ней даются ответы на множество вопросов, которые Вы затрагиваете в своём письме от января месяца. Пожалуйста, сообщите нам, дошла ли она до Вас. Если Вы её не получили, то мы вышлем Вам ещё одну копию.

А теперь перейдём к Вашим недавним письмам. Вы пишете, что точки зрения групп, сотрудничающих с Клиффом Слотером, на «90-95 процентов» совпадают с нашими и что разногласия «в основном» касаются «конкретных тактических мер и возможно ещё различных подходов к оценке истории».

В действительности же дело обстоит как раз наоборот: у нас на 90—95 процентов нет совпадения взглядов с этими группами. То, что разделяет нас с ними, является не просто различным тактическим подходом к конкретным проблемам. Нас разделяет вся наша социальная ориентировка.

Работа Международного Комитета Четвёртого Интернационала направлена на то, чтобы добиться разрыва рабочего класса с политическим влиянием всех буржуазных, мелкобуржуазных и бюрократических тенденций и его объединения как независимой политической силы. Слотерская группа представляет собою, наоборот, мелкобуржуазную тенденцию, которая служит в качестве своего рода предохранительным клапаном для различных фракций сталинской и социал-демократической бюрократии.

Подобного рода различие не сразу бросается в глаза, если иметь дело лишь с непосредственными позициями той или иной группировки по отношению к какой-либо конкретной тактической проблеме. Об её истинном социальном характере можно сделать правильное заключение лишь после изучения политического происхождения и исторического развития конкретной организации и той позиции, которую она занимает по отношению к ключевым вопросам нашей эпохи.

Хочу привести Вам пример из истории, который Вам, вероятно, хорошо известен: противоречие взглядов между большевиками и меньшевиками. Весной 1917-го года большинство политических наблюдателей определённо сказали бы, что большевики и меньшевики на 90—95 процентов имеют соответствие взглядов и что — говоря их собственными словами — различие в оценках прошлого не является оправданием для того, чтобы вести себя враждебно по отношению друг к другу. По крайней мере такова была позиция Сталина и Каменева, которые в тот период руководили большевистской организацией в Петрограде. Потребовалось возвращение Ленина и опубликование его Апрельских тезисов, чтобы изменить эту позицию. Поэтому в октябре меньшевики и большевики уже стояли по противоположным сторонам баррикад.

Ленин, в отличие от Сталина, хорошо понимал значение исторических вопросов. Его долгая 14-летняя борьба против меньшевизма показала, что последний являлся совершенно оппортунистической тенденцией. Этот оппортунизм являлся не просто результатом заблуждений и ошибок, напротив, он имел глубокие социальные корни. Когда в ходе 1917-го года конфликт между рабочим классом и буржуазией приобрёл явно открытый характер, он неуклонно повлёк меньшевиков на сторону буржуазии.

Точно так же как нельзя понять русское социалистическое движение без глубокого изучения его истории, начиная с 1903-го года, так нельзя понять и движение Четвёртого Интернационала, не изучив его историю с 1953-го года, когда произошёл раскол с паблистским ревизионизмом и был учреждён Международный Комитет. В настоящее время мы работаем над изданием на русском языке книги *«Наследие, которое мы защищаем»*, написанной Дэвидом Нортом, которая подробно останавливается на вопросах этой истории. Но я уже сейчас прошу Вас ещё раз тщательно изучить документы Международного Комитета Четвёртого Интернационала, которыми Вы уже обладаете, именно с этой точки зрения.

Оценивая деятельность слотерского Рабочего Интернационала, следует в первую очередь задать вопрос о его происхождении. Возникновение «Рабочего Интернационала» явилось результатом раскола между Слотером и Международным Комитетом Четвёртого Интернационала, который произошёл весной 1986-го года. Политическими причинами и подоплёкой этого раскола явились события, которые подробно анализировались в документах Международного Комитета Четвёртого Интернационала. Обобщающим документом является заявление *«Клифф Слотер отвергает марксизм»*, которое было опубликовано в пятом номере *«Бюллетеня Четвёртого Интернационала»*.

Затем Слотер вступил в политический союз с явно просталинистскими тенденциями с целью уничтожить Международный Комитет Четвёртого Интернационала. Политической платформой, послужившей основой для разрыва слотерской Рабочей Революционной партии с Международным Комитетом Четвёртого Интернационала, явилась истерическая клевета на всю историю Четвёртого Интернационала, получившая название *«27 причин, чтобы похоронить Международный Комитет Четвёртого Интернационала»*. Позднее, когда его союз со сталинистами оказался под опасностью разрыва, Слотер обратился к группе Морено в Аргентине для того, чтобы организовать международный фронт борьбы против Международного Комитета. (Группа Морено представляет собой правую паблистскую тенденцию, которая в течение многих десятилетий верно служила аргентинской буржуазии). В этот период слотерская газета *«Workers Press»* неоднократно опубликовывала полемические статьи, направленные против МКЧИ, в которых содержалась её защита Горбачёва в

связи с направленным по его адресу обвинением, что он подготавливает реставрацию капитализма.

В качестве обобщения: Рабочий Интернационал был учреждён как просталинистская и антитроцкистская тенденция.

И лишь после того как слотерский альянс со сторонниками Морено раскололся, он (Слотер) вдруг без всякого заявления или объяснения со своей стороны вновь стал признавать историческую преемственность МКЧИ. Но этот шаг не явился корректировкой его предыдущего курса. Он лишь отреагировал на тот факт, что ему не удалось разрушить МКЧИ. Для того, чтобы иметь возможность опять играть свою роль в качестве фигового листа для бюрократии, он вынужден был вновь надеть более ортодоксальную «троцкистскую» маску.

Где бы ни проявляли свою активность сторонники Слотера, они и поныне выступают в союз с самыми правыми силами. В Великобритании они занимают высокие позиции в реакционном профсоюзном аппарате. В Намибии они объединились для проведения кампании, направленной против SWAPO (South West African People's Organization — Народная Организация Юго-Западной Африки), с группировками, поддерживаемыми южно-африканской секретной службой (разведкой). Нет никакого сомнения в том, что они и в России готовы сыграть подобную же роль. Поэтому не следовало бы попадать на удочку их обманных фраз.

Впрочем, прошлым летом мы встретили в Москве руководителя слотерской тамошней группы Гусева, которому мы подробно сообщили о причинах раскола внутри МКЧИ. Он не обнаружил насчёт этого ни малейшего интереса, сказав лишь, что то, что произошло пять лет тому назад, ныне вовсе не важно. Мы выслали ему все документы, касающиеся этого раскола, но он на это никак не отреагировал, даже не дал никакого ответа.

Что же Вы скажете насчёт такого человека, вовсе не уважающего какие-либо политические принципы и проявляющего интерес лишь к сиюминутным вопросам данного дня? Не имеем ли мы тут дело с тем же самым социальным типом, на который в течение долгих десятилетий могла опираться сталинская бюрократия? Разве это неуважение по отношению к истории не является символом каждого политического карьериста? Как же тогда советский рабочий класс, так ужасно преданный, угнетённый и дезориентированный сталинизмом, сможет сделать шаг вперёд в своём развитии, не возвращаясь к великим историческим вопросам и принципам, которые когда-то окрыляли партию Ленина и Троцкого? Сейчас являются необходимыми не разумные тактические манёвры, являющиеся плодом измышления истёртых и бесхребетных политиков типа Слотера и Гусева, а новое политическое вооружение рабочего класса, сделанное на основе уроков истории. Нет, абсолютно нет никаких причин для того, чтобы ослаблять нашу враждебность по отношению к слотерской группе.

Крайне интересным является между прочим тот факт, что члены Рабочего Интернационала в России придерживаются точки зрения, согласно которой Советский Союз, по их словам, уже в конце 20-х годов был антипролетарским государством. Такая точка зрения совершенно несовместима с программой Четвёртого Интернационала. Она приводит к совершенно иной оценке сталинской бюрократии, государственной собственности и, наконец, самой Октябрьской революции. Сам Троцкий за два последних года своей жизни лично вёл борьбу против такой точки зрения, за которую в тот период выступала мелкобуржуазная тенденция внутри американской Социалистической Рабочей партии. По этому поводу он написал множество подробных статей. Его тогдашние противники, которые отказывались признать прогрессивный характер форм

собственности в Советском Союзе, в конце концов все оказались в лагере антикоммунизма.

Слотер всегда утверждал о самом себе, что по этому поводу он якобы разделяет точку зрения Троцкого. Однако он никогда не сообщал членам своей собственной партии в Великобритании, что его сторонники в России придерживаются иного мнения. Это вновь свидетельствует о совершенно беспринципном характере его организации.

Группы "Militant" и "Spartacist", которые Вы тоже упоминаете в своём письме, также представляют собой мелкобуржуазные тенденции, которые, однако, уже намного раньше слотерской группы порвали все отношения и связи с Четвёртым Интернационалом.

Группа "Militant" в течение десятилетий оперирует в качестве оппозиции в реформистской лейбористской партии в Великобритании. «Троцкизм» служит ей лишь вывеской для того, чтобы сделать привлекательной правую политику лейбористской партии для той части рабочего класса и молодёжи, которая обнаруживает тенденцию к борьбе. Она оказала бесчисленное количество услуг лейбористской бюрократии. Так например, в 60-е годы она поддержала исключение сторонников МКЧИ из лейбористской партии после того как им удалось добиться руководства молодёжной организацией лейбористской партии. В недавнее время группа "Militant" в течение нескольких лет составляла городское управление в крупных городах — Ливерпуле и Шеффилде, и осуществляла там нападки консервативного центрального правительства, уволив с работы тысячи городских рабочих.

Группа "Spartacist" имеет свои корни в США. В 60-е годы она порвала с Четвёртым Интернационалом и с тех пор развилась экстремально про сталинские позиции. В Польше, в 1981-ом году, она поддержала установление военного положения и насильственное подавление движения "Solidarnosc". В Афганистане она выступила за советскую интервенцию. В Москве она сегодня тесно сотрудничает с той фракцией сталинской бюрократии, которая опять жаждет диктатуры, подобно той, что господствовала лично при Сталине, и поддерживает тесные связи с великорусско-шовинистскими и даже фашистскими кругами.

Группы "Spartacist" и "Militant" объединяет то, что они обе отвергают независимую мобилизацию рабочего класса под знаменем Четвёртого Интернационала. Если группа "Militant" цепляется за социал-демократическую бюрократию, то группа "Spartacist" отождествляет себя с самым реакционным крылом сталинской бюрократии.

В заключение перейду ещё к Вашему желанию насчёт опубликования Вашего адреса в «Бюллетене Четвёртого Интернационала». Мы, конечно, очень рады, что Вы тоже хотите активно включиться в борьбу за дело МКЧИ, но, к сожалению, пока не в состоянии выполнить Вашу просьбу в силу соображений принципиального характера. Именно потому, что, согласно нашей точке зрения, построение МКЧИ требует полного соответствия в подходе к принципиальным историческим вопросам, мы считаем подобного рода шаг в данный период времени, преждевременным. Пожалуйста, не поймите это как знак недоверия, направленный лично против Вас. Мы только лишь придерживаемся мнения, что необходимым условием для этого является проведение существенно большего политического диалога с целью достижения принципиального совпадения в подходе к основным вопросам.

Конечно, было бы очень хорошо, если бы Вы для этой цели смогли приехать сюда в Германию. Есть ли у Вас для этого возможность? Со своей стороны мы охотно помогли бы Вам в этом отношении, насколько это находится в наших возможностях. Я тоже в ближайшее время планирую

поездку в Киев. Имеется ли возможность для того, чтобы мы могли там встретиться? Я Вас своевременно об этом проинформирую. Во случае нам необходимо продолжить нашу переписку.

С дружеским приветом.

Петер Шварц

К. Н. к П. Шварцу — 10. VI. 1992 г.

Здравствуйте, уважаемые члены ICFTI!

Здравствуйте, товарищ Peter Schwartz!

Был очень рад получить Ваше письмо, которое ждал уже буквально с осени. Как Вы помните, в октябре не состоялась моя встреча с Д. Нортон, и с тех пор я пытаюсь выяснить, что же помешало товарищу Нортону приехать в Харьков. Очень жаль, что Вы в своём письме не написали хотя бы нескольких слов об этом.

К сожалению, упомянутую Вами речь Норта «Конец Советского Союза» я не получил. Почта работает крайне плохо, письма не доходят даже из соседних городов. То, что все мои 3 письма дошли, достойно удивления.

Итак, перехожу к ответу на Ваше письмо. Из его содержания я сделал вывод, что при оценке тех или иных политических группировок совершенно недостаточно прочитать их программные заявления и декларацию принципов. Откуда я сделал вывод, что Ваши установки на 90—95% совпадают со взглядами групп, поддерживающих К. Слотера? Этот вывод я сделал, ознакомившись с изложением их программных принципов. В самом деле, что я могу возражать, если эти товарищи объявляют своей целью свержение власти бюрократии и буржуазии, установление диктатуры пролетариата, построения рабочего государства? Разве у Вас не те же цели? Вполне допускаю, что я, говоря Вашими словами, «попался на удочку их обманчивых фраз». Пока у меня не было возможности изучить историю IV Интернационала. Ваши бюллетени дают некоторый материал, но его мне недостаточно. Я должен читать также документы отошедших от ICFTI группировок, и вовсе не из-за недоверия к Вам. Как и всегда, в каждом серьёзном и объективном исследовании, необходим всесторонний подход. Иначе есть опасность оказаться в положении, в котором я находился, изучая в университете историю КПСС, когда приходилось критиковать, например, Каутского или Бернштейна, не прочитав ни одного абзаца из их работ.

По этому взгляду я хотел бы сообщить о своём ознакомлении с позицией групп, поддерживающих Тони Клиффа (Tony Cliff). Я не хотел бы касаться вопросов истории расколов, коснусь лишь теории государственного капитализма, разработанной Клиффом. Я прочёл его книгу «Государственный капитализм в России», где эта теория изложена. Наверняка, Вам знакома эта работа, и я не буду приводить здесь доводы Клиффа в пользу его подхода. Очень хотел бы услышать Ваше мнение по поводу теории госкапитализма. Мне кажется, что критиковать эту теорию не так-то просто. Сам Клифф оговаривает, что госкапитализм содержит в себе элементы отрицания капитализма, т. е. это вовсе не тот капитализм, который обычно подразумевается под этим термином. С другой стороны, и Ленин, и Троцкий писали, что возникающее после победы социалистической революции государство несёт на себе немало черт предшествующей эпохи.

Из работы Клиффа я узнал о нескольких точках зрения на СССР, высказываемых троцкистами. Ваши взгляды на СССР как на деформированное рабочее государство он относит к «ортодоксальным» (думаю, не в смысле догматических, а в смысле приверженных

определенной традиции). Кроме этого взгляда и его теории, имеется теория бюрократического коллективизма и теория антипролетарского государства (т. е. утверждение о том, что диктатура пролетариата потерпела поражение еще в конце 20-х годов). Возможно, Вы знаете и еще какие-то теории, объясняющие природу СССР. Например, я слышал мнение, что СССР — это совершенно уникальная общественно-экономическая формация, о которой не писали классики марксизма и которая возникла благодаря довольно редкому стечению исторических обстоятельств.

Но сейчас я хотел бы сказать не об этом. Изучая и сопоставляя указанные теории (в рамках доступных мне материалов), я иногда прихожу к выводу, что довольно трудно провести четкую грань между различными подходами к оценке природы СССР. Прошу не понимать мои слова как оппортунизм или защиту враждебных социализму тенденций. Я говорю совершенно прямо и серьезно. В самом деле, где та четкая граница между, например, выродившимся пролетарским государством и антипролетарским бюрократическим?? Где, в каком месте вырождение ведет к гибели диктатуры пролетариата?? Возможно, Вы ответите, что отношения собственности являются критерием характера государства? Но классики марксизма указывали, что одни лишь отношения собственности не могут быть таким критерием, точнее, их нельзя рассматривать оторванно от производственных отношений.

После двухдневного перерыва возвращаюсь к написанному ответу.

Как будто нарочно эти дни подтверждают мои слова о том, что декларации различных групп вовсе не являются отображением их истинной позиции. Один товарищ прислал мне сегодня *«Бюллетень Спартакосцев»*, и что же я в нем нашел? Да то же, что и в Вашем *Бюллетене*: призыв к социалистической революции, утверждения спартакосцев о своей приверженности коммунистической программе IV Интернационала, и т. д. и т. п. Прочитав заявление в *Бюллетене*, я уверенно могу сказать, что оно на 90—95% (а если не на 99%) совпадает с подобными Вашими заявлениями. Что я не вру, можете удостовериться лично.

Однако я немного отвлёкся в сторону. Вернусь опять к вопросам теории. Ни на одно мгновение не сомневаюсь я в том, что выяснение такого фундаментального вопроса, как вопрос о природе СССР является одним из стержневых вопросов современного революционного марксизма. Это крайне важно как с теоретических, так и с практических позиций. Ведь, зная диагноз, мы можем выписать правильный рецепт.

Взглянем еще раз на троцкую теорию «деформированного рабочего государства». Совершенно согласен с тем, что созданные Октябрем 1917 г. формы собственности носят исторически прогрессивный характер, но можно ли считать существовавший в СССР политический режим деформированной пролетарской диктатурой? Ведь ни о каком реальном влиянии на политический курс со стороны пролетариата говорить не приходится. Бюрократия, конечно, защищала пролетариат и общественные формы собственности от внешнего врага, но делала это исключительно своими методами и исключительно в своих целях! Здесь, думаю, уместна такая аналогия: владелец бараньего стада защищает своих животных от хищников, кормит их пшеницей, но лишь с той целью, чтобы в удобный момент отправить стадо на бойню. Можно ли сказать, что власть над бараньим стадом — это деформированная власть баранов и овец? Наверно, аналогия моя не совсем удачна, но некоторое сходство есть с реальной ситуацией.

Я пока не отвечаю на поставленные вопросы, я их ставлю.

О сторонниках группы Слотера. Я имею довольно эпизодическую связь с группой А. Гусева, о котором Вы упоминаете в своем письме. Зная мою ориентацию на ИСР, он настроен вполне дружелюбно и не допускает каких-

либо выпадов против Международного Комитета. На словах он признает возможность сотрудничества, поскольку сторонники Слотера лишь сравнительно недавно (в 1986 г.) раскололись с ИСР, а прежде их связывали долгие годы работы. В теоретическом плане одним из серьезных расхождений есть вопрос о природе СССР, о котором я выше писал. Я задавал Гусеву об этом вопрос, и он мне ответил. Из его слов следует, что в 30-е годы, когда Троцким были написаны основные работы, посвященные природе СССР, еще не накопилось достаточно материала для того, чтобы судить более глубоко по этому вопросу. Гусев упомянул заявление группы революционеров (кажется, туда входили Кафанова⁴³, Радек и др.), сделанное в 1929 г., в котором констатировалось, что диктатура пролетариата, установленная в октябре 17-го, потерпела крах. Гусев также предостерег от обожествления Троцкого, ведь и он мог в чем-то неверно подойти к упомянутому вопросу.

Хочу поблагодарить Вас за предоставленную информацию о группах "Militant" и "Spartacist". Теперь остается познакомиться с их материалами.

В конце письма перейду к практическим вопросам. В целом я понимаю мотивы Вашего отказа от моего предложения помочь Вам в создании группы Ваших сторонников здесь. Да, я согласен, что для этого необходим серьезный и глубокий разговор по всем поднятым и по многим другим вопросам. Беда в том, что наш диалог происходит крайне медленно. Ведь дистанция между тем, что полученным письмом и предыдущим составляет что-то около 9—10 месяцев. Если мы и дальше будем так общаться, то для выяснения всех вопросов уйдет лет 20, если не больше.

Я хотел бы приехать к Вам в Германию, но это сейчас невероятно дорого. Мне, чтобы скопить деньги на такую поездку, необходимо работать, наверно, около 10 лет, не тратя на себя ни копейки, лишь уплачивая налоги и складывая зарплату. Но даже если бы это было возможно, я накопить ничего бы не смог. Бешеная инфляция, скачущая вверх со скоростью света, обесценит все, что можно отложить, через несколько месяцев.

Поэтому меня больше устроит поездка в Киев. Я не могу обещать, что я приеду, но такая возможность может представиться. Прошу сообщить дату приезда заранее.

И еще о Вашем отказе. Если я не прохожу по Вашим строгим критериям, уверен, что хотя бы 1—2 или несколько удовлетворяющих им человек из Ваших сторонников найдется. Обратитесь к ним с просьбой заняться организационными вопросами. Хочу Вас предупредить, что другие группы уже прочно обосновались в бывшем СССР. И если Вы заинтересованы иметь здесь организованную группу Ваших сторонников, необходимо действовать немедленно.

На этом я прощаюсь.

Прошу передать привет Д. Норту, всем товарищам по борьбе!

Жду скорейшего ответа.

К. Н.

⁴³ Тут, возможно, автор имеет в виду В. Д. Каспарову. Эта ссылка на совместное заявление Каспаровой и Радека явно ошибочна. Карл Радек в 1929 году полностью капитализировал перед Сталиным, сознался во всех смертных грехах, и с тех пор до своего ареста в 1936 году публично на страницах советской печати пресмыкался перед бюрократией и лично перед Сталиным.

П. Шварц к К. Н. — 3. XI. 1992 г.

Уважаемый товарищ Н!

Большое спасибо за Ваше письмо от 10-го июня. Я с удовольствием лично побеседовал бы с Вами по поводу его содержания, но, к сожалению, мне не удалось в июле встретиться с Вами в Киеве.

Затем я надеялся, что смогу поговорить с Вами в сентябре. В этот месяц я ездил в украинский город Шостку, чтобы передать Союзу Ликвидаторов Чернобыля медикаменты, сбор которых был проведен Международным Комитетом Четвёртого Интернационала. К сожалению, времени у меня оказалось слишком мало, чтобы вступить с Вами в контакт. Впрочем, поездка была очень успешной. Я имел возможность объяснить политику Четвёртого Интернационала по местному телевидению.

Теперь я хочу письменно ответить на Ваше письмо. Надеюсь, что Вы получили 6-й номер «Бюллетеня Четвёртого Интернационала», который я выслал Вам в июле из Киева? В нём содержится речь Дэвида Норфа «Конец Советского Союза», которая в марте до Вас не дошла. В этой речи подробно разбирается вопрос, который стоит в центре внимания Вашего письма: Как следует оценивать природу СССР.

В этой речи делается вывод, что после распада Советского Союза «Содружество Независимых Государств» в целом или какую-либо из республик, из которых оно состоит, нельзя характеризовать как рабочие государства».

Но это не означает, что вопрос о классовой природе Советского Союза, который много лет разделяет нас с группировкой Тони Клиффа, «разрешился», так сказать, сам собой. Наоборот, невозможно показать рабочему классу выход из ужасной ситуации, вызванной реставрацией капитализма, не поняв этих разногласий прошлого. Поэтому разрешите мне кратко подвести важнейшим вопросам итог.

Классовая природа государства определяется не его политической формой, а его общественным содержанием. При этом решающим вопросом является тот, какие формы собственности и производственные отношения оно защищает. Троцкий и Четвёртый Интернационал охарактеризовывали Советский Союз как рабочее государство, так как государственная власть служила не для того, чтобы защищать буржуазную или феодальную собственность, а чтобы создавать и охранять национализированные формы собственности.

В этом отношении ничего не изменили завоевание власти сталинской бюрократией и полное лишение рабочего класса его политических прав. Бюрократия обеспечивала свои привилегии за счёт национализированной собственности и поэтому была вынуждена защищать её от империалистических посягательств извне и слишком алчных слоёв изнутри страны.

Но осуществляла она это путём методов, которые в долгосрочном плане подрывали национализированную собственность. Поэтому Четвёртый Интернационал выступал за свержение бюрократии путём политической революции. Он снова и снова предостерегал, что, если рабочий класс одновременно не свергнет бюрократию, реставрация капитализма со всеми её ужасными последствиями, которые мы сейчас переживаем, станет неизбежной. Но пока советское государство защищало созданные Октябрьской революцией отношения собственности, оно оставалось — хотя и в сильно деформированной форме — рабочим государством.

Вы в своём письме возражаете на это, говоря, что «ни о каком реальном влиянии на политический курс со стороны пролетариата говорить не

приходится» и приводите для этого следующую аналогию: «Владелец бараньего стада защищает своих животных от хищников, кормит их, поит, но лишь с той целью, чтобы в удобный момент отправить стадо на бойню. Можно ли сказать, что власть над бараньим стадом — это деформированная власть баранов и овец?»

Эта аналогия, по моим соображениям, страдает двумя недостатками.

Во-первых, взятие на себя самостоятельной роли государственным аппаратом по отношению к «правящему классу» вовсе не является таким уж необычным, как это может показаться на первый взгляд. Подобные феномены имелись и в капиталистическом, и даже в античном обществе. Сам Троцкий называет в качестве примеров цезаризм и бонапартизм и использует понятие бонапартизм для характеристики сталинского режима. Ни один из серьёзных историков не станет утверждать, что диктатура Цезаря в Риме или диктатура Бонапарта Третьего во Франции основали новое классовое господство. Хотя эти диктаторы в значительной степени освободились от контроля господствующего класса, они продолжали и дальше защищать его собственность.

Во-вторых, Ваша аналогия касается лишь политических форм, а не общественного содержания Советского Союза. Если бы баранье стадо прежде совершило революцию и создало бы соответствующие его историческим интересам отношения собственности, то вопрос был бы поставлен иначе. Но какие же отношения собственности соответствуют историческим интересам бараньего стада? Именно в этом и заключается здесь решающая разница по отношению к рабочему классу.

Отвергая анализ Троцкого и говоря о «госкапитализме», Тони Клифф не совершает ничего нового или оригинального. Те же самые аргументы уже приводились в 1939-ом году мелкобуржуазной оппозицией в американской Социалистической Рабочей партии, во главе которой стояли профессор философии Джеймс Бернам и журналист Макс Шахтман. Сам Троцкий в тот период вёл борьбу против этих аргументов. Его работы, посвящённые этой теме, заполняют целый том, который был опубликован под названием «В защиту марксизма».

Ни Клифф, ни Бернам, ни Шахтман не смогли привести ни малейшего доказательства в пользу того, что советское государство изменило свою классовую природу и что оно опиралось на частную капиталистическую собственность. Использованное Клиффом понятие «госкапитализм» представляет собой ничто иное как жалкий трюк, ибо капитализм основывается как раз на передаваемой по наследству частной собственности на средства производства.

Истинным вопросом, о котором шла речь в этой дискуссии относительно «понятий», был вопрос о том, должны ли марксисты защищать СССР в случае капиталистического нападения или от капиталистической реставрации изнутри. Если СССР являлся госкапиталистической страной, то для этой защиты явно не было причин. В споре с Бернамом и Шахтманом Троцкий доказал, что они капитулировали под давлением американского общественного мнения, которое необходимо было подготовить к вступлению США во Вторую Мировую войну. И он оказался прав. Практически все лидеры этой мелкобуржуазной оппозиции позднее превратились в истеричных антикоммунистов и пропагандистов американского империализма.

Что касается группы Тони Клиффа, то она капитулировала перед наступлением антикоммунистической волны, захлестнувшей США и Европу в период Холодной Войны. Её лозунг: «Ни Вашингтон, ни Москва», — более существенно соответствовал общественному мнению, чем лозунг о защите Советского Союза. Последствия этой реакционной точки зрения чётко

проявились, когда она отказалась защищать Китай и Корею от американского империализма в период Корейской войны.

Впрочем, наименование «госкапиталистическая страна», данное Советскому Союзу, не мешало группировке Тони Клиффа во многих случаях вступить в альянс со сталинистскими партиями против Четвёртого Интернационала.

Имеется, конечно, ещё и другая возможность для интерпретации, которую Вы тоже упоминаете в своём письме. А именно, что в СССР возникла якобы совершенно новая, до сих пор неизвестная форма классового государства. Однако, такая позиция приписывает бюрократии достоинства, каковыми она в действительности не обладает. «Класс» в марксистском понимании характеризуется не только наличием общественных привилегий, он должен иметь необходимые корни в производственном процессе.

Вам, конечно, известно, что Маркс — несмотря на крайне жестокие формы, которые приобрела капиталистическая эксплуатация в ранней стадии капитализма, — никогда не отрицал прогрессивного характера буржуазии. Охарактеризовать сталинскую бюрократию как «класс» — означает приписать ей прогрессивный характер или, по крайней мере, признать её в качестве исторической необходимости, хотя она является ничем иным, как уродом, паразитической раковой опухолью на рабочем государстве.

Этот путь прямо ведет к воззрениям Пабло, который в начале 50-х годов заявил, что развитие человечества в сторону социализма будет «в течение столетий» проходить в форме деформированных рабочих государств; следовательно, он рассматривал сталинизм как необходимую переходную стадию между капитализмом и социализмом. На этой основе паблонистский Объединённый Секретариат Эрнеста Мандела превратился в политический придаток сталинской бюрократии и остается им по сей день.

Было сделано много попыток найти новое классовое определение Советского Союза, но они редко опирались на серьёзный анализ. «Госкапитализм» звучит радикальнее, чем «перерожденное рабочее государство». Однако марксистская терминология имеет научный характер и служит не для того, чтобы выражать свой субъективный возмущение.

Полное значение анализа Троцкого относительно Советского Союза становится ясным прежде всего в свете недавних событий. Ужасающие последствия капиталистической реставрации, которые день ото дня проявляются всё более чётко, доказывают, что национализованная собственность действительно являлась заслужившим защиту завоеванием.

Как можно объяснить себе эти события и их катастрофические последствия, если капитализм в Советском Союзе был реставрирован уже десятилетия тому назад, и бюрократия представляет собой новый господствующий класс? Если бюрократия уже обладала прочной классовой основой в советском обществе, почему же она теперь прокладывает путь международному финансовому капиталу и разрушает существующие формы собственности?

Вам нетрудно будет установить, что все политические тенденции, которые защищали эту теорию, сначала приспособились к перестройке и позволили гласности ввести себя в заблуждение. Только Международный Комитет Четвёртого Интернационала оказался к этому подготовленным и предупредил рабочий класс о катастрофических последствиях этого курса.

В отличие от паблонистов мы никогда не связывали иллюзии насчёт контрреволюционного характера сталинской бюрократии с понятием «рабочего государства». Уже Троцкий предсказал, что эта бюрократия под давлением социального кризиса неизбежно начнёт курс капиталистической

реставрации. Было нетрудно обнаружить, что именно в этом и заключался смысл перестройки. Бюрократия перестала защищать национализованную собственность как основу своих привилегий и стала искать новую социальную опору в частной капиталистической собственности.

С развалом Советского Союза в декабре 1991-го года этот процесс, который протекал не без острых конфликтов внутри господствующего слоя, в основном завершился. Государства, возникшие как преемники СССР, уже не защищают национализованную собственность, а активно способствуют образованию капиталистических форм собственности. Поэтому было бы совершенно неправильно характеризовать их и дальше как рабочие государства.

На первый взгляд может показаться странным, что Гусев, который придерживается мнения, что капитализм якобы был реставрирован уже в тридцатых годах, и Слотер, который по сей день не признаёт, что на территории Советского Союза больше не существует рабочего государства, сотрудничают в одной организации. С точки зрения формальной логики эти позиции кажутся несовместимыми. Однако политика следует не законам формальной логики, а законам классовой логики.

Обе позиции, классическая паблонистская и госкапиталистическая, дополняют друг друга. Обе они приписывают бюрократии, как я уже показал выше, общественную роль, которой она в действительности не обладает. Они имеют также общие теоретические корни, которые очень похожи на корни реформизма и сталинизма. Обе они рассматривают проблемы Советского Союза с узко национальной точки зрения, а не с точки зрения международной классовой борьбы. В конце своего письма я хочу остановиться на этом вопросе, так как в отношении социалистической перспективы он обладает принципиальным значением для будущего.

Если оценивать Советский Союз просто на основе одного или нескольких формальных критериев: «Сколько процентов собственности национализировано», «господствует ли рабочая демократия», — то можно найти сколько угодно аргументов и за, и против рабочего государства и запутаться в хаосе противоречий. Практически все приведённые Вами группировки подходят к этому вопросу чисто формально. Энгельс сказал бы — метафизически. Диалектический же метод требует исторического и интернационалистского подхода.

Это различие метода лежало в основе дискуссий, которые ещё до Октябрьской революции привели к расколу большевизма и меньшевизма на два непримиримых лагеря.

Меньшевизм, который рассматривал задачи русской революции с чисто национальной точки зрения и в значительной степени игнорировал интернациональную связь, полагал, что революция повторит то, что совершили буржуазные революции в Западной Европе уже в 18-ом и 19-ом веках. Она должна была привести к власти буржуазию и начать собою длительный период буржуазной демократии. Меньшевизм категорически исключал захват власти пролетариатом.

Первым, кто предвидел такую возможность, был Лев Троцкий. Он написал следующее в 1906-ом году в своей брошюре «Итоги и перспективы»: «Русская революция создаст, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции должна) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений».

Как Троцкий пришёл к такому выводу, который таким блестящим образом нашёл своё подтверждение 11 лет спустя в результате Октябрьской революции?

Он установил, что Россия не станет просто повторять историю Англии, Франции или Германии с опозданием на 200 лет, а что здесь противоречия мирового империализма найдут своё самое сконцентрированное выражение. Унаследованная экономическая и политическая отсталость России, которая вряд ли давала пространство для развития отечественной буржуазии, столкнулась с современной промышленностью, импортированным иностранным капиталом, которая позволила возникнуть сильному пролетариату в городах. Хотя задачи русской революции в значительной степени имели демократический, то есть буржуазный характер, руководящая роль, в силу слабости буржуазии, выпала на долю пролетариата. Пролетариат, однажды придя к власти, мог её, однако, защитить, лишь перейдя к социалистическим мероприятиям.

Русская революция оказалась, тем самым, первым шагом к мировой социалистической революции. Международные противоречия капитализма создали предпосылки, при которых пролетариат в отсталой России первым в мире смог завоевать политическую власть.

Но это не означало, что в России отныне можно было независимо от международного развития строить социализм, как начал утверждать Сталин после 1924-го года. Предпосылкой построения социалистического общества является очень высокая степень развития производительных сил, которая может быть достигнута только на основе международного разделения труда. Поэтому дальнейшая судьба Советского Союза оставалась неразрывно связана с распространением социалистической революции на передовые капиталистические страны.

Когда Сталин в 1924-ом году провозгласил теорию о «построении социализма в отдельно взятой стране», он тем самым выбросил за борт всю интернационалистическую перспективу, которая в 1917-ом году помогла Октябрьской революции победить. Теория Сталина стала попросту извращением меньшевизма. Меньшевики считали пролетарскую революцию невозможной, так как они были совершенно слепы по отношению к влиянию мировой экономики на Россию. Сталин утверждал по той же причине, что в Советском Союзе можно якобы построить изолированное социалистическое общество. Не случайно, эта самая теория ещё 46 лет до Сталина была провозглашена правым немецким социал-демократом Фольмаром.

Международный Комитет Четвёртого Интернационала никогда не связывал представление о том, что в Советском Союзе существует социалистическое общество с понятием «рабочее государство». Советское общество было переходным обществом между капитализмом и социализмом. Каждый аспект советской действительности свидетельствовал об этом противоречии, в том числе и характер государственной власти. Она выполняла множество функций буржуазного государства, которые в силу отсталости экономики были неизбежными. То, что, в конце концов, привело к краху Советского Союза, — это долгая задержка мировой социалистической революции, решающую ответственность за которую несёт сталинизм.

Не понимая этой связи, нельзя указать политический выход из нынешнего тупика. Рабочему классу нужна международная стратегия для преодоления опустошительных последствий длившегося десятилетиями засилья сталинской бюрократии. Вера в то, что это возможно сделать в рамках национальной классовой борьбы внутри Украины, России и т. д., является обманчивой иллюзией. Только объединение с рабочими Европы, Америки, Азии и Африки на основе социалистической программы может привести к преодолению нынешнего кризиса.

Изучая программы тенденций Клиффа, «Милитант», Слотера, Гусева, «Spartacist» и т. д., Вы увидите, что они почти не уделяют никакого

внимания этому вопросу. Они способны выдвинуть всевозможные предложения относительно действий рабочего класса, которые сами по себе не являются ошибочными, но, оторванные от международной стратегии, они не могут решить ни одной проблемы.

В заключение ещё одно предложение по поводу нашего сотрудничества. Я согласен с Вами, что письменный диалог идёт слишком медленно и не может быть удовлетворительным. Поэтому в начале 1993-го года мы планируем провести в России или на Украине продолжительную учёбу по истории, программе и перспективам Международного Комитета для всех наших контактов внутри СНГ. Есть ли у Вас возможность получить для этой цели неделю отпуска?

С социалистическим приветом в честь 75-й годовщины Октябрьской революции.

Петер Шварц

Переписка со студентом из Киева.

А. к Дэвиду Норт и Петеру Шварцу — 1. IV. 1992

Уважаемый тов. Дэвид Норт и Петер Шварц

С огромным, пламенным, товарищеским приветом и массой самых наилучших пожеланий к вам пишет ваш товарищ А. А.

Прежде чем писать о своих делах, хочу выразить чувство большой благодарности и признательности за отправленную вами мне брошюрку «Бюллетень Четвёртого Интернационала».

Я поистине был изволован вашим подарком, которого очень ждал.

А сейчас коротко о себе. Дела мои идут нормально, живу тоже хорошо. В декабре была защита моей диссертации. Могу вас заверить, что все прошло хорошо и получил диплом. Но, по правде сказать, еще не знаю что делать, чем заняться. Ведь вам известно, при каких обстоятельствах живем и как развиваются события в современном мире и в моей стране.

Однако мы не теряем надежду и с оптимизмом смотрим в будущее. Несомненно, победа будет за рабочим классом.

С товарищескими пожеланиями,

А. А.

P. S. С нетерпением жду вашего ответа.

Ответ Дэвида Норта — 8. V. 1992 г.

Дорогой товарищ А!

Я был очень рад получить ваше письмо от 1 апреля. Я очень хорошо вас помню по следующей причине. Когда, в своей речи в университете им. Шевченко я попытался обрисовать исторические перспективы и программу Четвёртого Интернационала, мне показалось, что вы и товарищ Р. были единственными в зале, кто меня серьезно слушал. Лица практически всех остальных слушателей отражали цинизм, равнодушие и самодовольство. Возможно, что кроме вас и товарища Р. там были и другие заинтересованные слушатели. Но у меня создалось впечатление, что большинство профессоров, которые годами произносили марксистские сентенции, делали это лишь в целях своей ничтожной академической карьеры. Эти консервативные лакеи сталинского режима не имели ни малейшего представления о материалистической диалектике и ее

революционном значении по отношению к политике. Всего десять лет тому назад они сразу же шепнули бы в соответствующее ухо о студенте или коллеге, которого они подозревали в симпатии к троцкизму. В прошлом, эти профессора приспосабливались к сталинизму; теперь они приспосабливаются к буржуазному национализму. Красная нить, связывающая их нынешние взгляды с их до-перестроечным мировоззрением — это враждебность к троцкизму, то есть, к истинному марксизму.

Возможно вы помните, что произошло, когда я закончил свою речь и намеревался покинуть зал. Один человек, представленный мне как декан факультета, встал и сказал издевающимся голосом, что он, якобы, желает Четвертому Интернационалу успеха в его борьбе за социализм ... в Соединенных Штатах. Это замечание было встречено всеобщим хохотом. Стало ясно, что собиравшиеся профессора сочли за угарный бред саму идею о социалистической революции в Америке, не говоря уже о Западной Европе.

Интересно, поколебалась ли их названная вера в американский «рай» в результате матажей в г. Лос Анжелес? События последней недели воочию продемонстрировали перед всем миром настоящую социальную действительность, которую все время стараются скрыть пропагандисты буржуазной прессы. В течение 48 часов, накопившееся озлобление и недовольство тысяч обнищавших рабочих и молодежи взорвалось, как вулкан. Громадные части второго по величине города США вспыхнули огнем. После этого извержения в городе было введено военное положение. 55 человек были убиты; 15.000 были арестованы.

Волнения в г. Лос Анжелес не имели политического направления и злорадство молодежи была повернута против владельцев местных магазинов. Несмотря на это, эти события показали всю глубину социальных противоречий в США и ошеломительным образом опровергли всех тех, кто утверждал, что крах СССР открыл путь к новому золотому веку капитализма.

Распад Советского Союза является, конечно, поражением для всего международного рабочего класса; в настоящее время этот крах усилил интернациональные позиции империализма в отношении рабочего класса. Но, если не учесть следующих факторов, такая оценка может привести к необоснованному пессимизму и дезориентации.

Во-первых, распад сталинистских режимов в Восточной Европе и в Советском Союзе коренится в общем международном кризисе всего послевоенного порядка. Развитие мировой экономики, форсируемое удивительно обширным прогрессом в области науки и техники, толкает в границы системы национальных государств. Все международные экономические и политические связи видоизменяются в результате объективного движения к глобальной интеграции производительных сил. Сталинистские режимы, опиравшиеся на реакционную и устаревшую программу национальной автаркии, были наименее способными противостоять давлению со стороны мировой экономики. Но этот же кризис влияет на все национальные государства, включая и крупные империалистические державы, и он является первейшей причиной почти ежедневных потрясений, характеризующих мировую ситуацию сегодня.

Во-вторых, несмотря на непосредственные последствия в позиции международного рабочего класса, нельзя сказать, что распад СССР является доказательством крушения социализма; социализм никогда не существовал в Советском Союзе. Распад СССР является главным образом конечным итогом совершенного в течение долгих лет предательства сталинистов по отношению к Октябрьской революции и к международным социалистическим принципам, на которых она основывалась. Более полвека, сталинская бюрократия злоупотребляла престижем Октябрьской

революции в целях преследования своих собственных контрреволюционных интересов. Бюрократия закрепляла свою власть за счет полнейшего физического уничтожения всех оставшихся в живых представителей марксистской, социалистической политической культуры, без которых Октябрьская революция была бы невозможна.

Повсюду в мире, советская бюрократия предавала рабочий класс и жестоко подчиняла его интересы своим грязным сделкам с империализмом («социализм в одной стране», «мирное сосуществование», и т. д.). Катастрофа в Афганистане является лишь последней главой в длительной истории сталинистского предательства.

Задача истинных марксистов сегодня заключается в том, чтобы вновь вооружить рабочий класс, преодолеть постыдное наследие сталинизма в историческо-теоретическом плане. Основательное изучение трудов Льва Троцкого и богатого политического наследия Четвертого Интернационала является существенной предпосылкой для реализации этой исторически необходимой задачи. Я надеюсь от всего сердца, что изучение «Бюллетеня Четвертого Интернационала» убедит вас в необходимости как можно скорее начать эту работу.

Я надеюсь, что вскоре представится возможность лично обсудить с вами эти вопросы. До тех пор, я позволю себе послать вам добавочную литературу.

С социалистическим приветом,

Дэвид Норт

Письмо украинскому журналисту

16 мая 1992 г., г. Детройт,

Уважаемый господин Гурков!

Петер Шварц прислал мне ваше письмо от 20 апреля. Прочитав его внимательно, я решил ответить на него. Исходя из тона нашего собственного письма, я полагаю что вы не возразите, если в своем ответе я буду выражаться прямо и откровенно.

Я намеревался встретиться с вами во время моего приезда в Киев в сентябре прошлого года. Но, когда затрудиения, связанные с моим расписанием потребовали отложить эту встречу на короткое время, мы скороспешно решили, что я вас избегаю и перешли на тон разговора, который моя переводчица нашла высокомерным и враждебным. Может быть у нас не было такого намерения. Во всяком случае, это и явилось причиной того, что я затем решил с вами не встречаться.

Позднее, я получил копию вашей статьи в номере газеты «*Кто виноват?*» за ноябрь—декабрь, которая произвела на меня не очень благоприятное впечатление. Дело выглядело так, как будто вы захотели отомстить за причиненную вам «обиду» публичной нападкой на Четвертый Интернационал. Вся статья была буквально пронизана цинизмом («КПСС умерла, но да здравствует король! ... он /Ч. И./ свято верит, что время его придет...») и явно нацелена на то, чтобы сделать Международный Комитет Четвертого Интернационала посмешищем и дискредитировать его.

В своем последнем письме вы совершенно четко подчеркиваете, какие опасности подстерегают троцкистов, когда они осмеливаются работать в Содружестве Независимых Государств и заявляете, что среди наших нынешних сторонников вероятно находятся агенты. Вы даже высказываете мнение, что товарищи из Международного Комитета Четвертого Интернационала были слишком доверчивы и дружелюбны к вам, когда они впервые встретили вас («совершенно незнакомого человека»). Но почему же

вы тогда в своей статье назвали меня «тайным товарищем Нормом», хотя, согласно вашим собственным предупреждениям, с моей стороны было совершенно оправданным проявить некоторую осторожность?

Я не «подозреваю» вас в том, что вы являетесь агентом; вообще бессмысленно опираться на необоснованные подозрения или на наивное доверие. Однако вы повели себя по отношению к Международному Комитету Четвертого Интернационала таким образом, который я не назвал бы принципиальным. Возможно, что теперь вы хотели бы поставить наши отношения на более твердую основу; в этом случае мы будем приветствовать такую попытку.

Что касается случая с Мартой Филлипс, то я с ним очень хорошо знаком. Рабочая Лига резко критиковала Спартакистскую Лигу за то, что та не начала публичную кампанию для обнародования того факта, что один из ее руководящих членов была убита в Москве. (Мы переведем соответствующие статьи и перешлем их вам). Нежелание Спартакистской Лиги опубликовать сведения об этом убийстве, свидетельствует об определенных политических причинах. Хотя Спартакистская Лига и называет себя троцкистской, в действительности она является одной из наиболее правых паблонистских уклонов. Их политику, скорее всего, можно было бы охарактеризовать понятием «неосталинизма». Они отвергают характеристику сталинской бюрократии, как крайне контрреволюционной силы и утверждают что она, будучи защитником государственной собственности и противником империализма, по крайней мере отчасти играет якобы революционную роль. Это крайне оппортунистическое и рабское отношение к бюрократии на практике ведет к тому, что они восторженно приветствовали вторжение в Афганистан в 1979 г. (заголовки их газеты по этому поводу гласил: «Слава Красной Армии!»); в 1980—81 гг. они призывали к вооруженному подавлению Солидарности в Польше; а не так давно, они вступили в политический союз с разнородными остатками сталинской бюрократии, и также с элементами внутри военизированной полиции.

Вначале Спартакистская Лига почти ничего не сказала по поводу убийства Марты Филлипс так как она не хотела портить свои отношения с упорными сталинцами. Идеализируя эти крайне реакционные и опасные элементы, как силы, которые якобы восстановят Советский Союз, Спартакистская Лига как правило участвует в демонстрациях, — которые она называет «про-коммунистическими», — рука об руку с всевозможной антисемитской и националистической гнилью. В надежде убедить эти реакционные элементы присоединиться к их типу фальшивого лже-троцкизма, Спартакистская группа попросту подвергает своих членов всевозможным угрозам и смертельным провокациям.

Вообще верно рассматривать убийство Филлипс, как пример тех опасностей, которые угрожают Четвертому Интернационалу в СССР. Но важно понять, как политика Спартакистской Лиги способствовала ее ужасному исходу.

Прошу вас информировать нас о развитиях на Украине и, по мере возможности, во всем СНГ.

С искренним приветом,

Дэвид Норт

Письмо московскому архивисту

18 февраля 1992 г.

Уважаемый Доктор Горелов,

Благодарю вас за ваше письмо от 2 февраля. К сожалению, я не знаю, как понимать ваше предложение. Даже в Соединенных Штатах Америки, где капитализм практикуется в его наиболее грубой форме, профессиональные академики не торгуют, в форме в которой вы это предлагаете, своим доступом к историческим архивам.

Международный Комитет Четвертого Интернационала, с которым я тесно связан, провел обширные исторические исследования. Я лично был связан с историческим исследованием обстоятельств покушения и убийства Льва Троцкого. Мои коллеги и я провели много времени в официальных архивах в Соединенных Штатах и в Мексике. Но мы никогда никому не платили за документы; ведь подобные платежи поставили бы под сомнение достоверность наших исследований. Чтобы обеспечить честность нашей работы, мы никогда не употребляли какой-либо документ пока мы не удостоверились в его подлинности.

Как ни искренни ваши побуждения, я полагаю, что покупка документов является методом, который ведет к коррупции.

После стольких десятилетий политического и интеллектуального гнета со стороны сталинцев и их приспешников, обнажение лжи и преступлений и восстановление истинного революционного наследия Октября потребует огромных затрат интеллектуального и физического труда. Прошлое должно быть полностью «раскопано». Эта задача по плечам лишь наиболее отважным и самоотверженным историческим и социальным археологам.

Международный Комитет делает все возможное, чтобы помочь развитию этой работы. Но в этом деле мы ищем честных и объективных ученых, вовсе не «деловые связи».

С почтением,

Дэвид Норт